

Сделай шаг

Катерина Роман

Моя история о... О прощении обиды полученной и искуплении нанесенной. Прощу других, излечивая себя от боли одиночества. Пока не стало слишком поздно... О дружбе, что тонкой ниточкой, прочнее корабельного каната, вытащит нас из-за грани. О первой любви... а может, и не любви вовсе — лишь интерес, очарование и надежда на новую встречу. О любви... о том, возможно ли любить за двоих. И нужно ли это?... Моя история. И Его

Роман Екатерина

Сделай шаг

Моя история о...

О прощении обиды полученной и искуплении нанесенной. Прощу других, излечивая себя от боли одиночества. Пока не стало слишком поздно...

О дружбе, что тонкой ниточкой, прочнее корабельного каната, вытащит нас из-за грани.

О первой любви... а может, и не любви вовсе — лишь интерес, очарование и надежда на новую встречу.

О любви... о том, возможно ли любить за двоих. И нужно ли это?...

Моя история. И Его.

Выбор всегда прост. Самое сложное — его сделать

Глава 1

— Мам, я все поняла! Прости! Я не подумала!

— А надо было бы. Хоть иногда, для разнообразия.

Наверное, толку нет злиться на подростка 17-ти лет с не таким уж паршивым характером. Просто школьница в выпускном классе.

А как все хорошо начиналось...

Я с новой книжкой сижу в кресле. Звонит телефон, мама зависает в разговоре на полчаса. Напряглась, прислушиваюсь, нервничаю, интуитивно чувствую жизненную подлянку. И правильно, между прочим! Епрст, моя классная руководительница... промывает мозг маме по поводу того, что, цитирую: "Школьный выпускной бывает лишь раз в жизни! И такое событие просто необходимо посетить! Ведь вы расстаетесь не просто со школой, которая приложила все силы к вашему моральному и физическому воспитанию. Вы заканчиваете определенный этап своей жизни! Чтобы с новыми силами погрузиться во взрослую жизнь..." и бла-бла-бла подобное. Чисто, ровно, профессионально от училки русского и литературы и покорно развешенные мамины ушки. А идти мне туда не хочется вот прям совсем, от слова никак! А мама об этом еще не знает. Я... собиралась ей сказать об этом чуть позже.

А вот и мамина реплика после минуты молчаливого созерцания моего лица:

— Наверное, ты забыла мне сказать что то важное. Да? — я молчу, сказать мне нечего, оправдания мне нет — я струсилa. Мама продолжает. — Мы идем на выходных за платьем.

Точнее ставит перед фактом. Мечты о новом ноуте, это я читаю между строк, можно забыть. Денег она мне не даст, а столько подработкой за пару летних месяцев я не наскребу. Что ж, вполне залужено, хоть от этого и не менее обидно.

Быть матерью-одиночкой тяжело. Я люблю ее, она вся моя семья, друг, советчик, пример для подражания и судья моих поступков. Отец... он сбежал в другую семью, когда мне было 8 лет и с тех пор мы почти не общаемся. Тогда, кажется что не со мной, неожиданно узналось, что у него есть сын от другой женщины, и он ушел туда. Он выбрал их. Мама оказалась погребена под ворохом проблем одинокой женщины с ребенком на руках, висящей на сокращении в связи с ликвидацией предприятия, а бывший муж подал на размен жилья в виде совместно нажитой трехкомнатной квартиры. Скандалы, выяснения отношений, взаимные упреки, обиды, предъявление претензий и реки слез дали в результате

болезненный развод родителей, мамин шантаж отца общением со мной, а отец... он остался там, со своей новой семьей. Я кричала ему в истерике, что он меня не любит, и я его любить тоже перестану. И в глупой детской надежде ждала каждый вечер его прихода. А он просто исчез на четыре года. Нам пришлось переехать в другой район, на периферию, в маленькую двушку, я перевелась в середине четверти в незнакомую школу и привыкла к обидному прозвищу — безотцовщина.

— Хорошо.

В душе стало как то пусто. Апатично. Холодно. Я знаю, что случится, стоит мне упереться в своей точке зрения. "Решила сделать все по-своему. Упертая, как отец..." Мамина волшебная фраза. Красная тряпка для быка и почти гарантированный повод для скандала. Только чтобы не слышать ее, мне проще сделать так, как говорит она. Диктатура и конфликт поколений во всей неприглядной красе, прошу принять и не морщиться. Ибо аксиома.

— Мам, я спать.

И нет, мы совершенно мирно и спокойно, в большинстве случаев, в виде переговоров и обсуждений, решаем возникающие проблемы, разрешаем противоречия и находим компромисс в семье. Но... бывают исключения из правил. Моя самостоятельность — моя гордость, мои достижения или провалы, мои маленькие победы или поражения, мои шаги вперед, мои падения, мой опыт, мой успех... Все мое! Мама мне доверяла. А теперь... я сама виновата.

Я заснула в 8 часов вечера, чтобы проснуться в 5 утра от давнего кошмара, что периодически посещает мой сон. Камень на грудной клетке, мешает не то что дышать — продавливая до самого позвоночника, впечатывая в мрачный кисель паники и отчаяния. И никого рядом, лишь мрак, пустота и одиночество, холодное, липкое, бездушное. А потом прорывается это забытье судорожным вздохом и попытками выровнять сбитое дыхание. Будто я не спала в кровати, а пробежала десять км на время. Провела ладонью по влажному лбу, перевернулась на живот и уткнулась лбом в подушку. Несколько глубоких вдохов провентилируют легкие, успокоят сбитое дыхание и малость прочистят мозг. А в комплекте с холодной водой в стакане, что я пью маленьким глотками, вообще оказывают животворящий эффект. Спать я все равно больше не смогу, так хоть надо привести нервы в относительный порядок. Самым лучшим для меня способом. Безотказным.

Задумалась на несколько мгновений, все же чмокнула спящую маму в макушку:

— Я на пробежку.

Форма одежды — простая, старенький спортивный костюм с капюшоном, выдавшие лучшие времена кроссы. До большого, слегка заросшего парка, от силы минут пять ходьбы. А в парке... Она. Огромная лестница, спускающаяся прямо на набережную. Конечно, кому лениво скакать по ступенькам, может спуститься на набережную по пологой, почти пешеходной асфальтированной дороге. И, честно, я не знаю, что сделать проще. Ибо лестница хоть находится в весьма ухоженном состоянии, а вот дорога в весьма плачевном. Практически бег с препятствиями в виде ям, колдобин, часто луж и грязи, а еще бетонного блока-заграждения от проезда машин в конце улицы. То, что мне сейчас надо.

Вдох — вдох — выдох — пауза — вдох — вдох — выдох — пауза — и снова...

К концу третьего подъема по лестнице могут только согнуться, уперевшись руками в колени, пытаясь восстановить дыхание. Я не то что успокоилась, я выдохлась, под ноль. И нога болит — порванная когда то давно связка на неудачных выступлениях по танцам, так до

конца и не прошла, и нередко напоминает о себе после продолжительных нагрузок. Теперь основная цель доползти домой, принять прохладный душ, одеть бандаж на голеностоп и плюхать в школу. Отдать деньги на ресторан, вытерпеть 13 придурков в течение 2 уроков, и я свободна до понедельника! Пардон, поправка... еще надо будет купить это долбанное платье. И обувь.

Мамины блинчики с вареньем уже ждут моего возвращения. А также ментоловая мазь и эластичный бинт. Мама...

— Мариш, может, мы сегодня ходим по магазинам? Завтра Валера собирался заехать...

— Конечно, мам. К 11 я буду дома.

Валера — это мамин знакомый. Зрелый дядя, старше мамы на несколько лет, вдовец без детей. Неплохая работа, крепкая психика, морально устойчивый и чем то очень сильно напоминает удава — этаким мудрый невозмутимый каа. Отличный вариант, чтобы закончить вынужденное, по причине наличия меня, одиночество мамы.

Простенькие джинсы Levi's, купленные на заработанные прошлым летом курьером деньги, темная водолазка, куртка болонька и кроссовки с рынка без лейбла. Пару книжек с тетрадями, ручка, карандаш в тряпочную сумку на плечо — я и готова к учебным свершениям. Готова к бою.

Моя гимназия находится в паре перекрестков от дома. Огромное П-образное здание в 3 этажа, большой крытый спортивный зал и приличная площадка около, с расположенными на ней лесенками, гимнастическими стенками, брусьями и прочими спортивными приблудами. В общем весь набор для гармоничного развития одаренных чад. Скорее бы все это закончилось и не видеть больше сего великолепия.

До занятий еще 15 минут. Наша элита еще не притащила свои прекрасные зад... попы в кабинет, обычно это происходит примерно за 5 минут до звонка. А вот учитель первого по счету на сегодня урока русского языка, она же Любовь Николаевна, она же классный руководитель, на месте. Подхожу, здороваюсь, отдаю деньги на выпускной. Все с непроницаемым выражением на лице. Надеюсь. Разворачиваюсь, выхожу в коридор, незаметно выдыхаю.

Повторюсь, скорее бы все закончилось.

— Мара! Привет!

По длинному коридору ко мне на всех парах несется маленький домашний смерч — Наташка Черных. Она же моя единственная подруга Таша, мы отбываем повинность в одном классе вот уже 2 года. И достаток ее семьи тоже значительно выше моего. И одевается она более дорого и разнообразно. Главное отличие от остальных — в ней самой. Невысокая, хрупкая, светлокожая, натуральная блондинка с огромными голубыми глазами, что смотрят на мир с любопытством и несколько наивно. Не способная обидеть кого-то, сказать грубость или сделать пакость. Мне порой кажется, что она живет в своем каком-то мирке, изолированном от всех невзгод и грязи.

Мы подружились как то неожиданно... в очередной раз забава нашей золотой молодежи закончилась моей порванной футболкой. И пришлось бы мне бежать домой, зажимая лоскуты на груди, если бы Таша не пришла мне на помощь и не отдала бы мне свой джемпер, сама оставшись в рубашке. Прошло некоторое время и оп — она моя единственная, любимая подруга. Сама себе удивляюсь.

— Таш, я иду на выпускной.

Голубые глаза пытливо заглянули в мои, секунда молчания и осознания. И вот она уже орет мне в правое ухо:

— Уррррррррраааа! Супер! Я тебя обожжжжжжаю!

М-да, правое ухо благополучно заложило, хорошо, что есть еще и левое. А еще никогда не думала, что она может с такой силой стиснуть мою шею...

— Таша... задушишь. И придется тебе идти одной...

Ноль внимания. Не отпуская мою шею из объятий, прыгает вокруг, а, точнее, почти со мной. Или задушит, или шею свернет. И чего такая радость-то?

— Платье купила? Туфли? А насчет прически уже договорилась? С ноготками что делать будешь? Если хочешь, я схожу с тобой, и к своему мастеру попробую тебя записать. Может она найдет для тебя окошко.

— Нет, солнце. Не купила, не договорилась. И ты не волнуйся. С мамой сегодня-завтра поищем платье, а с прической что нить решу, не проблема, — такой не совсем здоровый, с моей точки зрения, энтузиазм несколько пугает, но я улыбаюсь, сама толком не отдавая себе в этом отчет.

Совершенно не участвуя в образовательном процессе по причине шила в одном месте, Таша строит планы как загнать меня на прическу, сделать маникюр, и что делать если свободного времени у мастера не будет. А я сижу и молюсь, чтобы мастер был загружен под завязку, на все 150 %. И ни при каких, даже самых заманчивых условиях, не смог приняться за экзекуцию под названием наведение красоты на таком подопытном кролике, как я. Ибо страшно.

Аллочка... Алла Богданович — ЕЕ Величество нашего класса, наша супер-дива королева с длинным шлейфом свиты и сочувствующих подпевал, по закону подлости и вселенского свинства оказывается прямо за моей спиной. Красивая, избалованная, ухоженная дочка очень богатых родителей. Стерва. Конкретная, и это не комплимент и не оскорбление, а констатация свершившегося факта. Мой враг номер один с неисчерпаемой фантазией на проверки и развлечения за мой счет.

— О, ну вы только гляньте! Ущербность и нищета! Тебя кто пустил сюда, помойка? — это все ко мне. А Аллочка, не дождавшись ответа, уж слишком много чести, — А, да, ты же тут еще учишься, рванина. На какой свалке нашла свое шмотье?

Ничего нового. Даже скучно. Никогда нельзя показывать свою слабость стервятникам. Никогда больше.

В 11 я уже дома, сбежавшая от Таши самым позорным образом. Мой шопинг пройдет тихим, не принужденным посещением пары-тройки магазинов, покупкой первого более-менее нормального платья с оптимальным соотношением внешний вид / цена, обувь и... И хватит с меня.

Наивная. Я. Очень. Я очень наивная.

Вот уже 3 часа мы штурмуем магазины.

Толку ноль.

Хотя нет — результат есть. Я злюсь, я расстроена, я устала, я вымоталась. Чувствую себя чайником со свистком. Только вода уже вся выкипела в пар. И дно медленно, но верно подгорает.

Моя крайне несчастная физиономия принесла результат. Мы идем домой. Ура, 3 раза.

Уже на подходе к дому заметили небольшой магазинчик на первом этаже пятиэтажки. Нет шикарной вывески и расширенных окон, в которых стоят наряженные манекены, нет

витиеватых и сложночитаемых названий, нет надменных продавцов, что смотрят на незадачливых, простенько одетых покупателей как на пыль под ногами. И вот там я увидела ЕГО... нет, не платье — костюм, брючный. И пропала. Нежно голубого цвета — длинные, слегка расклешенные внизу брюки с низкой посадкой из тонкого, слегка прозрачного шифона, маечка топик на пару сантиметров выше пупка с густо вышитыми по лифу пайетками в тон ткани, постепенно сходящими на нет к низу топа. И накидка с рукавом 3/4 из более прозрачного шифона, по длине закрывая попу, с пайетками по горловине и с разрезами по бокам до талии, застегивается на крохотную пуговку-страз немного ниже ключиц. Моё, то, что нужно. Что самое любопытное в этом же магазине мы подобрали под него идеально севшее на мои более чем скромные формы белье. Вообще, я не думала, что на мою грудь первого размера, подобрать красивое кружевное белье, в котором грудь окончательно не исчезнет, будет возможным. Пуш-ап — вот спасение плоских маленьких девочек. Зато у меня талия тонкая и попа круглая. Это я себя так успокаиваю, мне помогает.

С моим ростом в 162 см практически любые брюки надо подшивать. Или одевать очень высокие каблуки. Ага, да. Именно так — новые туфли, марш-бросок в них через полгорода и полночи танцев. Брр. Как звучит то страшно.

Туфли нашлись в соседнем магазине. Мягкие, с закрытым носиком на вполне приемлемом каблучке в 7 см высотой.

Счастье. Занавес. Отдых. Компресс.

Глава 2

Наша соседка — тетя Люся — в прошлом парикмахер, сегодня наводит красоту на мою шевелюру. Хотя, после того как она с месяц назад "подравняла" мне кончики волос на почти десять сантиметров, там не такое обширное поле для деятельности. Всего-то до лопаток. Забавно, правда? И вроде не работает больше, а профессиональные навыки никуда не делись...

После мытья волосы совершенно самостоятельно и добровольно легли в виде крупной волны, совсем немного сбрызнула восковой эмульсией — для придания гладкости и блеска. Несколько прядок осветлила на пару тонов, в основной массе шоколадного цвета с рыжеватыми искорками смотрелось весьма неплохо. Две прядки от висков заколоты на макушке подаренной Ташей заколкой в виде бабочки со стразами. Простенько и со вкусом.

— Эх, солнышко. Вот смотрю на тебя и вижу: совсем взрослая стала. Совсем немного и невестой станешь, — тете Люсе нравится копаться с моими волосами, и порой ее заносит. — Такая тонкая тростинка, защищать такую, холить и лелеять. Сереженька, кстати, скоро заедет с работы.

Сама собой легла морщинка между моих бровей. Мой друг, что старше меня на 5 лет, мой лучший друг детства, научивший меня постоять за себя, научивший меня быть смелой, заложивший зачатки уверенности в себе и в том, что я смогу перетерпеть подколки детей во дворе, одним своим присутствием доказывая, что дружба есть. Даже между более взрослым и уравновешенным парнем и агрессивным волчонком в виде меня. Доверяю ему, и уважаю его. Но разговоров о чем-то большем, чем наша дружба — не хочу. Будто какой-то ограничитель стоит внутри, стоит только завести тете Люсе об этом разговор, точнее ненавязчиво рекламировать своего младшего, четвертого сына, как появляется единственное желание — сбежать, не показывать смущенный румянец, и спрятать чуть вспотевшие ладошки. Ибо у нас только дружба между молодым парнем брутальной наружности и девочкой-почти-

подростком с отсутствием какой-либо женственности во внешнем виде. И почти не обидно. Привычно.

Поэтому что я сделала? Немного скомкано поблагодарив, сбежала в ванную краситься, оставив маму и соседку пить чай с домашним пирогом с клубничным вареньем. Мне кусок в горло не лезет.

Аккуратно нарисованные мамой стрелки, дымчатые серые тени, тушь, прозрачная пудра для легкого матирования кожи и почти натуральный цвет помады на губах. И хватит, собственно. Зачем мне боевая раскраска Чингачгука? Буду выделяться по полной программе.

Час Хэ настал. Пора выдвигаться из дома.

До учебного учреждения нас обещал довести Серега. Точнее тетя Люся сообщила нам, что мы, такие красивые, не должны топтать ножками, а нас с комфортом довезут. Целых пятьсот метров. Как, интересно, на это отреагирует сам бедолага-водитель?

Пытаюсь настроиться на спокойствие, отрешиться от возможных нападков и неизбежных конфликтов. Можно было бы, конечно, уверять себя, что сегодня, в этот волшебный и праздничный день меня оставят в покое. Но этого не будет. Я реалистка и прекрасно понимаю, что будет все только хуже и извращеннее. Ибо ненаказуемо.

Крошечная бежевая сумочка с женскими мелочами в виде зеркала, помады и носового платка, висит на тонкой серебристой цепочке на плече, почти незаметная, но в образ вписывается. Подумала, и запихнула в сумочку еще и деньги — мало ли что может случиться.

— Ну что? В бой? — тихо прошептала самой себе.

Сергей

— Ну что? В бой?

Я смотрел на малявку и понимал, что она выросла. Тонкая хрупкая девушка больше не была угловатым нечто с тонкими ручками и ножками, крайне агрессивно настроенным по отношению ко всему миру. Как я, однако, ее давно не видел.

— Здорово, мелочь. Здравствуйте, тетя Галь. Вы как всегда отлично выглядите, — да, я умею быть вежливым. Можно, конечно, сказать Маре что она конфетка, но перебьется.

Девчонка усмехнулась, порой мне кажется, что она читает меня как фифа глянец.

— Погнали, я тороплюсь, — сам не понимаю, отчего злюсь.

Домчали быстро, что тут ехать то — 5 минут и на месте. Мара напряженная как струна, дотронешься — того и гляди или лопнет, или зазвенит, или тумака отвесит. Сам учил кулачок сжимать правильно и по болевым точкам лупить. И сам был же первой жертвой. Невольно улыбнулся и словил недовольный взгляд девчонки.

— Что лыбишься, Серый?

Ого, на взводе. Точно кому то тумака отвесит. Сочувствую тому чуваку. Продолжаю улыбаться, как ни в чем не бывало.

— Давай, детка. Оторвись там по полной. Смотри только без погромов и спиртного, — не понятно с чего чувствую себя ответственным за эту козявку.

— Давай пока, Гре, — слегка улыбнулась, а в глазах неуверенность и желание сбежать.

Старое прозвище, еще из дальней юности, уже и не помню, почему ко мне прилипло.

И встал я в пробку. И встал надолго. Мне кажется, или погода все-таки не шепчет?

Нет, не кажется. Дождь полил сразу и как из худого ведра. Сильный, быстрый, летний. Рррраз, все промочил, устроил мини потоп, освежил деревья, и тут же солнце светит.

Красота.

Пафосно задуманное шествие подрастающей надежды человечества слегка промокло до нитки. И смех и слезы. По крайней мере, смотреть на подмоченные пышные платья, да раскрученные волосы, которые еще не так давно были уложены в прически, грустно.

О, а все же я стою тут не зря — когда бы я еще увидел, как Маринкины длинные ножки вплотную облепили мокрые брючки? Да и настроение у нее теперь на высоте.

Закурил, затянулся. "Красивая, выросла девочка..." И остается только усмехаться.

Вадим

Полдень того же дня.

Интересное начало дня, мне нравится...

Даже глаза открывать не хочу, все ощущения говорят сами за себя. Крошка старается меня разбудить. И у нее это отлично получается. Судя по всплывающим воспоминаниям опыт у нее в этом приличный. Точнее неприличный, но то, что нужно, хохотнул я невольно.

Приоткрыл глаз посмотреть на время. Да, жаль, на продолжение в душе времени почти не остается... ну да ладно, вечером продолжим.

Черт... а вечером этот гребаный ресторан с богатыми детишками.

Скосил глаза вниз — девчонка, блондинка. Как же ее зовут? Убей Бог тапком, не помню. Старается, рассчитывает на что то видимо... усмехнулся — надежда дело хорошее, полезное.

— Крошка, я в душ. Один.

В зеркале сегодня ужас с утра показывают. Это ж сколько я вчера выпил, что сегодня рожа как воздушный шарик?! Нихера себе! Раз, два, три, четыре засоса! Пять! И пятый прямо на члене! Ненавижу такие расклады!

Открыл дверь ванной:

— Пошла вон. У тебя 10 минут чтобы собраться, или я выкину отсюда в чем будешь одета.

Видимо на моем лице было что то такое, что девка спорить со мной не стала, а споро похватила свое шмотье и шустро на себя натягивает. Вот умеют же когда захотят, быстро собираться. И выметаться прочь. Главное, правильно мотивировать.

Когда вышел из душа, девки уже и след простыл. Отлично, нет бабы в моем доме — нет проблемы. Вот что бесит в них, так это бесконечное недовольство, и причин всегда много. Был бы мужик, а причина выесть мозг найдется, это точно в точку.

Пора выдвигаться, пока доеду, переоденусь, уже и мелкопупковые мажоры начнут подтягиваться.

Марина

Странно, но как только я вышла из Серегиной машины мое беспокойство и нервозность пошло на убыль. Благословенный пофигизм, он рулит однозначно. В конце концов, уж если будет все совсем плохо, развернусь да уеду домой, это же не проблема, правда? Тем более что Таша обещалась меня сегодня охранять. Смешно — охрана из нее так себе. Но она била себя пяткой в грудь, и обещала, что скучно мне не будет. Осталось только ее найти на этом столпотворении.

И почти тут же меня чуть не сбил этот вышеупомянутый ураган особо компактного размера. Звучно чмокнула прямо в ухо, даже заложило немного.

— Привет, Мара! — точно заложило, теперь уж наверняка...

— Привет, солнце. Я тебя как раз...

— Пойдем, пойдем скорее! — договорить мне не дали, бессовестным образом утаскивая за собой.

— Теть, Галь, здрасьте! Я украду Мару, ладно? — ну как можно отказать так мило улыбающемуся чуду? Никак, и мама моя не исключение.

— Привет, Наташенька. Идите, конечно, девочки, — и улыбается. — Марина, я в актовЫй зал, наверное, пойду, может там что помочь надо.

Скоро все это закончится, повторяю про себя как молитву. По сложившейся традиции пройти по аллейке через полгорода с цветами и возложить их к Вечному Огню, сфотографироваться для истории и местного телевидения, натянув на лицо счастливую улыбку надежды и оплота будущего человечества. Потом заказанный автобус отвезет нас обратно в стены родной, но уже такой далекой гимназии, вручат заветные корочки, послушаем поздравления от учителей, обожающих нас, таких хороших выпускников, и поедem мы отрываться в фешенебельное место под названием "Седьмое Небо"... Скорее бы уж. Отмучаться и домой.

За своими размышлениями я и не заметила, как Таша дотащила меня до своих родителей. Требовательные, строгие, воспитавшие своего ребенка в любви и заботе, не избаловав его и сумев привить такую редкую для обеспеченной молодежи человечность и отзывчивость.

— Иван Николаевич, Тамара Владимировна, доброго вечера, — вежливая улыбка не может скрыть ту теплоту, что я испытываю к ним. Я взрослая, не комильфо обращаться по старому — тетя Тома и дядя Ваня...

— Мариша, здравствуй, родная! Какая красавица! Как быстро дети растут, не успеешь оглянуться, а уже невесты! — привычно щебеча, меня по-простому крепко обняли и звонко чмокнули в щеку. — Ой, подожди, солнышко, я тебя немного испачкала помадой...

Таша, без преувеличения, сегодня потрясающая. Элегантное платье из тонкого натурального шелка кремового цвета на одной бретельке через плечо наискосок спины с юбкой-колокольчиком до середины икры, лиф держащий форму, по краю лифа и по подолу платья синее кружево. Пояс — широкая лента, завязанная сзади на красивый бант со спускающимися концами почти до самого низа, тоже же синего цвета. И длинные, до талии, волнистые локоны, подколотые на затылке почти такой же как у меня заколкой. И ничего лишнего.

— Девочки, вы такие красавицы. И прически одинаковые, — тетя Тома почти начала плакать. — Так, все! Мариша, мы к тебе с цветами! И даже с цветом угадали! Держи, солнышко.

И правда, про цветы то я как то забыла. Вылетело из головы. А теперь остается только восхититься шикарным букетом из голубых и белых эустом. У Таши точно такой же. Вот только размахивает она им как веником. Такими темпами до места назначения букет точно не доживет.

От нечего делать рассматриваю одноклассников. Скривилась. Вся банда в сборе. И все или в пышных и не очень юбках до пят, или в мини по самые стринги. Ну, кроме мальчиков, конечно. Те, как один в костюмах и галстуках. И даже есть за что зацепиться взглядом. Это если не знать, что внутри все осталось как прежде. Все так же гнило, мерзко и не погнушаются забить слабого. Или сделать таковым выбранного изгоя. Интересно, если я весь

вечер буду повторять, что все пройдет в рамках приличий, так оно и будет? Или опять суровый реализм победит неунывающий, но часто бесполезный и беспомощный оптимизм?
...

Любовь Николаевна, наша классная руководительница, начала нас строить парами. Мальчик + девочка. Ну что за бред? Как в детском саду, право слово. Еще и за ручки скажите взяться...

— Девочки берут мальчиков под руку. Давайте-давайте, вы уже взрослые! Так ведите себя соответствующе!

Даже стесняюсь спросить как...

На сгибе локтя букет, вторую руку положила на подставленную руку... Влада. Что такое не везет и как с этим бороться... с взаимной непереносимостью. И вот теперь мой спутник смотрит на меня, а точнее рассматривает, как экзотическую букашку под микроскопом. С насмешливым интересом, лениво и вальяжно. Вроде и раздавить можно, но и не особо хочется — что-то ведь интересное. Непривычное. Скольжу взглядом по нему. И мысли о том, что я стою в паре с симпатичным парнем, выбиваются насмешливым:

— Ну как, нравлюсь? Будешь со мной сегодня? — чуть приподняла бровь, его намеренная пауза в несколько секунд меня не сбивает с пофигистического настроения, — Зажигать?

— Окстись, толстый. Уж лучше я посплю в уголке, так хотя бы ноги оттоптаны не будут. Скрипит зубами, +1 в мою копилку. Я не буду сегодня молчать. Надоело.

Двинулись... точнее выдвинулись, пафосно неся "знамя" родного учебного учреждения, примитивную табличку на длинной палке с номером нашей гимназии и нашим "11А", полил дождь. Нет, не так. С неба хлынули потоки воды, враз намочив шикарные платья и роскошные прически. Супер, супер, супер! И пусть у меня тоже мокрые до середины бедра брюки и вплотную облепившая накидка плечи, а мокрые волосы самовольно завиваются на концах хаотическими кудряшками, кто б знал, как мне греет душу мокрый и общий жалкий вид нашей богемы! Ох, как настроение то поднялось.

— Мар, смотри прелесть какая! У Алочки отвалилась от волос.

— Где? — я чуть притормозила, честно осматривая мокрый асфальт.

— Да вот же! Да не туда смотришь! Вот же под ногами валяется. Ой, Господи, ну вот же!! Вот ты слепая тетеря!

— Тетери вроде как глухие, нет? — сделать серьезное выражение лица никак не получается — рискую получить преждевременные мимические морщины от смеха.

— Слууушай, а она, наверное, расстроилась. Как бы не заплакала от обиды. Ой, а давай ей вернем ЭТО! Оно же, наверное, под образ подобрано. Но вот только беда какая, образ то был сухой, а теперь мокрый хоть выжимай. И грязный. А ты как раз по этому перышку ногами прошлась... теперь все полностью соответствует — и мокрое и грязное, — и вид у Таши такой задумчивый, как будто и правда сейчас рванет назад искать несчастное перышко и втыкать в окончательно испорченную прическу нашей главной дивы. Одно радуется, что прошли мы этот элемент декора уже метров 10 как.

— Таш, я жить еще хочу, по крайней мере, этот вечер пережить точно, — легко перебираю в своей ладони тонкие пальчики подруги.

— Эй, ты помнишь? Я обещала тебе, все будет хорошо! — мое солнышко крепче сжимает ладошкой мою руку, буквально таща за собой на буксире.

— Спасибо, солнце. Ты чудо! — улыбаюсь ей почти против воли. И, правда, надеюсь на

лучшее.

Она моя лучшая подруга. Одна из немногих людей, перед кем я не закрываюсь как обычно. С ней я чувствую себя спокойно, в своей тарелке, в надежности и комфорте. И это, поверьте, дорогого стоит. Когда круг доверительного общения достаточно широкий, вы обычно не замечаете таких мелочей как дружеское участие и плечо, а также возможность без оглядки действовать и чувствовать, без стеснения выражать свои мысли и желания. Нет постоянного ожидания удара в спину и предательства. Не задумываетесь, что ваши слова могут быть использованы против вас — нет необходимости фильтровать свою речь на предмет слишком откровенных и сокровенных высказываний. Многим этого не понять, и им я, однозначно, завидую. Ведь это не мой случай, совершенно. Под моей маской спокойствия и хладнокровия — страх, липкий, неприятный, противный, душащий. Страх унижения, снова и снова.

А тут улыбка, от которой хочется улыбнуться в ответ. И радостнее и легче становится на душе. Не выдержав, чмокаю Ташу в щеку:

— Спасибо, родная, что ты есть у меня...

Вырвалось последнее против воли, сама не ожидала. А вот для моей подруги это не стало откровением. Теплая улыбка в ответ и к Огню мы дошли не разнимая рук. И плевать на всех.

Мне вручили этот несчастный аттестат, корочку с золотым теснением с изъяслением благодарности за отличную учебу, грамоту за идеальное поведение (с трудом удержала невозмутимое выражение на лице), благодарность за участие в общественной, спортивной и культурной жизни, благодарность моей маме (!!!) за то, что она воспитала такую хорошую меня.

Возвращаюсь на свое место и...

Отец, сидит рядом с мамой, счастливо мне улыбается, хлопает, машет рукой. Просто встретила с ним взглядом, просто отвела глаза в сторону. Точно так я буду смотреть на случайного прохожего, имени которого я не знаю, и желания знакомиться с ним у меня нет. А внутри меня потряхивает. Но показывать свои эмоции, разговаривать с ним или, спаси Боже, выяснять, что он тут забыл, при стольких свидетелях я не буду.

Сорок минут, совершенно бесконечно тянется время... За это время я окончательно успокоилась и лелеяла надежду, что блудный родитель свалит куда-нибудь, испарится, развеется, будто его не было тут и мне все показалось с перепугу. Но, не судьба.

— Марчик, мы тебя поздравляем! Вот смотри — мы вместе с бабушкой выбрали, — и протягивает мне продолговатый бархатный футляр. От слащавого тона меня почти мутит.

Смотрю в его лицо. Неотрывно, не мигая. И прекрасно понимаю, как заставляю его этим нервничать, осознанно, целенаправленно. Проверяю сама себя — я так долго убеждала себя, что отец — это чужой человек, чисто теоретически где-то существующий, где то на периферии моего мира. Вот и тест-драйв установки.

— Что ты хотел? — вопросы в лоб — наше все. Особенно когда говорить ничего не хочется.

— Я скучал по тебе, дочка, — с некоторым возмущением выдает мне, и на лице виноватая маска. Будь я чуть наивнее — поверила бы.

— Не взаимно. Но я тебя услышала, ты меня увидел. Еще что-нибудь? — лицемерить и говорить как я рада его увидеть, да на таком важном и знаменательном для меня празднике — не буду. Врать не хорошо, тем более два раза.

— Марчик, может быть, возьмешь подарок? — он еще и злиться на меня пытается.

— У меня все есть. Но за подарок спасибо, — эту несчастную коробку я все-таки взяла, устраивать сцену не буду. Вот только открывать я ее не хочу, и мне даже не интересно посмотреть, что же там. — Мне пора. Мам, забереешь все, ладно? — на стопку бумажек положила бесценный дар от папаши, не пропадать же добру. — Люблю тебя, постараюсь быть не поздно.

Чмокнула маму в щеку и ушла к Таше. Если папик на что-то рассчитывал — это его проблемы с иллюзиями, не мои. А говорить с ним, трепать себе нервы — нет у меня такого настроения, по крайней мере, сегодня.

Фешенебельный дорогой ресторан-кафе "Седьмое небо" ждет нас. Сил мне и терпения.

Глава 3

Вадим

Выпускники, дети, цветы, мать их, жизни... Приехали важные такие, как будто не по семнадцать лет и школьники сопливые, а самые настоящие акулы большого бизнеса и лет по сорок. И опыт жизненный из всех интимных дырок прет.

Из всей массы золотой молодежи резко выделялись лишь две девчонки — нежная блондинка и какая то зажатая и настороженная шатенка. На таких как блонди — смотреть одно удовольствие, но и только. Маленькая и наивная девочка, краснеющая по поводу и без, пока такую на что то раскрутишь, вспотеешь, а толку капля. Не вариант на сегодняшний вечер. А вот к темненькой я собираюсь присмотреться, можно будет половить рыбку и в ее проруби.

М-да... нахрена я тут? Эти дети без проблем развлекаются без дополнительных стимулов в виде ведущих и тамады. И уже благополучно перевели свое внимание просто на танцы — пьяные, грязные танцы, судорожные движения или плавные покачивания, короче, кто во что горазд.

Плавная музыка с какими то восточными напевами и пластично двигающаяся под нее гибкая девочка с темными волосами, предварительно конкретно залившаяся красным вином. Где то в своих мечтах, прикрыв глаза, полностью отдаваясь ритму и своим движениям, подняв руки над головой и легко перебирая тонкими пальцами густые волосы. За ней наблюдают как минимум двое парней, в глазах вполне оправданный блеск. А она уже одного, я точно видел, отшила, причем в весьма грубой форме, дернув его и развернув за черный галстук. Только что пенделя не отвесила. Парень, красный и злой, отошел, не стал настаивать. Но что-то мне подсказывает, что это еще не конец.

А была не была — пошлет, так и не страшно.

Подошел, между нашими телами не более 10 сантиметров, чувствую жар ее тела. И ее запах — смешение цитрусового запаха духов и ее, сладковатого и нежного. Музыка так на нее подействовала, алкоголь или просто моя выдающаяся харизма — но девочка позволила слегка приобнять себя рукой за талию, обнаженная кожа между тонким топиком и низко сидящими штанишками шелковая и гладкая. Чуть вздрогнула под моими пальцами... и покрылась мурашками.

Двигаюсь вместе с ней в такт музыке, крепко прижимая к себе.

Развернулась в кольцо моих рук и, не открывая глаз, закинула руки на плечи, прислонилась лбом к ключице. Маленькая и хрупкая. Появилось едва сдерживаемое желание крепко сжать ее попку, поднять в воздух и вжать в свое тело. Открыла глаза и посмотрела на

меня чуть рассеянным, но совершенно трезвым взглядом темных глаз. Мечтательным только слегка. И любопытным. А потом ей пришло понимание, что находится в объятиях непонятого незнакомого мужика, который с совершенно недвусмысленными намерениями крепко прижимает ее на грани возможности вдоха.

Сразу лицо изменилось — стало отстраненным и замкнутым. И попыталась выбраться из моих объятий. Отпустил и отошел в сторону. Только истерики мне не хватало.

Еще несколько раз ловил себя на разглядывании этой девчонки. И не только я один. Причем популярностью она пользовалась и у девушек тоже. И совсем не лестное это было внимание. Ясен перец, что просто так это закончиться не могло, именно так и получилось. Мотивы до дебильности просты. А вот что сделали... это нечто.

Марина

Место для нашей с солнцем дислокации было выбрано по всем законам военного времени и положения. Скажу даже больше — мы с ней в конечном итоге попали в почти осажденную крепость. Наш столик, сервированный только на двоих, стоял в очень удобном месте — в угловой нише около огромного панорамного окна. С углового кожаного бордового диванчика, на котором при желании можно было расположиться полулежа, открывался отличный вид на сцену и большую часть зала. А вот до нас добраться было весьма проблематично. Мало того что с двух сторон мы были закрыты естественными укреплениями в виде стены и окна, так еще и с третьей стороны нас бесстрашно защищал какой-то фикус с меня ростом. Несколько раз возникало желание отломить от него веточку и в благодарность посадить ее дома. И ближе к середине вечера мы устали с ним бороться — Таша, слегка покрасневшая, на нетрезвой радости была готова фикус приватизировать целиком, едва сошлись на небольшом черенке. Честно спрятали трофей в маленький клатч. И как влез то туда? Вот уж воистину, женская сумочка — бездонная по своей природе, даже не смотря на то, что по размерам немногим больше ладони.

Официантку с именем на бейджике Юлианна сразу после обязательного первого тоста с шампанским я попросила о соке. И она принесла мне в красивом хрустальном графине с вытянутым узким горлышком гранатовый сок. Причем сок по внешнему виду ничем не отличался от подаваемого в аналогичной таре на соседние столики вина. Вот теперь вообще все замечательно — голова ясная, а терпение и спокойствие — при полном резерве.

Но вот только по мнению окружающих я-то приговорила вино, а, следовательно, должна быть пьяной. Причем весьма. И меня решили попробовать на прочность, точнее на устойчивость — подножка при очередном моем походе в дамскую комнату.

— М*ять! Сууууу... — а больше и ничего Влад сказать и не смог. Конечно, тяжело говорить, а тем более складно и долго материться, когда довольно тонкий каблучок под легкой, но все-таки далеко не невесомой девушкой нажимает от всей не жадной души на болевую точку на сухожилии чуть выше подъема ноги. Месть, сладкая такая штука, мм.

Посмеиваясь и ополаскивая руки в шикарно оформленной дамской, не сразу заметила Аллочку. С сопровождением. Как иначе то? Тяжелым взглядом я не убиваюсь, в этом она еще разок убедилась. Сделать что то посущественнее ей помешала вошедшая на проверку одна из родительниц. А я быстренько ретировалась из замкнутого помещения, от греха подальше.

И подобная ситуация повторялась еще не раз. И даже не два. Если честно, то после четвертой провокации я перестала обращать внимания и подводить подсчет. А также без

острой необходимости отлучаться в дамскую комнату, равно как и стараться оставаться вне пределов видимости посторонних людей. В смысле не относящихся к нашей богеме — это охранники, ведущий вечера и некоторое количество родителей и учителей. Вполне обоснованно надеюсь, что в присутствии посторонних задевать меня и показывать себя с не самой лучшей стороны — не комильфо для таких воспитанных мальчиков и девочек, как некоторые хотели бы казаться.

Потягивая из высокого бокала гранатовый сок с дробленным льдом и мятой, рассеянно смотрела на огромную плазму под потолком. Если честно, то такой здоровой бандуры я еще не видела. Просто огромная, и висит так удобно, что видно ее из любой точки зала. А на ней опять показывают самые яркие события нашего выпуска — спортивные соревнования, ролики с экзаменов и пары-тройки олимпиад. И в который раз показывают наше грандиозное шествие по аллейке сегодняшним днем. И вроде так неплохо сделали, что наши девочки не смотрятся совсем уж мокрыми кошками.

— Мар, ты меня слышишь? — Таша пощелкала пальцами перед моим носом.

Смущенно ей улыбнулась.

— Прости, я засмотрелась на картинки, — кивнула на большой экран.

— А, ты про это... так вроде ж ничего нового не показывают, все видели это сегодня. И даже участвовали, причем в главных ролях, — язык у Таши немного заплетается, слабенькая она до алкоголя. А уж доверчивая и открытая под градусом до невозможности. А еще очень ранимая, довести до слез и истерики нетрезвую Ташу можно одним неосторожным словом или действием.

— Зай, давай завязывай с вином и шампунем, хватит тебе градусов. Пойдем лучше потанцуем. Рискнем? — спрашиваю с улыбкой.

— А пойдем, покажем ему, как надо отрываться, — а уж глаза то заблестели. Интересное кино, и кто привлек её внимание?

Мельком смотрю на танцпол на небольшом подиуме, вроде все те же самые лица. Хотя нет, вон симпатичный парень искоса поглядывает в нашу сторону. Ведущий этого вечера. Высокий и спортивно сложенный, светлые волосы, слегка небрежная прическа с коротко стриженным затылком и длинной челкой, зачесанной на бок, но все равно спадающей на лоб несколькими прядями, светло-серый костюм с приталенным пиджаком без лацканов, белоснежная рубашка и серебристый галстук. И отлично поставленный голос с легкой хрипотцой. Несколько раз за вечер ловила себя на том, что мурашки бегут по позвоночнику и замираю при звуках его голоса, усиленным микрофоном и отличной акустикой в зале. Вот только что настораживает — уж очень взгляд оценивающий, как будто на рынке рассматривает кусок вырезки и решает, сойдет ли данный образчик на легкий перекус своему сиятельству или поискать более интересный вариант. Да и поведение у него более чем развязное и смелое, я сжимаюсь за стеной отчуждения рядом с такими еще сильнее, чем обычно. Неуютно.

Музыка манит и зовет меня уже давно. Просто хочется немного расслабиться и отпустить бесконечное, уже такое привычное напряжение. Единственное что меня несколько напрягает — это весьма плотная толпа наших золотых детишек. Сам Бог велел ожидать пакость.

Но, проходит 10 минут, 30 минут, почти час моего пребывания на танцполе — все спокойно, без приключений и проблем. Я расслабляюсь и перестаю обращать внимания на окружающих и время. Накидка уже давно лежит на нашем с Ташей диванчике, блики от

зеркального шара в углу легко скользят по моему телу, играя искрами на топике. Я потерялась во времени и не знаю сколько уже релаксирую под музыку.

Таша уже второй танец покачивается в объятьях Макса — симпатичного весельчака с обаятельными ямочками на щеках при улыбке. Он нравится ей с десятого класса, и я об этом знаю. А также для меня не является тайной, что мальчик не обделен женским вниманием. И я никогда не замечала особого интереса к моей подруге. Странно и неожиданно. Попахивает паранойей.

Звучит медленная чувственная композиция, я растворяюсь в ней. Под такую только покачиваться в сильных объятьях нежного и заботливого красавца, что поддержит меня за талию. После этого танца отправлюсь отдохнуть на диванчик — ножки мои непривычные к каблуками уже прилично устали, да и плотнеть моего охлаждающего безалкогольного сока-койтейля я тоже не против. А может и прокрадусь в гости к раковине и, простите, унитазу.

Не сразу замечаю, что в такт моим мечтаньям об объятиях я попадаю в них. Расслабленная от музыки, пьяная без вина и слегка пластилиновая, чувствую сильную мужскую ладонь, она аккуратно и почти невесомо лежит на моем животе. На моем голом животе. Мне становится еще жарче, непроизвольно вздрагиваю и покрываюсь мурашками. Неожиданные ощущения, но выплыть из них отказываюсь категорически. Мне так приятно и кайфово. Так хочется облокотиться и расслабиться еще больше. Совершенно непривычно для меня. Но отторжения не вызывают, равно как и вторая рука на моей талии, уже гораздо смелее и увереннее прижимающая меня голыми лопатками к прохладной ткани на твердой груди. И мне впервые за этот вечер хочется этого своеобразного медленного танца, а-ля топтание на месте в обнимку. А может и не один раз. Вот только один вопрос меня волнует — с кем я обнимаюсь. И чем мне это грозит. Но открывать глаза не хочется вот прям совсем, мой мираж уж слишком приятен. А разочарование неизбежно.

Оборачиваюсь в кольцо рук, мой партнер по танцу не спешит отпускать меня. И слегка спускает руки с талии — на поясницу. Длинные пальцы поверх ткани брюк придерживают меня за попу. Запах парфюма с горькими нотками, табак и слегка уловимо что-то сладкое. Прислоняюсь лбом к его груди — такая удобная ямка около ключицы, положила руки на плечи и плотнее прижалась к большому телу. Почти не понимая, что делаю, словно в тумане. А вот и реакция на мои действия — одна рука сползла по бедру, погладила легким касанием пальцев, и вернулась обратно на свое место. А меня пробило на озноб, опять пробежались мурашки — такое уверенное движение, такое властное... стоп! Бесцеремонно выкидывает из розовых мечтаний.

Открываю глаза. Я оказалась права — взгляд на самом деле уверенный, нахальный, предвкушающий, оценивающий. Сытый хищник на охоте за новой глупой жертвой. Или привередливый покупатель, что сморщив носик тыкает пальчиком в товар. Нет, мой ценник тебе не по карману. Не хочу, не так, не сегодня. Выбираюсь из объятий ведущего сегодняшнего вечера, только сейчас почувствовав, на сколько сильно была прижата к его телу, практически вдавлена в него. И вдруг накатывает понимание — мне это нравилось и уходить я не хочу совершенно. Одновременно мне непонятно с чего стыдно, неловко и очень жарко. Прямо волной накатывает. Если бы не приятный полумрак, в котором так приятно было топтаться на месте, он бы заметил как загорелись мои щеки. Да что там — я даже вспотела от накатившего смущения и стыда.

Поход в дамскую комнату вышел запланированным и быстрым, но чем-то напоминал бегство, почти паническое. Ополоснув запястья, смочив шею и побрызгав на грудь

прохладной водой, почти взяла себя в руки. И тут открылась дверь и вошла Аллочка. На этот раз для разнообразия без сопровождения. И выражение на лице не сулит мне ничего хорошего. И больше никого, как назло. Сейчас начнется.

— Ты не охренела ли, шваль? — ого, с места и сразу в карьер. И чего бы это?

По всей вероятности последний вопрос я задала вслух, не иначе как от растерянности.

— Ты забыла свое место, сука!

— Ты с дуба рухнула, с какого перепугу ты решила, что я обязана тебя слушать?

— Борзая стала?! Зубки показываешь? Так я тебе их сейчас поправлю! — мой ступор сыграл плохую роль, Алла вцепилась в мою руку.

— Стой, рвань! — ага, именно это я и собираюсь делать. Ловко наступаю на самый кончик длинной стороны асимметричного платья, и Аллочка, чтобы сохранить равновесие на скользком кафеле, хватается руками за раковину, выпуская мое запястье из железной хватки.

— Адъёс, амига!

И выскользнула мимо нее в зал. Конечно, мне в след несется отборный мат и лихие угрозы расправы, конечно, это не конец. И в одиночке мне теперь ходить противопоказано, если я, конечно, хочу дожить до конца этого вечера в целостности и сохранности. Потираю покраснение на коже и всерьез думаю о своей безопасности. Ибо их толпа.

Видимо, пора задуматься об отчаливании домой. Надо только Ташу найти и предупредить. А то и увести вместе с собой. Для ее же безопасности.

Таши за нашим столиком не оказалось. И на танцполе ее тоже не было. Может быть, она пудрила носик? Остановилась, оглядываюсь в поисках подруги, время только два ночи, вряд ли она бы сбежала домой, да и предупредила бы меня точно. Неприятно кольнуло беспокойством, что-то случилось.

Она обнаружилась в компании трех девчонок, что-то спрашивала у них. И получила ехидную улыбку и короткое замечание. Заметила меня и почти бегом направилась в мою сторону. Как то напряженно она опустилась на наш диванчик, словно деревянная.

— Мар, у меня беда, — а в голосе почти слезы.

— Что случилось? — а в голове уже десяток предположений, одно другого страшнее.

— Я... у меня месики пришли... неожиданно. И, блин, сильные. Я платье испачкала, не знаю что делать. Естественно ничего с собой нет. Хотела у девчонок попросить, может, есть прокладка или тампон. А они посмеялись, сказали салфеткой воспользоваться. Блин, как не вовремя, мы только с Максом так хорошо общались, а тут это... Мариш, не знаю что делать, и уходить не хочется и вечер испорчен, — и такое отчаяние и мольба в ее взгляде.

Почти скрипнула зубами — пункт первый с собственным побегом откладывается.

— Может быть лучше домой? — почти без надежды спрашиваю у подруги.

— Нет! Я не хочу. Пусть хоть этот вечер, хоть пару часов, но я побуду с ним, — боже мой, да она сейчас расплачется. И я не знаю что является основной причиной — изрядная доля алкоголя или то, что интересный Таше парень наконец то обратил на нее внимание. Хоть и такое запоздалое. А может быть, все еще обойдется?

— Таш, тут в этом же здании на первом этаже круглосуточная аптека, — я не могу оставить ее тут одну, и не могу силой увести ее домой. — Я метнусь туда, куплю тебе что-нибудь. Ты сидишь тут, на диване. Если хочешь в туалете побудь. Но если пойдешь куда — накидку мою одень, она по цвету тебе подходит нормально. Я скоро.

И бегом в сторону выхода, не обращая больше ни на что внимания. Как самой прятаться

от военных действий по возвращении буду думать чуть позже. А то, что они будут — в этом я уверена на все 100 %.

Вадим

Неизбежно накатила скука, ближе к двум ночи. У кого-то градус внутри сравнялся по номинальному значению с внешней средой, кто то перегрелся и окончательно растекся лужицей по дивану. А кого-то сердобольные родичи растащили по домам. Баиньки укладывать да тазик подставлять. А кто-то только начинает развлекаться. И вот это самое неприятное — пить уже неинтересно, танцевать надоело. И надо что? Правильно, придумать экшен.

Шатенка о чем-то пошептала с расстроенной подружкой и, подхватив сумочку, куда-то учесала. Интересно, куда она намылилась на ночь глядя? Тоже чтоли не хватило острых ощущений и развлечений? Так намекнула бы мне — с радостью поделился бы фантазиями.

Группка юных одаренностей что-то копаются около компа, к которому подключен телек под потолок, что стоит давно на заставке. И они что то явно задумали, судя по подхихикиванию и переглядкам. Точно говорю, кому то кусок г*вна подложить собрались.

Пошел покурить, подышать, проветриться, а когда вернулся увидел это. Не экспромт, тщательно подготовленное и спланированное. Иначе откуда бы столько материала?

Я пришел в разгар показа. На огромном экране показывали нарезку роликов, фоток с весьма интересными комментариями — едкими, порой матюками, обведенными красным маркером интересными местами. Все утрировано, зациклено вниманием именно на тех местах, над которыми автор сего шедевра приказал смеяться. И смеялись, почти все. Если сначала показывали лишь одну девчонку, в ней с некоторым трудом я узнал шатенку, то потом все чаще на экране стала мелькать и ее подруга. И если темненькая вела себя на видео отрешенно и по большей части спокойно, как будто зная, что ее снимают и находится под прицелом недоделанных папарацци, то блонди однозначно нервничала, часто плакала. Насмешки и совершенно не безобидные издевательства над шатенкой — краска в рюкзаке, испорченная одежда, следы грязной обуви на валяющейся на полу коридора куртке, мешок со сменкой на верхушке дерева и прочее похожее недалекое. Блонди стала героиней прям какой то шпионской мыльной оперы — взгляды украдкой на какого то пацана. Именно с ним она зажигала на танцполе. И именно он сейчас ржал как жеребец над ней, по-моему, громче всех. А вот последние кадры даже меня немного покоробили — сняты они были сегодня. Симпатичное платье блонди было испачкано сзади немногим ниже поясницы. Небольшое красное пятно размером с рублевую монетку, не сказать, что было сильно заметно в складках платья, тем более что девчонка сейчас сидела, сжавшись в уголке на полу около их диванчика, под раскидистым фикусом, судорожно сжимая накидку своей подруги на плечах. Как будто пытаюсь защититься от насмешливых взглядов и ехидных смешков.

От группы дегенератов отделился этот парень со стаканом сока, по виду томатного. Подошел к девчонке и вылил его ей на колени... и раздались крики:

— Пробку прорвало! Закрой дырку — затопишь пол! Заткни дырку!

Я сделал несколько шагов по направлению к девчонке, она еще больше побледнела и вцепилась пальцами в обивку дивана. Звери, не люди. Довели девчонку до истерики. Захотелось увести девчонку в сторону или хотя бы загородить от придурков, дать время успокоиться. Но меня опередили. Да еще и как — такого вроде никто не ожидал. Эта дикая кошечка смогла удивить не только меня...

Марина

Вот как обычно — стоит только остро захотеть чего то, и бац — днем с огнем не сыщешь. А уж в начале третьего ночи — и тем более. Аптека, что работает круглосуточно, оказалась закрыта, либо там был медведь в зимней спячке и добудиться его я не смогла. И пришлось мне топтать в супермаркет, который работает 24 часа, но находится через 2 перекрестка от гимназии. Довольно шустро купив необходимые тампоны, резво поскакала обратно. И все равно на все про все пришлось потратить с полчаса, не меньше. Зашла в зал и поняла практически сразу — что то происходит. И это что то — совсем мне не нравится. А в центре нездорового внимания я... и Таша.

Она стояла около нашего столика, облокотившись бедром на диван, не отрывая взгляда от висящего под потолком телевизора. Что там такого показывают, что на Таше лица нет?! Подойти мне к ней не дали — грубо схватили за локти, заведя их за спину и почти вывернув меня дугой. Почти больно, однозначно неприятно. Скопив глаза в сторону увидела, кто же такой деликатный — Влад. Конечно, сила есть — ума не надо. Тем более что удержать такому амбалу меня на месте труда не составит. А он еще и рывком развернул меня лицом к экрану, чтобы мне лучше видно было.

М-да уж, не думала что стану звездой широкого экрана. Школьные годы чудесны — наконец то могу сказать об этом в прошедшем времени. Ну почти — на этот момент пришлось заново вспоминать как это было. И пусть меня совсем не трогают эти смешки и ужимки, это все уже давно пережила и переболела обидой и злостью. Но эти сволочи начали подкапываться к Таше. А вот это уже плохо, очень плохо. Вывернула шею чтобы хоть искоса посмотреть на мое солнце — она уже сидела на полу сжавшись в комок и пыталась прикрыться моей накидкой. И еще сильнее побледнела. Я дернула — но только поставила себе синяки на плечах.

— Отпусти, идиот! Тебе что больше делать нечего!? Ее то за что? — мне пришлось кричать, видео сопровождала какая то музыкальная вакханалия.

— Стой, не дергайся, ущербная! Иначе свяжу твоими же тряпками. Только их сорвать придется сначала с тебя. Хотя да — дергайся, провоцируй меня, крошка! — Влад сжал ладони на моих плечах так, что я зашипела от боли. И затихла. Сил моих не хватит на сопротивление такой туше.

А потом начали показывать сегодняшней день. И зря я надеялась, что попачканное платье Таши осталось тайной для всех. Теперь это достояние нездорового внимания общественности — опять же благодаря этому ролику. Это несчастное пятнышко смаковали крупным планом, несколько раз. Боже мой, там пятно то размером с ноготок, да еще и бантом прикрыто, не видно вообще ничего. Но... бант был предусмотрительно поднят, прямо перед камерой. Пьяные шутки, смех, язвительные замечания. Господи, Таша, солнышко, держись. Только не плач — эти шакалы того и добиваются! Сволочи, вот как чувствовала, что идти сюда не надо ни мне, ни Таше.

И вот тут опустили вишенку на торт. От толпы отделился Макс, со стаканом красного сока в руке, подошел к Таше и медленно вылил его ей на колени, наклонил и что-то сказал с самой мерзкой улыбкой на лице. И в наступившей вдруг тишине раздались крики:

— Пробку прорвало! Закрой пробку — затопишь пол! Заткни дырку!

Кричали что-то еще, а я не слышала. Уши как будто заложило ватой — я видела только Ташу, ее бледное как полотно лицо и судорожно вцепившиеся пальцы в испорченное платье.

Нет, только не это! Резко дернувшись в руках Влада, я от души заехала ему тонким каблуком под колено, для разнообразия видимо по второй ноге, безошибочно попав в болевую точку, и вырвалась из держащих меня рук. Рванула к Таше, упала, споткнувшись обо что то, почти метр проехала на коленях и обхватила ее плечи.

— Таша?? Кивни или моргни? — чуть погладила ее по плечу, обозначаю свое присутствие рядом с ней. Подруга чуть опустила веки. Уже даже не белая, а прозрачная кожа, испарина на лбу, висках и под носом. И невозможность сделать вдох.

Таша астматик, уже давно. Все началось в одну из поездок на море, появилась аллергическая реакция на укус какой-то мошки, долго лечились, но... порой бывают приступы. И в основном врачи говорят, что причины приступов психосоматические, в период сильного волнения Таша просто забывает, как дышать. Вот как сейчас.

— Ингалятор с собой? — лишь отрицательно качнула головой, все также не имея возможности сделать полноценный вдох, лишь судорожные попытки по капельке втянуть драгоценный воздух. И это провоцирует еще большую панику. Я похолодела. Судорожно вспоминаю, что когда то слышала, видела, в панике молясь всем кому только можно.

— Шшшшш, тихо. Смотри на меня, только на меня! — обхватила ладонями Ташино лицо, потянула ее на себя, вынуждая почти облокотиться на меня. Я сидела на собственных пятках немного отклонившись назад, Таша — стояла на коленях напротив меня, опираясь пальцами рук о пол по обе стороны от меня, натянутая как струна, напряженная и испуганная. Мне кажется, она даже от страха не понимает, где находится. Отняла одну ладонь от лица Таши, рывком дернула молнию платья на спине, то ли расстегнув, то ли разорвав, плевать на внешний вид.

— Давай, солнце! Смотри мне в глаза, тут больше никого нет, тихо и спокойно. Вдыхаем через нос, вместе. Дыши со мной, помогай себе животом, надувай животик. Воот, а теперь выдох — и втянула живот, по максимуму, — я дышала вместе с ней, голова кружится то ли от слишком глубокого дыхания, то ли от страха, но не теряю зрительный контакт, не отрывая ладоней от холодного лица. — Давай еще, вдохнула, надулась пузырем, выдохнула — сдула живот. Вот, молодец, — наконец то получилось сделать не судорожный вдох, а просто неглубокий. — Давай вместе: вдох, еще плавне и глубже, и надуваем с тобой воздушный шарик, медленно выпускаем воздух сквозь губы. Аккуратно, не торопись. И еще разок. И еще — вдохнула — выдохнула, надуваем.

Мы раз за разом повторяли эти упражнения, не отрывая взгляда друг от друга. Таша уже почти полностью пришла в себя, перестала напоминать приведение, глаза осмысленно заблестели. И... кинулась мне на шею в почти истерике.

— Тшшш, успокойся, а то все опять придется начинать с начала, — я чуть улыбнулась, поглаживая солнце по лопаткам.

— Спасибо, я... — голос Таши дрожит от слез, от истерики, от страха.

Я понятия не имею сколько времени прошло. Лишь затекшие ноги давали понять что сидим мы в таком положении немало.

Да подозрительная тишина вокруг. Шокированная тишина. Еще бы — никто и не подозревал о Ташином недуге. Но вряд ли кого-то остановило знание.

Накатила злость. И остановиться уже не могу. И не хочу. Впервые в жизни совершенно не хочу держать эмоции под контролем — я могу вытерпеть издевательства над собой, бесконечные насмешки и оскорбления. Но это уже перебор. Не лезет ни в какие рамки. И должно быть наказано.

На столе стоит кувшин с гранатовым соком. Полный, холодный, колотый лед еще не полностью растаял. Широкое горлышко. Как раз под мою ладонь.

Легко прикоснулась губами к щеке Таши, освободилась из объятий, чуть подтолкнула ее в сторону дивана. Никто не помешал мне подняться ноги, сделать четверть оборота, определить местонахождение зачинщиков. Вычислить их просто — это я сделала еще когда смотрела ролик, чувствуют свою безнаказанность, ублюдки. Он ничего не понял, он вообще не ожидал от меня такого выкрутаса. Все по заученному. Скомкать еще чуть влажное, но уже холодное полотенце что так удобно оказалось как раз под рукой, бросить в лицо Макс, скользнуть ближе, на расстояние удара острым каблуком в коленную чашечку, и от души, со всей силы злого замаха ноги заехать в открывшийся беззащитный из-за падения на колено, пах. А ноги у меня сильные. И холодное бешенство кипит в крови. Он даже не смог простонать от боли — просто перехватило дыхание. Приятно? Отлично! А также не сможет еще какое то время думать без боли о девочках.

Следующее движение — широкий размах полным кувшином с соком. Щедрая струя яркого темно-бордового цвета ровно и качественно залила всю группу приспешников Аллочки. И ее саму. Теперь ее нежно-лиловое коллекционное в стразах Сваровски платье восстановлению не подлежит. Несколько секунд растерянности дали мне фору во времени для еще одного действия.

Перекинула уже пустой кувшин в правую, более ловкую и сильную руку, и разбила стеклотару о край ближайшего столика. В руке как раз оказалось горлышко, с отбитым острым краем. И мне плевать на последствия. Большого бешенства и холодной злости в себе я не помню.

И все это в тишине. Я не сказала ни слова — просто не смогла, меня немного потряхивало. А Аллочка — наверное, просто сначала удивилась, а потом испугалась. Когда посмотрела мне в глаза. Я не знаю, использовала бы я свое оружие, или это была игра на публику, но поле боя осталось за мной. Враг капитулировал. Даже Макс, все еще держась за сокровенное, постанывая и ругаясь сквозь зубы, скрючившись в три погибели и почти на коленях, уполз на диван. В противоположном от меня углу.

Ко мне подошла Анастасия, администратор, и Юлианна, чей такой вкусный сок пришлось перевести на любимых одноклассников. Бывших одноклассников. Я напряглась.

— Давайте вызовем скорую? — администратор, с телефоном в руках, с нескрываемым беспокойством смотрела на Ташу, которая сидела на диване, скинув туфельки и забравшись на него с ногами.

— Таш? — подруга повернулась ко мне. — Может в больницу?

— Ннет, не надо... мне бы домой... — все еще бледная, но взгляд уже осмысленный.

— Я вызову вам такси, за счет заведения. Приношу вам свои извинения за этот инцидент. Наша охрана должна была следить за тем, чтобы не было постороннего вмешательства в работу аппаратуры, а так же безопасность клиентов также была под их ответственностью, — тон Анастасии уверенный и спокойный. — Виновные будут наказаны. Всего доброго, и надеюсь увидеть вас в нашем заведении еще не раз, — и взгляд сочувственный на Ташу.

Крепко схватила ее за руку и в полной тишине направились к выходу. Мимо компании бывших одноклассников, что решили сделать финальное представление. Они бы еще продолжили, количество пакостей поистине неисчерпаемо для этих людей. Я почувствовала пристальный взгляд и обернулась, не сразу определив, кто же на меня смотрит так, что

между лопатками зачесалось. Ведущий сегодняшнего вечера. Расслабленно сидит на диванчике в углу, потягивает, что-то из стакана и задумчиво изучает мою персону. Невольно передернула плечами и поспешила покинуть помещение.

Такси, сначала к Таше, попросила подождать меня у подъезда. Суровое выражение Ташиного отца меняется в секунду при одном только взгляде на дочь. Она со всхлипом, но без слез крепко прижалась к его груди. Молча, слова... пока их просто нет.

— Иван Николаевич, я пойду. Меня там такси ждет около подъезда.

— Спасибо, — тихий шепот, обнявшей меня подруги, слышала лишь из-за того, что сказано мне было прямо в ухо. — Сама доберешься?

— Да, не переживай, все будет хорошо. Отдыхай, солнышко, — чмокнула ее в щеку.

— И ты, родная. Я позвоню, как проснусь. Спасибо что ты есть.

На первый этаж я спускалась не сдерживая слезы. Слезы утихшей злости и бешенства, всколыхнувшейся обиды, облегчения, и... радости. Наверное, только сегодня я поняла насколько Таша для меня близкий человек. И как много она для меня значит.

Домой за 10 минут по пустынным улицам, отложив разговор со встречающей меня на пороге мамой до утра. Она лишь окинула меня пристальным взглядом, слегка принюхалась, погладила по щеке и отпустила в ванну.

Уже лежа в кровати и прокручивая события этого нескучного вечера, когда меня отпустило накрывшим тремором, где то на периферии почти уплывающего в сон сознания чувствовала непонятное даже не чувство, ощущение, что пристальное внимание темных глаз симпатичного наглого блондина было мне приятно и лестно. Просто признала, просто создалась самой себе.

Глава 4

Марина

Первое сентября. Новый учебный год, но теперь в институте. Потенциальная возможность исполнения стольких желаний или новый источник разочарования? Против воли по спине пробежался плотный строй противных мурашек страха. Не могу сказать, что я совершенно спокойна и невозмутима, или бьюсь в панике и готова забиться в самый темный угол от всех и вся, но... если и тут будет также как в школе, это будет финиш. Мой персональный финиш длиной в шесть лет обучения. Тут уж никаких нервов не хватит. И что самое противное — я уже почти настроилась на второй раунд боя на выживание. И так сложно задавить в себе крохотную искорку веры, что все будет хорошо, что мечты и надежды, наконец-то, начнут претворяться в жизнь. Что у меня останутся не только шрамы от несбывшихся надежд, а я стану сильнее, открытее, увереннее в себе, что... Что все будет хорошо, должно же быть, правда? Хоть когда-нибудь.

Сентябрь начался ударно: только 9 часов утра, а на улице уже +25 градусов. И судя по абсолютно чистому небу и яркому солнышку, это далеко не предел сегодняшней температуры. Немногочисленные девушки тихо перешептываются друг с другом, вся остальная, подавляющая в своем большинстве мужская братия, с интересом оглядывается по сторонам под неимоверно скучную приветственную речь ректора.

А у меня в голове бьется одна единственная мысль — ноги натерла, стоять еще более-менее, а вот идти куда то совершенно не хочется. И настроение ниже нижней отметки, и больно. Хоть разувайся и босиком отсекай. А нам еще идти в свой корпус для знакомства с куратором. Да и расписание неплохо бы узнать. И еще...

— Привет. Давай знакомиться? — что мне надо еще в первый день учебы я не успела придумать, помешал мужской голос. Да так, что я вздрогнула, переступила многострадальными ножками и только-только притихшая боль вернулась с новой силой. Естественно, повернулась я с далеко не с самым благодушным настроением к неожиданному собеседнику.

— Марина, — хмуро представилась, вежливости, когда нога стерта в кровь, во мне немного.

— Я Артем, и мне очень приятно, — и улыбается мне так открыто, прям аж злость берет. И напрягает неимоверно!

Пффф, спокойно, нервы-нервишки. Усилием воли взяла себя в руки и натянуто улыбнулась. Не будем рычать на милого парня в первые минуты знакомства. Не будем!

— И мне тоже приятно познакомиться, — так, улыбаться, мило и непринужденно. Вот только "дружелюбная" улыбка больше на оскал похожа.

— А ты у нас единственная девушка в группе. Ты рада?

— Еще бы, в такой малине, — попыталась улыбнуться чуть более открыто, и никак. Единственное желание, чтобы меня оставили в покое.

— Ты сейчас нервничаешь? — и какого он ко мне примотался?!

— С чего ты решил? — а на лице уже улыбки нет, надоело. Как и сам собеседник, достал.

— Ты напряженная. И как будто злишься, — ты смотри какой смышленный мальчик попался...

Отвечать ничего не стала, просто пожала плечами и отвернулась. Мысленно настраиваясь на необходимость преодолеть путь до нашего корпуса. Боже мой, как же далеко... доковылять бы.

И зачем я только, спрашивается, их одела? И вроде мягкие и удобные, по крайней мере в магазине показались именно такими. А на деле оказались пыточным устройством, да еще и на босу ногу их напялила. Идиотка, в прямых черных брюках, белой приталенной рубашке с рукавами до локтя, с небольшой черной сумочкой и в туфлях на высоком каблуке, с вырезом на носике и отдельной пяточкой. И именно их, пяточки, я сейчас и стерла, в кровь.

Я только преодолела длинный коридор, два лестничных пролета, а в глазах почти что слезы. Чтобы немного отвлечься, решила считать ступеньки. А потому не услышала, что меня окликнули, а потом и поддержали за локоть, когда совершенно неуклюже покачнулась на лестнице на дрожащих ногах.

Новая волна боли заставила судорожно вздохнуть и еще сильнее сжать зубы. Ууубью.

— Марина, стой. Стой, я сказал! — и снова Артем. Да что же ты ко мне привязался то? Вот его я сейчас и рrrrrr. Нагрублю, короче.

— Чего тебе? — я держу, я держу, я держу себя в рrrруках.

— Помочь тебе хочу, почти безвозмездно, — и улыбается. Какой же ты, блин, улыбчивый!

— Чем? — я спокойна, я спокойна, я... нифига не спокойна.

— Пойдем, присядешь, станет легче, — и подталкивает меня к большому окну в паре метров по коридору.

Широкий подоконник на уровне чуть выше колен, отлично подойдет в качестве лавочки. О, Господи, кайф то какой.

— Давай сюда ногу.

— Не поняла? — интересно, если я его сейчас пошлю, это будет очень грубо?

— Ногу, говорю, давай. У тебя вся пятка в крови. Смотреть на тебя больно, — а на лице наконец-то предельно серьезное выражение, и руку протягивает к конечности.

— Зачем? — сказать, что я удивлена, ничего не сказать, даже злиться забыла. И на всякий случай поджимаю родимые конечности...

Парень закатил глаза и вздохнул.

— На первом этаже административного корпуса есть аптечный киоск. Если бы ты не была так сосредоточена на своем перемещении, ты бы его тоже заметила. А там, скажу тебе по секрету, есть пластыри, и медицинский клей, и дезинфицирующие салфетки. А у тебя уже, по-видимому, на ноге одна сплошная рана. А нам еще сегодня гулять и гулять. И если ты не мазохистка, то дай, наконец, свою ногу! — предельно спокойно, как неадекватной, объяснил мне ситуацию.

В каком-то заторможенном состоянии покорно подняла ногу, мне кажется, что парня я уже достала. Ловко стянул туфлю резким движением, по ощущениям оторвав оттуда приличный кусок.

— Ууууууёй, фак, — все, что удалось прошипеть сквозь зубы, и слезы.

— Ш-ш, потерпи чуть, — и прижал прямо к ране салфетку.

Вообще парень оказался сильным. И ловким. И реакция у него отменная — это я доказала опытным путем. Наверное, не каждый сможет удерживать лежащую конечность, практически не дав ей сдвинуться с места, жестко зафиксировав ногу за голеностоп. Ух, если бы у него была чуть похуже реакция я бы уже заехала ему в нос, или в челюсть. Причем сделала бы это с огромным удовольствием. Хоть немного бы полегче стало. Больно, пипец.

А он еще и посмеивается, гад.

— А у тебя еще вторая ножка есть, не забывай. Раунд два будет. Может быть, тогда получится, — уже ржет откровенно. Гад, повторяюсь. Но забавный — отвлекь его у меня получилось. Да и возмущаться, вырывая многострадальную конечность, не особенно хотелось — на меня совершенно неожиданно свалилась помощь, она мне была нужна — уж себе-то я могу в этом признаться. Что меня настораживает — пока не понятно, что за всем этим последует. Такой неприятный червячок сидит внутри и грызет... с аппетитом.

А тем временем Артем стер салфеткой запекшуюся сукровицу с пятки. И сидит, дует мне на ранку. Естественно, я попыталась сбежать. Не получилось, опять.

— Да что ж за безобразие то такое! — вполне натурально возмутился парень.

— В смысле? — подергав еще пару раз для порядка зажатой конечностью на коленях Артема, с интересом уставилась на раздраженного парня.

— Я делаю тебе больше чем есть?

— Ну...

— Так, ладно, первый понял. Я тебя обидел?

— Нет... — я даже головой отрицательно помотала.

— Осуществляю действия, порочащие твою честь и достоинство? — совершенно серьезно спрашивает у меня.

— Эмм... нет вроде... — я в замешательстве. И даже краснею, слегка.

— Так какого ты сбежать то пытаешься? — ух, он даже покраснел слегка. Злится, наверное.

— Больно... — больше неловко и неудобно от такой неожиданной заботы.

— А кто в этом виноват?! Ходить ей, значит, не больно в окровавленных туфлях, а дать

обработать раны — потерпеть немного не может! Девушки такие девушки!
— Эй, я не просила возиться с собой! И никого рядом не удерживаю!
— Пластырем заклею, — совершенно серьезно отвечает мне мучитель.
— Так нельзя еще, присохнет к ране.
— А я не к ране — я рот тебе сейчас заклею. Исполню мечту всей мужской половины человечества, — и правда достает пластырь из кармана. — Так что молчи и не провоцируй меня.

А я сочла за лучшее заткнуться. Стыдно, но... Ну если хочется человеку повозиться с таким недоразумением как я — я что, против? Тем более как подумаю о том, сколько еще сегодня ходить... страшно становится.

А он ловко и очень аккуратно начал покрывать тонким слоем медицинского клея ранку. Опять зашипало, но вполне терпимо. Казалось бы, просто натерла мозоль, стерла его, так ведь получилось стереть до мяса...

— Давай дубль два. С этой ногой пока подождем, пусть клей подсохнет. Потом заклеим пластырем и домой поедешь.

Молча поджала под себя босую конечность и, стараясь сильно не кривиться, подняла вторую ногу. Шипела, но от комментариев сдерживалась, до конца экзекуции.

— Ну вот и все! А ты боялась, только юбка чуть задралась! — и ухмыляется так задорно.

— Цыц, я в брюках! — невольно улыбнулась в ответ. Мне стало намного легче, а оттого желание убивать испарилось. И даже острить и огрызаться как то не хочется. — Спасибо за помощь.

— Не за что. Что не сделаешь чтобы потрогать женские щиколотки. Да и рыцарем побыть вообще приятно, — спрыгнул с подоконника и протянул мне руку, — Обувайся аккуратно и пошли. Так уж и быть, пригляжу за тобой. А то все усилия насмарку пойдут.

Стараясь сильно не морщиться, натянула туфли. Я снова в строю! С благодарностью посмотрела на Артема.

— Вот только долго не ходи, все-таки это просто клей и пластырь. Пока не подживет — лучше не рисковать, — как будто прочитал мои мысли Артем.

— Хорошо, — вот теперь я смотрю на парня с искренним дружелюбием. И улыбаюсь ему в ответ — честно и открыто. — Ты знал — красота требует жертв? — шутливо грожу ему пальцем.

— Не спорю, — поднял руки в защитном жесте и еще шире улыбнулся.

Маршрут упростили по максимуму — деканат — расписание — дом. И закинуть в самый дальний угол гrrrrреб... туфли. Ибо состояние все равно далеко от комфортного. Девочки поймут.

— Ты занята сейчас? — отвлек меня от предвкушения голос Артема.

— Да, домой иду. А ты?

— Тоже, — рассмеялся парень. — Давай идти вместе?

— Продолжаешь присматривать? — улыбнулась.

— Именно. Рыцарь я или где?

— Вот именно, где? — не подкальываю, просто перешучиваюсь с ним в ответ.

— Язва, однако.

— Нее. Я только учусь. На первом курсе.

Да, сложно. Да, страшно. Да, непривычно. Но ведь иногда надо рисковать и вылезать из своей раковины и давать если не другим, так хотя бы самому себе шанс на доверие людям?

Год спустя

Смотрю на Ташу и Тему. И с трудом не кривлюсь в непонимании — совершенно хрестоматийный пример неразлучников. Они почти всегда вместе — за руку, в обнимку, постоянные прикосновения, поцелуи и объятия. А если они не вместе физически, то по факту оба потеряны для общества — чаты, аськи, эсемески, постоянные переговоры по телефону. Ужас.

— Ты просто еще не влюблялась, — примерно такие слова мне были сказаны Ташей, а Тема согласно наклонил голову, прикоснувшись губами к виску девушки.

Спаси меня, Боже, от такого крышесноса. С ума сойти, никакого личного пространства.

А еще у меня появилась хорошая знакомая по совместительству мой репетитор по английскому, Лена, студентка педагогического по специальности ин-яз. Ясное дело, не бескорыстное знакомство. Выгодное со всех сторон сотрудничество для обеих заинтересованных сторон, потихоньку перерастало в дружбу. Особенно после того, как я порой ее доводила до белого каления своим произношением... Но, все остались довольны, почти что живы и даже в хорошем расположении духа. Чуть позже.

А еще я получила работу по совместительству в научно-исследовательском институте, как и планировала. Я молодец? Я молодец!

А еще в самом начале весны ранним воскресным утром я проснулась под разговор мамы и... отца. Надо отдать ему должное, после выпускного он меня не трогал. Я расслабилась и почти забыла о нем.

— Мне нужно с Мариной поговорить и я поговорю! И ты мне не мешаешь, — визгливые нотки в голосе родителя смахнули с меня сон в одно мгновение.

— У тебя совсем совести нет? — мамин голос звучит тихо, но уверенно, и спокойно.

— Тебя это не касается! — скандал назревает, однако. С утра пораньше — время еще и девяти нет. Вот ведь... нехороший человек, не дал поспать в единственный выходной.

Встала, любимые тапочки на ноги и, вдохнула — выдохнула.

— Мам, доброе утро, — чмокнула подставленную щеку. — Привет, — это уже отцу.

Не торопясь умываюсь, прокручивая в голове возможные причины наличия на нашей кухне блудного родителя. Миллион идей, а правдой окажется самая нелепая. Соскучился, наверное? Даже смешно. Напряжение на кухне хоть лампочку подключай — сразу засветится.

Не спеша положила творог на теплый блинчик, свернула рулетом, полила сверху сиропом, поблагодарила маму за кофе из турки — и все это под пристальным и, по-моему, не мигающим взглядом папаши. И нет, я не подавилась. И даже руки у меня не дрожат.

— Как учеба? — а на лице нет даже простейшей заинтересованности.

— Что тебе надо? — да, я облегчу тебе ведение разговора по одной простой причине — чтобы не тратить свое время на ложные иллюзии и метания.

— Я что, не могу прийти к своей дочери и поинтересоваться, как у нее дела? — даже почти натурально возмутился отец, и я даже почти поверила.

— Хорошо, спасибо, — совершенно спокойно кушаю блинчик.

— Нам надо поговорить.

— Что тебе мешает? — спокойно отпила глоток почти остывшего кофе.

— Наедине, — даже зубами скрипнул или мне послышалось.

— Это твои проблемы. Меня все устраивает и так. Если есть что сказать — говори. Нет

— ты знаешь, где дверь.

Молчит, крепко сцепив зубы, внимательно сморит на меня, как будто пытаюсь прочитать что-то у меня в голове. Мама поднимается и уходит в комнату. И раз, два, три...

— Мне надо чтобы ты подписала бумаги.

Недоуменно подняла на него глаза, пытаюсь понять все ли в порядке у него с головой.

— Какие именно бумаги мне надо подписать?

— На отказ от квартиры, — мучительно соображаю от какой такой квар... стоп!

— Давай не сегодня? — мне надо немного времени.

— Когда? — и вид такой стал расслабленный.

— На следующей неделе, с бумагами, — давай же, свали отсюда.

— Хорошо. Я позвоню, — спокойно поднимается и уходит, попрощавшись со мной равнодушным:

— Пока.

И нет, я почти ничего не чувствую. Только желание опять сходить в душ и промыть с хлоркой кухню от его присутствия.

— Вкусно? — спокойный, негромкий голос мамы отвлек меня от размышлений.

— Да, спасибо, мам, — встала из-за стола, прошла к мойке, открыла горячую воду. Все на полнейшем автомате, бездумно, бесчувственно.

— Мам.

— Да, Мариш? — она уже поняла, что я хочу сказать. Просто дает мне возможность не молчать.

— Он говорил про бабушкину квартиру? — мне просто надо подтверждение в том, в чем я уже почти уверена.

— Да. Он хочет, чтобы ты написала отказ от ее квартиры. Тебе же почти 18. Она уже давно написала завещание, в котором ты и его сын являетесь наследниками ее квартиры. Вроде бы она давно болеет, не могу сказать точно, видела ее уже очень давно. Но ситуация примерно такая.

— Ясно, — невольно сжала руки в кулаки, выдохнула боль сквозь зубы. Поможет мне только одно. — Я на пробежку, — мне просто надо побыть одной. Успокоиться.

— Иди. В обед Валера зайдет, мы пойдем прогуляемся. Не забудь взять ключи, я не знаю когда вернусь домой.

Толстовка, плеер, наушники-вкладыши, ключи, кроссовки.

Я не бегала с осени, просто не было необходимости, не было времени, не было тяги. Все наконец то наладилось, все наконец то устаканилось. И вот теперь...

Решение, что удивительно, пришло ко мне само — просто я поняла что именно мне надо сделать, что именно я сделать обязана.

Через полтора часа, предварительно забежав домой и переодевшись, я стояла перед простенькой металлической дверью черного цвета с двумя замками, нажав на звонок, и ждала, когда мне откроют дверь.

— Риша?? — только она меня так зовет, с детства.

— Я, бабуль. Привет.

— Господи, детка. Как же ты выросла, милая, — суетливо схватила меня за руки, а у самой руки ходуном ходят, и холодные-холодные. Втянула в квартиру и просто смотрит на меня. Плачет. А я... я не знаю, что сказать. Просто комок в горле, спазм, что мешает говорить. И медленно накрывающее осознание.

— Я скучала, бабуль. Как ты? — все, что я смогла выдать из себя.

— Хорошо, детка. У меня все хорошо, — улыбается мне, так легко.

— Ой, бабуль, я тут тортик прихватила. Чайку попьем, — протягиваю любимую бабулину "Сказку" с крупными кремовыми розочками и в обсыпке какао. Она суетливо тянет за собой на кухню, не отпуская моей руки, будто боясь, что я сбегу от нее, удивляясь, как я выросла и какая вдруг стала взрослая. Вдруг... спустя почти шесть лет.

Я уже и забыла, как тут — большой квадратный коридор, небольшая кухня и огромная светлая комната с двумя окнами. Вот только сейчас в квартире запустение — в глаза бросается некоторый беспорядок, не особенно чистые ковры и дорожки на полу, смятое покрывало на большой кровати и пыль на старинной огромной стенке. Телевизор, как и тогда, накрыт кружевной салфеткой, точно такие же на комод и большом деревянном столе около окна. А ведь ба всегда была такой аккуратисткой, педантичной чистюлей и большой умницей в части обеспечения чистоты и порядка. Я начала злиться. Не на бабулю, и даже не на отца. На себя. Это единственный человек из семьи моего отца, которому никогда не было плевать на меня. Она всегда старалась узнать как у меня дела, всегда за меня переживала и искренне беспокоилась. А я... я перекинула свои обиды на нее тоже, без разбора. И вычеркнула ее из своей жизни за компанию.

— Бабуль, у меня сегодня день свободный. Я побуду у тебя, хорошо? Соскучилась, — я села на то же самое место около окна, где сидела ребенком.

— Конечно, солнышко. Я буду очень рада, — ба улыбнулась, не пряча слезы.

А когда передо мной поставили мою чашку — ту самую, из которой я всегда у нее пила чай, устойчивая тяжелая пузатая, из толстого фарфора цвета топленого молока, плакала я. Да еще и чай мой любимый — листики смородины, мяты, малины, с ягодами сушеной земляники. Совершенно неповторимый аромат и воспоминания из детства. Навзрыд.

— Бабуль, прости меня, — кое-как выдавила я, утерев сопливый нос рукавом, и прижавшись к ба всем телом.

— Мне не за что тебя прощать, это мне надо вымаливать у тебя прощения за все то, что в твоей жизни по нашей вине произошло, — сухая ладонь нежно гладила меня по волосам, по лопаткам, успокаивая и даря тепло, любовь и понимание. И прощение, которого я не заслуживаю.

Воспоминания мелькали в голове... Грустные и веселые, разбитая коленка и букетик первых, еще не полностью распустившихся, нарциссов на мой день рождения, специально привезенный для меня с дачи. Последний мой праздник детства, мои восемь лет. И звонки по телефону, которые я игнорировала, кривя губы и отмахиваясь от ее вопросов при случайных встречах. Забытые дни рождения ба и стандартная большая шоколадка от нее на новый год. И маленький золотой крестик на тоненькой цепочке, что я перестала носить вот уже несколько лет.

Я не смогу забыть свои косяки, не имею права. Я могу только попытаться искупить свою вину...

— Давай кушать сладкое, я такая сладкоежка — жуть. Особенно торттики, и с таким вкусным чаем, — я стыдливо прячу мокрые глаза за кружкой. Мне совестно смотреть в ее глаза, чувствовать такой теплый взгляд, осознавать себя нужной, а мой визит — долгожданным.

Тортик приговорился под мои рассказы об учебе, доме, друзьях и увлечениях. А также под две кружки очень вкусного чая, который получается только у нее. У человека, которого я

не видела столько лет. Сознательно уйдя в сторону и осознанно перестав появляться тут, не смотря на все просьбы и приглашения придти. Просто не хотела чувствовать эту боль ненужности. И причиняла точно такую же незаслуженно. Я закрылась, сбежала и сделала больно ни в чем не повинной ба. Глупая девчонка, эгоистичная идиотка.

Через два часа посиделок на кухне, отправила её полежать, отдохнуть. Что самое интересное, она совершенно не сопротивлялась, хотя раньше заставить ее бездельничать в середине дня — такого никогда не бывало. Сердце опять неприятно кольнуло.

Приведя в порядок кухню после чаепития, заглянула в комнату — ба задремала на кровати. Подошла, прикрыла пледом ноги, прошептала на ухо:

— Бабуль, я отойду на полчасика, но вернусь, обещаю.

Ключи все там же, хоть уже и другие по виду, на крючке в виде загнутого гвоздика около большого, в мой рост, зеркала. Магазин бытовой химии прямо за углом, дойти до него минут десять. Купить все необходимые мне чистящие средства, перчатки, салфетки, полотенца. И через полчаса, скинув одежду и оставшись в белье и резиновых перчатках по локоть, отдраивала сначала ванну, потом туалет, кухню и коридор.

Ба просыпалась и пыталась остановить мою тягу к чистоте — не получилось. Всего лишь спросила ее о пылесосе. Это агрегат чистоты имелся в наличии, но вот только пользоваться им ей было тяжело, мыть пол тряпкой — кружилась голова, а подметать веником — было слишком много пыли, ба задыхалась от нее. Замкнутый круг. Так что после коридора я освоила простенькое чудо техники, протерла везде пыль с полиролью, и довольная, хоть и уставшая, оглянулась. За почти четыре часа я привела в порядок квартиру дорогого мне человека. И как жаль, что этот человек дорог мне настолько, я поняла только сейчас.

Отца я послала, далеко, всерьез и надолго. Предварительно разорвав на несколько частей уже приготовленную форму для отказа от наследства. Орал, как потерпевший. Грозился, слюной брызгал. А я... я просто вызвала участкового. Пришел внушительный дядя, папик сдулся как воздушный шарик и слинял. Хорошо хоть воздух не испортил.

И дело было не только в квартире. Я не собиралась никому ничего отдавать своего. И уж точно не собиралась спускать на тормозах такое отношение к ба. Корысть? Не думала над этим. И не старалась выслужиться для получения материальных благ. Но и в стороне остаться не могла. Тем более что с ба мы о завещании не говорили.

Вот теперь, именно теперь, я начала взрослеть. Все то, что я высокопарно вещала "Я взрослая", "Я самостоятельная", и прочие громкие необоснованные "Я"... как говорится — последняя буква в алфавите. Пустые слова пустой, ничего из себя не представляющей, но много мнящей девчонки. Было больно, было дико обидно на саму себя — напридумывала себе, раздула свое эго. А по факту... по факту эгоистичная дура, зацикленная на мелочах.

Я теперь приходила стабильно раз в неделю, в свой единственный выходной, на несколько часов, наводила порядок, покупала продукты, готовила кушать. И говорила, рассказывала, делилась, так хотелось наверстать упущенное. Вот только сделать это невозможно. Никогда. Можно лишь стараться загладить свою вину, пытаться исправить совершенное, искупить причиненную боль. Я не успела.

Мы проговорили почти весь день в воскресенье. Ба вспоминала мое детство, показывала старые черно-белые фото, с антресолей шкафа вытащила мои детские вязанные ее руками носочки, шапку и шарфик, по мелочи какие-то футболки, шорты и даже одно платье. А еще она показала мне документы на квартиру, среди которых была дарственная. На мое имя.

Сказать, что я была в шоке — не сказать ничего. Она оформила её уже давно, я только закончила школу. И сделала это втайне от отца. Всегда спокойная и мягкая бабуля в этот раз сделала все по-своему. За все время моего общения с ба, отца я не видела ни разу. Как и следов посещения кого-либо из этого семейства.

В понедельник, уже поздно вечером, мне позвонила ба и сказала, что вызвала скорую, и ее увозят в больницу, просила не беспокоиться и не приезжать — мол, просто закололо сердце. Все мелочи, просто настойчивая "скорая" в этот раз попалась. Мы договорились, что во вторник сразу после института я приду к ней, если прогулять работу, я как раз попадала во время посещений, привезу все что надо для пребывания в больнице. А ночью она умерла в больничной палате, во сне. Просто заснула и больше не проснулась. Наверное, так и должны уходить по настоящему светлые и хорошие люди, без мук физических, и, надеюсь, моральных. За те несколько месяцев, что мы общались, я не переставала убеждать ба, что ее вины для меня не существует, и обиды на нее нет никакой и в помине. И, как мне казалось, я смогла ее в этом убедить. Вот только что делать с комком внутри? Что делать с обидой на саму себя? Как перетерпеть злость, с которой не может справиться моя пробежка? Сколькими слезами смыть боль? И имею ли я на это право?!

На похоронах, в жаркий июльский день, с температурой в тени под 30, вдруг на совершенно чистом еще полчаса назад небе появилась тучка, небольшая, но ее хватило на сильный короткий дождик, что освежил зной, прибил пыль и смыл слезы с моего лица. Я единственная из немногочисленных провожающих, кто не стал прятаться под непонятные пакеты, пиджаки, деревья и сбегать в машины. Просто стояла, прислонившись плечом к молоденькой березке в уголке ограды, поджав больную ногу. После семи бесполезных кругов пробежки по парку и лестнице, я не помню, как добиралась до дома. И если до дождя я оплакивала родного и любимого человека, который больше никогда не заварит мне мой любимый чай в неказистой кружке и не сделает пирожки с капустой или рисом. То после дождя боль утраты притупилась, печаль осталась, никуда не делась, но пришло осознание, что мой приход в апреле к бабуле был ключевым событием в моей жизни. Умение прощать и быть прощенным так просто не дается.

В конце августа я переехала в квартиру бабули.

Глава 5

Вот уже почти четыре месяца я живу отдельно от мамы. Сначала мне было не то чтобы очень тяжело, но сильно тоскливо однозначно. Потом, через несколько дней, по моей полнейшей простоте душевной и наивности, друзья прознали об отдельной хате. И отбрехиваться было поздно.

И скука, тоска и одиночество сбежали от меня как туман от солнца вместе со свободным временем. Равно как и спокойствие. Надувной матрас, на котором я спала, пока не купила себе ортопедический с первой зарплаты, стипендии и накоплений, еще не раз использовался в качестве дополнительной кровати для остававшихся у меня с ночевкой друзей. Точнее для Тёмы, с девчонками мы делили на троих кровать.

Таша с Темой все также вместе, и облюбовали эти голубки для свиданий и посиделок именно мою квартиру. Ленка окончательно перешла в статус моей второй лучшей подруги и заводилы по части моих очень нечастых походов в клуб, дискотеки, городские гуляния или просто выйти проветриться. Интерес к отношениям продолжал спать беспробудным сном, ванильно-конфетные отношения вызывали искорку любопытства, но пойти дальше

лицезрения и испытать их на себе, желания не возникало абсолютно.

Учеба, потом работа, дома уже когда почти темно. И так все будние дни. Небольшое просветление в моем загруженном графике было исключительно на выходных днях — субботу я стабильно полдня проводила с мамой, несколько позже к девичьим посиделкам присоединился Валера, как то незаметно, непринужденно и ненапряжно. Стандартно домой я возвращалась нагруженная домашней едой, которой мне хватало на несколько дней. Баночки и контейнеры стабильно курсировали между нашими домами.

А я в отместку притаскивала сладости. Из чисто природной вредности, не иначе.

А в воскресенье стирка, уборка, глажка, редкие встречи с друзьями, приготовление заготовок на неделю для быстрого разогрева и подготовка к новой учебно-рабочей неделе. Какие уж тут романтические отношения? Нет времени, желания и, главное, сил. Не надо мне их, как не предлагайте. Нафиг-нафиг.

А вообще у меня через неделю сессия. Точнее зачетная неделю, как раз под Новый Год.

А еще у меня дурдом на работе...

Ситуация проста до банальности — молодой перспективный специалист — одна штука (это я, поясню отдельно), подготовка к новогоднему корпоративу и круглой даты со дня основания нашего НИИ — один штук, полный кошмар. И каким образом я, при моей работе с технической документацией и автоматизированной поддержкой производства, умудрилась вляпаться в организацию новогодней пьянки — не спрашивайте, не знаю.

Подцепила со стола копию договора на организацию новогоднего праздника агентством "МаскаРад"... м-да уж, ну и название. И именно с его представителем у меня встреча через десять минут. Знать бы еще как он выглядит?..

Вадим

Тик-так. Тик-так. Так-тик. Так-тик... однохренственно.

Во-первых, мне пришлось самостоятельно ехать и разбираться с какой то накладкой с корпоративом в НИИ. И все там легко и до тошноты просто, что приключилось, у кого что куда ударило? Непонятно. Наверняка, какая-нибудь престарелая курица снесла гениальную идею.

Во-вторых, ехать мне пришлось срочно. И мне это не нравится. Вот прям совсем. Оттого я сейчас злюсь, бешусь и буду сиильно материться.

И в третьих. Меня. Заставили. Ждать. На проходной. Какую-то. Курицу! Где, мл*ть, ее черти носят?! Уже должна быть тут!

— Простите, вы Вадим Валерьевич? — довольно тихо, но четко раздалось явно в мой адрес.

Резко разворачиваясь, готовый к бою! К избиению. Ух, я сейчас тебе все прощу. Так прощу, что тебе еще долго просить прощение придется. Самыми разнообразными и доступными мне способами, в колено-локтевой, без лубрикантов. И не раз.

Открываю рот, чтобы обматерить и... закрываю его. С трудом и покашливанием, давая себе несколько секунд, чтобы взять в руки и не наорать на молоденькую девочку. Мне кажется, подросток. Невысокая, мне чуть выше плеча. Стоит, закутанная в огромную вязаную шаль или шарф, что закрывает ее от шеи и до середины бедра. Темные волосы собраны в высокий хвост, худое лицо с огромными испуганными глазами, бледные губы, косая челка от бровей до скулы, темно-синие джинсы заправлены в высокие сапоги по колено. Блэклая, ничем не примечательная внешность, и мне кажется, что где то я ее

видел...

— Да, это я. А вы кто? — я почти не повышаю на нее голос и почти спокойно спрашиваю.

— Меня зовут Марина Котина. Именно со мной вы должны встретиться. Я приношу вам свои извинения за вынужденное ожидание. У нас возникли неожиданные проблемы с оформлением вам временного пропуска на территорию предприятия.

— Марина, все хорошо. Это я приехал чуть раньше, чем договаривались. Тем более что у вас на проходной весьма уютный диванчик. Так что все нормально, — я умею быть вежливым и хорошим. А после моей последней фразы я получил неуверенную улыбку. Счет открыт.

— Пойдемте. Не будем терять время, — все также продолжая мне улыбаться, протянула мне пластиковую карточку-бейджик пропуска.

Попробовал на языке ее имя, перекатил — приятно. Нечто мурчащее и игривое. Хотя я бы предпочел более ласковое — Маришка. Да, точно — это ей подходит больше.

А девчонка меня пристально разглядывает. И хмурится немного и чуть прикусывает нижнюю губу, неосознанно привлекая к ней внимание. Заметила мой интерес — тут же отпустила губку на волю, покраснела. Милота, да и только.

Поднял глаза чуть выше и просто потерялся. Глаза... о какие глазки... такими и стрелять не надо, под одним только прицелом уже можно сдаваться в плен... Которые смотрят на меня сейчас задумчиво, вопросительно и с ожиданием. Я что-то пропустил? А, да, точно. Мы же идем куда-то.

В небольшую комнату отдыха со стандартным набором мебели — аквариум в полстены, кулер со стаканчиками, чайник, несколько стульев, диван, пара кресел и небольшой журнальный столик между ними сбоку от входа. И, главное, только мы вдвоем. Это будет просто.

— Вадим Валерьевич, присаживайтесь. Кофе, чай? — она что, секретарь? Официально так ко мне обращается, чувствую себя лет на пять старше.

— Спасибо, просто воду, если можно, — вот упился я сегодня уже кофеём, булькает на уровне ушей, и больше просто не влезет.

Девушка скинула шаль с плеч, положив ее на подлокотник дивана, налила из кулера воду в стакан. А я рассматриваю тонкую фигурку — черная водолазка позволяет это сделать весьма подробно. На самом деле очень худенькая — маленькая грудь, тонкая талия, узенькие плечи, плоский живот, узкие джинсы хорошо сидят на бедрах. Ничего особенного, но гармонично.

— Хорошо, тогда не будем терять время и приступим сразу к делу? — ооочень мне интересно, к какому именно? К одному конкретному делу я всегда готов.

На всякий случай кивнул, максимально уверенно, натянув на лицо доброжелательную, надеюсь, улыбку.

— У нас с вами, точнее у нашего НИИ и вашего агентства, заключен договор на оказание услуг по организации праздника. И возникли некоторые дополнения. Вы компетентны решать подобные вопросы? — сложив ладошки в замок на коленях, девочка смотрит мне прямо в глаза.

— Смотря что вы имеете в виду, — склонил голову набок и рассматриваю её.

— Есть договор, — указала рукой на какие то бумаги на столике рядом. Кивнул, свой логотип я узнал. — Там сказано, что вы берете на себя обязательства по подготовке

разнообразной культурно-развлекательной программы, в том числе официальной части, — и пальчиком мне показывает на какой то абзац. Тоненьким таким пальчиком с длинным ноготком. Такие ноготки оставляют весьма говорящие царапины на спине...

Что я там не видел, в этом договоре то? Смотрю в ее глаза. Жадно и пристально. Всегда однозначно работает. Отлично... нежный румянец на бледных щеках, нервно сцепленные пальчики на коленях, потупившиеся глазки. Смутилась и отодвинулась от меня на противоположный край дивана, оставив около меня бумаги. Нет, так не пойдет.

Отвлекаемся и вчитываемся в договор. А то сбежит от меня раньше времени, как антилопа, громко цокая копытцами.

Читаем. Бла-бла-бла... а, вот, "...в договоре также предусмотрено выполнение дополнительных мероприятий по согласованию заинтересованных сторон..." Хм, и что надо то?

— Я слушаю ваши предложения и пожелания, — тяжело вздохнул. И вновь всмотрелся в лицо напротив. Вот только в этот девочка сидит далеко и не смотрит на меня совсем.

К- Понимаете, нам надо решить несколько очень важных вопросов — памятные медали, именные благодарственные речи и поздравления, — а брови у меня все увереннее и увереннее ползут вверх. Какие, нафиг, медали?

— Я бы сама попробовала разобраться с этим вопросом — с поздравлениями и грамотами. Вот только я понятия не имею, как это делать, а самое важное — где, — и мордашка такая несчастная — несчастная, чуть ли не до слез. Ну рыцарь я или кто? Заодно это отличный способ перевести наше знакомство на другой уровень. Задумался на пару минут, не отрывая взгляда от девочки.

— Это не проблема. У нас есть договоренность с типографией. Бумажные грамоты, благодарности и поздравления после заказа будут готовы, — полистал договор до списка чествуемых, быстро посчитал примерное время, набавил пару дней на всякий случай, — через неделю, примерно. Дальше?

Вообще ее "проблемы" — не проблемы, совсем. Именная благодарность? Придумаем, что у нас фантазия буйная. Тем более что шаблонов уйма, привяжем к сфере деятельности и готово. Памятные медали и поздравлялки? Ответ тот же. Вот только я сделаю все не за просто так.

— Но вот только один вопрос — у меня все это в офисе, с собой я, естественно, не захватил, — берем антилопу за... эм, филе. — Вы составите мне компанию?

— Да, наверное... — что то как то совсем неуверенно. Приподнял вопросительно бровь. Ну же, крошка. — Ох, да, конечно! Это было бы просто замечательно! — вот такой настрой мне однозначно нравится. И взгляд Маришки перестал быть таким испуганным. Чуть придвинулась ко мне ближе и до меня долетел легкий запах ее духов — что то свежее, цветочное. Именно такое как она сама — хрупкий цветок, свежий и чистый...

Брр, тряхнул головой, отгоняя несвойственные мне мысли. Когда меня это волновало?

— Я сегодня, к сожалению, не могу, — тем временем продолжила девчонка. — Слишком много работы, конец года. А завтра примерно во сколько мне можно будет подойти к вам в офис?

— А во сколько будет удобно? — ну я прям совсем рыцарь, так и шаркаю ножкой перед прекрасной дамой... Хотя это выканье меня немного напрягает. Но некоторая пикантность присутствует, не поспоришь.

— Эм, — девушка не секунду задумалась, что-то вспоминая, — во второй половине дня.

С утра у меня пары в институте, — как то извиняющее добавила она.

— После двух подойдет?

— Договорились, — мне подарили еще одну улыбку, хорррошо, процесс пошел. — Адрес что стоит в договоре, правильный? — я кивнул, а девушка сосредоточенно прикусила нижнюю губку.

Ух, я бы сам с удовольствием прикусил за нее, для начала.

— Запишите мой телефон, — неожиданно сказал даже для самого себя. Хотя чего уж там — более чем ожидаемо, с такими то мыслями в моей голове. Кивнула, послушно сохранила в телефоне. И хотела его уже отложить от себя. Не-а. — Наберите номер — вдруг потеряется, а так я смогу вам позвонить и договориться о встрече в офисе. И ничего не сорвется, — опять кивнула, и через несколько секунд я почувствовал вибрацию своего телефона. — Да, вот теперь все хорошо, — и ты у меня почти на крючке. "Просто" не значит "не нужно".

Я мастер пикапа, проверено.

— Простите, но мне надо срочно бежать, — девушка виновато посмотрела в мое лицо, чуть-чуть улыбнулась. — До встречи завтра?

— Да, до встречи, — и протянул ей руку.

Марина удивленно уставилась на меня, опустила взгляд на мою руку, помедлила секунду. И протянула руку в ответ. Маленькая ладошка, с длинными тонкими пальчиками. Аккуратно пожал ее, задержав чуточку дольше, чем положено для обычного рукопожатия.

Я мастер пикапа, я, вроде, говорил?

Марина

Сбегала к экономистам, оставила там не те бумаги — перепутала. Позвонили, сообщили о моей оплошности. Пришлось срочно бежать обратно, даже накинуть пуховик времени не было. Замерзнуть не успела, зато попыталась несколько раз совершить попытку проехать до места назначения на пятой точке, не получилось, и на том спасибо.

Закрыла программу и не сохранила результаты последних сорока минут работы. Неправильно, вообще неправильно отправила электронную версию документа — пришлось минут десять объясняться с системным администратором. Последний был немного удивлен — я смогла подвесить программу в целом... что считалось невозможным. Я же молодец?..

— Марин, лучше отойди от компа подальше. Угробишь программное обеспечение — голову откручу! Или ремня тебе всыплю по первое число, — и вот непонятно, то ли шутит, то ли всерьез.

Откинулась на спинку кресла, потерла ладонями лицо, хлебнула давно остывший черный кофе. Пфе, гадость какая... сахар забыла положить... а кофе, вероятно, две ложки бухнула... если не три. А все почему? Да стоит перед глазами мой сегодняшний собеседник и все, хоть оба глаза закрывай, хоть по очереди. Высокий, хорошо сложенный, голубоглазый, светло-русый, почти блондин. Ровный нос, густые русые брови, легкая небритость, не тонкие красивые губы. Длинноватые волосы на темени и макушке, сходящие на нет на висках и затылке. Улыбчивый, взгляд открытый, чуть насмешливый, внимательный. Чувствовала себя под этим взглядом кроликом, которого с легким прищуром рассматривает сытый, ненормально добродушный удав.

Вот даже сейчас вспомнила о нем и мурашки побежали по спине. Епрст...

Никогда меня не цепляло так, тем более после получаса общения. Да что там — меня

вообще не цепляло, интерес не просыпался, спал как мишка в спячке. И, тем не менее, факт остается фактом — из рук у меня все валится, мысли только о... взяла в руки визитку. Радоев Вадим Валерьевич. Можно тренироваться картавым — дикцию разрабатывать.

И где же я его видела... буду теперь мучиться...

Глава 6

Вадим

Минеральная с газом, минеральная без газа, новая капсула в кофеварку, несколько видов чая в специальной подставке, сок томатный, апельсиновый, яблочный. Прямо как для самых почетных гостей. А гость всего один, точнее одна — маленькая девочка, которая неожиданно разбудила во мне такой интерес, что я уже с утра нетерпеливо посматриваю на часы. А они, вот как назло, еле-еле сменяют друг за другом цифры. Мать твою, медленно то как. Я веду себя как юнец в период полового созревания и впервые увидевший смазливую мордашку. Опупеть, весело. Кому расскажешь — никто не поверит. А друзья еще и засмеют. И будут совершенно правы.

Интересно, какая реакция была бы у девчонки, если бы узнала какой шмон спровоцировала? Девки на такую придурковатость ведутся на "ура". Все без исключения.

Время два часа. Ну и где она? Позвонить что ль, спросить, где ее носит? Может заблудилась. А может женское привычное опоздание на полчаса-час. А может вообще не...

— Вадим, к тебе посетитель. Марина Котина, — раздался через громкую связь секретутки.

— Я ее жду, — нажал кнопку.

Девчонка зашла в кабинет, слегка растерянно оглядываясь по сторонам. Остановилась посередине кабинета, внимательно смотрит на меня, чуть склонив голову к плечу. Слегка улыбнулась.

— Здравствуйте, Вадим Валерьевич, — голос тихий, спокойный, лишь взволнованно блестят глаза. Эх, мое отчество в ее исполнении звучит с такими мурлыкающими интонациями, даже забавно. Но надо потихоньку переходить на более приватное общение.

— Доброго дня, Марина, — встал с улыбкой из-за стола, подошел на расстояние в метр, опять протянул руку в приветственном жесте. Уже в прошлый раз понял, что с этой девчонкой это отличный способ для первоначального контакта.

Несколько настороженно покосилась на мою ладонь, по-моему, даже сглотнула, сделала шаг вперед и вложила свою ладошку в мою. А руки то холодные...

— Ладонки холодные. Замерзла? — притягиваю к себе чуть ближе. — Горячего чаю, кофе? — вообще обхватил ладошку двумя руками. Во-первых, и правда ледяная, а во вторых — пикап, да.

— Нет, спасибо. Не нужно, — чувствует себя неуверенно, пытается вытащить руку из захвата. Отпускаю, палку не перегибаю. Тихе еду — быстрее оседлаю.

— Как знаешь. Быть может, чуть позже? Когда мы посмотрим образцы, выберем и переработаем шаблоны и закажем документацию? — попробуем пробиться с другого края.

— Конечно! Я с радостью, — вот, отлично. Глазки заблестели, взгляд перестал быть таким неуверенным. Девчонка потихоньку расслабляется.

Одно мне не понятно, что она меня боится то? Я что такой страшный серый волк, что сожрет и не подавится красную шапочку вместе с башмаками и корзинкой? Я ж хороший и обаятельный, на первый взгляд. Но это даже интереснее. Для разнообразия.

Подбор документации и шаблонов не занял много времени, да и усилий тоже. Тем более что ничего сверхъестественного от нас не требовалось. И вуаля — все получилось в лучшем виде. Впрочем, как всегда. Оформили заказ — отправили в типографию по почте.

А я добился прорыва — девчонка расслабилась, начала робко улыбаться. Появились ямочки на щечках, глаза заблестели. Горячий сладкий кофе закрепил мой успех. Отлично.

Вопрос с медалями решали долго и упорно, спорили и препирались. И быстро перешли на "ты" и по имени. Раскраснелась, расслабилась, и радовалась каждой своей маленькой победе в споре со мной. В каждой моей провокации.

— Вадим, ну вот эта медаль мне нравится. Она хорошо подходит для Валентины Тихоновны, что проработала у нас уже сорок лет, она ведет самые сложные проекты, и надо поблагодарить ее за это. В таком возрасте, а так голова хорошо соображает, — сидит почти вплотную, иногда соприкасаемся локтями или плечами когда в очередной раз наклоняемся, чтобы рассмотреть следующий образец. — Вот только надо как о красиво и не длинно это сказать...

— Угу, соображает она хорошо. Дома, у плиты или со сказкой внуку на ночь. Там ей самое место. У нее же уже склероз начался и цветет махровым цветом! — вот кайфую я от этого блеска темно-зеленых глаз. Да еще и когда она так вскидывает на меня взгляд и возмущенно вздыхает для очередной защитной отповеди. Между нами остается расстояние в каких то пятнадцать сантиметров. С трудом удерживаюсь, чтобы не чмокнуть ее в маленький носик.

— Да ну тебя. Записывай, я решила, будет этот номер медали и вот это поздравление. Адаптация с тебя, — быстро научилась перекидывать на меня ответственность.

Спустя десять минут:

— И еще."...Счастья и благополучия вашей семье и вашим близким и пусть...". У нее тут оба сына работают и невестка. Как раз, — Маринка задумчиво читает поздравление на несколько строчек, постукивая пальчиком по нижней губке, мм... — Но как то надо его укоротить. Не влезет.

— Конечно укоротить. "Всей семье привет" — так в самый раз. Семейный подряд практически. Не хватает собаки Жучки и кошки Машки. Ну что, укоротим так? — а сам с трудом сдерживаю смех, уж очень потешно она пыхтит от возмущения.

— Вадим!

— Все-все, — примиряющее поднимаю руки. А стоит только немного девчонке расслабиться — схватил ее за руку, мимолетно прикоснулся губами к тыльной стороне руки и сразу отпустил. — Не злись, детка, я шучу. Все сделаем в лучшем виде, не переживай.

Все про все по времени — почти четыре часа. И хочется уже отдохнуть... Задержал взгляд на девчонке, и, видимо, на слишком долго. Иначе почему смотрит на меня так вопросительно? А может все таки получится перейти к более тесному знакомству, м?

— Ну что, девушка-красавица, — в который раз наслаждался мгновенно вспыхнувшим румянцем на лице Маришки, наклонился к ней почти вплотную. Чувствую тепло ее дыхания на своем лице, еще бы чуть приблизиться к пухлым губкам, — Ударно поработали, выполнили все, что задумывали. Пора и отдохнуть?

Девушка вздрогнула и чтобы избежать такого тесного контакта со мной, отстранилась, вжавшись в спинку дивана. Не стал настаивать, сел ровно как ни в чем не бывало. Перевела дыхание, мельком глянула на маленькие часики на руке, удивленно приподняла бровки.

— Ох, и точно... время то уже седьмой час, — перевела удивленный взгляд на темное

окно, открывая мне вид на тонкую шейку с быстро бьющейся венкой. — Ну ничего себе время пролетело. О, Господи, я столько времени у вас отняла, — мля, ну и что это опять за выканье?!

— Мариш, мы же вроде договорись на "ты" перейти? — так захотелось встряхнуть ее за плечи! Ммать! Я что, столько времени зазря тут распинаясь?! — При учете того сколько ты на меня ругалась, кричала и спорила со мной, ты просто обязана, во-первых, называть меня исключительно по имени, а во-вторых, поужинать со мной. И возражения не принимаются! А то еще позвонят из типографии или мастерской и скажут, не принимаем, мол, ваш заказ и баста. Все пропало, — если придется, я шантажом потащу ее в это долбанное кафе.... Черт. Обаятельно улыбаемся и никакого давления! Ускользнет добыча, а мне бы этого не хотелось. — Я знаю отличное местечко, как раз чтобы подтвердить нашу с тобой сотрудничество, — протягиваю ей руку, которую, подумав несколько мгновений и пристально всматриваясь в мое лицо, девчонка принимает. Есть!

Судя по моему жизненному опыту, девчонка невинна, как ромашка. И вряд ли мне сегодня обломится что то серьезнее невинного поцелуя и целомудренных обнимашек у подъезда. Но если я сейчас ее отпущу просто так — будет вообще засада. Все придется начинать сначала, если я хочу получить от нее хоть что-то, а потерянного времени было откровенно жаль.

Марина

Улыбаюсь, краснею, бледнею, как идиотка. Хорошо хоть пока что осознаю этот прискорбный факт моего сегодняшнего поведения и пытаюсь с ним бороться, без особого, правда, результата. Единственное что получается — это спрятать глупую улыбку в шарфе, закрыв им поллица после того как Вадим помогает мне одеть пуховик, нахлобучить шапку, и сбежать на воздух чтобы немного успокоиться.

— Маришка, подожди. Перчатки забыла. Ты же не собираешься сбежать от меня? — я резко обернулась и оказалась очень близко от парня. Рефлекторно отшатнулась, не подумав, что стою уже на первой ступеньке лестницы, собираясь по ней спускаться. И оказалась в его объятьях. Таких уверенных, таких крепких. Пробил озноб, надеюсь, что через пуховик не было заметно?

— Не торопись, девочка, убегать от меня, — тихий шепот практически на самое ухо, горячее дыхание чувствую кожей, перехватывает дыхание от его такого близкого присутствия.

Смотрю в глаза, что так близко от меня, могу рассмотреть каждую черточку, малейшую морщинку на лице Вадима. Глаза у него сине-голубые, как постепенно темнеющее на ночь небо после ясного летнего дня.

— Хорошо, — судорожно сглотнула неожиданно ставшим сухим горлом.

И вдруг захотелось, чтобы он не отпускал меня из своих объятий. Чтобы продолжал вот также удерживать меня от падения, от позорного бегства, от неуверенности в себе, убедил довериться, поверить, заставил почувствовать свою нужность ему. Продолжал смотреть на меня своим смеющимся взглядом, читая все мои метания и сомнения. Судорожно вздохнула, не в силах отвести от него взгляда и... у меня забурчало в животе, да так громко это было во вдруг возникшей тишине. Мучительно покраснела и попыталась отстраниться.

— Я просто обязан это сделать, — тихий шепот, горячее дыхание всколыхнуло тонкую прядку у моей щеки. Чуть поежилась от щекотного ощущения.

— Что? — голос резко пропал, остался лишь жалкий лепет.

— Накормить тебя. Согласна? — даже если в моей голове и возникли бы мысли о побеге, я бы просто не смогла вынырнуть из его гипнотического взгляда. Как замороженная, кивнула.

Небольшое уютное кафе рядом с торгово-офисным зданием, всего-то надо перейти на противоположную сторону. "Капучино" — красивая вывеска со стилизованной кофейной чашкой. Приятный легкий полумрак создает особый уют и комфорт внутри кафе. Столики довольно далеко друг от друга, с мягкими диванами коричневой кожи, отделенные друг от друга веревочными шторами всех оттенков бежевого и коричневого.

— Вадим, укажи мне, пожалуйста, в какой стороне дамская комната? Руки бы помыть, — да и по другому назначению использовать тоже было бы неплохо.

— Прямо по коридору и направо. Налево — мужской туалет. Ну там табличка с писающим мальчиком, не перепутаешь, — развернул меня за плечи и слегка приобняв при этом, Вадим указывает мне направление движения. — Пошли, провожу. Мне в том же направлении надо, и по той же надобности, — и ведет меня вперед, все также держа за плечи.

И даже не краснею. Ну почти. И даже не знаю от чего именно — от его объятия или от того что меня так легко раскусили. Все же писать хотят, правда?

Боже, какой только бред не лезет в голову, когда там совершенная пустота и растерянность. И волнение, и неуверенность, и страх, что я сделаю, что-то не так, не верно, неправильно с точки зрения парня. И воспоминания, и до сих пор не прошедшее ощущение сильных рук, что удерживали меня от падения с лестницы. Вернулась за столик, пытаюсь унять дрожь в руках и незаметно взять себя в руки.

— Я такой голодный, только сейчас понял, — Вадим подошел незаметно, я даже вздрогнула от неожиданности.

Скинул пиджак рядом с собой на диван, оставшись в белой рубашке, ослабил серебристый галстук, закатал рукава рубашки, открывая загорелые крепкие руки, прямоугольные часы на запястье. Сложил руки на груди, облокотившись ими на стол. И тут я поняла, что неотрывно наблюдала за ним, жадно рассматривала, с интересом, цепляясь за детали — широкий кожаный ремень с плоской пряжкой, выделяющаяся пачка сигарет кармане брюк, тонкий, почти незаметный зажим на галстуке, чуть заметная красная полоска раздражения на шее от тугого воротничка рубашки. И кривоватая улыбка парня, что, прищурившись, смотрит на меня. Смущаться и отводить взгляд поздно, уже спалилась, поэтому просто смотрю в его глаза.

— Есть, говорю, хочу. Очень. И если сейчас не закажем что-нибудь, буду грызть тебя, — и смотрит так оценивающе, где кусочек повкуснее. Не выдержала — рассмеялась.

— Я невкусная. Тем более что маленькая и костлявая. Может лучше попросить что поаппетитнее у официанта? — указываю глазами на молоденькую девочку в форменном бардовом фартуке ниже колена, с готовностью наблюдающую за нами.

Беседа, начавшаяся с непринужденного разговора ни о чем за едой, как то незаметно, но совершенно непринужденно перешла в разряд почти что доверительного разговора по душам. Не задумываясь и не напрягаясь, я рассказывала о себе, об учебе, опустив, конечно, подробности не самого, мягко выражаясь, радужного общения с одноклассниками, о работе, вскользь поведала об отсутствии свободного времени. В общем, рассказала все.

— Постой, ты сейчас на втором курсе, — это не вопрос, но я все-таки согласно кивнула

Вадиму на его высказывание. — А выпускной у тебя был полтора года назад, — и снова я кивнула, еще не совсем понимая, куда ведет собеседник. — А он был у вас случайно не в ресторане? Как его там... "Седьмое небо", кажется?

— Да, все так. А откуда ты... — и тут я, наконец то, вспомнила, где именно я видела Вадима. И когда. — Точно! Ведь это ты был у нас ведущим! А я все никак не вспомню, где я тебя видела, — смотрю на улыбающегося Вадима, и понимаю, что он меня тоже запомнил. И от этого понимания становится тепло и радостно на душе.

— Ха, тебя сложно забыть по всем параметрам, детка! Такое представление устроила! Я потом под впечатлением от твоего поступка неделю ходил, — а я опять краснею и опускаю взгляд от его слов, хоть и звучат они несколько насмешливо и определенная доля сарказма там все-таки присутствует. — Где так научилась защищаться, если не секрет?

— Не секрет. Друг научил. Как раз для таких вот представлений, — решив назвать то событие этим не совсем понятным для меня словом, отгоняя свои воспоминания о том вечере. — Если честно, то сама от себя подобного поведения не ожидала. И была удивлена, наверное, не меньше тебя, — сделала перерыв в разговоре, отпивая маленькими глоточками невероятно вкусный травяной чай. Заодно немного успокаиваясь, — Что? Я спокойная и уравновешенная, почти всегда, — судя по усмешке и недоверчивому хмыку, он мне не поверил.

— Охотно верю. Но на всяких случай томатный сок от тебя буду держать на расстоянии, равно как и любые другие напитки в бьющейся таре, — откровенно смеется надо мной. И, правда, отодвинул от меня горячий чайник.

— Гранатовый, — невозмутимо поправляю я, борясь с непонятными эмоциями внутри. Я не горжусь тем, что сделала тогда. Ибо гордиться там нечем — дала сдачи, ответила агрессией на злобу и насмешки, защитила слабого, взяв на себя смелость в праве физической расправы. Я, девушка! никого другого рядом не оказалось и никто другой не спешил вмешиваться... Молчать и терпеть — ни к чему хорошему это, как было доказано, не приводит и, случись сейчас что-то подобное при отсутствии другого способа решения проблемы, поступила бы также. Но некоторая насмешка, проскользнувшая в голосе Вадима, меня кольнула. Не обидела, нет. Скорее вызвала стыд и сожаление, что он был свидетелем той безобразной сцены.

И вот теперь, он сидит напротив меня, лениво покручивая в ладонях чашку с черным горьким кофе, и оценивающе разглядывает меня, как будто только сейчас увидел впервые. Задумчивый интерес, природу которого я совершенно не понимаю, как ни стараюсь. И совершенно нечитаемый взгляд без тени улыбки. И от этого начинаю сильно нервничать.

Опустив голову, разглядываю почти пустую чашку. В голове роятся мысли вперемешку с воспоминаниями, и самая настойчивая — пора расплачиваться, собираться и топать до дома. Вечер, каким бы приятным не был, подошел к концу. Тоскливо.

Только я подняла голову и собралась позвать официантку, как заговорил Вадим. Все также продолжая внимательно меня разглядывая.

— Мариш, — я перевела вопросительный, наверное, даже испуганный взгляд. — Тут подают вкусный глясе. Попробуешь? — я неуверенно кивнула. И опять без улыбки и лишних слов...

Что это? Игра? Или нет?...

Как бы я хотела знать, о чем он сейчас думает. А вместо этого я рассматриваю принесенный десерт, не рискнув поднять на него взгляд и поймать в нем холод, или

отчужденность. А может быть, и брезгливость.

Похолодевшие пальцы с трудом удерживают тонкую ложечку за длинную ручку, в итоге — подтаявшее мороженное в уголке губ и маленькая капелька на подбородке. Только потянувшись за салфеткой, исправить свинство в моем лице, как...

— Не забивай голову глупостями, — я замерла, настороженно следя за протянувшейся рукой. Стер большим пальцем капельку с подбородка и слегка погладил костяшками пальцев меня по щеке. Перевела взгляд на его лицо — и комок, что стоял в горле, начал медленно растворяться. Нет и в помине тех эмоций, что я боялась увидеть. Лишь спокойный интерес, легкая улыбка и... заинтересованность?

Я смогла лишь кивнуть и то через пару секунд. И только тогда Вадим убрал руку от моего лица.

— Нравится? — кивнул на лакомство.

— Очень, — не покривила душой ни капли. И не только десерт.

Практически до дрожи хочется прикоснуться к сидящему напротив меня мужчине, почувствовать его тепло и поддержку. А он все также внимательно смотрит на меня и, кажется, читает как открытую книгу с крупным шрифтом и незамысловатым текстом на страницах...

Вновь накатила неуверенность в себе — я знаю его несколько часов, вижу второй... поправка, третий раз в жизни. А чувствую себя мотыльком, которого тянет на этот теплый огонь. Неотвратимо, без возможности остановиться и подумать о своем поведении.

Мне надо каким то образом взять себя в руки, сама понимаю, что я веду себя ненормально, не адекватная реакция на совершенно постороннего человека. И может быть, все его знаки внимания — всего лишь дружеский интерес и не более чем воспитанность мужчины? И я все себе напридумывала, а на самом деле я запала на парня которому просто не хватает наглости и хамства отшить наивную девочку? Надо сбежать, хотя бы в туалет. Пока не стало поздно, пока мне не стало стыдно до дурноты, пока меня не поставили на место. Стало больно.

— Я, — голос внезапно стал сиплым, и получился какой то хрип, слегка кашлянула, — Я на пару минут отойду в, — Боже мой, слово забыла, щелкнула пальцами и показала примерное направление, куда хочу сбежать. — В туал... туда, — о, мама моя, стыд то какой.

И пока он мне ничего не успел сказать, сбежала. С перепугу чуть не влетела в мужской туалет, в последний момент успела среагировать на говорящую табличку и развернуться все таки в расположенный напротив дамский уголок.

М-да уж, крррасавица. Ничего не скажешь. Оставалось только с тоской смотреть на саму себя в зеркало. С тоской и непониманием, как быть сейчас? Как себя вести? Что делать после своего позорного бегства? Идиотка.

Умылась холодной водой. Пять раз. Ни с первого, ни со второго пробудить здравый смысл просто не получилось. Зато уже на четвертый раз я почувствовала, что вода то, блин, ледяная. Зато мозги, не иначе как по счастливой случайности, начали работать. И стало стыдно. Совершенно не удивлюсь, если сегодня я вижу Вадима в последний раз — он просто больше не захочет с такой нервной и неуравновешенной особой общаться. Может, все и к лучшему... что делать с навалившейся апатией, не понятно.

— Мариш? — я обреченно подняла взгляд. Смотрит на меня внимательно, чуть насмешливо. — Пойдем, погуляем? Погода классная. Смотри, — указал рукой на окно, около которого мы сидели. Я машинально перевела взгляд. — Снег пошел, хлопьями.

Пойдем?

— Да... конечно, — все что я смогла выдавить из себя, хлопнув в недоумении ресницами.

О чем мы говорили на прогулке? Понятия не имею, в одно ухо влетало — чуть крутилось для порядка в пустой голове — и вылетало наружу, не задерживаясь и не обременяя меня новой информацией.

Каким то, не иначе как волшебным, образом оказались около подъезда. Знакомый такой подъезд — мой. И это была первая связная мысль в моей голове. А вторая...

— Маришка... — услышала прямо над ухом, от неожиданности поскользнулась на скрытой под пушистым снегом маленькой, замерзшей лужице. И падать мне было бы больно на многострадальную попу, если бы он не подхватил меня под локоть, придал вертикальное положение, а для устойчивости еще и крепко прижал к себе, предварительно развернув и обхватив за талию. Если ее вообще можно найти в зимнем бесформенном пуховике.

— Стоишь? — парень склонился ко мне, лицо оказалось неожиданно близко. Почувствовала теплое дыхание на щеке. И снова замерла, как кролик перед удавом.

Вот только мне что-то подсказывает, что удав в данный момент нифига не добродушный. И замерла в... предвкушении.

— Да, спасибо... у меня постоянные проблемы с падением на лед, снег и с лестницы, — бормотала я хоть что то, чтобы не молчать.

— А я тебя опять поймал. Такая маленькая, — все тот же тихий шепот, теплая ладонь, слегка касаясь, провела по моей щеке. Я вздрогнула, и, по-моему, вообще перестала дышать.

Про то, чтобы что-то ответить — и речи быть не могло.

— Ты боишься меня, крошка? — еще одно поглаживание моей щеки, и все такое же крепкое надежное объятие. Сердце билось как сумасшедшее, где то в горле. Иначе от чего у меня шумит в ушах?

— Не знаю, — ответила максимально честно, наверно, по-другому просто не смогла бы.

— Поверишь, что я не причиню тебе вреда? — все тот же взгляд, что пробирает меня до дрожи. И от которого внутри разливается тепло.

Я просто кивнула.

А через мгновение Вадим прикоснулся к моим губам. Аккуратный, почти невесомый поцелуй, пробующий на вкус. Я точно перестала дышать, просто замерла не в силах пошевелиться. И не потому что мне страшно. Нет! Мне дико интересно и любопытно.

А он продолжал все также медленно и нежно прикасаться к моим губам.

— Холодная... замерзла? — прошептал чуть оторвавшись от поцелуя. — Надо согреть.

У меня получилось сделать маленький вдох. Его рука скользнула на затылок, вторая осталась также крепко обнимать и прижимать меня за талию. Волна жара согрела меня лучше всякой печки.

Как там написано в дамских романах? Бабочки в животе? Мои, наверное, в спячке — зима на дворе все-таки. Вот только жар в груди, бешено колотящееся сердце и слегка онемевшие пальцы рук — это про меня. Не так романтично, но что есть.

Оттянул слегка нижнюю губу, чуть посасывая. От неожиданности я приоткрыла рот, и туда сразу же скользнул настойчивый язык. И начал неторопливо исследовать территорию. Погладил мой, пробежался по ряду верхних зубов, чуть задел небо и снова вернулся к языку, словно приглашая к танцу. Вот только проблема — что делать я не знаю. Да это не надо — Вадим уже снова изменил характер нашего поцелуя — теперь это по завоевание территории,

напористое и настойчивое. Чуть покалывает пробившейся щетиной, чем добавлял еще большую остроту и так сумасшедшим ощущениям. Если бы меня так крепко не держал — упала бы точно. Ножки подкашиваются, голова кружится, в ушах шумит. Его рука все также крепко, но аккуратно удерживает мой затылок. Как будто я могу вырваться. Не могу и не хочу, я таю и млею от своего первого поцелуя. Что только в начале был невесомым, теперь слегка сминая губы, покалывая подбородок и быстро и жадно выпивает меня, не давая сделать вдох.

Я не знаю, сколько времени прошло. Но человек такое существо, которому все-таки надо дышать. И если мое дыхание просто сбилось на поверхностные всхлипы, то, наконец-то, оторвавшийся от меня парень дышал тяжело и часто, прислонившись своим виском к моему.

— Сладкая... — хриплый шепот, он тоже потерял самообладание? — Ты мой персональный десерт, — и, не давая мне вставить и слово, начал целовать меня снова.

Вот только страсти и напора в этом поцелуе стало на порядок больше. Было такое ощущение, что стоим мы не на улице с небольшим морозцем и падающими большими хлопьями снега, в объемной зимней одежде, а в спальне. И не по душам поговорить собрались.

Вот это и включило какой-то тумблер в моих затуманенных мозгах. Боже мой, я знаю этого человека несколько часов, а уже всю засосалась с ним около подъезда! Как такое, вообще, возможно? Как такое возможно со мной?! Туман в голове начал рассеиваться, а вместе с ним и стало пропадать очарование момента.

Уверенные, сильные движения жадных губ и настойчивого языка, не причиняющие, впрочем, боли или физического дискомфорта, добились только моего смятения и попыток остановить парня. Прервал поцелуй, смотрит мне глаза, переместил ладонь на горящую жаром щеку, следка погладил большим пальцем припухшие губы.

— Согрелась? — слегка насмешливая интонация не смогла скрыть тяжелое дыхание и отвлечь от блеска в его глазах.

Я смогла лишь неуверенно кивнуть. Какой информативный, однако, жест.

— Я, наверное, тороплюсь. Подправим ситуацию? — удерживая мой взгляд, снова погладил пальцем губы. Не понимая, что он от меня хочет, чуть пожала плечами.

И снова поцелуй — легкое, как лепесток, касание, теплое дыхание на щеке и тихое на ухо:

— Маришка...

Вадим

Я отпустил ее домой, от греха подальше. Я скотина, но даже до квартиры провожать не стал — не сдержусь, и сделаю ее взрослой. Мне похрен, что первое свидание и знаю я ее всего несколько часов. Вообще все равно, что она еще девственница, а в этом я уверен на все 200 %. Мне вообще показалось, что и поцелуй сегодня был первый. Уж больно подозрительно она застыла столбом при моих прикосновениях, хотя в глазах я отчетливо видел предвкушение и ожидание.

А после неумелой попытки меня поцеловать у меня просто начало рвать крышу. И что же будет, если я окажусь с ней наедине в квартире, в тепле и уюте, да еще и не в зимней одежде? Прально — удовлетворение сексуального влечения, которое совершенно неконтролируемо вызывает у меня эта несуразная тощая девчонка. У меня! Вот на кой хрен

мне сдалась такая пугливая зайка?!

М-да, блин, надо что то с этим делать. Не насиловать же сегодня диван, он бесчувственный, твердый и никакой приятности. И машина, как назло осталась около офиса... и снег пошел все сильнее, а романтическое настроение "Ах, какая красота" и прочая дребедень — окончательно выветрилась из моей головы. Не по мне вся эта тема.

Залез в телефон, бегло пролистал список контактов. Блин, пропустил, вернулся на пару строк назад. Легкая в общении, безотказная девчонка, мотылёк, и это именно то, что мне сейчас надо. Нажал на вызов, после шестого гудка наконец то ответили.

— Алло, — немного сонный голос, слегка охрипший. Спала что ли?

— Привет, детка. Помнишь меня? — секундная пауза, видимо смотрит на номер, вспоминает, кто это. Че, представляться придется?! А может еще несколько жарких моментов напомнить?

— Привет, Вадим, — ну слава яйцам, узнала. Слегка усмехнулся.

— Есть свободный часик-полтора? — да вот так банально и грубо. Ну как то надо прощупать почву, вдруг занята чем? Или кем. И сразу к делу, времени даром не теряя.

— Да, на тебя я даже пару часов найду, — хмыкнула в трубку девушка. — Адрес напомнить?

— Не надо. Скоро буду, — отключился, уже не слушая ответ.

Адрес у меня давно записан, в этом же телефонном контакте.

Марина

На ватных ногах поднялась на свой родной этаж, перекопав всю сумку, наконец-то обнаружила ключи. С третьей попытки открыла замок, хотя раньше с ним никаких проблем не возникало. Ввалилась в темный коридор и, облокотившись на твердую поверхность двери, сползла по ней на пол — ноги окончательно перестали держать мое брэнное тело. Слегка дрожащее, с бешено колотящимся где то в горле сердцем, жаром в груди, с румянцем во всю щеку и съехавшей набок шапкой. И крышей, судя по всему.

Посидела немного в темноте, восстанавливая сбившееся дыхание, прижимая холодную ладонь к припухшим губам. Встала, щелкнула выключателем на стене рядом и уставилась на девушку в огромном зеркале в коридоре. Ужас-ужасный. Из-под шапки торчат две вылезшие прядки из хвоста, глаза горят, безумные, огромные, опалевшие. Щеки красные, будто я снегом умывалась полчаса без перерыва, а уж губы то, губы — пельмешки. И ни одной разумной мысли в голове.

На автомате завела будильник, умылась и завалилась спать. Смотреть сны со сладкой ванилкой и пушистыми облачками. А что еще может присниться восемнадцатилетней, совершенно наивной девочке, которую сегодня так целовали? Только тот объект, кто целовал...

Только тот объект, в которого она, похоже, влюбилась...

Глава 7

"Привет, крошка) как твой день?:))" — именно он, тот самый адресат.

Крошка в моем лице растянула лицо в глупой улыбке.

"Привет! Наслаждаюсь тесной и теплой компанией)". Еду в переполненном автобусе с учебы на работу. Скобочку-смайлик после недолгих колебаний я все-таки добавила.

"О, а для меня местечка не найдется?)" — не заставил себя долго ждать ответ.

"Я боюсь, что тогда мне совсем нечем будет дышать..." — кое как напечатала в ответ.

При этом все также глупо улыбаясь.

"Я помогу тебе, будем дышать вместе" — от такого ответа у меня и, правда, перехватило дыхание. Точнее от воспоминания, красочного и яркого, нашего поцелуя у подъезда. Опять покраснела. И опять глупо улыбнулась. О, Господи...

Глупенький ответ глупенькой девочки "Я согласна"...

"Поторопись только — а то вся компания разбежится" — добавила в следующем сообщении.

"Уже бегу! Ты где?" — как он так быстро печатает то?

"В автобусе. А вот где он — не знаю, я сбилась со счета остановок, теперь понятия не имею когда мне выходить(((— и правда не знаю.

Пришлось настойчиво проталкиваться поближе к выходу, чтобы хоть в открывающуюся дверь на остановках, определить свое местонахождение. Телефон пришлось запихнуть в карман пуховика под молнию, чтобы не потерять. Как оказалось, вовремя — моя остановка следующая. А телефон все продолжает что то пикивать... уже дважды.

Вывалившись практически в сугроб на остановке, первым делом полезла в карман.

"Я могу составить тебе компанию вечером"

"Тепло и тесное общение гарантирую)"

И пока я, как баран на новые ворота, пялилась в последнее сообщение и раздумывала, что же мне такое ответить, а в голове пусто, пришло еще одно сообщение:

"Если хочешь, даже в автобусе проедемся?)"

"Я подумаю) Пока я только добралась до работы" — похоже, моя скорость печатания сообщений на телефоне тоже несколько повысилась. А еще я все также продолжаю стоять на остановке, лишь на полшага отойдя от горы снега мне почти по колено.

"Напиши мне примерно за полчаса перед тем, как освободишься. Я заберу тебя" — и так тепло мне стало от простой фразы...

"Ок)".

Как счастливый электровеник на реактивной тяге, судя по скорости перемещения, поскакала на работу. Весь тот ворох бумаг, что накопился на моем столе за один пропущенный день и один вынужденного (по причине сумбура в голове) бездействия, я разгребла примерно за три часа. И еще пара часов у меня ушла на то, чтобы выполнить всю необходимую работу на компьютере. А телефон постоянно или зажат в ладошке, или повернут экраном вверх в поле прямой видимости.

Уже все давно разошлись по домам и часы показывают семь часов. Мерно шумящий комп наводит зевоту, а молчащий как партизан телефон прямо на подставке под монитор напротив моего лица — тоску. Молчит, больше ни одного сообщения.

Вздыхнув, сыпанула через край, не пользуясь ложкой, кофе в кружку, два кубика сахара туда же и пошла включить электрочайник. Может хоть от кофе чуть взбодрюсь. И согреюсь — вновь стало холодно. Не снаружи — новые, только пару месяцев назад поставленные батареи греют исправно, холодно внутри, до легкого озноба. Снова.

Звук входящего сообщения в тишине пустой комнаты прозвучал слишком громко. Вздрогнула и расплескала уже заваренный кофе из кружки.

"Детка, ты про меня не забыла?;(("

Сердце суматошно заколотилось в груди, точнее, где то ближе к горлу. Ни одной связной мысли в голове, вообще. А он все пищит.

"Я сейчас почти в районе твоей работы, могу тебя забрать"

"Или ты уже дома?"

"И я даже не против приехать к тебе в гости. Очень хочется тебя увидеть, крошка"

Зависла с глупой улыбкой на лице, телефоном в одной руке и почти полной кружкой кофе в другой.

"Я пока на работе, буду готова выйти через 10 минут", кое как пристроив так и не тронутый кофе на своем столе, быстро набрала я. И пофигу на недоделанную работу.

"Я буду тебя ждать)"

Я была на проходной через 9 минут, он уже был там. Высокий, привлекательный молодой человек в короткой куртке с накинутым капюшоном. И не холодно?

— Мариш, так я же на машине, — ой, мамочки, я видимо последнюю фразу вслух сказала, вместо приветствия. — Там тепло, да и в толстой зимней одежде неудобно. Чувствую себя неповоротливым медведем. А ты что так долго засиживаешься? — и прикосновение теплой ладони к моей щеке.

— Конец года, много работы. Тем более что я студент — график работы у меня свободный, — зачем то оправдываюсь я, краснея и на грани заикания. А сама взгляд от него отвести не могу.

— Поехали, отвезу тебя домой.

— Спасибо, — за пронизательность. Неожиданно навалилась усталость после слишком долгого дня без минутки покоя. И облегчение — что все-таки не забыл обо мне.

Я почти заснула в теплой машине. Темно, только светится панель приборов, играет приглушенная музыка, спокойная езда по, наконец-то, разгрузившемуся от бесконечных пробок городу. Молчащий всю дорогу парень за рулем, лишь изредка задумчиво посматривающий на меня, когда стоим на перекрестках.

— Прости, я сегодня не собеседник, — виновато улыбнулась на очередном красном. А в ответ, протянув руку, легко коснулся большим пальцем моей щеки и подбородка.

— Ничего, я вижу ты устала. Тем более что у меня сегодня тоже был загруженный день.

Подумав секунду, коснулась пальцами его ладони. Теплая, сухая, немного шероховатая. Улыбнулся мне в ответ, и уверенным жестом переплел наши пальцы, слегка погладив запястье.

Через десять минут машина остановилась около моего подъезда. Мы все также держались за руки, такую уютную тишину совершенно не хотелось покидать.

— Мариш, у меня новость, — заглушив мотор и отстегнув ремень безопасности, повернулся ко мне парень. — Точнее одна новость и одна просьба. С чего начать?

— Давай с новости? Хорошая хотя бы? — я отстегнулась и повернулась к собеседнику. Полумрак в машине лишь немного рассеивается светом от фонаря над подъездом.

— Сегодня звонили с типографии, примерно к концу недели будет готова вся поздравительная и наградная составляющая. Так что все успеваем с запасом, — в полумраке видно как улыбается мне парень. А у меня мысли путаются от этой улыбки.

— Отличная новость, — все что я могу выдать на это, в голове то и дело мелькают воспоминания того вечера. — А что за просьба?

— С организаторской частью праздника возникли серьезные проблемы. Я даже не знаю, как тебе об этом сказать, но возможно, что большая часть праздничных мероприятий висит под угрозой срыва, — серьезное выражение на лице Вадима и конкретный ступор у меня.

— Что? Что случилось?

— Ты же знаешь, что ведущим вечера у вас буду я? — я отрицательно покачала головой. — Теперь знаешь, — чуть усмехнулся собеседник. — Так вот. У вас два ведущих — я и моя напарница Надежда. И вся проблема состоит в том, что Надька сегодня пошла в магазин, поскользнулась и шлепнулась на улице. Да не просто так шлепнулась, а слетела, дурында, с каблуков. В итоге — лодыжка опухла шариком, на ногу наступить не может — на две недели на больничном минимум. А у нас вечер через полторы недели. Вот такая проблема, — грустно закончил Вадим, при этом внимательно продолжая смотреть на меня. Я бы сказала даже выжидательно.

— И что же делать? — нет, еще пока не паника, но уже что-то близкое у меня точно.

— Есть решение. Ты.

— Не поняла? — вот прямо совсем. Это что шутка такая?

— Ты будешь моей напарницей, — совершенно серьезно смотрит на меня.

И тут я истерично хихикнула над несколько дурацкой шуткой. Не в тему она совсем.

— Шутишь? — глупо звучит, и именно так я сейчас себя ощущаю.

— Нет, — Вадим отрицательно покачал головой, не иначе как для пущей убедительности. — Да не пугайся ты так, детка! Все просто и легко — тебе всего лишь надо будет помочь мне в проведении викторины, в награждении почетных лиц, раздаче новогодних мини-подарков и просто побыть красивым дополнением праздничного вечера. И я бы очень хотел, чтобы именно ты была рядом со мной в тот вечер, — с надеждой заглянул мне в глаза, удерживая в своих руках мои похолодевшие ладони.

А я просто в полнейшей прострации сижу и не особенно понимаю, что же мне делать.

— Подожди, Вадим. Это как то... Я же никогда ничем подобным, точнее ни в чем таком... подобном не участвовала, — я от волнения все слова позабывала родного русского. — Я не уверена что у меня что то получится. Точнее я боюсь, что все испорчу. Может, лучше кого-нибудь другого? У вас же есть, наверное, заменяющие? — договорить мне не дали, прервав и взяв меня за руку.

— Подожди, детка. Успокойся и послушай меня. Повторяю — ничего сложного. Да и кто если не ты, должна стоять со мной на сцене, после всей той работы, что ты проделала? Просто подумай, как приятно будет всем тем людям, о которых ты так переживала. Ты сама будешь их поздравлять, рядом со мной, дарить свою улыбку. Я скажу тебе по секрету — это очень приятное ощущение, оно окрыляет. Тем более я всегда буду рядом с тобой, постоянно, не отойду от тебя ни на шаг. Хорошо? — теплая ладонь слегка сжала мои пальцы. — Замерзла? Пальчики холодные, — протянул руку к соплу воздуховода печки, слегка нахмурился. Конечно, оттуда идет теплый воздух. И должно мне быть тепло и комфортно. По крайней мере, нормальному человеку было бы хорошо. И радостно — что ее приглашают вести новогодний вечер. А мне страшно, очень. И мыслей никаких.

С трудом сконцентрировалась, выдавила:

— Я скажу тебе завтра, хорошо? Я позвоню.

— Конечно. Я буду очень ждать твоего звонка, — теплая ладонь все также держит меня за руку, ласково, но настойчиво. Аккуратно согревая своим теплом.

И отпускать видимо не собирается, а я смущаюсь. Попытка освободить конечность провалилась. Точнее закончилась тем, что меня уверенно притянули поближе. В результате сижу практически между сидениями. Не будь я в зимней, неуклюжей одежде, точно оказалась бы на коленях у Вадима.

— Такая хрупкая, нежная. Как полевой цветок, хочется беречь тебя, оберегать и защищать, — от такого перехода я замерла и почти не дыша, уставилась на парня. Поглаживая второй ладонью меня по щеке, он продолжил, — А еще поцеловать.

Посчитав мое ошеломленное молчание за согласие, слова не разошлись с делом. А я ни о чем другом кроме как о теплых, твердых и таких уверенных губах не могу думать. Ласковые прикосновения быстро сменились более уверенными и настойчивыми. Это нечто среднее между уговорами и новым ощущением приказа повиноваться ему. От которого все внутри сжимается в комок, пускает мурашки вдоль позвоночника и рождает тепло в груди. Одновременно хочется сбежать от своих непонятных чувств и прильнуть сильнее в поисках удовольствия, тепла и... защиты? Наверное, не знаю.

Легкие прикосновения губ к виску, скуле, щеке, уголку губ и опять нежный поцелуй в губы, точнее в нижнюю губу, слегка ее оттянув. Уговаривающий.

— Я надеюсь, что ты будешь со мной, мне бы так этого хотелось. В тот вечер, в тот праздник. Беги, а то я так и не смогу тебя отпустить, — отпустил мой затылок, лишь слегка поглаживая по щеке кончиками пальцев, вернул на пассажирское место в машине.

— До завтра? — губы горят, глаза наверняка по пять копеек, шапка опять съехала на бок.

— Спокойной ночи, детка. Сладких снов, — на прощание провел большим пальцем по моей нижней губе... — Ты мне будешь сниться...

На свой родной четвертый этаж я взлетела как на крыльях. Хотя, почему как? Наверное, именно на них, родимых, и летела. Крыльях влюбленности. Никак иначе потерю всякой способности связно мыслить и отвечать в присутствии этого парня, я, обычно спокойная и уравновешенная, порой даже равнодушная и отрешенная, объяснить не могу. Интересно, все так глупеют или это я такой уникам? Глупо хихикнув, занялась раскопками ценного артефакта в виде ключей в сумке. Я с ним? Я с ним... Я хочу быть с ним! И он тоже мне будет сниться, в этом я уверена.

Интересно, это лечится? Или безнадежно...

Глава 8

— Привет, мелкая, — я так засмотрелась на снежинки, что медленно опускаются на мою перчатку, что слегка вздрогнула от знакомого и голоса и оклика, что раздался прямо у меня над головой. Обернулась.

— Привет, здоровяк, — подняла голову и с улыбкой рассматриваю Серегу.

Высокий, просто огромный в зимней куртке, парень с интересом меня разглядывает, засунув руки в карманы, как всегда без шапки, но в капюшоне — что уже удивительно. Слегка улыбаясь мне уголком губ.

— Ты, по-моему, еще больше вырос. Куда уж больше то? Может пора остановиться? — я почти достаю до плеча. А сапожки у меня на небольшом каблучке.

— Или тебе подрасти. Что мерзнешь? Или просто воздухом дышишь и снежинки контролируешь? — кивнул головой на все также мою раскрытую ладонь.

— Друга жду и бытовую технику, — получилось слегка жалостливо. Но стоять одной скучно, а в открытую попросить постоять вместе — совесть не позволила, пока что.

— Составить компанию?

— Если никуда не торопишься, — воот, и просить не пришлось. Улыбнулась намного радостнее.

— Совершенно свободен неограниченное количество времени. Тем более что погода

отличная. Как раз для прогулок. Или игры в снежки, — провокационно улыбнулся Серый.

— Нет! Знаю я твои снежки — все равно что камнем получить! — отрицательно замахала руками. Для верности сразу двумя. Знаем, помним, носим шрамик над бровью.

— Да ладно тебе, давно дело было, — слегка смущенно повел плечами.

— Еще скажи — неправда. Что было давно и не помнится в деталях, того и не было. Верно? — слегка улыбнулась я.

— Сечешь фишку, молодца, — одобрительно щелкнул пальцами этот верзила.

— Мар, здорова! Прости, я опоздал слегка, траллик застрял на полпути, пришлось пешком добираться, — немного запыхавшийся и раскрасневшийся Тёма, со слегка сдвинутой на бок шапкой, и, как всегда открытой шеей. И нет, шарф у него есть — сама дарила на прошлый Новый год, и он его даже носит. Вот только так просто, для проформы на шею повесит, чтобы не доставал никто, а замотать шею как положено — почти никогда. Этим обычно занимаемся мы — по очереди Таша или я. Сейчас, видимо, моя очередь.

— Привет. Подойди, горе луковое, — поправила послушно подошедшему и даже наклонившемуся парню шарф. Из чисто природной вредности, закрыла шарфом Тёму по самый подбородок, еще и молнией щелкнула угрожающе-предупреждающе.

— В следующий раз вообще по уши замотаю. И Таше пожалуюсь, учти, — многозначительно погрозила пальцем. — Знакомься, это мой очень хороший друг — Сергей. Сереж, это недоразумение — мой друг Артем, моя вечная головная боль с института.

— Эй, я паинька! Помогать вот тебе пришел! Кстати, где фронт работы то? Не приехал еще?

— Неа, ждем.

— Газель? — спросил Сережка, смотря куда то в сторону. Совсем не в ту, с которой я ожидала.

— Ага, — одновременно с ответом повернулась и отряхнула перчатки. — Это будет несколько сложнее, чем я предполагала.

Все дело в том, что двор у нас не проездной — около соседнего подъезда положили бетонный блок поперек дороги. Мне как пешеходу — отлично, безопаснее и спокойнее. А вот нести стиральную машинку сейчас придется лишние пятнадцать метров.

Серега задумчиво наблюдал за попытками припарковаться старенькой и убитой газели.

— У вас грузчики? — спросил он, ну, наверное, у меня.

— С тобой рядом стоит. Ты с ним только что познакомился, — воспитанно не стала тыкать пальцем в Тёму. А тот слегка пожал плечами в ответ на вопросительный взгляд Серого.

— Пошли, грузчик. А то они сейчас допетрят, что подъезд не тот. Выезжать будут, еще ждать придется. Проще так донести, — Тёма согласно кивнул и отправился следом за моим другом.

Эм, у нас нарисовался второй грузчик, на добровольной основе?

По крайней мере, никак иначе я объяснить то, что Серега призывно помахал мне рукой, расстегивая молнию, не могу. Отдав мне теплую и объемную куртку, парень остался в черном свитере под горло и джинсах. Да еще и Тёма сгрузил на меня свою верхнюю одежду. Гардеробщицу нашли, блин. Хоть шарф оставил на шее.

И подхватили эти два молодца быстро осмотренную технику под опорные деревянные планки, и моментально потащили ее восвояси. Я только успела дверь в подъезд открыть. Шустро подняли на родной четвертый, внесли в квартиру. Вот что значит избыток силы...

— Супер, спасибо! — все действие заняло от силы десять минут. И то большую часть времени я с замками копалась. Нелегко найти ключ и открыть дверь, когда неожиданно стала вешалкой.

— Проходите, раздевайтесь. Серый, не стой в коридоре. Или ты сбегаешь? — вопросительно посмотрела на друга.

— Нет, — после секундного раздумья получила в ответ.

— Вот и отлично. Я так давно тебя не видела, соскучилась, — чуть подмазала самолюбие, получив в ответ такую знакомую ухмылку, ушла на кухню ставить чайник. Вот ведь... пронизательный какой.

— Мар, дело есть, — спустя минут пять Тема заглянул ко мне на кухню.

— Звучит уже подозрительно. Ну? — с некоторой опаской посмотрела я на друга. Он что-то задумал. И не факт что мне это придется по душе.

— Погода хорошая. Согласна? — я утвердительно кивнула, факт простой и очевидный. — А завтра выходной, — снова кивнула, уже более настороженно. — И дома сидеть скучно и неинтересно. Тем более что зачетную неделю мы закрыли.

— Ну, говори уже, не томи. Ходишь кругами, — развернулась лицом к другу, сложила руки на груди.

— Предложение, собственно, простое. Во-первых, общество голосует за игру в снежки. Во-вторых, может, в клуб сходим? Давно не были, расслабиться хочется, — и бровями так многозначительно подвигал.

— Уже спелись за моей спиной, провокаторы? — хмурюсь ради приличия, но категорически не отказываюсь.

— Да ладно тебе, Мар. Что сидеть то дома? Отдыхать тоже надо.

— Хорошо. Но с условиями. Подключаете мне технику и я вызваниваю Ташу, — да вот такая я корыстная, не отнять. И группу поддержки я тоже не зря вызванивать буду, проверено не единожды.

— Да без проблем. Звони уже. Там работы на десять минут.

А еще через некоторое время мы, уже собравшиеся, собрались на великую битву во двор. Поле боя — большая детская площадка, по причине сумерек уже свободная от детей, засыпанная снегом в шикарные сугробы, и баррикады имеются, и снарядов хоть закопайся. И две противостоящие друг другу стороны — девочки против мальчиков. Не уверена, что наше противостояние честное, но парни клятвенно обещали нас не калечить. И на том спасибо.

Уже через полчаса я забыла про холод, мне стало жарко. Совершенно не обращаю внимания на налипший на перчатки снег и на периодически сползающую шапку на глаза. Некогда. Я полностью отдалась битве. Не на жизнь, но до промокшей верхней одежды точно. Не стоит говорить, что девочки были более мокрыми, чем мальчики? Хоть последние и старались действовать максимально осторожно. А мы этим пользовались, коварно и беспощадно. В меру своих скромных сил.

— Мар, я отвлеку их на себя. А ты отомстишь за меня, — Таша, покрасневшая, с горящими глазами, привалилась рядом со мной к детской горке. — Все равно Тёмка меня бережет, сильно засыпать снегом не станет.

— А меня, значит, станет? — почти возмутилась я.

— А тебя Серега не будет обижать. Да и как он сможет? Вон какой большой, чуть силу не рассчитает и все, даже без снега мокрое место только и останется, — Таша спокойно поправила развязавшийся шарф и начала лепить снаряды. В этот раз плотнее чем всегда.

С самого начала было правило — снежки рыхлые, неплотные. Особенно это касалось мальчиков — а то слепят камушек, таким и до синяка недолго шандарахнуть. С их то силушкой.

— Ладно, — тоже занялась я подготовкой боеприпасов. И тоже делаю их чуть более плотными. Чтобы летели дальше.

— Эй, девчонки! Вы там не примерзли? — громкий голос Тёмы раздался с противоположного конца площадки, со стороны большой крытой беседки.

Я почти легла на снег и кинула снежок в направлении беседки. Естественно, я ни в кого не попала. Да и вообще моя меткость — вещь весьма условная. А вот в ответ мне почти сразу прилетел снежок, метко пущенный Серегиной рукой, едва успела увернуться — летел практически в лицо.

— Эй! Верзила, с ума сошел! Я тебе это припомню! — получилось немного зло, от неожиданности и испуга. Все таки получить хоть и рыхлым, но все таки холодным куском снега в лицо — не предел моих мечтаний на этот вечер.

— Прости, мелкая. Я не хотел. А вообще давайте в плен сдавайтесь. С нас, так и быть, горячий чай с плюшками.

— Ну уж нет! Врагу не сдастся наш гордый варяг, — а Таша уже уползла на диверсию в стан "врага". — Что там дальше, не помню...

— Ай, — возмущенный возглас Тёмы, видимо Таша все таки до него добралась. Отвлекающий маневр удался.

Резко встала и почти тут же кинула, и довольно сильно, снежок в сторону беседки в видневшуюся голову Сереги. Попала, что удивительно само по себе. Короткий "Уй", голова исчезла. Я испугалась. И рванула туда... Во время разговора я катала снежок в руках, снег подтаял, снежок стал более плотным, твердым и тяжелым. Как камешек.

За несколько секунд я добежала до беседки и, взвизгнув, оказалась на снегу. А сверху нависал надо мной хитро улыбающийся "подбитый"...

— Вот и наша пленница номер два! — смеюсь, устраивает мне легкий снегопад, придерживая одной рукой, чтоб не сбежала.

Я вырывалась. Я брыкалась как могла. Да только без толку. Мирно затихла, пытаюсь сдуть длинную, уже мокрую от снега прядь волос с лица, что выбилась из-под шапки. Нет сил моих.

Легко поднялся, снял перчатку и протянул мне руку. А я не могу выбраться из сугроба самостоятельно, застряла. Ручками — ножками дергаю, и все, приехали. Серега, горестно вздохнув, подхватил меня подмышки, легко поднял и переставил на твердый, уже утоптаный снег.

— Спасибо, — слегка улыбнувшись, все-таки выбралась из мужских объятий. И тут же сделала ему снегопад... да, я злопамятная. А как бы вы поступили, если бы промокли до колготок, носков и водолазки? Воот, и я о том же. А еще драпаю со всех конечностей вне зоны досягаемости друга.

— Марррра! Стой, пакость мелкая! — ух, именно это я и собираюсь сделать, ага...

— Догоняй, верзила! С меня плюшки! И горячий чай! — тем более, что я уже около подъезда, а снега тут не так много. Да и макать меня в сугроб больше не будут. Надеюсь.

Обернулась в поисках сладкой парочки. Они уже тоже времени зря не теряют и, весело смеясь, всю отряхивают друг друга. Хотя больше похоже на то, что с упоением шлепают друг друга по мягким, не всегда снежным местам.

— Эй, неразлучники! Ну что, пошли пить горячий чай? Я понятия не имею сколько времени, но перчатки уже промокли, довольно темно на улице да и вообще, наверное, уже пора, — тяну за рукав Серегу, что уже успокоился и отряхнулся. Вот только с каким-то гастрономическим интересом примеривается к моей слегка снежной пятой точке...

Сергей

Вот уж не думал я, что возвращаясь от родителей в субботний вечер окажусь втянут, как в старые добрые времена, в перестрелку снежками. Да еще и с девчонками. Нет, все понятно, что ни я, ни Тёмыч не будем противостоять в полную силу. И даже в половину. Это просто напросто чревато последствиями. Мы же подурачиться вышли, а не фонарей навешать. Таша, подруга Маринки, почти не разрывает контакт со своим парнем — держит за руку, он обнимает ее за талию или опускает подбородок на плечо девушки, стоя за её спиной. Да и она рядышком с парнем постоянно. Как будто связывает их невидимая веревка, и длина ее весьма короткая. Забавно, но наблюдать за ними было приятно. Ловил взгляды, что мимолетом бросала на эту парочку Маринка, легкая улыбка скользила по губам девушки. Чувствовалось, что она искренне радуется за друзей. Вот только отчего порой мелькает грусть в её глазах?

Как то так неожиданно получилось что даже сейчас мы с ней соседи — я живу в соседнем доме. Забавно, правда? Несколько раз видел ее мельком после переезда, здоровались при случайной встрече, но пообщаться не было возможности. Естественно, я принял приглашение в клуб, в который почти силком запинал девчонок Тёмыч. Планов на вечер все равно не было.

Уже в клубе к нам присоединилась еще одна подруга — Лена. Бойкая, громкая и своя в доску в почти любой компании. Симпатичная. И строит мне глазки.

Да, веселая, громкая, смешливая и внешний вид весьма неплох — средний рост, стройная, полная грудь, попа присутствует как надо, густые русые волосы до середины спины в крупную волну, достоинства фигуры выгодно подчеркивает обтягивающее синее платье до середины бедра. Открыта для общения и отношений — это чувствует каждый мужик, кто на несколько минут задержит взгляд на этой девчонке. Девчонка в активном поиске.

Маринка на ее фоне смотрится почти ребенком. Синие узкие джинсы обрисовывают стройные ножки, широкий ремень почти полностью спрятан под свободным свитером с широким воротом, открывающим одно плечо, черная майка на тонких лямках под ним. Тонкая, как тростинка, худенькая, не понятно, есть ли под свободной одеждой хоть какие-то округлости. Высокий хвост и минимум макияжа. Вот только почему я почти непроизвольно останавливаю взгляд на ней? Ищу в толпе на танцполе, куда Ленка наконец то утащила подругу и где уже давно пропала наша влюбленная парочка. А продолжаю сидеть за нашим угловым столиком и потягивать пиво из высокого стакана. Сам не знаю, что я здесь забыл.

— Почему не танцуешь? — рядом со мной плюхнулась Лена. На меня пахло запахом сладких, но приятных духов.

— Я пока еще не дошел до нужной кондиции для танцев, — говорить приходится довольно громко. Музыка не оглушает по причине нашего отдаленного расположения от танцпола, но и тишиной не балует.

— Не боишься, что при достижении нужной кондиции танцевать будет не с кем? — потягивая через соломинку какой то розовый коктейль, поинтересовалась девушка,

поглядывая на меня поверх стакана.

— Дык тут народа то дофига, всегда будет выбор, — показательно развел руками по сторонам. Да вот хотя бы Ленка, раз уж сидит напротив меня и мило мне улыбается. Смерил ее взглядом и вопросительно поднял бровь.

— Мачо в засаде, — рассмеялась она, поймав и правильно растолковав мой взгляд. — Сам хотя бы пойми для себя, какой именно выбор тебе нужен.

— Не понял?

— А что тут понимать то? Уже пару часов диван проминаешь да как по компасу на север поворачиваешься, — и мы почти одновременно повернули головы на "север". Который, наконец-то, слегка расслабилась и зажигала на танцполе ближе к краю, где народу поменьше.

Гибкая и пластичная, подняла руки над головой, сцепив их в замок, чуть прикрыв глаза и слегка покачивает бедрами в такт музыке. Под нее многие парочки уже начали топтаться на месте. Боюсь, если так и будет продолжаться, в одиночестве она останется не на долго.

— У нее есть кто то? — смысл отрицать очевидное, если все и так понятно моей соседке по столику. Тем более что вот он отличный способ узнать все, практически не напрягаясь.

— На сколько я знаю, до недавнего времени никого не было, кроме учебы и работы. Она же сразу с института едет на работу, а домой приходит уже вечером, — задумчиво протянула Лена, так же как и я, наблюдая за девушкой, которая остановилась посередине танца и ковыряется в телефоне. И улыбается при этом, совершенно не обращая внимания на окружающих.

А вот окружение к ней не равнодушно. Я заметил парня, который сначала пристально наблюдал за Марой когда она танцевала, а теперь оттирается практически за ее спиной, почти вплотную к девушке. Я напрягся и сжал рукой уже пустой пивной бокал, готовый вмешаться и размазать конкурента. Но нет, моя помощь не потребовалась. Девушка медленно повернулась лицом к пацану, что-то проговорила, и удалилась с танцпола. По направлению к нам.

— Эй, спокойнее, — я перевел взгляд на Лену, потом на свою руку, что все также продолжает сжимать стакан. Выдохнул. И вернул себе невозмутимость.

— Ты молчишь. Поняла? — пристально и серьезно смотрю на девчонку. Вмешательства мне не нужны.

— Пф, да больно надо! Сам разберешься если не дурак! — откинулась на спинку диванчика и вновь присосалась к своему коктейлю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Отлично, мы поняли друг друга.

Маринка оказалась потеряна для общества. Хоть и плюхнулась рядом со своей подругой на диван, но едва ли замечала хоть что-то кроме своего мобильного, который периодически попискивал входящими. А на лице девушки вновь и вновь появлялась улыбка. Словно солнышком озарялась. Вот так и получалось — Лена молча потягивает коктейль, искоса за мной наблюдая, я в открытую смотрю на Марину, и все больше хмурюсь, настроение все хреновей, а Марина улыбается когда что то читает в телефоне, порой задумывается на несколько секунд над ответом, шустро набирает его и сосредоточенно ждет продолжения такой смс-беседы.

Настроение ни к черту, пиво разбавленное, музыка слишком громкая и раздражающая, а

тишина за нашим столом давящая. Пора развеяться что ль?

— Лен, Сереж, я поеду домой, наверное. Устала немного, да и дел много накопилось за неделю, — ага, а также с парнем своим встретиться хочешь. Все понятно. Единственное, что мне не понятно, с какого хрена меня это так бесит?

— Щас вызовем такси. Составлю тебе компанию, — не могу же я отпустить девчонку одну посреди ночи. Да и проконтролирую ее, что именно домой поехала, а не к кому то в гости. Мля, ну мне-то какая разница?!

От порчи имущества в виде стакана меня отвлекла Лена, следка пихнув меня ногой под столом. перевел на нее взгляд, наверняка бешеный. И поймал совершенно серьезный и трезвый в ответ, предупреждающий, я бы так сказал. М-да, а красотка-то не так проста как кажется сначала. И еще разок выдохнул. Спокуха, Серый, ты никогда не претендовал на этого ребенка. И знаешь ты ее уже больше десяти лет.

Такси не пришлось долго ждать и довезло оно нас именно туда, куда надо — домой, без всяких отклонений от маршрута. Проводил до подъезда, потребовав обещание, что как только пройдет в квартиру, включит свет на кухне и помашет мне рукой из окна. Не стал провожать до квартиры, не хотелось оставаться наедине и не сдержат рвущийся наружу вопрос об ухажере. Не мое это дело и лезть туда мне незачем. И вообще все пиво виновато.

Глава 9

Вадим

Осталось еще примерно сорок минут до начала вечера. Может чуть меньше — обычно первых гостей начинают запускать за десять-пятнадцать минут до начала. Чтобы смогли спокойно, без давки и суеты, разместиться, переговорить со старыми знакомыми да и просто нагреть местечко. И именно столько у нас времени на исправление возможных недочетов. Хотя сегодня все, на удивление, хорошо. Все пришли, никто не забухал, не сломал ногу-шею-хитрость-голову. Никто не забыл свое платье и костюм. Не потеряли подарки, бумажки-благодарности, не разбили большой аквариум для проведения викторины, из которого будем тянуть выигравшие номерки, не потеряли сами номерки, аккуратно скрученные в трубочки. Вся аппаратура исправно работает, все микрофоны на месте, освещение проверили, занавес отрегулировали. Все уже собрались и готовы к проведению праздника. Все, кроме Марины. Бл*ть. Где ее носит??? И нахрена я вообще связался с этим ребенком? Так ведь нет — я решил завоевать эту девчонку вот таким извращенным способом, и что мне не сиделось на спокойной попе? Романтик, мать твою. Нашел где и когда, а главное зачем?! Надо покурить, успокоиться. Проблем мне не хватает в обычной...

— Вадим, — спокойный голос отвлек меня от мысленной тирады. Медленно повернулся да так и застыл с незажженной сигаретой, уже третьей за полчаса, во рту и зажигалкой в руке.

Высокая стройная девушка. Длинное платье в пол черного бархата с легкой искрой, на тоненьких черных бретельках, выгодно подчеркивает высокую небольшую грудь, тонкую талию и округлые бедра. Кружевная накидка лишь слегка прикрывает голые плечи. Ожерелье на шее в виде соединенных между собой маленьких камушков темно-красного цвета лежит на чуть выпирающих ключицах, небольшая подвеска уютно устроилась недалеко от ложбинки. В комплект небольшие сверкающие сережки в маленьких ушках и браслет на тонком запястье. Волосы, в крупные локоны, подколоты где то на затылке.

Остановил взгляд на лице да так и застыл, забыв обо всем. Огромные, чуть раскосые

глаза лишь немного подчеркнуты макияжем, будто светящаяся кожа и легкий румянец на щеках, пухлые губки сегодня чуть ярче. Свежая, тонкая, слегка смущенная моим разглядыванием, а я не могу оторвать от нее взгляда. Да что там говорить — я забыл, что я тут вообще делаю! Сделала шаг ко мне, второй, третий, четвертый. Остановилась на расстоянии в метр и смотрит уже испуганно.

— Что такое, Вадим? Все плохо, да? — а я молчу, просто наслаждаюсь ее присутствием рядом, запахом ее духов. Цитрус, что-то цветочное и какая-то сладкая, еле уловимая нотка. — Пока есть время, может, сможем все исправить?

— Что исправить? — это мой голос, такой хриплый?

— Меня, — так тихо, чуть не плача.

Не выдержал, шагнул к ней почти вплотную, положил руки на плечи. Тут же вздрогнула и попыталась отстраниться, чуть присев. Вдохнул полной грудью ее аромат.

— Ты прекрасна. Ты главная драгоценность этого вечера, — согнутым указательным пальцем за подбородок поднял опущенную голову, заглянул в ясные глаза. И утонул в них. А она осветила меня своей улыбкой, радостной и открытой.

Повернулась ко мне боком и я вновь завис — платье открывает спину ниже лопаток. И лишь слегка прикрыта черной кружевной накидкой. Хрупкая, со слегка выпирающими лопатками, с крохотной родинкой в основании шеи. До жжения в кончиках пальцев захотелось прикоснуться ладонью к голой коже, ощутить какая она на ощупь, прижать к себе и зарыться пальцами в волосы. Мля, этот вечер будет длинным...

Я ошибся, вечер прошел своим чередом, не тянулся резиной, но и не летел как паровоз с горки. Ровно, спокойно, запланировано, как по маслу. Ясен пень, что сначала Марина нервничала и волновалась, хотя и пыталась как то унять дрожь в пальцах. Но уже после первой викторины расслабилась, успокоилась и искренне улыбалась со сцены. В конечном итоге ничего страшного и архи сложного мы не задумывали, волноваться было особенно не о чем. Никому, кроме меня. Меня мучило желание уединиться с девчонкой. Содрать кружево с плеч, распустить волосы, чтобы свободно падали на плечи и спину, намотать их на кулак, выгнуть девчонку в дугу, почувствовать запах и вкус ее кожи на своих губах. Ощутить быстрое биение жилки на шее, вкус ее поцелуя, податливость тела под своими руками. Оказаться наконец-то в ней и получить то, от чего у меня сносит крышу, заклеить, выкинуть из головы и двигаться дальше. Черт, от какой то серой мышки, что обычно выглядит как ребенок-подросток! Обычно, но не сегодня. Где что прятала то?!

С легким румянцем слушает какого то клоуна, что с важным видом ей что то втирает. Не понял, что за хрен? Направился с твердым намерением поставить на место возможного соперника, даже грубой силой. В очередь, сукины дети! И только я оказался за спиной девчонки, как она неожиданно повернулась ко мне лицом и порывисто обняла за шею.

— Спасибо большое, Вадим. Ты отличный ведущий, не знаю, как отблагодарить тебя — мне так понравилось, как все прошло. И остальным тоже — я уже столько благодарностей услышала, что все так хорошо организовали и провели вечер, — ее лицо так близко от моего, что чувствую легкий аромат ее косметики. Духи и ее личный запах смешались в один дурманящий мой мозг коктейль.

— Тебе спасибо. Все получилось так хорошо только из-за тебя, — тихо говорю девушке, дыханием шевеля волнистую тонкую прядку около маленького розового ушка. Крепко прижимаю ее к себе одной рукой, почти касаюсь носом ее кожи. Глупая лесть, но сейчас все способы хороши. Тем более, что я знаю один отличительный способ поблагодарить меня...

Обнял одной рукой за талию, второй прижимая ее к себе за плечи. Крепко, не вырвется. Да девчонка и не думает сбегать. Задумалась на секунду и сама чуть прижалась ко мне. Отлично.

— Не замерзла? — под моей рукой прохладное кружево тонкой накидки. Под предлогом согреть, прижимаю ее к себе сильнее, моя рука на ее обнаженной коже, поглаживаю ладонью.

— Немного, — смущенно опускает голову и слегка прикусывает нижнюю пухлую губку. А я не выдерживаю и прикасаюсь губами к ее виску. Хочется поцеловать ее у всех на виду, заявляя на нее свои права и показывая всем, что девчонка пока не свободна. Да и вообще было бы неплохо увести ее в укромный, можно даже темный уголок. Но, это чуть позже. Скоро.

— Спасибо, — тихо-тихо, почти неслышно прошептала девушка. — Сегодня еще дискотека будет. Ты останешься? — с надеждой смотрит мне в глаза.

— Конечно, куда же от тебя уйду? — на самом то деле, куда? Все усилия насмарку пойдут.

— Я пойду переоденусь, подождешь меня около раздевалки? — сразу просияла девчонка.

— Не отпущу без взятки, — тихо прошептал Маринке, потянувшись губами к ее губам.

Сама прильнула ко мне. Теплые, мягкие губы, как и помнил, сладкие и податливые в поцелуе. И нет у меня никакого желания ванильничать и баловаться телячьими нежностями. Надоело. Целую ее крепко, властно, слегка сминая губы, но не делая больно. Показываю всем и каждому, кто сейчас является зрителем, девчонка принадлежит мне. И делиться я пока что не намерен.

А она отвечает мне, несколько робко и неумело, лаская в ответ и подчиняясь. Да, именно так, детка. Я хороший учитель, и не только в поцелуях. С ней я бы обновил все возможные впечатления и повторил самые разнообразные уроки. Чуть позже. А сейчас:

— Беги, детка, — отпустил из объятий тяжело дышащую девушку, развернул в направлении раздевалки и слегка подтолкнул, одновременно погладив от шеи, по спине, до попки. А то боюсь, что наглядное демонстрация своих умений не удастся сдержать, тем более зрителей прилично. Хотя... какая мне, нахрен, разница? Вот только идти несколько неудобно...

Настроился на долгое ожидание, удобно подпираю стенку. И опять удивила — переделалась за пять минут. Простой черный свитер с бордовыми губами оголяет одно плечо, тонкая бретелька майки на худеньком плече, простые темно-синие джинсы на бедрах, замшевые сапожки по колено. Макияж остался на лице, а вот волосы распустила, оставив свободными прядями спускаться на лицо и шею. Небрежная и привлекательная, а еще несколько смущенно мне улыбающаяся. Рассматриваю ее и слюни пускаю. Мля...

Подошла, протянула мне руку.

— Идем со мной? — тихий спокойный голос. Молча взял ее ладошку в свою ладонь, переплел наши пальцы. Держу крепко и вряд ли пока отпущу. Если узнает, какие именно неприличные мысли сейчас у меня в голове, убежит от меня без оглядки.

Она другая сегодня — более уверенная, спокойная, как будто долго решала какой то для себя важный вопрос и наконец то нашла решение. И что-то мне подсказывает, что связано это со мной. Так, решающий момент настал — пускаем тяжелую артиллерию.

— Подожди, — остановил ее в конце коридора, развернул лицом к себе, обнял за талию.

Секундная заминка и девушка сама плотнее придвинулась ко мне. — Я хочу, чтобы ты знала. Ты мне нравишься. Твоя улыбка, твои глаза, гладкость кожи, — провел тыльной стороной пальцев по бархатистой щеке, как котенок потянулась за рукой, отвечая на простую ласку. Подавив улыбку, продолжил, не убирая ладонь с ее щеки, — слишком часто все это вспоминаю. И для меня это необычно и непривычно. Я сложный, у меня хреновый характер, мало времени и много заморочек. Я чаще беру, чем отдаю что то в ответ. А также я часто забываю о мелочах и могу показаться грубым и равнодушным, я... — она меня прервала, просто положив тонкие пальчики на губы.

— Тшщ, ты мне нравишься. Очень, — тихий ответ, прямой, открытый взгляд в мои глаза. — Я хочу узнавать тебя, медленно, не торопясь и не делая выводы от пересказанных кем то ощущений. Правда. Единственное, о чем я прошу тебя — не торопи меня. Я хочу попробовать, но ты первый парень, с которым я решила... — замялась, подбирая слова.

— Встретаться? — коснувшись легким поцелуем тонких пальчиков, помог найти нужное. Прижал маленькую ладошку к своей щеке, внимательно наблюдая за девчонкой.

— Да, — опять секундная заминка и, не отрываясь, смотрит в мои глаза. Будто пытаюсь найти там ответ. Мягко улыбнулась и слегка погладила меня по щеке. Чуть наклонил голову, сам потерялся щекой и поцеловал в основание большого пальца на ладони, вдыхая дурманящий запах ее духов. — Я даже не знаю, как можно что то отдавать и что можно взять, — невесело пошутила девушка, скрывая в глазах страх и неуверенность.

— Я дам тебе столько времени, сколько будет нужно. Обещаю, — сказал то, что хочет услышать от меня. Маленькая ложь для спокойствия.

— Спасибо, — сияющий взгляд и девушка сама потянулась меня поцеловать. А я не стал мешать, лишь немного наклонился, для удобства.

Нежное легкое прикосновение мягких губ к моим. Чуть приоткрыл губы просто приглашая к поцелую. Не отказалась — влажный язычок легко скользнул по губам, погладил, и скользнул глубже. Все так немного робко, но безумно нежно. И от этой нежности у меня начало рвать крышу, опять. Но стою, терплю, мучаюсь. Позволяю исследовать себя, хотя больше всего хочется впиться в сладкие губы и просто выпить ее дыхание, сбить его, и заставить застонать, и сдернуть с нее джинсы, и... Стоп, стоим, терпим. И желательно сильно не прижимать девушку — желание слишком красноречиво, эм, чувствуется.

Стараясь не сделать больно и не испугать напором, прижимаю девушку к себе и целую уже сам — сильно, страстно, не давая времени на вздох и передышки, ни себе, ни ей. Какая сладкая, с ума сойти. Надо остановиться, иначе не сдержусь. А я все же не насильник.

— Сладкая, — наконец то оторвался от Маринки, все также поглаживая одной рукой по щеке, а второй плотно прижимая к себе, рукой под свитером на обнаженной коже. — Дай мне минутку, сейчас пойдем, — выравниваю дыхание, прикрыв глаза. Она занимается тем же.

— Пошли, — наконец то получается немного взять себя в руки. Девушка мне нежно улыбается и слегка облизывает припухшие губы. — Провоцируешь, хулиганка? — усмехаюсь в ответ на ее улыбку. А в ответ получаю лишь легкое пожатие плечами. — Будешь меня провоцировать и внизу, за столиком, я буду кушать тебя, а не те закуски, что для нас приготовили. Медленно и со вкусом, — предвкушающее улыбнулся. И да, детка, спровоцируй меня, это будет в тему.

— Для нас приготовили столик? — удивленно приподнимает брови.

— Ну, да. Я забыл тебе сказать, да? — судя по всему да. — Прости, — наклонился и целомудренно чмокнул ее в щечку. — Нам, как организаторам, выделен отдельный столик. Отдохнуть, перекусить и немного расслабиться. А как совсем привилегированным персонам — столик на двоих, в почти спокойном уголке. Так что веди себя прилично, — наклонился и почти промурлыкал на маленькое розовое ушко, легко коснувшись кончиком языка мочки. Девчонка ожидаемо вздрогнула. А я приличным быть не хочу. И не буду.

Глава 10

Марина

— Спасибо за чудесный вечер.

— Пожалуйста, крошка.

Мы в подъезде моего дома на третьем этаже около окна, из освещения лишь тусклая лампочка на лестничной клетке. Сколько времени — понятия не имею, но точно знаю, что уже далеко за полночь. Вадим прислонился нижней частью спины к подоконнику, став несколько ниже, широко расставив ноги в стороны. Я стою между ними лицом к нему, лишь немного уступая ему в росте. Обнимаю его за шею и млею от его поцелуев...

— Маленькая... сладкая моя, как карамелька... мне сносит мозг от тебя... так бы и съел...

Меня бросает в жар, обдает дрожью вдоль позвоночника, голова совсем не соображает, что я делаю и где я нахожусь. Я таю в его руках и совершенно не хочу прекращать такие сладкие ласки. Губы уже горят от настойчивых и нежных, ласковых и страстных, легких и от которых у меня исчезает дыхание, поцелуев. Если он меня сейчас отпустит на волю — я не смогу устоять на ногах.

— Как же ты вкусно пахнешь, — хриплый шепот мне на ухо. И продолжает целовать уже мою шею, там где быстро бьется жилка. А я не сопротивляюсь, наоборот слегка откинула голову, полностью подчиняясь его руке, что запуталась пальцами в моих волосах.

Я влюбилась. Уверена в этом, хотя вот только сегодня осознала и приняла данный факт. Не могу, пока не могу сказать парню о своих чувствах. С каким-то непонятным смакованием наслаждаюсь новыми для меня ощущениями полной подчиненности парню, но верю в то, что против моей воли ничего не произойдет. Ведь он дал мне обещание подождать. И не зову его в свою пустую квартиру, хотя он несколько раз мне намекал о том, что целоваться в подъезде неудобно.

Я так жду от него слова о его чувствах. За весь вечер, который был одновременно таким длинным и тяжелым в своей официальной части, и таким стремительным и легким потом, было сказано много слов и сделано много действий. Compliments, от которых я смущенно прятала пылающее лицо на его груди, двусмысленных шуток и нежных касаний к моей ладони, плечам, крепких объятий и шумных вдохов в мои волосы... и поцелуев — целомудренных в щеку, легким касанием в уголок губ, глубоких и выпивающих мое дыхание до судорожных всхлипов. И вот таких — в подбородок, скулу, ушко и шею. И нет, я не настолько наивная чтобы не понимать, что парню поцелуев однозначно мало.

А я хочу быть с ним, всерьез, доверяя ему, даря всю себя без остатка и получая его в ответ.

Чуть переступила на месте, оказалась буквально вжата в тело парня и почувствовала бедром его возбуждение. Застыла на месте, боясь пошевелиться, а он прервал поцелуй, выдохнул сквозь сжатые зубы и уткнулся лбом в мой висок.

Он хочет меня и это приятно. Я люблю его, но дать согласие на это — я еще не готова.

— Вадим, — мой тихий шепот, я не могу говорить громче, перехватило дыхание. Да и вообще не знаю, что хотела сказать ему — отпусти? Подожди? Прости?... — Пожалуйста...

— Детка? — а вот голос парня хоть и хриплый, но вполне себе уверенный. Получаю еще один медленный поцелуй в шею и мягкое касание теплый пальцев к обнаженной коже на животе. Только сейчас я осознала, что одна его рука свободно перемещается под моей одеждой. И от этого меня начинает потряхивать, тело сковывает оцепенение, кровь начинает стучать в голове...

Я попыталась немного отстраниться от Вадима, уперлась одной рукой ему в грудь и немного опустила голову. И хочется, и колется.

— Детка, расслабься. Что ты так напряглась, — меня прижали обратно к груди, поглаживая, насколько это было возможно из-за запутавшихся волос, по затылку, все также не вытаскивая пальцы из волос. — Ты моя девушка, — я счастливо улыбнулась. — Я хочу, чтобы ты была со мной, этот новый год мы встретим вместе. Ты согласна? — смотрю в такие серьезные сейчас глаза и понимаю, естественно — да! Без сомнений.

— Да, конечно, — пытаюсь не улыбаться совсем уж как идиотка.

Довольная улыбка и долгий поцелуй — таю, как мороженное.

— Не пригласишь меня? — тихий шепот прямо в мои губы и уверенные руки на моей талии под свитером. Открываю ослобившиеся глаза и вижу в окне лестничной площадки абсолютную темень на улице. Отрицательно покачала головой, чуть прикрыв глаза.

— Прости, но сегодня был тяжелый день. Давай в другой раз? — я так надеюсь, что он поймет меня, что он сдержит данное мне обещание. И он меня не разочаровывает.

— Беги домой, детка. Пока я еще могу тебя отпустить, — отпустил меня из объятий, запахнул на мне пуховик и опустил руки на колени. Напряженно смотрит на меня, выжидательно.

Погладила ладонью по щеке, на которой уже появилась почти незаметная, но немного колючая щетина. Отступила на полшага.

— Спокойной ночи, — то ли спросила, то ли пожелала. И сама не поняла. И после нескольких секунд молчания в ответ:

— Спокойной ночи, сладких снов, детка.

Поднялась на свой этаж на ватных ногах, открыла замок дрожащими руками, вошла в квартиру, чуть подумав, захлопнула дверь. И все это в тишине — Вадим не двигался с лестничной площадки, его шагов я не слышала. Быстро скинула пуховик, сапожки, щелкнула свет на кухне, замерла у окна. И только через минут пять, не меньше, увидела его выходящим из подъезда. Не оборачиваясь, скрылся из виду.

А я упала в темной комнате на кровать поперек.

— Мне будешь сниться ты, — прошептала в тишине, полностью уверенная в своей правоте.

Я прилегла на минутку, и всю ночь смотрела сны с участием Вадима. А проснулась, когда уже начало светать. С макияжем и шпильками в волосах, толстовке и джинсах, свернувшись калачиком поперек кровати поверх покрывала. Класс.

"Привет, красавица моя! Я скучаю без тебя! Встретимся сегодня?" — писал мне главный персонаж моих снов.

И вот тут я серьезно задумалась. И было над чем. Во-первых, завтра экзамен. Да, он идет у меня автоматом и на него мне надо просто появиться. Это, конечно, плюс. Вот только

идти на экзамен, даже на такой, без подготовки и глупо хлопать глазами — не по мне. Это минус.

А во вторых и в главных, где то у меня что то щелкнуло, и я решила, что в девушке должна быть загадка и неприступность. Все логично, согласитесь — я девушка? Девушка, без сомнений. Загадка во мне есть? Будет, пусть и такая ненормальная, как отказаться идти на свидание с парнем, в которого влюблена, и которому, наверное, немного нравишься. Пусть завоевывает меня вообще... Загадочное поведение загадочного нелогичного существа. Без комментариев.

"привет) я тоже уже успела соскучиться) но сегодня никак не получится — у меня завтра экзамен("

Замерла над телефоном в ожидании ответа. Минута, две, три, десять... пятнадцать... полчаса. Бу-буль-бульк — пришло сообщение:

"а что ты мне скажешь на мою просьбу о НГ?"

Блиин, а сказать то нечего. Новый Год, по моему мнению, исключительно семейный праздник. И хоть я и уехала от мамы, но встречать его хотела бы именно с ней. Поправка, уже с ними — мама и Валера. Но сейчас...Один, второй, третий гудок и родной голос в трубке.

— Мам привет. Не отвлекаю?

— Привет, Мариша. Нет, что ты. У меня как раз есть немного свободного времени, наконец то никто на работе не отвлекает. Все судорожно симулируют колоссальную трудовую загруженность, — привычно спокойный голос мамы с некоторой язвительной ядовитой ноткой по отношению к собственным подчиненным и качеству их трудовой деятельности, подарил такое нужное мне сейчас спокойствие. Все как обычно. Невольно улыбнулась.

— Мам, тут такое дело, — не стала я ходить вокруг да около, быстрее спрошу — быстрее получу ответ, каким бы он не был. — Я буду встречать новый год с друзьями, — фраза прозвучала категорично, я просто поставила маму перед фактом. Не сказав всю правду.

— Я их знаю? — после нескольких секунд молчания вполне закономерный мамин вопрос.

— Нет, — почти с облегчением сказала правду.

— Это молодой человек? — мама, как всегда, проницательна. Часто сверх меры.

— Да, мы познакомились во время подготовки новогоднего вечера на работе, я рассказывала тебе, — и делилась собственными страхами.

— Вас будет компания? — и вот почему мама задает, в отличии от меня, правильные вопросы? А главное, всегда своевременно.

— Да, конечно, — точнее, наверное, но тоже почти правда. Понятия не имею! И от этого тревожно. Несколько секунд тишины в трубке и:

— Я думаю, что ты самостоятельная девочка и голова у тебя крепко сидит на плечах. Я ведь не ошибаюсь в тебе? — и я впервые не могу однозначно определить, с каким выражением мама говорит мне эту, в общем-то, давно известную истину.

— Конечно, — почти уверенно выдыхаю я. А сама крепко сжимаю подвернувшийся карандаш влажными пальцами. Хрясть, и я в недоумении разжимаю пальцы на сломанном канцтоваре.

Неожиданное и неприятное ощущение неуверенности в принятом решении. Какой то

червячок сомнения и капелька робости. Задвигаю неприятные мысли подальше, думать сейчас об этом не хочу. И не буду! Я уже все решила...

— Ну на новогодние то праздники у тебя найдется немного времени на домашних или ты не найдешь на нас лишнего часа в своем загруженном расписании? — улавливаю нотки обиды в мамином голосе.

— Обязательно, мамочка. Просто так получилось, сама не ожидала. Это сложно, неожиданно и... совсем ново для меня. Я даже не знаю, как все это объяснить, по крайней мере, не сейчас. Не обижайся на меня, я не хочу тебя обидеть. Я приду на новогодних каникулах и все тебе расскажу, хорошо? — путано и сумбурно извиняюсь за свою скрытность. За то, что эгоистично выбрала вариант встречи НГ в незнакомой компании и лечу, словно мотылек на огонь, не задумываясь о том, что я делаю. За то, что я обидела маму. Понимаю это, но менять сейчас что-то не в силах. Просто не могу. Взрослею? Не уверена, но глупею однозначно.

— Договорились. Ты ведь знаешь, что я всегда рядом? — грусть в мамином голосе.

— Я знаю. Спасибо, мама. До завтра?

— Пока.

Телефон уже давно погасил экран и перешел в ждущий режим, а я все продолжаю бессмысленно пялиться на него, уронив руку с ним на колени.

Я знаю, мам. Вот только решиться на откровенный разговор о своих переживаниях и сомнениях я не смогу. Просто не умею. Хотя не спорю — так было бы намного проще жить.

Отвечаю согласием Вадиму и почти сразу получаю толпу ухмыляющихся-целующих-и-торжествующих смайликов. И тут же эта идиотская улыбка на моем лице. Какая подготовка, какая мыслительная деятельность, о чем вы? В мозгах ванильная каша.

Я навела порядок в квартире. Я добросовестно и бестолку прочитала конспекты. Я совершенно незаслуженно получила экзамен автоматом — знания по предмету были на слишком далекой периферии моего мозга и вряд ли бы я смогла ими воспользоваться на нормальном экзамене. Дома в тишине ждала ответа от Вадима после того как отправила ему радостную смс. И ничего.

Колючий холод сомнения вдоль позвоночника в правильности принятого решения. И страх, удушающий, липкий, неприятный. Я вдруг с пугающей четкостью поняла, что тороплюсь. Слишком все быстро, слишком стремительно. И эта скорость не моя. Она меня пугает, она вводит меня в ступор, накрывает туманом неопределенности и непонимания мотивов поведения парня. То он согревает меня теплым взглядом, я таю в его уверенных руках и готова броситься в омут синих глаз с головой, забыв обо всем — о маме, о друзьях, об учебе и работе. А то он неожиданно пропадает и нет никакого намека на интерес ко мне. Ни самой коротенькой смс, ни самого мимолетного разговора. Быть может, что-то случилось? Но как узнать об этом? Позвонить? А надо ли? Имею ли я на это право? Не будет ли это назойливостью? Навязчивой быть совершенно не хочется. А может быть, я все придумала и все тепло в его взгляде мне примерещилось? Страх потерять расположение парня и не увидеть его больше победил страх оказаться навязчивой.

"Вадим, у меня возникли небольшие проблемы. Я, наверное, не смогу быть с тобой НГ. Как твои дела? Я скучаю без тебя", — вот такую ерунду написала ему 31 декабря в полдень, в надежде на его сообщение или звонок. И снова ни звука в ответ. Я ждала до шести вечера, не сводя взгляда с телефона, но держалась, сцепив пальцы в замок — больше не писала ничего. Я ждала, я надеялась, я верила.

Идти к маме — не вариант, совсем. Обязательно будут заданы правильные вопросы, мама в этом спец, а мне нечего ей ответить. Да и не смогу — сказать правду, я сама еще толком не поняла в чем она. А солгать... не хочу. И уж тем более я не смогу сделать вид, будто ничего не произошло, актриса из меня паршивая. И поплакаться в том, что не понимаю в чем моя ошибка в так и не успевших начаться отношениях, я тоже не могу. Не будет мне от этого легче, не с мамой. Скорее я услышу фразу: "Нашла о чем переживать. Глупостями не забивай голову" или что то подобное.

Свернулась калачиком на кровати, утерла сопливый от слез нос, и неожиданно для самой себя заснула. Разбудил меня звонок телефона. Судорожно подскочила на кровати, мельком взглянув на экран — Лена, время — почти девять.

— Алло, — со сна получилось хрипло и невнятно.

— Мар... я... то есть мне... мне нужно... ты дома? — если бы я не увидела на экране телефона кто мне звонит, я бы не узнала Ленкин голос. Обычно звонкий, громкий и уверенный, сейчас он звучал тихо, в нос и хрипло.

— Конечно, приходи. Я дома, — хоть мне и не хочется никого видеть сейчас. Точнее, хочу видеть только того человека, который вряд ли ко мне придет, после того, как я сначала согласилась, а в последний день отказалась от встречи с ним.

— Спасибо, — и она отключилась.

Я только успела включить свет в коридоре и на кухне, как в дверь постучали. Открываю с некоторым беспокойством и вижу: сторбленная Ленка в куртке нараспашку, без шапки и просто висящим шарфом на шее. Я проснулась моментально — её заплаканное лицо, потеки туши на нем, бледные щеки, потерянный взгляд и дрожащие посиневшие губы.

— Боже мой... иди сюда, — втащила ее в квартиру.

Точнее потянула на себя, и почти поймала девушку на руки. А если учесть, что по комплекции Ленка немного больше меня, и по росту и по весу, то удержать ее и не упасть получилось с трудом.

— Господи, Лена! Ты замерзшая совсем! Давай скорее раздевайся, я сейчас тебе чай с медом сделаю. Давай-давай, быстренько, — попыталась оторвать от себя девушку. И не смогла — тряпочное расслабленное тело просто лежит на мне. А мне стало страшно, очень страшно — я впервые видела человека в таком ступоре, впервые ощущала, чтобы человека так трясло. Холод? Страх? Не знаю, но у меня почти паника!

— Тшш, я рядом с тобой. И я хочу помочь тебе, солнышко... — легонько поглаживала ладонью по холодной мокрой голове. А на улице хоррроший минус. А девушку начинает крупной дрожью колотить. А надо что то делать. А что? — Лена, — я схватила ее за плечи и рывком придала ей вертикальное положение, — Стой ровно. Я сниму твою куртку и мы пойдем в ванну, — попробовала заглянуть в опущенное лицо, и не смогла это сделать — помешали длинные волосы, что тонкими мокрыми прядями закрывали лицо. Она меня, видимо, даже не слышала.

Стащила куртку, шарф, практически толкнула ее на обувную полку. Подруга по факту упала на нее попой, и, наверное, было больно, но жалеть и мотать сопли на кулак не вариант. Быстро раздеть, разуть и согреть. И молиться, чтобы она не попала в больницу с воспалением легких. И тащу ее в ванну.

— Мар... от меня одни проблемы, тем более в праздник. Я просто не хочу идти домой, там... ты знаешь. А больше некуда, — последнее слово я больше угадала, чем слышала. Срывающийся голос, периодически сходящий на нет и так то с тихого шепота, мне

приходилось напрягать слух, чтобы хоть что то услышать. — Ты прости меня, я ненадолго. Я просто посижу немного, обсохну и...

— Совсем с ума съехала, дурында, — совершенно невежливо перебила я эту особу. — Все что от тебя сейчас требуется — раздеться самой или не мешать мне раздеть тебя, и попытаться согреться. А в самом лучшем варианте — еще и не заболеть, — говоря все это, я затащила Лену в ванну и попыталась стянуть с нее бордовую водолазку. А сделать это непросто, ткань мокрая и прилипшая к ватному телу. — Стой ровно, облокотись на раковину чтобы не упасть. Поднимай руки. Воот, одну руку, молодец. Давай вторууу... умница, — водолазку положила на стиралку. — Так, теперь снимаем джинсы, — расстегнула и рывком стянула их с подруги.

Открыла рот чтобы что-то сказать и не смогла. Просто уставилась на четыре продолговатых багровых синяка на талии. Мне понадобилось пару секунд, чтобы понять откуда они появились. Следы пальцев, четырех пальцев, что с такой силой сжимали подругу, что остались вот такие синяки. Охренеть. И только тут я поняла что она без трусиков. Дала себе мысленный подзатыльник и с усилием закрыла рот.

— Ногу одну поднимай, снимаем, — вместе со штаниной стащила с нее и носок. — Вторую. Да, вот так, молодец. Я за полотенцем. А ты залезаешь в ванну, — открыла кран с горячей водой, разбавила ее холодной, закрыла слив пробкой. — Воду делаю тебе теплой, через пять минут сделаешь погорячее. И как следует погреешься. Зови меня если понадобится помощь, — я попыталась поймать взгляд Лены, и судорожно сплотнула. Апатия и отрешенность. И это страшно.

В шкафу со второго раза нашла большое махровое полотенце, в которое можно закутаться почти полностью, мягкую фланелевую безразмерную кофту, с длинным рукавом и по длине немного выше колена. Растянутые старенькие, но теплые из-за начеса легинсы, шерстяные носки высотой немного ниже колена, что еще бабушка вязала. В голове огромное обрывки мыслей, сумбур и почти паническая тревога, руки трясутся и совершенное непонимание, как быть дальше? Что делать? Что именно произошло с Ленкой? Такая всегда шумная, веселая, бойкая и громкая. И вот кого я видела только что? Апатичное сломленное существо, которое даже не хочет элементарного — согреться. И что то мне подсказывает, что она толком и не чувствует внешнего холода. Слишком плохо ей внутри. Старательно гнала от себя самую вероятную мысль, что именно могло с ней произойти. Не может быть! Как же так... не может такого быть...

Прислонилась лбом к полированной поверхности дверцы шкафа, закрыла глаза, досчитала до десяти и обратно. Не до моего сейчас страха и терзаний — надо как то помочь ей, растормошить, вытащить из этого апатичного колодца отчаяния, поделиться спокойствием и силой. И узнать, что же все таки произошло. Мои проблемы и переживания отошли на второй план, я просто выкинула их из головы. Заглянула в ванную.

Лена неподвижно стояла в воде, смотря в одну точку пустым взглядом, даже не прикоснувшись к лейке. Стараясь не испугать, начала поливать из душа обнаженную подругу, прикоснуться к ней я просто побоялась. Бледная, даже с синеватым оттенком ледяная гусиная кожа. И синяки, опять же. На правом плече, чуть повыше локтя, на правом бедре немного ниже бедренных косточек все те же четыре продолговатых синяка, оставленные чьими то жестокими пальцами большой руки, судя по отпечаткам. Меня пробрала мерзкая дрожь, передернуло. И нет, не от брезгливости, точно нет. От злости на того, кто ей причинил боль. Мои эмоции грозили вызвать ненужные вопросы, на которые, я

уверена, девушка не готова мне отвечать. Так что чувства в сторону — молчу и отогреваю Лену.

— Сядь, пожалуйста, — аккуратно, но требовательно нажала на плечо подруги. — Так будет проще, и тебе, и мне.

Она покорно опустила на корточки, обхватив руками колени и спрятав лицо под волосами. У меня защемило что то внутри — такой потерянный жест, такой беспомощный. Сердце больно сжалось комком в груди.

Я не знаю, сколько мы так пробыли в ванной — Лена, все такая же сжавшаяся, и я — присев на бортик ванной, аккуратно прибавив температуру воды до почти горячей, но не обжигающей, перебирая пальцами под струями воды длинные волосы на затылке подруги, поливая на худенькую спину с выпирающими шейными позвонками. Что говорить и как — я не представляла. Да и нужны ли они, мои слова, ей? Не уверена.

Я сначала даже не поняла, что это. Какой то непонятный звук — тихий, приглушенный, нет, даже придавленный, нечто среднее между воем, всхлипом и поскуливанием. А звук повторился, стал чуть громче. Всклип с поскуливанием, наверное, именно так.

— Солнышко, — не нашла я ничего лучше чем опуститься на колени на пол около ванны, и притянула голову Лены к себе, чуть не уронив ее и расплескав воду на пол. Пофигу, что уже мокрая. — Давай, солнце. Не держи в себе, — хотела сказать что то ободряющее и забыла все слова, просто не смогла ничего выдать из себя. Только прижать крепче к груди, запутавшись пальцами в мокрых волосах.

Сначала мне показалось, что она оттолкнет меня или останется безучастной. И первые несколько секунд именно так и было. А потом почти рывком вжалась в меня, расплескав еще больше воды на пол, там образовалась довольно приличная лужа, в которой я стояла на коленях, совершенно не обращая на этот факт внимания. Важнее сейчас было именно то, что подруга наконец то дала волю слезам, судорожно цепляясь пальцами за мои плечи, вжимаясь лицом в меня, уткнувшись носом куда то в районе ключицы.

Рыдания? Нет. Всклипывания и поскуливание. Ее просто трясло мелкой дрожью как при ознобе. Я впервые видела человека в таком состоянии и слышала такие звуки. Почему то в голове мелькнула дурная мысль о побитом щенке, кого кто то бездушный выкинул на улицу, совершенно не заботясь о том, что выжить это маленькое существо не сможет. Именно таким существом мне сейчас и показалась Ленка — заледеневшая, выкинутая, обиженная, подавленная и... использованная. От последней ассоциации мне стало почти дурно. Особенно этому способствовало воспоминание о синяках, что я видела на ее теле. Это оказался именно он, тот самый жуткий вариант, который я старательна гнала от себя как невозможный.

— Мааара, я такая дура... ты не представляешь. Он... меня, — вдруг полились слова сквозь всхлипы. — Просто на время, на пару раз, от скуки, тупо секс. А я так же его. И зачем мне все это надо было? Скажи, зачем?? — почти закричала она мне в ухо. При учете того, что до этого был шепот, я вздрогнула от неожиданности и легонько погладила по мокрым волосам, пытаюсь успокоить. — Но я не думала, что он способен на это...

Ленка плакала, рыдала в голос, чуть слышно подвывая от отчаяния, уткнувшись носом мне в шею, судорожно вздрагивая и цепляясь за меня руками, комкая в пальцах мою футболку. Ее слова... я понимала в лучшем случае треть из того, что она сквозь рыдания говорила.

Слезы, всхлипы, судорожные вздохи когда просто не хватает сил плотнуть воздуха в

сведенные спазмом легкие. Заложенный нос не позволяет сделать вдох, а горло сжато рыданиями. И истерика, то затухающая, то снова набирающая оборот стоит только мелькнуть в мыслях воспоминанию. И почти отчаяние у меня, потому что я просто не знаю, что делать и как помочь близкому человеку.

"Господи Боже! Спаси и сохрани. Матерь Божья, забери ее печали, дай спокойствия измученной душе..." закрыв глаза, я пыталась выудить из памяти слова, что читала надо мной когда то давно бабуля.

Через какое-то время слезы закончились, я все также поглаживала подругу по волосам, изредка касаясь лопаток. Судорожные всхлипы вздергивали напряжением тело Батти.

— Пойдем на кухню? Я чай тебе сделаю, или кофе. Хочешь? — немного отстранилась и попыталась заглянуть в лицо подруги. Заплаканное, опухшее от слез, с покрасневшим носом, глазами и губами. А щеки, наоборот, бледные. И взгляд пустой, потухший, покорный.

Придерживая девушку за плечо, помогла ей вылезти из ванны. Накинула на нее полотенце. Нет, никакого смущения у меня нет при виде обнаженной подруги. Просто скользнула взглядом по телу, стараясь не задержаться взглядом на темном следе чуть выше левого соска и на шее, около ключицы. В виде полукруга, неприятного, багрово-фиолетового цвета. Метка, клеймо. Засос. Сильно сжала челюсти, стало немного больно. Опять всколыхнулась иррациональная злость на того, кто это сделал.

Ленка, ни слова не говоря, сначала вытерла волосы полотенцем. Промокая мокрое тело полотенцем, повернулась ко мне спиной. Пару секунд почти неосознанно смотрела на маленькую татуировку на ладонь левее поясицы, на верхней части ягодицы. Бабочка. Небольшая — всего то размером чуть меньше моей ладони, цветная — синяя, бледно голубая и красная, четко прорисованная. Милая Ленкина изюминка, из-за чего часто так и называем ее — баттерфляй, или Батти. Ее персональное прозвище среди друзей. Равно как и у меня — Котика, производное от фамилии — Котина.

В комнате схватила первую попавшуюся футболку и пижамные штаны. На кухне поставила наполовину наполненный чайник на газ. И задумалась — как выводить её из этой апатии и отрешенности? Чем ей помочь? И куда следует обращаться подобных ситуациях? Да так глубоко погрузилась в свои думы, что от свистка закипевшего чайника вздрогнула всем телом и чуть не выронила из рук травяной сбор, что собственноручно собирала летом — смородина, малина, ромашка, мята и земляника. Приятный и вкусный. Засыпала сухие травы в тостостенный бабушкин чайник, залила кипятком, накрыла полотенцем. Пусть заваривается.

Обернулась и вздрогнула повторно. Нервы ни к черту. Ленка сидела за моей спиной на табурете, снова сжавшись в комок, как будто замерзла. Она уже переделалась в ту одежду, что я ей принесла. Она висит на ней мешком, кофта с рукавами, закрывающими пальцы, придавала несчастный вид. А в комплекте с затравленным выражением на лице — пробирало до дрожи.

— Я покушать бы не отказалась. У меня опять ночной жор. Поддержишь меня? — сказала я хоть что то, чтобы просто не молчать. И попытаться разговорить подругу.

Ноль реакции.

— Ну, молчание знак согласия. Будем жракать вместе, ночью, — с деловым видом полезла в холодильник. Стараясь скрыть панику на лице.

В ожидании разогревающейся еды присела на соседний табурет. Вгляделась в лицо подруги, перевела взгляд на лежащие на столе тонкие бледные руки Лены. Сглотнула и

накрыла своей ладонью подрагивающие ледяные пальцы.

— Батти, — тихонько позвала ее. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Я говорила, что до этого взгляд был пустой? Так вот, сейчас он был больной — отчаяние, страх, боль, тоска и какая-то ненормальная решимость во взгляде. Складывалось впечатление, что Ленка потеряла что-то очень важное для себя, что-то такое, что является жизненно необходимым для нее. И как жить без этого дальше она не знает. И вот что можно такое сказать в таком случае, чтобы не ляпнуть банальность типа "Все пройдет" или "все наладится"? Как жить сейчас? Как найти в себе силы? Не имею ни малейшего понятия...

Именно по этой причине я просто обхватила своими ладонями ее руки. Мои теплые против ее почти ледяных. Просто поделиться теплом, молчаливой поддержкой и заботой на деле, а не на словах. Тем более что и говорить я особенно не умею, а уж нужные слова, которые помогут "воспрянуть к жизни" и подавно... Все что бы сейчас не говорила — было бы словами, и только. Через пару минут безвольно лежащие в моей ладони пальцы, вздрогнув, сначала слегка сжали мои руки, а потом крепко вцепились в меня. Как в спасательный круг.

За время, что мы так молчаливо сидели, держась за руки, котлетки полностью разогрелись. Вкусно запахло едой.

Немного позже, прикончив по ёжику и допивая ароматный горячий чай, Лена начала говорить. Сама, без моих вопросов. Медленно, тихо, делая большие паузы после коротких предложений, обдумывая каждое слово. Сухие глаза, пустой взгляд в окно и безэмоциональное повествование, просто констатирующее свершившееся факты, от которого у меня побежали мурашки по спине. И уже у меня похолодели ладони.

— Мы познакомились примерно полтора года назад. Просто на улице в обычный выходной, теплым летним субботним вечером. Высокий, улыбчивый, уверенный, сексуальный. В ту же ночь мы переспали, у меня дома. И повторяли не раз. Мне все нравилось — он супер в постели, фонтан эмоций и ощущений. И нет никаких обязательств. Мне просто нравился секс с ним. Пару месяцев назад пропал. Просто не звонил больше. Никаких неприятных ощущений потери или скуки у меня, слава Богу, не было. Так... легкая грусть. А потом объявился, позвонил, приехал. И все началось вновь. Вот только секс стал чаще. И жестче. Не могу сказать, что я не получала свою долю кайфа, но чувство использованности стало явным. И настойчивым. Эгоизм вдруг прорезался, теперь заботился больше о своих потребностях. Меня трахали, определенно хорошо и качественно, но занятия скудной любовью мне нравились больше. Надо ли говорить, что чувствовала я себя шлюхой? Наверное нет. Почему не послала его? Сама не знаю. Наверное, потому, что дура. Да и других вариантов особо нет.

Он позвонил сегодня. А мне было скучно и не празднично. Народу дома до хрена и больше, а из близких и нет никого. Ты знаешь, я тебе рассказывала свою ситуацию. И так мне тепла захотелось, расслабиться хоть самую малость. Собралась, поехала к нему. Экспресс-свидание с определенными целями. Пара бокалов шампанского, шоколадные конфеты, маленький плюшевый символ года. Голова шумит, в теле легкость, в мыслях неожиданная пуганица, хочется пошалить. С ним. Снова в ту же лужу, в ту же грязь, да по любимые ушки.

И вроде бы все как обычно начиналось. Но только на первый взгляд. Это был просто секс, потрапушки, жесткое самоудовлетворение с помощью моего тела. А когда я хотела возмутиться и уйти — мне не позволили. Он и его друг.

Лена замолчала, задумчиво прокручивая свою любимую высокую кружку с узким горлом и широким основанием. А я смотрела на нее расширенными глазами, просто сильнее сжав ее ладонь. То ли в поддержку ей, то ли стараясь успокоиться самой. Боясь пошевелиться, боясь слишком громко вздохнуть, боясь спугнуть и обидеть ее. А еще мне было страшно. Нет, не верно. Клубок эмоций внутри — страх, ужас от произошедшего, а в том что это произошло — я уверена, злость, даже уже бешенство на тех ублюдков, что сделали это. И это был шок — я даже не предполагала, что подобное может произойти наяву, а не в каком-то сумасшедшем кошмаре. Групповое изнасилование — даже при одной мысли меня морозило до состояния айсберга. Что и говорить о том состоянии, в котором была моя подруга? Я не представляю, каково ей сейчас.

— И знаешь, что самое забавное? — Лена подняла взгляд от кружки и посмотрела мне прямо в глаза. — Я не сопротивлялась, ведь сама к нему пришла. Просто не смогла ничего сделать. Впала в ступор и позволила сделать им это со мной. Даже толком ничего не почувствовала. Просто я где то посеяла свои труселя, и только.

Я попыталась сглотнуть кислый комок во рту. Не сглотнулось, так и осталось мерзкое ощущение. Голова кружилась, в глазах темно. И не уверена, что смогу устоять на ногах, не свалившись куда-нибудь под стол. Открыла рот, чтобы что то сказать и не смогла выдать ни слова. А Ленка вновь опустила взгляд. И знаете что меня напугало больше, чем ее рассказ? Выражение ее лица в данный момент — отрешенное и равнодушное. Как будто человек потерял себя, свою душу, свою личность, выжег все чувства и эмоции. И стало все равно жив он или нет. Просто наплевать на себя, на окружающий мир, на жизнь.

"Забавное"... "Забавное", мать его!

Неожиданно для самой себя, я буквально свалилась со стула на колени перед Ленкой и крепко ее обняла. Практически причиняя боль и понимая это. Просто изо всех сил сжимая ее, доказывая ей, что она еще жива, что она нужна и обязана жить дальше. Пусть через физическую боль, но она обязана начать чувствовать:

— Мы решим с тобой вместе эту проблему, я с тобой, я рядом. Напишем заявление, а если не будет результата — я поговорю с парнями, мы договоримся, — найду деньги, этого я говорить не стала, но всерьез задумалась над этим. — Им ввалют так, что они на всю жизнь забудут, как пользоваться своими стручками! Мы...

— Коти, тебе не противно находиться со мной рядом? — вдруг прервала мои несвязные фантазии о мести Лена, тихим и почти спокойным голосом. Вот только выражение лица у нее было очень серьезным. Казалось, она смотрит мне в душу. И если я сейчас поведу себя неправильно, просто встанет и уйдет. И это будет конец для нее.

А я подавилась словом, хлопнула ресницами пару раз в непонимании и до меня, наконец, дошло:

— Ты о чем вообще? Как такое можешь говорить?! — не знаю, можно ли сдавленно кричать, но у меня получилось нечто среднее между хрипом, писком и криком. После того как я вытаращилась на нее и несколько раз хватала ртом воздух. — Глупая, не смей так даже думать! Выкини такие мысли из головы. Я люблю тебя, солнце. И сделаю все, чтобы помочь тебе! Скажи, что мне сделать?!

— Тогда у меня к тебе всего одна просьба, — я с готовностью закивала головой. Голова грозила отвалиться от усердия, но мне на это было наплевать — все что угодно, только скажи, я все сделаю. Разобьюсь в лепешку, но сделаю. Чего бы мне это стоило.

— Забудь про то, что я тебе сейчас рассказала. Я забуду и ты забудешь. Без тебя я не

смогу. Ты будешь моим якорем, за тебя я буду держаться. По другому я не смогу выплыть из этого дерьма, из этой грязи, не отмоюсь одна никогда. Ты никому не расскажешь, и ничего не будешь предпринимать. Слышишь? Ничего! — пристально посмотрела на меня. Пытливо. — Обещай мне! — а вот это уже требование, причем безапелляционное. — Пожалуйста, Мар. Я не смогу рассказать это еще кому то. А на заявление потребуют подробности, имена, показания, очную ставку, наверное. Не могу, правда. И не смогу больше увидеть его. Я просто умру.

Мне потребовалось несколько секунд на принятие решения. Бесконечные секунды, что тянутся вечность. И эту вечность мы неотрывно смотрели друг другу в глаза. Я не могу ее обмануть. Не могу предать, не могу обмануть доверие. Только не после этого вечера и этой ночи.

— Хорошо. Я обещаю.

— Спасибо, родная, — Лена уже сама вжалась в меня. С силой сдавив в объятьях.

Спать отправились уже под утро. Просто молчали и держались друг за друга. Она хмурилась, кусала губы, плакала еще несколько раз, но уходить с кухни упорно не хотела, заново вновь и вновь, судя по кривившемуся лицу, прокручивая в голове случившееся, наказывая себя. Не выдержав ее мучений, я втихаря накапала Ленке пустырника. Она все возмущалась, что чай приобрел неприятный запах. Но поняла подставу только после того, как вылакала половину чашки. А примерно через пятнадцать минут измученный организм подруги начал банально отключаться.

Заснули мы практически в обнимку — на одной подушке, соседняя, положенная специально для Батти, осталась не тронутой. Несколько раз сквозь сон она всхлипывала, стонала и дергалась во сне. В такие моменты гладила ее по голове, шептала что то успокаивающее. И почти скрипела зубами от бессильной злости. И данного обещания о молчании. Новый год начался.

Глава 11

— Марин, померяй температуру, пожалуйста, — как будто спокойный голос Лены не может меня обмануть. Она с трудом сдерживается, чтобы силой не впихнуть в меня этот градусник. Именно впихнуть, ибо своим упрямством я ее уже конкретно достала, и просто подмышка её не впечатляет. И что то мне подсказывает, что еще немного и мерить температуру я буду ректально...

— Не надо, правда. Я хорошо себя чувствую. Просто немного болит голова и все, — бессовестно вру. И мы обе это понимаем.

Зачем? У меня свидание в семь с Вадимом. И я уже стояла на пороге одетая и готовая, как пришла Батти. Все эти две недели она, по большей части, провела у меня, часто оставалась ночевать, проговорившись, что со мной её не мучают кошмары. А я была только рада — подготовка к экзаменам не могла заглушить тоскливое одиночество. Равно как и семейный ужин первого января у мамы. Из родительского дома-в-гостях пришлось возвращаться домой, в тишину пустой квартиры, где я одна. А так рядом со мной мой близкий человек, о котором я, как курица-наседка, заботилась, и мне становилось теплее и легче. Пусть даже, по большей части, мы молчим каждая о своем, но дискомфорта от этого нет. А потом позвонил Вадим, пригласил меня, как ни в чем не бывало, на свидание, с легким смешком поинтересовавшись, не против ли я Старого Нового Года в его компании. Конечно, я согласилась, забыв, как о несущественной, о своей обиде и мучавшем меня страхе

неопределенности.

В то утро, точнее день, когда мы с Батти проснулись после тяжелой ночи, проконтролировав строгим надзирателем завтрак девушки, я непривычно много болтала, отвлекала подругу от мрачных мыслей и неприятных воспоминаний как могла. Я рассказывала в лицах, красках и на эмоциях о своих только начавшихся отношениях. Стыдливо умолчал о том, что отношений то толком и нет никаких. На самом деле Ленка была первая, кто узнал о моем как будто парне. Нет, я не делала из этого события секрета, но и без умолку говорить о нем не хотела. Словно боялась неосторожным словом спугнуть. Хотя, было бы что.

И вот теперь все опять летит в тартарары.

Да, я знаю что у меня температура. Еще утром почувствовала это. И если когда я проснулась жар только набирал градусы и была действительно только небольшая головная боль, даже легкая ломота в висках, если говорить точнее. То теперь голова гудела как чугунный котел. Я выпила все имеющееся в квартире жаропонижающее. Все без толку, как обычно. Только во рту остался противный привкус лекарств, да желудок болезненно крутило от спазмов. Есть мне не хотелось совершенно, даже через силу — все просто грозило отправиться обратно в периодически накатывающих приступах тошноты. Давно меня так не накрывало. Я вообще редко болею, но если заболеваю, то так, что мало не кажется. Примерно на три-четыре дня повышенной температуры и последующей недели общего недомогания. Причем прием лекарств, даже самых убойных и действенных, не влияет на временной промежуток моей болезни. Можно вообще просто ограничиться медом и малиновым вареньем с горячим чаем под одеялом в шерстяных носках, и эффект будет принципе тот же, если меня пичкать разнообразной химией.

Вот только сегодня я сожрала все имеющиеся лекарства в доме в надежде хоть немного притупить симптомы начинающейся болезни. Или хотя бы капельку приглушить боль. Или чуточку сбить температуру. Ну хоть на несколько часов отсрочить неизбежное! Как же мне хотелось встретиться с Вадимом. И я это сделаю! Осталось только каким то образом слинять от этого цербера в бежевом платье-свитере до середины бедра.

Цербер, кстати, был категорически против моего побега. О чем недвусмысленно мне и заявил:

— Ты. Сидишь. Дома. И лечишься. Без вариантов. Точка. — вот именно так, с большими паузами между словами, на всякий случай отделяя их друг от друга еще и активной жестикуляцией. Несчастливым градусником, зажатой в маленькой, но крепкой ладони, и угрожающе направив его на меня.

Я невольно сглотнула. И поморщилась — больно глотать, пипец как...

— Лен, не прессуй меня. И так голова раскалывается, — жалобно попросила я, надеясь на снисхождение.

Обломалась, с хрустом и треском. Снисхождения не было. Зато воспользовавшись тем, что уже почти вплотную стоит ко мне, Лена резко что то прижала к моему лбу, удерживая второй рукой меня за плечо чтобы не вырывалась, считая вслух до двадцати. А я и не вырывалась, голова в довершение к боли начала кружиться и единственная связная мысль была "Только бы не грохнуться в обморок...".

Следующее, что я помню, это то, что уже лежу на кровати, а Ленка сидит рядом со мной, нахмутив лоб и смотрит на меня с тревогой.

— Мар, у тебя температура почти 39. Жаропонижающее пила?

Я только кивнула и опять зажмурилась от разноцветных кругов перед глазами и пульсирующей боли где то внутри черепа.

— Аптечка все также на кухне? — я утвердительно опустила веки, на всякий случай еще и угукнула. Получилось что то очень тихое и непонятное. Но видимо Батти поняла правильно, потому как сквозь туман в голове я ощутила что ее рядом просто нет.

— Он меня ждет... — тихо прошептала я.

— Ух и отлупить бы тебя сейчас, чтобы сидеть не смогла! Я видела что у тебя в мусорном ведре! Шесть! Шесть пакетиков из-под жаропонижающего и четыре блистера из-под шипучего аспирина! Охренела столько лекарств за неполный день вылакала! Я вообще удивляюсь, как тебя еще не выворачивает наизнанку и ты еще в сознании! Вот скажи мне честно — хоть что-нибудь помогло? Хотя нет, не отвечай. Сама вижу, что все без толку. Глупая твоя башка понимает хоть, как сейчас насилуешь свой организм?! — распаялась все больше подруга. А я... я с досадой понимала, что она права. Черт! Как все не вовремя!

— Батти...

— Что?! Не пуцу! Привяжу тебя если надо будет! — весь угрожающий вид, да еще и воинственно наставленный на меня указательный палец с длинным ярко-красным ноготком просто кричал мне — привяжет, однозначно. С особым садизмом заботы по-настоящему близкого человека, что сильно переживает за меня.

И стало теплее на душе.

— Не кричи, солнце, — облизала пересохшие губы почти сухим языком. Попробовала сглотнуть — а глотать то и нечего, пустыня во рту. — Дай водички, плиз.

Ленка исчезла на кухне, вернулась через минуту с кружкой теплой и такой вкусной воды, сладкой из-за меда. Осушила и не заметила как, еще бы столько выпила. Без сил откинулась обратно на подушку. Надо же, я и не помню, как оказалась на своей кровати под тонким покрывалом. Подняла взгляд на грозную Ленку в позе сахарницы — насупилась и руки в бока упираются, весь вид так и кричит — стоять буду насмерть, враг не пройдет! Точнее не сбежит.

— Дай мой телефон, пожалуйста, — после живительной влаги голос хоть отдаленно похож на мой, только хриплый и слабый. — Я позвоню, предупрежу, что заболела и не приду, — Лена недоверчиво протянула мне мой телефон. Не поняла, как он у нее оказался? Нашла номер в списке последних вызовов, нажала на трубочку. Пару гудков и любимый голос в трубке:

— Алло, крошка моя! Привет!

— Привет, — от радости в его голосе на миг стало радостно. — Вадим, я заболела, температура высокая... Прости, но снова не получится. Мне очень жаль, — прохрипела я практически без пауз. Просто боялась что голос опять почти пропадет или силы внезапно закончатся.

— Заболела? Серьезно? Если хочешь, я заеду за тобой? У нас тут будет весело. Правда, — Лена решительно сделала шаг в мою сторону и протянула руку за моим телефоном. Подняла свободную руку жестом прося не вмешиваться.

— Я бы с радостью, — недовольный хмык от Лены не заставил себя долго ждать, — Но не могу. Не обижайся, хорошо?

— Ладно. Я понял. Лечись, давай. До скорого? — музыка на заднем плане и голоса.

— Целую, пока, — грустно мне очень, прям хоть плач в трубку. Вот только сил моих становится все меньше, говорить все сложнее, а туман в голове гуще. Почти отключаюсь.

— И я тебя. До встречи, детка. И выздоравливай! — неожиданно мягкость в голосе Вадима, и короткие гудки.

Положила телефон рядом с собой на кровать, откинулась на подушку. Сил нет совсем. Закрыла глаза — так голова болит немного меньше, или так кажется. Лена положила холодную руку на лоб. Хотя, может быть, рука нормальной температуры, это я печка. Видимо так же подумала и подруга.

— Писец, ты еще горячее стала, — тихий встревоженный голос где то на периферии сознания. — Давай, солнышко, померяем темпу и посмотрим что у нас получается.

А мне откровенно уже все равно что там и как. Просто проваливаюсь в тяжелый сон. В вязкий туман, что затягивает как болото.

Сквозь полусон-полубред слышу голос:

— Да. Высокая температура. Сейчас уже 39,7. Еще час назад была 39. Да я откуда знаю! Да мне... послушайте, мне не важно что у вас много вызовов! Мне нужно чтобы приехал врач и посмотрел девушку! Откуда я знаю, что он сделает?! Я что, врач?! Ну не знаю укол там какой-нить или таблетку. Да не действует на нее эти гребаные фервексы! Я не ругаюсь, я так разговариваю! Вот именно вы на меня и кричите. Лучше подскажите что делать-то? — слезы в голосе Лены? Наверное мне это снится. Снова проваливаюсь в пустоту.

И снова меня оттуда беспардонно вытаскивают:

— Котя, очнись, детка. Пожалуйста, — опять слезы слышу и... всхлип? С трудом открываю глаза — комната плавает вокруг меня. Или это я плаваю в ней? Не понятно. Но отвечаю:

— Батти? — нет, не отвечаю в полном смысле этого слова, так просто разомкнула губы, точнее разорвала их — они намертво склеились друг с другом. В первый раз мне так плохо.

— Слава Богу! Скорая должна вот-вот приехать, я вызвала еще полчаса назад. Скажи мне, у тебя есть водка? — очень интересный вопрос.

— Будем угощать врачей? Им нельзя, они на работе...

— Нет, солнце. Тебя будем спаивать, — вроде не улыбается, а почему звучит как шутка?

— Я не пью... ты же знаешь, — пытаюсь выдавить из себя улыбку, не получается.

— Глупая. Внутри обойдешься, еще буяннить будешь. Так есть или нет?

— Откуда? Мне как то без надобности. Хотя может быть от ба что то осталось. От поминок. Посмотри, может быть в секции где секретер, нижние дверцы, — не успела договорить, Ленка уже метнула к стенке. С таким энтузиазмом даже если у меня и нет спиртного, она что-нибудь все равно найдет.

— Нашла! — и неподдельная радость в голосе. Надо же, как просто сделать человеку приятное.

Прохлада на моей груди, животе, на локтевых сгибах. Если бы еще так спиртом не воняло — вообще бы здорово было. И мокрая тряпка на лбу. И снова темнота вокруг меня...

Открыла глаза — тишина вокруг. Только настольная лампа рядом с моей кроватью дает приглушенный свет, включенная всего на одну слабенькую лампочку. Дико хотелось пить, просто невыносимо, засохло все, что могло засохнуть и не могло тоже. А около лампы стоит небольшая бутылочка с широким горлом, с водичкой. Мм, какая вкусная водичка, невероятно. Я вылакала всю залпом, не имея сил оторваться от горлышка. Краем глаза заметила Батти — спит на кресле, накрывшись пледом почти с головой. Оно у меня огромное, старинное, с покатою полукруглой спинкой, мягкими подлокотниками и поднимающейся подножкой. При желании в нем можно спать почти как в кровати, с

единственным отличием в том, что спать приходится в полусидячем положении. С ума сойти, это она все это время со мной тут? И сколько вообще времени?

И если первый вопрос очевидно не требует ответа, то на второй я так и не нашла ответа — я опять отключилась. Или провалилась, как уж посмотреть.

Я просыпалась еще несколько раз за эту ночь. Неизменно выпивала немного воды с медом или бульона, Лена периодически вытряхивала меня из простыни, меняла ее, прикладывала мне неизменную тряпку на лоб и я снова проваливалась в сон.

Проснулась от телефонного звонка. Открыла глаза, с трудом определила местонахождение телефона — он почему то валялся под кроватью. Зато проснулась. Мама звонит.

— Марина! Ты почему не звонишь уже несколько дней? Совсем загуляла? — вот так, особенно не церемонясь и с места в карьер. Все в духе и стиле моей мамы. Что то в этой жизни точно не меняется.

— Мам, привет. Я заболела немного...

— Заболела!? Воспалением хитрости, проснувшейся наглостью и равнодушием по отношению к матери? — понеслось. Проще промолчать и дать выговориться. — Ты даже не соизволила мне позвонить! Вылетела птичка из гнезда, свободу почувствовала и забыла про всех!

— Мам...

— Нет уж слушай! Что там такого у тебя случилось, что не было времени на звонок? Нашла какого то парня, значит стала взрослой и все можно? Не ожидала от тебя такого, девушка! Я думала, что воспитала достойную дочь! — и бросила трубку. Шедевральный диалог, яркий пример дипломатии и образец сочувствия к ближнему своему в одном флаконе.

Ленка неслышно подошла ко мне, молча положила руку на плечо, слегка сжала. Я благодарно потерлась щекой о ее руку.

— Что бы я без тебя делала, Батти. Ты перевыполнила план по добродетели на год вперед.

— Да? Ну тогда я самым кровожадным образом заставлю тебя померить темпу. Ага, опять. А уж потом..., - и кровожадно потерла лапки друг о друга.

— Боюсь — боюсь. Честно. Видишь, уже почти дрожу от страха.

— Дрожит она, — бесцеремонно потрогала мой лоб, цокнула языком. — От страха дрожи, это правильно. Но кажется мне, что немаловажную роль играет твоя температура. Ты опять горячая.

— Это еще пару дней будет, вряд ли меньше, — безропотно зажала подмышкой протянутый мне советский стеклянный градусник. Положила голову на плечо севшей рядом со мной подруги. — Иди домой, правда. Тебе тоже отдохнуть надо, развлекься, сходить куда-нибудь. Сидишь со мной безвылазно. Еще и я болею, не дай Бог ты тоже подцепишь что, — а тоскливо так, хоть вой.

— Тю, еще что выдумала! — даже дернула плечом недовольно. Между прочим, именно тем, на которое я пристроила мою бедную голову. Зуб даю, специально это сделала! — Я с тобой два дня нахожусь и ничего еще! Зараза к заразе не липнет, это факт! Так что сиди и умничай, болезная моя, — мою голову уложили обратно на плечо. — Тем более что у тебя так уютно и спокойно. Не хочу никуда уходить.

Немного жесткое плечо, на котором я так нагло пристроилась, чуть опустилось для

моего удобства, я немного покрутила головой, устраиваясь поудобнее. Самое удобное, на самом деле, плечо. Просто потому что оно близкого мне человека. Ленка чуть опустила голову, прижалась к моей макушке виском и скулой. Вздохнула. Ей тоже хреново, я чувствую. И сделать ничего не могу. Прискорбно.

— Люблю тебя, солнце, — совершенно искренне и уверенно, хоть и чуть слышно.

— И я тебя, — также тихо, чуть слышно на ухо. Но от этого не менее ценно и важно. — Давай сюда, посмотрим что там, — протянула руку за градусником. Нахмурилась, разглядывая показания. — 37,7, уже лучше.

— Пошли на кухню, приготовим что-нибудь покушать. Не могу лежать — болит уже все. Да и тебя покормить надо. Наверняка голодная сидишь, — для порядка должна же я немного побурчать? Хотя бы для разнообразия. Тем более что лежать и, правда, осточертело.

Глава 12

Сегодня двадцатое января, завтра у меня экзамен. Сложный экзамен, противный. С кучей замороченных формул, зубодробительными формулировками и дотошным преподавателем. Волнуюсь ли я? Нет. Мне просто хреново, во всех смысловых оттенках этого не совсем цензурного слова и состояния души. С мамой я помирилась в тот же день, точнее вечер. Она сама мне позвонила, уже успокоившаяся, подумавшая и сменившая гнев на милость. В общем, вполне привычное состояние и поведение, ничего нового. Хотя и малоприятное каждый раз, с осадком. И именно по этой, одной из нескольких причин, я весьма дозировано посвящаю маму в свою жизнь и, упаси Боже, проблемы. Это не ложь — я просто говорю не все. Меньше знает — крепче спит. И я в том числе.

Единственное условие, которое в ультимативной форме мне поставила родительница — познакомиться с моим молодым человеком. Да, именно так и сказала — "ты должна познакомить нас". Официозно, ультимативно, безапелляционно.

Кстати, о птичках. Точнее об одном единственном птице. Пропал мой молодой человек. Не звонит, не пишет, мои сообщения доставляются, вот только ответа на них нет. Ни на одно из трех, что я послала. Равно как вызовы мои в количестве двух штук также остались без ответа. Вот такие дела. А я что? Гордая я, больше ни звонить, ни писать ему не собираюсь. Насильно мил не будешь, так вроде говорится.

Ленка, моя персональная жилетка, не стала лезть с ненужными мне советами и, спаси Боже, жалостью. Как-то так получилось, что за удивительно короткий срок она стала мне самым близким человеком. Грусть-тоска спаяла нас крепче бетона, а депрессняк скрепил арматурой. Мои дружеские, даже нежно-покровительственные, отношения с Ташей никуда не делись. Я также люблю ее и сорвусь с места, не задумываясь и не задерживаясь, если ей потребуется помощь. Выслушаю ее, постараюсь успокоить, посмеюсь над ее шуткой или вместе с ней буду радоваться ее успехам и радостям, разделю её печаль и боль. Тёма — вообще отдельная тема. Мой лучший и, наверное, ныне единственный друг мужского пола, которого воспринимаю как брата. Но пойти к нему со своими переживаниями, в которых сама толком разобраться не могу — стыдно, как бы глупо это не звучало. Только с Леной я могу заплакать, уткнувшись сопливым носом в ее плечо, не испытывая и толики смущения от своей слабости, доверить самое потаенное, не боясь, что сказанное перевернут с ног на голову, обратят против меня или отмахнутся, обозвав все глупостями. Показать себя слабой, зависимой, несчастной. Ненужной. Вот куда я пойду со своими траблами к счастливой паре? Им не до меня в своей идиллии, а у меня нет морального права излить на них свои

проблемы. Батти — моя опорная ниточка, та точка опоры, точка устойчивости, которая не позволяет сорваться в истерику, слезы и совсем уж потерять чувство собственного достоинства и надоедать парню, которому я не нужна, своими звонками и сообщениями. Одна единственная для меня... а я, надеюсь, тоже значу для нее хоть что то.

— Мара, стой! — а как тут не остановиться, если тебя крепко держат за плечо? Да еще и такая верзила как Тёма. Волей неволей остановишься. — Вот что за привычка сбегать от одноклассников?! Ты почему не подождала меня в коридоре?

— Я ждала... — я смутилась от чего то. Наверное, мне все таки немного стыдно.

— Я вижу. Так ждала, что я отлавливаю тебя уже почти на выходе из универа! Скажи хотя бы, куда летишь? Да еще и нараспашку почти? С ума сошла, опять хочешь провалиться в постели?! — ох мама моя, еще немного и меня будут бить. По мягкому месту, если не сбегу. И будет мне обидно.

— У меня свидание! — правда наше все.

— С кем? — таким ошарашенным друга я еще не видела.

— Эм, с парнем, — почти обидно.

— Ясен пень, что с парнем! — немного разозлился Тёма. Покраснел даже, того и гляди пар пойдет. — Давно пора уже, а то совсем заплесневела. Точнее, я рад за тебя. Ладно, застегивайся и проваливай, — прозвучало несколько смущенно, отпустил мое плечо и даже шарф поправил.

— Ладно, Тём. Звони, если что. Ну или пиши, — по дружески хлопнула парня по плечу, быстро замотала шарфом шею, застегнула куртку и свинтила, пока меня еще кто-нибудь не поймал.

На свидание. С Вадимом!

Он позвонил! Извинился, сказал, что его не было в городе, был у родственников по семейным делам. Интересовался моим здоровьем, настроением и желанием встретиться с ним. Последним — в особенности, наверное. А я полетела почти на крыльях, уж не знаю любви или по глупости, не важно.

Мы должны были встретиться в кафе неподалеку, он меня уже ждал. И судя по всему довольно долго. По крайней мере кофе в кружке оставалось едва ли треть. Задумчивый взгляд через окно на улицу, сложенные руки на груди опираются локтями на стол. Весь вид какой то отрешенный и... растерянный?

— Что то случилось? — как то вырвалось вместо приветствия. А сердечко тук-тук-тук, быстро так, заполошно...

— Нет, — резко встал и порывисто обнял меня, крепко прижимая к себе и зарывшись носом в волосы. — Просто задумался. Не обращай внимания, — также резко отстранился, за руку утягивая на диванчик рядом с ним. Руку мою так и не отпустил, а я ничего не имела против. — Лучше расскажи, как твои дела? Ты выздоровела? — строго нахмуренные брови обещали мне наказание, если вдруг я приперлась сюда больная. Поневоле улыбнулась.

— Да. Все теперь хорошо, спасибо, — в благодарность за заботу погладила большим пальцем тыльную сторону ладони, что продолжает крепко сжимать мою. Как будто я смогу сбежать.

Не смогу. Просто не смогу.

Вадим

Черт бы побрал этих родственников с их бесконечными проблемами! Точнее одну конкретно взятую. Мне пришлось срочно, среди ночи, с вечеринки в честь старого НГ сорваться с места и мчаться в эту долбанную глушь. Все потому, что бабка моя в который раз решила что все, она помирает и я ей жизненно необходим, вот прямо шас! В который, мать ее, раз! Уже, по моим скромным и далеко не точным подсчетам, шестой! Ненавижу, когда меня заставляют что то делать против моей воли! Одного раза в глупой юности на всю жизнь хватило.

— А что я такого сделала? Тебя же, засранца, по другому и не затащишь провести старую бабку. Без своих дружков, как и они без тебя, перебьешься. Так что садись и грейся! А зенками сверкать в другом месте будешь! — херовая ситуация, как ни крути.

Всё как всегда — женщины, сколько бы лет им не было, манипуляторы и провокаторы. И способы воздействия самые разнообразные — от шантажа сексом и слезами до банального обмана. Лишь бы добиться своего — загнать под каблук и вить веревки. Единственный способ избежать данной кабалы — не подпускать этих сучек слишком близко. "Используй первый — и не будешь использованным" — моя жизненная позиция в отношениях с бабами, и еще ни разу не подвела меня, раз за разом доказывая свою железобетонную правильность.

Я не собирался ни звонить, ни писать, ни вообще встречаться с Маринкой. И даже дело не в том, что она мне не нравится как девушка. Могу с долей уверенности сказать, что она мне интересна. И привлекает именно своей... эм, наивностью? Чистотой? Невинностью? Хрен знает. Но то что вспоминаю о ней периодически — факт свершившийся. Да еще неприятно зудит осознание, что она уже несколько раз сорвалась с моего крючка... И вроде бы в чем проблема — забить на нее, мне она не нужна, вот прям совсем не вперлась. Однако же. Позвонил, в восемь утра. Придурок. Сижу жду — дважды придурок, патологический.

— Что то случилось? — неожиданно прозвучало практически над ухом. Непроизвольно вздрогнул и перевел взгляд на незаметно подошедшую девушку.

— Нет, — чтобы скрыть свою растерянность, обнял ее. Я и забыл, какая она маленькая и хрупкая. А еще ее запах — чуть сладковатый с цитрусовой ноткой духов. Невольно задержал ее в объятьях на пару мгновений. — Просто задумался. Не обращай внимания, — так, надо прекращать ванильные обнимашки, мне это не надо. Вот что посущественнее — это я не против, все остальное не предлагать. — Лучше расскажи, как твои дела? Ты выздоровела? — максимально строго спрашиваю, приставать к девушке, что поминутно хлопает носом и кашляет как туберкулезник — не мой случай. Тем более что подцепить что-то от нее, не хочется.

— Да. Все теперь хорошо, спасибо, — почувствовал какое-то движение в своей ладони, опустил взгляд и с недоумением осознал, что все еще держу ее за руку. Крепко держу, а в ответ получаю детскую ласку — поглаживает тонким пальчиком с длинным розовым ноготком тыльную сторону моей ладони.

Бред, да и только! Друзьям скажешь, а, не дай Бог, кто из них увидит такие телячьи нежности, засмеют! Нет, точно посмешищем стану. Шутка номер один — Вава обванилился! Пора с этим заканчивать. Остается только один вопрос — пополнить напоследок коллекцию или пусть живет крошка в невинности и чистоте, аки дева непорочная?

Что то я пропустил. Девчонка лепечет мне что то о экзамене, что то смешное наверное, по крайней мере она то улыбается. А я смотрю на ее улыбку и невольно улыбаюсь в ответ. Как дебил. Хотя нихрена не слушал, о чем она мне тут вещала.

— ... при правильном допущении, — девчонка болтает какой то бред и радостно улыбается, не сводя с меня глаз. Рада меня видеть? Забавно даже. — Ну а у тебя как дела? Как посидели с друзьями? Ты прости, что так получилось, я не вовремя заболела... — это щебетание только кажется наивным, а в глазах читается растерянность и... страх? Ну конечно, я же сижу молчу. Просто молчу, пристально смотрю на нее и чуть улыбаюсь. Ясное дело, что девчонке неуютно.

— Просто ты молодец, вот и все объяснение, — пусть примет за комплимент, даже такой кривой и кособокий. Коротко рассказываю о своей поездке, опуская некоторые подробности, и совершенно точно никак не комментирую свое отношение к таким выкрутасам старой сумасбродки. Просто сухая констатация фактов. В глазах девчонки появляется грусть. И что?

— Знаешь, перед тем, как ба не стало, — немного запнулась перед последним словом, вздохнула и почти спокойно продолжила. — Мы долгое время не общались. Непонимание и глупая обида стала камнем преткновения, а ненужная гордость не позволила признать свою ошибку. А когда просить прощения было поздно, все встало на свои места. Вот только уже изменить ничего не получится. Равно как и повернуть время вспять и исправить совершенные ошибки. Грустно, когда мы начинаем ценить что то только тогда, когда теряешь это, — чуть улыбнулась и продолжила, внимательно смотря мне в глаза. — Я тебе завидую. Моя ба такииие пирожки пекла, мне никогда так не научиться! Точно — точно тебе говорю — я пробовала! Все равно не то получается. А уж как она мне порой мораль читала — вообще заслушаешься. Про мелочи жизни в виде бесконечный историй, что слышали уже по не одному десятку раз и про разбор поведения нынешнего подрастающего поколения — скромно умолчу. Но с удовольствием бы послушала. Разок, не больше, — уже со смешком подмигнула мне, тем самым разрядив ситуацию. Грустную, по сути своей, ситуацию. Вот только моя досада, что меня шантажом сорвали с вечеринки с друзьями, что не отпускала меня все это время, начала потихоньку отступать. На самом деле, что я потерял такого, что еще не видел? Или еще не увижу пару-тройку раз. Ничего существенного.

— Ты солнце, мое персональное теплое солнышко, — поднес к губам и легко прикоснулся к ее запястью. Девчонка покраснела — ожидаемо и предсказуемо.

— У меня еще и веснушки бывают, иногда, — как будто по большому секрету поведала мне Мара, немного наклонившись к моему уху.

— Покажешь? — а что, чем не повод, собственно?

— Неа, — и улыбается, хитро так.

— Почему? — детка, в эту игру можно играть вдвоем. И я в ней победитель, всегда, вот уже на протяжении нескольких лет точно. Притянул ее максимально близко к себе и склонился почти вплотную к ее губам. Ее глаза напротив моих — темно зеленые, с расширенным зрачком, носы почти соприкасаются, а губами я чувствую ее горячее дыхание. Равно как и губы — в каких паре сантиметрах от моих. И черт меня дери, но я хочу ее поцеловать.

— Ждать надо, — чуть слышно прошептала девчонка. Сглотнула, — Весны. Примерно в апреле появляются.

— Вот тут? — поцеловал ее в щеку, Мара чуть помотала головой, — Или вот тут? — поцелуй в другую щеку, и опять отрицание, только с улыбкой. — А может, тут? — легкий чмок в нос, и девчонка смеется, согласно кивая головой, и нечаянно подставляя свои губы почти вплотную к моим. Что я, дурак чтоли, отказываться? Конечно, нет.

Сладкая, даже больше чем обычно. Или мне так кажется? Надо проверить поподробнее. Нет, не кажется, в чем я убеждаюсь еще последующие минут пять, точно. Отвечает мне не в пример увереннее, не переходя, правда, в наступление, но ее язычок вполне сносно играет с моим. Что еще радует — помады или нет совсем, что вряд ли — губы мягкие и нежные, или прозрачная — что вероятнее всего. Не измажет мою рожу разводами косметики, и на том спасибо.

Начинаю целовать ее более настойчиво, со вполне определенным посылом — обещанием. Будь она немного по опытнее, сразу бы поняла, что к чему. А так... не тот это случай, печально.

С сожалением отрываюсь от девочки и понимаю, что каким то образом я уже успел затащить ее к себе на колени. Убей меня тапком, не помню когда.

— Ты сносишь мне крышу, — честно шепчу ей на ухо.

— По всей вероятности, это заразное — может вирус какой, не в курсе? — продолжает сидеть у меня на коленях и обнимать меня за шею. И, по всей вероятности, слезать не собирается. — Мне очень тебя не хватало, — с этими словами я получил еще один поцелуй, почти признание. Нежный, ласковый и неспешный от наивной девочки, что просто дарит мне свое тепло, легко поглаживая кончиками пальцев мое лицо.

Как иногда бывает — спасает входящий вызов. Мой единственный друг, Юрик, единственный человек которому я доверяю, как самому себе, а порой и больше. Мы партнеры по бизнесу, мы друзья по жизни, мы братья по духу. Пафос, иопта.

— Здорова, лохматый! Жизнь, как она? — уверенно спихиваю Маринку с колен, мои приоритеты однозначны и изменению не подлежат.

— Хай, Вейв. Все как обычно — ровно-не-говно, — прокуренный хриплый голос как всегда звучит насмешливо. — Где обитаешь сейчас? — называю адрес. — Ясно. Я тут рядом. Буду минут через десять, — и отключился, как обычно не дожидаясь ответа.

— Твой друг? — тихий вопрос девчонки, о которой я уже, признаться, и забыл.

Задумчиво посмотрел на нее и неожиданно даже для самого себя решил:

— Да, друг. Заодно познакомлю вас.

— Может в другой раз? — непонятно с чего занервничала. Даже сбежать попыталась.

— Эй, стой! Сиди, тебя есть никто не собирается. Сначала откормить надо, — попытался пошутить, по видимому немного неуклюже. Ибо девчонка недовольно поджала губы. Подправим немного ситуацию. — Да ладно тебе, детка. Юрка — классный парень, мой лучший друг. Ты — моя девушка. На вечеринке тебя не было, познакомиться с моей братвой не смогла. Так хоть сейчас не убегай, лады? — на всякий случай удерживаю ее за руку, не сильно, но уверенно. Маринка, подумав пару секунд, неуверенно кивает.

Хотя, по большому счету, если сбежит, я не особенно расстроюсь. В конце на конец, решится проблема с моим непонятным отношением к этой девчонке, что меня уже несколько напрягает. Казалось бы, что уж проще — есть женская особь, молоденькая, свеженькая, наивная, раскрутил по быстрому на перепихон, и гуляй дальше со спокойствием в душе и теле. Так ведь нет же, зацепился за нее, и все. Алес. А, спрашивается, оно мне надо? Ответ очевиден.

Марина

Сказать, что я чувствую себя неудобно, не сказать ничего. Я чувствую себя НЕУЮТНО до легкого озноба, до заикания, до одной единственной связной мысли — "сбежать". И чем

скорее, тем лучше. Желательно максимально далеко от этого человека.

Начнем с того, что он пунктуальный. Ровно через десять минут после звонка в кафе появился высокий, крепко сложенный молодой мужчина. Смазливый, стильно одетый с легкой ноткой нарочитой небрежности, уверенный, слегка насмешливо просканировавший пространство кафе. С кривой ухмылкой на тонких губах протянул руку Вадиму, демонстративно не обращая на меня внимания. Крепкое рукопожатие. Повесил куртку на рядом стоящую вешалку, все также молча. И сел напротив. Сложил руки на столе в замок, смотрит на меня. А я на него.

Длинные у него волосы, однако. Ниже лопаток, и хвост такой мощный, в два моих пальца толщиной. А уж лицо. Брр. Нет, я ничего плохого сказать не могу, не страшный. Даже наоборот. Широко поставленные черные глаза под густыми черными бровями, высокий лоб с одной морщинкой, слегка выступающие скулы, впалые щеки, узкий подбородок, нос с небольшой горбинкой, тонкие губы, модная трехдневная небритость. Не красавец, но внимания на таких брутальных мачо обращают всегда и везде. Но вот взгляд — это нечто. Нечто из разряда быстрой заморозки, беспощадной и убийственной. У меня создавалось ощущение, что меня препарируют без наркоза этим взглядом. Оценивающий, но не просто с интересом, а сразу выписывающий ценник, причем с таким выражением, как будто смотрит на вещь из секунд-хенда, сильно потертую и затасканную не одним владельцем. Рассмотрев мое лицо, с каким то брезгливым любопытством перевел взгляд на одежду. И тут я тоже не впечатлила его сиятельство. Тонкие губы скривились в усмешке. Снова смотрит мне в глаза.

— Юрий, — и... протягивает мне руку в приветствии. Как это понимать? Внутренне передернулась. Меня сейчас с таким видом разглядывали и уверен, что я отвечу на приветствие?! Мельком взглянула на Вадима — смотрит на меня выжидающе и напряженно. Рука лежит на столе, сжата в кулак. Еще немного и побелеют костяшки. А рука друга все также протянута мне для рукопожатия, лишь немного повернута ладонью вверх. Молчание затягивается, обстановка накаляется.

Эх, была, не была, потом тщательно помою руку, но устраивать тут сцену не буду. Аккуратно касаюсь своей ладонью его, опасаясь излишне сильного пожатия, чем довольно часто грешат мужчины. Надеюсь быстро отдернуть. И с трудом сдерживаю удивленный возглас — руку обхватывает сильными пальцами, тянет почти вплотную к лицу. И одаривает поцелуем в тыльную сторону ладони. И не отпускает, с легкостью удерживая в плену, слегка перебирая мои пальцы, не смотря на все мои почти панические и совершенно бесполезные попытки вырвать конечность.

— Марина, — это что, мой голос? Нет, это не мой голос. У меня не может быть такого хриплого и придушенного. Или, все-таки, может? На всякий случай еще разок подергала бедной зажатой конечностью, и опять без результата. Напрягает невероятно, что я чувствую себя пойманной без малейшей возможности освободиться.

— Мне она нравится. То, что надо, — все также удерживая меня, перевел взгляд на Вадима. И положил на его ладонь мою руку. Непроизвольно выдохнула с облегчением, вцепившись пальцами моего парня, даже не думая как то скрыть это.

— Мар, да расслабься ты, детка! — услышала насмешливый голос Вадима, чуть погладил мою руку по пальцам, потом и вовсе обхватил двумя руками, согревая и успокаивая. — Все же хорошо, — заглянул мне в глаза, серьезно и внимательно.

Я почти успокоилась. И даже неуверенно еще раз улыбнулась Юрию, более открыто и доброжелательно, кивнула и перевела все свое внимание на Вадима. Незаметно выдохнула и

успокоилась уже окончательно.

Вот только желание сбежать так полностью и не развеялось. И настороженность, какая-то инстинктивная, по отношению к его лучшему другу, тоже.

Глава 13

На катке огромное количество людей. Просто невероятное. Как тут можно вообще кататься? И как бы мне не хотелось оказаться в другом, менее многолюдном месте, Вадим меня не слышит.

— Давай хотя бы часик? Можешь даже просто около бортика побыть. Я сегодня весь день об этом мечтал, — ну раз мечтал, не ломать же кайф человеку просто из-за того, что мне не нравится поминутно толкаться с другими такими же мечтателями?

И да, это мое второе стояние на коньках. Первое было пару дней назад, когда мы пришли с Вадимом сюда в первый раз. Он с полчаса учил меня сохранять равновесие, со смехом поднимал меня когда не успевал уберечь от падения на многострадальную и смеялся над моей неуклюжестью. Это было на самом деле забавно, со стороны. Дома только было не очень — приличное количество синяков особого веселья не добавляли.

И вот сейчас я отпустила его в свободное катание, оставшись сама около относительно безопасного бортика. В компании таких же недотёп, что или только что встали на лед, или обладают не особенно хорошей координацией движений. Но хотя бы не носятся сломя голову, показывая свою крутость всем желающим в добровольно-принудительном порядке.

— Ух, Мариш! Тут так сегодня классно! Невероятно! Когда много народу это просто зашибись! — мимоходом чмокнул меня Вадим куда то в область виска и ураганом умчался к таким же сумасшедшим.

А я остановилась немного передохнуть, держась за бортик и обрета некоторую устойчивость. Что забавно — меня совершенно наглым образом притягивает лед. Вот проникся он безответной любовью к моей пятой точке и все тут, хоть ты что делай. Печально и больно.

Перевела дух и нашла взглядом своего парня. Невольно хмыкнула и в удивлении приподняла бровь — Вадим ехал почти боком, развернувшись таким образом, чтобы вести непринужденную беседу с двумя молодыми девушками прямо на ходу лавируя между остальными участниками данной...эм... забавы. Кольнуло неприятным чувством. Ревность? Ага.

Ну что, я не смогу не падать хотя бы какое то время? Надо просто преодолеть свой страх, расслабиться и "отдаться ощущениям полета и скольжения", так вроде говорил Вадим на прошлом нашем свидании. Отдалась. Вот только полет и скольжение у меня получилось совсем непродолжительным, сработал закон подлости во всей своей красе — я шлепнулась. Села практически на поперечный шпагат, вывернув при этом любимый многострадальный голеностоп. Опять тот же самый травмированный еще в далеком детстве, опять напомнил о себе острой болью и ощущением полнейшей беспомощности. Сижу на льду, благо почти у бортика, и не могу подняться. Мало того, что нога простреливает острыми болезненными импульсами от пальцев ног и до колена, так еще и совладать с разъезжающимися конечностями ну никак не получается. Хоть смейся, хоть плачь, а по факту все таки звать на помощь. Осталось только набраться смелости.

— Подстыть не боишься, мелочь? — неожиданно услышала знакомый насмешливый голос прямо надо мной. Подняла голову, точно — Серый собственной персоной.

— Давно не виделись, верзилка, — не скрываю улыбку. Серого, что ли, попросить по старой дружбе? — Я решила немного передохнуть. Тем более что вид снизу открывается просто отличный.

— Почти верю, но все таки сидеть на льду — не дело, — по свойски подхватил меня подмышки и поставил на ноги, совсем не напрягаясь от моего веса. — Емае, весу как в котенке! — слегка придерживая меня за плечо, заметил, — Неудивительно, что у тебя сил нет кататься — откуда им взяться то в этом немощном тельце!

А я разозлилась. Ну что за пренебрежение?! Да и... нервы, сессия, экзамены, стресс... свидание, ревность. И попыталась оттолкнуть друга, и это почти получилось. Вот только я не подумала о том, что стою вообще-то на скользкой поверхности, да еще и поджимаю одну конечность, стараясь сделать это максимально незаметно, и весовая категория у нас однозначно разная. Нашла кого толкать! И поехала в противоположную сторону от Серого. В попытке удержать равновесие машинально наступила на вторую ногу. В глазах неожиданно потемнело от боли, стон удалось сдержать только закусив губу и я снова начала падать.

— Тшш, стой, мелкая! Держу тебя, успокойся, — я на самом деле почти висела на руках у парня. — Опять, да? — понимающе заглянул мне в глаза без тени улыбки. А я лишь кивнула, говорить нет смысла.

На деревянную лавку я была оттранспортирована на руках друга. Аккуратно посадил меня, положил ногу на колено и потребовал:

— Говори.

— Хотела проехаться без судорожного цепляния за бортик, получилось не особо удачно, нога поехала в сторону, а потом просто шлепнулась.

— То что ты шлепнулась, это я видел. Как и то, что ты уже с полчаса елозишь как черепаха вдоль борта, — я обиженно поджала губы. Ну не всем же так легко и непринужденно дается скользить по льду. — Мар, я не хочу тебя обидеть. Я спрашиваю, где и с какой силой у тебя болит? Быть может, тебя надо везти в больницу.

— Я тут не одна, — поднятая бровь и вопросительный взгляд. — С парнем.

— И где он?

— Там, — не вдаваясь в подробности, махнула в сторону катка. Сережка чуть нахмурился.

— Так ладно. Сниму ботинок, будет больно, ори. Можешь пошевелить пальцами ноги? Только честно, — я недовольно запыхтела, и выполнила требуемое. — Больно?

— Когда не шевелю ногой, то нет. Больно поворачивать ногу в суставе.

— Посиди немного, хорошо? У меня в сумке есть эластичный бинт. Не убежишь? — заглянул мне в глаза друг.

— Убегу, точнее ускачу — на одной ноге, да еще и в коньке. Чтобы если уж хромать, то на обе ноги сразу, да и шея у меня однозначно лишняя, — скрыть сарказм в голосе ну никак не получилось. — Сер, ну куда я убегу? Мне стоять то непросто.

— Две минуты.

Мне показалось, что Сережка обернулся за одну. Что на самом деле боялся моего побега? Смешно, обхохочешься. Причем вернулся уже переобутый в обычную обувь и со спортивной сумкой на плече.

— Давай сюда конечность, горе луковое.

Аккуратно, туго зафиксировал мне голеностоп, умело бинтуя, стараясь сильно не перетянуть, и ноге на коленях у парня стало ощутимо легче.

— Не понял. Что за дела? — не успела я переменить свое положение, раздался недовольный голос Вадима, облакачивающегося на бортик катка.

— У меня небольшое ЧП. Я чуть травмировалась, — Вадим смотрел на меня так недовольно, что я поневоле начала оправдываться.

— Почему меня не позвала?

— Я не могла кричать тебе через весь каток, — вот только мне тут выяснения отношений не хватало. — Кстати познакомься. Сергей, — указала я рукой на друга, — мой давний друг. Вадим, — теперь указание на второго, — мой парень.

Парни смерили друг друга долгими взглядами. И были они далеки от дружелюбных.

Забавно, но первым руку протянул именно Сережка. Вадим ответил рукопожатием, выдержав секундную паузу. Опять опустил свой взгляд на мою ногу, перебинтованную бледно-желтым широким бинтом почти до середины икры, что все также лежит на коленях у моего друга.

— Поехали в травмпункт, — Вадим моего мнения решил не спрашивать.

— Да уже все хорошо, не надо.

— Надо, — но вот, еще и Сер присоединился к моему прессингу. — И без вариантов, мелочь. Отвезешь ее? — обратился уже к моему парню. Тот в ответ лишь угрюмо кивнул. — Мар, позвони мне, ладно?

Мне показалось или Вадим и правда пробормотал что то нецензурное?

Он не сказал ни слова до самого травмпункта, с самым сосредоточенным видом ведя машину. А я... покорно молчала и старалась сильно не морщиться — в опущенном вниз положении ногу ощутимо подергивало. Да и в самом приемном отделении весь наш разговор ограничился парой — тройкой мало что значащих фраз. Накатила непонятная тоска. Снова качели в отношениях...

И я снова начинаю разговор, уже почти не надеясь на ответ. Просто не могу иначе.

— Вадим, — тихонько позвала я его, когда мы уже подъехали к моему подъезду и с минуту как сидели в тишине. — Поднимешься? Я тебя чаем напою. Или кофе.

Царственный кивок был мне ответом. О чудо!

Обычные бутерброды с колбасой и расплавленным сверху в микроволновке сыром. Вадим все также молча уселся на табурет, сложил руки в замок на столе и глубоко вздохнул. Поставила перед ним чашку с черным горьким кофе. Села напротив, получила намек на улыбку и кивок. Быть может, когда покушает, поболеет?

— Устал? — прикоснулась рукой к его руке, что уже расслабленно лежала на столе, терпеливо дождавшись, когда поздний перекус закончится.

— Я испугался за тебя, — после секундного раздумья он крепко сжал и погладил мою ладонь большим пальцем по запястью. — Еще и... друг твой... не в тему. Ты должна была позвать меня.

— Уже завтра все будет в порядке, обещаю, — оставила в покое чашку и положила свою вторую руку поверх его. Не буду даже начинать, что-то доказывать и в чем-то оправдываться. Да и в чем?

Поднялся, подошел вплотную ко мне, рывком поднял и, воспользовавшись моим замешательством, придерживая под попу, поцеловал.

Не было привычной нежности в его прикосновениях — глубокий, тягучий, настойчивый. И короткие паузы на секунду-две, чтобы сделать вдох. Сквозь туман в голове почувствовала руку на талии, на обнаженной коже. Она переместилась на живот, поднялась

к груди, погладила ее по границе чашечки кончиками пальцев. Неожиданным открытием для меня стало то, что рубашка на мне уже расстегнута, бретелька спущена с плеча, а рука, скользнув под лифчик, сдвинула его вниз, задела сосок, и грудь оказалась в ладони. Моя обнаженная грудь в теплой ладони парня. Где то в сознании появилась мысль о неправильности ситуации, вот только для какого-то действия ее оказалось недостаточно.

Вторая рука сместилась с попы на поясицу, погладила меня по границе джинсов, слегка задевая кожу и вызывая толпу мурашек и непроизвольную дрожь. Легкий щелчок расстегиваемой пуговицы, шуршание металлической молнии ширинки, прикосновение к трусикам. Сердце колотится так, что его, наверное, слышно. И тяжелое дыхание парня на секунду вдоха оторвавшегося от моих губ.

А мысль продолжает биться в голове, с каждой секундой все настойчивее — стоп, стоп, стоп...

— Стоп! Пожалуйста, — выдохнула прямо в губы, разрывая наш бесконечный поцелуй. — Подожди, — пыгливо смотрю в его глаза и ищу что то, с отчаянной надеждой ищу то, что мне сейчас важно, жизненно необходимо. Вижу блеск в глазах, слышу тяжелое дыхание мне в лицо, затуманенный взгляд, под рукой сильно и быстро бьется сердце. Хочет меня. А есть что-то еще? Я хочу услышать о его чувствах, хотя бы намек. Именно услышать, а не догадаться.

— Вадим, я...

Как же хочется спросить "Кто я для тебя?"

Но страшно. Страшно услышать ответ, который все расставит по своим местам, страшно разочароваться. Не в нем — в себе. Что напридумывала сама, намечтала и перепутала мечту с реальностью. Пожалуйста, скажи мне что я нужна тебе, что нравлюсь, что защитишь от разочарования, забереешь мою неуверенность, заставишь почувствовать себя желанной для тебя, что... Не знаю, скажи хоть что-нибудь, ты же старше, ты опытнее, ты лучше меня знаешь, что мне сейчас надо!

Молила его взглядом о поддержке. Но получила лишь:

— Ты не хочешь? — и пристальный взгляд глаза в глаза. Выжидаящий, требовательный, строгий.

— Хочу, но...

— Что но? — почти ультимативно и очень резко. Отодвинулся от меня, сжал губы в линию и ждет ответа. — Черт, Мара!

— Я, — покраснела и опустила голову, пряча взгляд и кусая припухшие губы. Не знаю что ответить. Глупо признаться в своих чувствах? Прямо спросить о том что чувствует он? Поинтересоваться для чего я ему? Открыла рот чтобы задать хоть один вопрос, и не смогла.

— Я все понял. Ты все никак не созреешь. Замолчи, — понял руку, как только я вскинула голову и открыла рот чтобы ответить. — Скажешь, что я не прав?

Не скажу. Трусливо киваю, опять опускаю голову. Становится понятно, что ни о чем я сейчас не услышу. Если хоть есть о чем.

— Марина, я буду с тобой честен. Я взрослый здоровый мужик, занимаюсь сексом с четырнадцати лет, регулярно и систематично, — слегка усмехнулся. — Ты молоденькая, неумелая и наивная девочка, — выделил голосом последнее слово, подняв мой подбородок согнутым указательным пальцем, заставил посмотреть в его глаза. Серьезные, нечитаемые и требовательные. — Сама видишь, я тебя хочу. Но я никогда не заставлял ни одну женщину заниматься сексом со мной. Уговорить никогда не составляло проблемы. Смогу это сделать

и с тобой, — неожиданно напряглась, в мыслях мелькнул страх. Погладил мой подбородок, коснулся большим пальцем нижней губы, задумчиво посмотрел на нее несколько секунд. А мое сердце суматошно заколотилось в груди, вдруг стало так неудобно, что попыталась высвободиться из теплых объятий. Теплых, сильных объятий взрослого мужчины, которые не дрогнули ни на каплю, когда я трепыхнулась в них. Не успела запаниковать, как меня мягко погладили ладонью по щеке. — Тшш, детка, успокойся! Когда ты решишься — ты придешь ко мне сама. Не затягивай. Я не железный, крошка.

С этими словами легко коснулся губ, слегка придерживая за волосы на затылке. Отпустил из объятий и направился в коридор.

— Детка, я домой. День был тяжелый и длинный. Пока? — услышала я уже откуда-то от входной двери. Не вопрос — меня просто поставили перед фактом.

— Пока, — потерянно прошептала я закрывшейся двери. Наверное, он услышал меня, не знаю, не уверена.

Я осталась в тишине и одиночестве. О только что произошедшем напоминали моя расстегнутая рубашка и джинсы, да припухшие губы. А еще сумбур в мыслях и чувствах.

Тяжко на душе, камнем давит и мешает дышать.

Я не слышала словесного подтверждения девичьей мечты? Так ведь и приставать с ножом у горла и требовать признания в безумной любви — обманывать саму себя. Глупо и бесперспективно. Нет там этих чувств. Появятся, может быть. Что не пошла сейчас дальше поцелуев и отказалась от интимной близости? Не уверена, что прямо сейчас я готова к ней и хочу ее. Страшно? Да, очень. Страшно что? Что не смогу расслабиться. Звучит то как глупо...

Что не стал настаивать? Я благодарна за это. Уже второй раз.

Что вот так ушел? Грустно. Его обида была почти осязаема для меня, казалось, что ее можно было потрогать. Ведь я на самом деле не доверяю ему. Я раньше вообще как-то не задумывалась о этой стороне отношений и придерживалась распространенного мнения — все, что надо будет, произойдет само. Когда невозможно будет сопротивляться, да и не захочется, когда страсть накроет с головой, откажут мозги и здравый смысл. Всего лишь инстинкты, всего лишь желание быть именно с этим человеком единым целым, принадлежать и обладать одновременно. Вот такой пафос.

А на деле оказалось, что и хочется и колется. Хотела? Да. Хочу ли сейчас, в его отсутствие думая и вспоминая его прикосновения и поцелуи? Нет. Теперь уже нет.

Почти упала на кровать, запутавшись в собственных мыслях. Вздогнула от звука входящей эсэмески.

"Как ты, мелочь?"

Можно даже не смотреть на отправителя. По одному этому "мелочь" все становится понятно.

"Небольшое растяжение. Только недавно получилось вообще домой добраться — наша медицина беспощадна в своей неторопливости... велели быть с замотанной конечностью пару-тройку дней. И мазаться какой то вонючей мазью. Брр"

В ожидании ответа, поймала себя на том, что улыбаюсь.

"Помощь нужна?"

"СпасибоJ нетJ"

Естественно, нет. Но приятно.

Глава 14

Проблема выбора стоит перед человеком всегда. Другое дело, что часто мы не воспринимаем это серьезно и не придаем особого значения. Хотя, не спорю, для кого-то является тяжелым испытанием определить какое именно платье купить в магазине или что приготовить на ужин. Про выбор круга общения — вообще стыдливо умолчу как о само собой разумеющемся. Часто хочется общаться с теми людьми, которые от нас на огромном расстоянии, и не только географическом. Однажды сказанное слово, а также действие может перекрыть все — от выбора одежды или предпочтений в еде, до того момента когда и общаться то ни с кем и не хочется.

Двенадцать.

Тринадцать.

Прошел еще час — электронные часы честно сменяют ярко зеленые цифры на своем табло.

Четырнадцать.

Мать твою, четырнадцатая машина, проехавшая в наш двор с девяти часов вечера. Что всем не спится то?! Я сижу на широком подоконнике, с подушкой под попой, закутавшись в плед. А в квартире у меня полнейшая тишина и пустота, и такой же вакуум в голове. Все мысли уже сбежали от меня за эти две с половиной недели раздумий. На часах почти два ночи.

Я несколько раз встречалась с Вадимом. Получала целомудренный поцелуй в щеку или висок при встрече, точно такой же на прощание, аккуратно держал меня за руку, подозреваю, что основная причина этого жеста была в том, чтобы я опять не навернулась, и опять не получила растяжение. Моя травма, кстати, перестала меня беспокоить только на этой неделе, всего пару дней назад. Теперь я не испытываю никаких неприятных ощущение при ходьбе и чувствую себя в силах скакать по крошечным кочкам почти растаявшего снега при необходимости пересечь очередную мини речку по причине неожиданно пришедшей весны в середине февраля. К слову, погода на улице сильно похожа на мое душевное состояние. Глобальное потепление и оптовое таяние снега при встрече с Вадимом, надежда на то, что наши отношения, наконец-то, наладятся и все станет хотя бы как прежде. И медленная заморозка, с особым садизмом, когда понимаю, что ничего не меняется. Что он все также ждет, когда же я решусь.

Смешно сказать, но за это время все было против этого. Нога первое время болела так, что я наступить на нее не могла. Какая уж тут романтика и развитие отношений. Потом он опять исчез, а я помогала сначала маме со сборами в санаторий, а потом Таше и Тёме — с покупками и подготовкой их поездки на карнавал в Италию. Беготня по магазинам за эти дни выматывала меня так, что к вечеру я могла думать только о компрессе. И не жаловалась — мне нужна была вся эта суета. Не думать хотя бы днем, уж если по полночи меня одолевали и мучили, мысли что именно я делаю не так, от чего мне так тяжело на душе.

Почти шесть утра. Прошла еще одна ночь без сна. И даже без особых раздумий.

Пару дней назад, сидя с Ташей в небольшой кафешке после маршброска за милыми подарками на День Святого Валентина, произошел короткий разговор на тему, которую по обоюдному молчаливому согласию всегда обходили стороной — их интимные отношения. Таша всегда так мило смущалась и краснела... А тут само собой вылетело:

— Таш, вы с Тёмой... в первый раз... почему? — бездумно помешивая мороженное в креманке и разрушая красивую розочку, вдруг спросила я. Если не захочет отвечать — я

пойму.

— Я просто люблю его, — через пару секунд молчания ответила мне подруга. — Мар, — положила свою ладонь на мою Таша, — мне хотелось быть рядом с ним, любить его и быть любимой, я хотела принадлежать ему. Да, страшно немного, чуть стыдно и больно, но оно того стоит. Мы неожиданно стали близки... и я не пожалела ни разу. Я его целиком и полностью, он нежный и ласковый мой мужчина во всех смыслах. Они охотники, и понятно, что долго без "дичи" оставаться не могут. Но даже не это стало основной причиной. Просто я созрела для таких отношений, — все-таки в конце речи Таша покраснела и опять опустила взгляд в свою чашку с горячим шоколадом.

Долго оставаться без дичи. А я созрела?

Таша с Тёмой улетели вчера, сегодня, 14 февраля, они уже в Италии. День всех влюбленных, вот ты и наступил. Подкрался незаметно.

Неожиданно успокоилась и приняла решение. А может наоборот — сначала решение, потом успокоение. Итог один — дико захотелось спать. У меня как раз есть еще куча времени до четырех часов. Задернула шторы и провалилась в сон, по-моему, в тот же момент, как голова коснулась подушки.

Я проснулась в два, бодрая и свежая. Спокойная.

Не спеша помыла голову, приняла душ, избавилась от лишней растительности на ногах. На несколько секунд задумалась, и от как всегда коротко стриженного треугольника волос между ног осталась лишь тоненькая едва заметная полоска. Без спешки, без страха, без трепета, без колебаний, без сомнений в принятом решении. Без предвкушения.

Наведение красоты не заняло много времени — уложить волосы в крупную волну, чуть ярче макияж и маникюр. Трикотажное платье по фигуре до колена, широкий пояс на бедрах к нему. Высокие сапоги, драповое пальто с капюшоном чтобы не повредить прическу под шапкой.

Вадим, как всегда, пунктуален. Минута в минуту подъезжает к моему подъезду, отзванивается, и забирает меня. Место свидания — сюрприз.

Его выбор пал на только недавно открывшийся ресторан на мансардном этаже торгового центра. Часть ресторана под прозрачной куполообразной крышей, остальная — под открытым небом. С высоты примерно десятого этажа открывается шикарный вид на пригород, от ветра отлично защищает стеклянное же ограждение в два метра высотой. Каким-то краем сознания отмечаю детали, но не воспринимаю их — в голове полнейший вакуум, нет ни одной мысли.

— Мариш, ты такая красивая сегодня, — как только мы уселись за наш столик на открытой части ресторана. Удобный диванчик, рядом секция обогревателя, мой галантный молодой человек, который с удобством сначала устроил меня, а потом уже сел напротив. С непонятым выражением на лице меня рассматривая.

— Спасибо, — слегка улыбнулась я. — Ты тоже.

Быть может, прозвучит как насмешка, но только не в этом случае, не применительно к этому человеку. Чисто выбритый, по-моему, только что из парикмахерской, благоухающий парфюмом. Длинное драповое пальто расстегнуто, под ним — молочно белый шарф, темно серый костюм и черная рубашка с не застегнутой верхней пуговицей. Залюбовалась им, даже не пытаюсь скрыть довольную улыбку.

Мы хорошо смотримся вместе — похожий стиль в одежде, спокойные и невозмутимые, по крайней мере, внешне. Неотрывно наблюдающие друг за другом, играя в открытую,

честно.

Обмен подарками произошел быстро и без лишних сантиментов. Вадим прицепил к ключам один из парных одинаковых брелков с надписью "Non progredi est regredi, его близнец отправился на мои ключи. Лишь мимоходом поинтересовался переводом.

— Не продвигаться вперед — значит идти назад.

На моем запястье застегнулся наборный серебряный браслет-цепочка с большим количеством подвесок в виде сердечек, крошечных ключиков, тувельки и нескольких бусин малахита.

— Под цвет твоих глаз, — пояснил выбор самоцвета Вадим.

Мне понравился подарок — милая вещица, отлично смотрящаяся на моей руке, практически универсальная под любой наряд. И которую я могу носить постоянно.

Мы мало разговаривали в этот вечер, но молчание не тяготило. Просто моя рука в его руке, внимательный взгляд и ненавязчивое ухаживание за мной за столом. А мне большего и не надо.

— Прокатимся? — спросил меня Вадим, когда уже начали собираться на выход.

— Да.

Завел машину и, ожидая, когда она прогреется, повернулся в мою сторону.

Не спеша пристегнулась, расправила образовавшуюся складку на пальто, сложила руки поверх сумки, повернула голову к парню.

— Вадим, поехали к тебе? — голос спокойный, я приняла решение.

Руки парня сильнее сжали руль, пристальный взгляд мне в глаза, молчание на девять секунд. Кивнул, отвернулся, сосредотачиваясь на дороге.

Я в первый раз у него дома. Двухкомнатная квартира с огромным коридором, большой кухней и двумя изолированными друг от друга комнатами.

— Чай, кофе, вино? — от тихого вопроса прямо над ухом слегка вздрогнула.

— Не откажусь от кофе, — почти спокойно, почти уверенно, и совершенно точно благодарно за отсрочку.

— Проходи, не стесняйся, — сделал приглашающий жест в сторону открытых дверей.

Почти аскетичная обстановка первой комнаты, на спальню не похожа совсем — расширенный оконный проём с поднятыми рольшторами цвета топленого молока. Тяжелая плотная штора в пол цвета кофе с молоком для декора. Кадка с фикусом в углу, широкое кожаное кресло и огромный угловой кожаный диван цвета горький шоколад, стеклянный журнальный столик. Два шкафа со стеклянными непрозрачными дверцами и пара полок. Большой телевизор на стене и музыкальный центр на полке под ним. И немаленький зеркальный шкаф-купе. Цветовая гамма комнаты — игра на контрасте: темно-коричневый паркет и светло бежевые стены без намека на рисунок, темная мебель и разбросанные на ней светлые элементы — подушки на кресле и плюшевый плед на диване, свисающий одним уголком на ковер с длинным ворсом песочного цвета.

Много света, много воздуха, много пространства. Комната свободного молодого человека, которому неинтересны разные милые сердцу мелочи в виде статуэток, фигурок, сувениров или ваз. Ничего такого, о чем можно судить о его пристрастиях и увлечениях.

Спиной почувствовала приближение Вадима, оборачиваться не стала. Тихо подошел ко мне, обнял за талию, мягко прижимая к себе, потерся носом о шею.

— Ты так соблазнительно пахнешь. Мое изысканное лакомство. Я обнаружил конфеты на кухне. Правда я понятие не имею, откуда они взялись, но может быть рискнем и

попробуем их, м? — все также прижимаясь к моей шее носом, слегка приглушенно проговорил парень. От его дыхания мурашки пробежались по позвоночнику, с трудом сдержала произвольную дрожь. Не хотелось выбираться из таких теплых объятий. Мне так их не хватало, только сейчас это поняла.

— Я согласна рискнуть, — развернулась в его руках лицом к нему, заглянула в глаза, отвечая не только что заданный вопрос. Скорее говоря самой себе, что же именно я собираюсь сделать. У него глаза сейчас такие серьезные, непривычно темные. — Темно-голубые, почти синие. Твои глаза, — пояснила я в ответ на вопросительно поднятую бровь. — Гипнотизируют меня. А кофе, наверное, остывает? — сама не хочу отлипнуть от него, но, может быть, после кофе с конфетами я смогу вернуть утреннюю уверенность в правильности принятого решения? И коленки перестанут судорожно дрожать и подгибаться?..

— Ты права, пошли. Но учти, — вдруг наклонился вплотную к моему уху и прошептал прямо в него, обдавая жаром. И не только от дыхания, — Это временная уступка.

Конфеты оказались вкусными, хотя я совершенно не уважаю сладости с алкогольной начинкой. "Пьяная вишня", коньяк в начинке остро кольнул спинку языка, больше одной конфеты съесть не рискнула, и так голова немного кружится. А вот кофе мне понравился, даже не смотря на несколько специфический привкус — пряный, с ноткой интересной горчинки и послевкусием на языке, которое не могу идентифицировать. Но точно такое я еще не пробовала.

— Интересный вкус у кофе. Что это? — опомнилась я, вылакав уже большую часть кружки.

— Понравилось? — чуть улыбнулся Вадим.

— Да, вот только не могу определить вкусы, что чувствую в нем. Просветишь?

— Корица, гвоздика и несколько капель мятного сиропа. Не понравились конфеты? Все-таки не стоило рисковать и пробовать их? — усмехнулся только губами, неотрывно наблюдая за мной.

— Нет, они вкусные. Просто я плохо отношусь к алкоголю. Даже в мизерных количествах.

— Буянишь?

— Мне становится плохо физически, а расслабления нет как такового, — честно ответила я.

— Маришка, — что-то в голосе Вадима заставило меня внутренне напрячься, хотя я всеми силами стараюсь расслабить судорожно выпрямленную спину и сжатые до боли колени. — Я рад, что ты здесь, со мной. Ты мне веришь? — я как загипнотизированная смотрела в его глаза. А он плавно поднялся с высокого барного стула напротив, встал рядом со мной. Легко подхватил под попу и посадил на столешницу, наши лица оказались на одном уровне.

Я сама потянулась к его губам, порывисто прижавшись к парню и ища у него поддержку и успокоение. Хочу поцелуй, хочу перейти хоть куда-то, начать что то новое для себя. Ощутить себя нужной ему. Почувствовать себя любимой и желанной. Им, для него, сейчас.

Теплые губы со вкусом горького кофе и такие сладкие ощущения. Таю от них, как та конфетка несколько минут назад в моих пальцах. Я рада им, счастлива, что меня так сильно прижимают к груди, оглаживают попку под тонким материалом платья. Он стоит между моих широко разведенных коленей, всем телом прижимаясь ко мне. Ласкает пальцами мой

затылок, запутавшись пальцами в волосах. Аккуратная укладка окончательно испорчена, платье задралось до середины бедра, губы уже припухли от глубоких поцелуев, выпивающих мое дыхание. Дает мне строго фиксированные секунды, которых только-только хватает на судорожный вдох, голова кружится до вертолетика перед глазами. И я не знаю от чего это — от недостатка воздуха или от ощущений, что именно сегодня должно произойти.

— Наконец то, — тихо прошептал прямо в самые губы.

И поцелуй стал другим — на грани между нежностью и грубостью. Без боли, но принуждая целоваться глубже, сильнее, исступленнее. Властный, жесткий, как будто ставящий клеймо принадлежности. Попытка трепыхнуться в сильных руках была подавлена неожиданно нежным поглаживанием рукой по бедру к попе. Под платьем. И я опять застыла кем-то похожим на испуганного дикого зверька, которого отловили за шкурку и рыпаться откровенно поздно.

— Обхвати меня ногами, — одновременно просунул руку под попу. Я нерешительно обхватила его ногами за талию, скрестила лодыжки. И рефлекторно уцепилась крепче, когда он рывком поднял меня со столешницы.

Мысли выбились из головы поцелуем, мы оказались в комнате. Опустил меня на диван, почувствовала как едва слышно скрипнула кожа под нами. Приятная тяжесть тела придавила сверху, не давая вырваться. А ощущения напряженного мужского тела на мне заставило сердце забить чечетку где то в горле.

— Приподнимись чуть-чуть, — прошептал мне на ухо, одновременно поднимая меня в почти сидячее положение и одним движением снимая платье. Я даже не заметила, когда оно оказалось собрано на талии. Прохладный воздух коснулся моих оголенных плеч и груди в черном кружевном лифчике.

Хотела прикрыться под изучающим взглядом, не позволил — просто перехватил мои запястья, развел в стороны и наклонился ко мне, вновь укладывая на подлокотник дивана. Теплые губы на шее, вздрогнула от ощущения, что мою кожу чуть прихватывают и оттягивают губами, как будто пробуя на вкус. Губы спустились к ключице, прошли до бретели, все также не отпуская мои руки, из-за чего чувствовала себя распятой, беспомощно полулежа на подлокотнике и пытаюсь втянуть в легкие вязкий воздух. Зубами стянул тонкую полоску ткани с плеча, спустился ниже, к соску. Губы накрыли его, язык обвел вокруг вершинки. Я задрожала от неожиданной ласки, слегка прикусила губу, совершенно не понимая свои ощущения. Внешний вид светловолосой головы склонившейся к моей груди, подвергал меня в смятение и желание прикрыться и сбежать, смешанное с предвкушением и сладким томлением в груди, с желанием прижаться, выгнуться, раствориться в парне.

Завел мои руки за голову и перехватил запястья одной рукой, вторая оказалась под моей спиной. Чуть слышный щелчок расстегивающегося крючка, поднимает лифчик по моим рукам вверх, да там и оставил. Чуть выгнулась ему навстречу, наплевав на скромность и стыд, получила в награду за смелость хмык и легкий поцелуй. А меня слегка потряхивает то ли от холода, то ли от страха, то ли от ожидания, дыхание периодически сбивается на судорожные всхлипы.

Поглаживает пальцами по ребрам, постепенно спускаясь все ниже, а за его пальцами по мне бежит толпа мурашек и дрожь мелкой волной. Вот уже тугая резинка колготок под пальцами. Пальцы медленно оттягивают ее, а потом рывком снимают с меня сразу до колен. Чуть сдвигается в сторону, освобождает меня от этого элемента одежды полностью, откидывает куда то в сторону. И уже с интересом рассматривает мои трусики, черные

кружевные с заниженной талией.

— Мне нравится. Особенно, что это последняя деталь одежды, что осталась на тебе, — я краснею, но взгляда не отвожу. Перебарываю сильное желание прикрыть обнаженную грудь, в абсолютно пустой голове отдается судорожно колотящееся сердце.

— Раздень меня, — звучит в приказном порядке. И я благодарна за это.

Усаживается на диване, я оказываюсь сидящей у него на коленях, лицом к нему и расставив ноги по обе стороны от него в позе "лягушки". Не слишком приличная поза, но вполне удобная. Вот только ярко освещенная комната меня сильно смущает. И уверенности дрожащим рукам не добавляет точно. В попытках справиться с непослушными пальцами все-таки расстегиваю поочередно пуговицы, слежу за каждой так пристально, будто от этого зависит моя уверенность в правильности совершаемого, вытаскиваю полы рубашки из-под пояса брюк, спускаю рукава почти до локтей и с интересом провожу ладонями по его груди. Золотистые мягкие волоски приятно щекочут ладони, мышцы не рельефные, но присутствуют. Когда Вадим выпрямился и прижался вплотную своей грудью к моей, в полной мере ощутила широкие грудные и плечевые дельтовидные мышцы. Судорожно сглотнула и опять покрылась мурашками. Но рук от его плеч не отвела — очень приятно касаться теплой кожи. А он всего лишь стянул с себя рубашку.

— Немного уравнием счет, — без тени улыбки продолжает смотреть на меня. Вижу желание во взгляде темно-голубых глаз, чувствую напряжение в его ладонях, что лежат поверх моих бедер, слегка их поглаживая. — Не трясись так, детка, я совсем не страшный. Продолжай.

— Я не трясусь, почти, — и только сейчас поняла, что меня колотит дрожь. Руки дрожат как при ознобе, в голове почти что паника, все мои приятные ощущения куда-то испарились. Единственное что осталось — легкое любопытство. И обещание дойти до конца самой себе.

Начинаю с поглаживания плеча, не спеша поднимаю одну руку по шее, на щеку, на затылок, зарывая пальцы в короткие волосы. Парень слегка прикрывает глаза и откидывает голову на спинку дивана, открывая мне для исследования шею со слегка выпирающим кадыком. Медленно прикасаюсь к ней губами, повторяя его движение — слегка прихватываю кожу, пробую ее на вкус. Интересное ощущение, особенно когда слышу сдавленный стон, а его руки чуть сильнее сжимают мои бедра.

— Нравится? — мои губы добрались до уха, чуть-чуть касаясь, провела ими по ушной раковине. В ответ его рука переместилась мне на попу, а потом залезла под кружево трусиков, совсем близко к сокровенному. Я замерла, а шаловливая конечность продолжает поглаживать меня по голой попе, кончиками пальцев задевая верхние складки.

— А тебе? — слегка насмешливый шепот прямо горящее ухо, легко подул на разгоряченную кожу. С трудом не передернулась от контраста ощущений. — Расстегни ремень. Смелее уже.

Подчинилась, наверное, с минуту провозилась с застежкой ремня. Прикусив губу и не поднимая взгляд, сторая жаром стыда на щеках, расстегнула пуговицу, молнию ширинки. Нашла с кем играть... Все, смелость закончилась. Где то в глубине души начал зарождаться страх.

— Эй, детка, — обхватил пальцами меня за подбородок и поднял мою голову, заглядывая в глаза. — Все получится, честно.

Подхватил меня за попу, ссадил на диван рядом с собой. Поднялся и одним движением

снял с себя штаны. Внушительная выпуклость под серыми боксерами однозначно заявляла о том, что он меня хочет. А когда, все также стоя перед сидящей на диване мной, снял трусы и отбросил их в сторону, я не сдержала судорожный вздох и изумленное:

— Оу...

Мама моя, он хочет меня и очень сильно. И я в душе не представляю, как он поместится во мне. Да еще и лишит девственности. Наверное, именно поэтому я продолжаю ошарашено пялиться широко раскрытыми глазами без всякого стеснения на детородный орган, который живую вижу в первый раз в жизни. Да еще и на расстоянии едва ли больше полметра.

Вадим довольно хмыкает на мое поведение, наклоняется к моему лицу и снова целует. Это именно тот поцелуй — требовательный, жадный, порывистый. Что-то маленькое прохладное попало под рукой, посмотреть, что это не получилось. Толкнул меня на диван, устраиваясь сверху. Чувствую, как член упирается мне в бедро, и вздрагиваю от этого, усилием воли сдерживаю порыв отстраниться и сбежать, закончить все пока не стало поздно. Сама себя успокаиваю — "Это просто неуверенность, все временно, сейчас пройдет, сейчас мне будет хорошо и приятно. Он опытный любовник (судя по всему), сможет сделать мне хорошо. У нас сейчас будет шикарный секс..."

Последний элемент моей одежды исчез с меня одним рывком, Вадим даже не прервал наш поцелуй. А я чувствую, как слегка потягивает грудь и все судорожно сжимается внизу живота. Наверное, в предвкушении. Пальцы уверенно спустились по груди, легко погладили живот, от этой ласки я непроизвольно втянула его. И спустились ниже, слегка касаясь оставленной тонкой полоски коротких волосков.

— Я хочу тебя, ты знаешь об этом? — прошептал мне в губы.

— Слегка согни ножку в колене, — одновременно сам приподнял и согнул мою ногу, отвел колено в сторону, раскрывая меня.

Невольно сжалась, пристально смотрю ему в лицо, боюсь его прикосновений и одновременно хочу их. Хочу расслабиться, захотеть его до полнейшего отключения мозгов, до сумасшествия, до невменяемости. Жду этого как маны небесной. Быть может, тогда я перестану дрожать от озноба и страха, и напрягаться так, что ноют мышцы и сложно сделать вдох. Продолжает меня целовать — на этот раз поцелуй неспешный, тягучий и медленный. И я полностью отдаюсь в его власть, силой воли расслабляюсь и прикрываю глаза, стараясь отпустить эту натянутую струну.

Пальцы медленно поглаживают меня, проникая все глубже. Один палец начинает массировать какую-то чувствительную точку в самой глубине, и от этого действия меня неожиданно пробивает приятная дрожь. Не могу сдержать стоны прямо в его приоткрытые губы. Первый стон, второй, третий — все их Вадим ловит своими губами, продолжая все также ласкать меня там. Тело начинает немного расслабляться, между ног становится тепло и чуть влажно.

Почувствовав это, он отстраняется, повернувшись на бок. Тихое шуршание, несколько секунд тишины, за которые я открываю глаза и пытаюсь сфокусироваться на парне. Он снова лежит на мне, удобно устроившись между разведенных, чуть согнутых в коленях ног и опираясь на локти. Упираясь членом в раздвинутые складки.

— Будет немного больно, — предупреждает меня.

Киваю и на всякий случай прижимаю пальцы к ладони, что лежат на его плечах. Не хочу поранить его ногтями, не хочу сделать нечаянно больно ему.

Легкий поцелуй в ямку под ухом и одновременно резкий толчок в меня на всю глубину.

Острая боль скрутила судорогой низ живота и выбила воздух из легких громким криком. Выгнулась дугой, зажмурилась, пытаюсь сдержать ненужные слезы. Не смогла — скатились по вискам и затерялись в волосах. А я пыталась расслабиться и призвать свое тело к порядку. Больно, пульсирует и жжет. Борюсь с острым желанием избавиться от чужеродного присутствия в себе. А Вадим все также глубоко во мне, плотно прижимает меня бедрами к дивану. Но хотя бы не двигается, и на том спасибо.

— Потерпи немного. И расслабься, — чуть хриплый шепот на ухо. — Ноги расслабь, детка.

А я только сейчас поняла, что сжимаясь, совершенно не подумала о том, что между моих ног находится парень. И сжала я его, видимо, довольно сильно. Попыталась расслабить сведенные судорогой мышцы. Закрыла глаза, глубоко вдохнула, задержала на пару секунд дыхание и медленно, сквозь узкую щель между губ, выдохнула. Стало легче. Открыла глаза и увидела прямо перед собой серьезные темно-голубые глаза. Чуть улыбнулся и наградил меня еще одним легким поцелуем в выемку под ухом на шее.

— Умница. Продолжим?

Я только кивнула. Молясь о том, чтобы понял, чтобы почувствовал, чтобы подарил мне в ответ... нежность? Ласку? Хотя что то...

Медленные движения внутри меня. Вадим пристально смотрит в мое лицо, отслеживая реакцию. А я старалась держать свое тело в расслабленном состоянии. Молить о ласке, пусть мимолетной, но которая подарит мне крупицу наслаждения, вслух я не смогла.

Самоконтроля Вадима хватило не надолго. Примерно на десяток движений. Потом... закусив губу чуть не до крови, не сильно стучалась теменем о подлокотник дивана при особенно сильных движениях парня. Уже не надеясь на ласку, надежда растаяла как снег на солнце.

Распирающее чувство переполненности до упора, и трение, почти сухое трение, от которого сильнее приливает кровь к саднящей коже между ног. И не могла двигаться в ответ, просто напало оцепенение. Как не могла заставить себя чувствовать наслаждение, тело просто не понимало, не ощущало кайфа. Тем более, что в этом положении, почти распятой на широком диване, и прижатой телом любовника, я толком и не могла ничего сделать. Хотя нет, вру. Один раз попыталась двигать бедрами навстречу, поймать ритм. Но Вадим двигался так быстро, видимо уже находясь на грани, что просто не заметил моих потуг. А я почувствовала, что он почти выскочил из меня и резко вошел обратно. Стало резко так больно, что я не сдержала стон, выгнувшись почти в мостик, чтобы хоть чуть отдалить его от себя. И сильно сжала мышцы живота, чем вырвала у парня стон наслаждения. И он, после еще нескольких таких же движений с большой амплитудой, наконец-то, протяжно застонал и почти навалился на меня всем телом, лишь немного удерживая свой вес на согнутой в локте руке. Тяжелое горячее дыхание мне в волосы повыше виска, и осязаемая пульсация между ног, дали понять — половой акт завершился.

Я все-таки оказалась не совсем бесполезной. А еще теплилась надежда на ласку, на нежность, на продолжение. Ведь не может же быть все так?

Глава 15

Провела самыми кончиками пальцев по гладкой, немного влажной коже спины. И это не вызвало отвращения или каких то иных неприятных ощущений. Наоборот, какая-то щемящая нежность буквально затопила сердце. Подняла руку чуть выше, на затылок,

помассировала его, даря простую ласку моему первому мужчине. Захотелось сказать что люблю, а лучше погладить, поцеловать, подарить нежность, сделать что-то, что будет лучше вороха слов. Тем более, что я не знаю, что говорить в таких случаях.

Вадим еще раз глубоко вдохнул около моего виска, мазнул по губам поцелуем и одним слитным движением поднялся, освобождая меня от своей тяжести. Невольно окинула взглядом обнаженного мужчину, что стоял рядом со мной — высокий, подтянутый, больше жилистый, чем мускулистый, светлая кожа с порослью от золотистых до светло-русых волос на определенных местах тела. Сейчас с невозмутимым видом завязал небрежным узелком использованную резинку и направился на выход из комнаты. Через пару шагов обернулся, как будто что-то забыл:

— Пошли в ванну.

Как ужаленная подскочила с дивана, и согнулась пополам, стон от букета неприятных ощущений в теле я сдержать смогла, а вот болезненную гримасу — нет. Попыталась найти свое белье — моя одежда оказалась раскидана по всей комнате. Удалось быстро подцепить только трусики, они лежали на полу около дивана, и лифчик — лежал на журнальном столике.

— Ополаскиваться будешь? — равнодушный, холодный и спокойный вопрос. Температура в комнате как будто опустилась на десяток градусов.

— Если можно, — прошептала в ответ, не желая верить, не могла верить в его равнодушие. Нет, это все не так! Сейчас он улыбнется своей фирменной улыбкой, раскроет объятия и скажет...

— Можно, почему нет. Тогда не одевайся, запачкаешь.

Только тут я почувствовала неприятную липкую влажность между ног — машинально опустила взгляд. На внутренней стороне бедер кровь, на одной ноге лишь небольшая размазанная капля, а по второй два тонких потёка.

— О Боже! — резко обернулась и посмотрела на диван. Пару капель крови и оказалось и на нем тоже. Хорошо еще цвет темный, почти не видно.

— Успокойся, все нормально! — немного резкий голос ударил по мне плетью, заставив испуганно замереть, он все так же стоит около межкомнатной двери. Все также далеко от меня. Все большее мне становится дышать. — Пошли, детка.

Я пришла на шум воды через пару минут. Всего лишь попыталась стереть ладонью капли. Всего лишь пыталась удержать слезы, что комком встали в горле.

Зашла в просторную ванную, Вадим стоял в обернутом полотенце вокруг бедер, мыл руки в раковине. Поднял голову, посмотрел на меня в отражении зеркала. Да, жалко выгляжу, сама знаю. Голая девка, одной рукой пытающаяся прикрыть грудь, второй, с зажатыми тряпочками белья в пальцах, прикрыть лобок. Хотя, что там прикрывать то? Грудь подростка, а что ниже — я думаю, он уже не раз видел в подробностях, ничего нового для себя не обнаружит. Зато у меня получилось спрятать лицо за распушенными волосами.

— Полотенце в шкафчике, — указал на небольшой угловой шкаф за зеркальной дверцей. — Иди сюда, — вдруг обернулся ко мне лицом, протянул руку навстречу.

Нерешительно шагнула к нему, оказалась в таких родных и нужных мне объятиях. Стало чуть теплее, и так не хотелось из них выбираться. Ну скажи мне, хоть что то! Пожалуйста.

— Маришка, — потерял носом о мои волосы. Я вопросительно подняла голову, с ожиданием уставилась в любимые глаза. В душе затеплилась надежда. — Спасибо за подарок.

Легко погладил меня по обнаженному плечу, отводя от него растрепанные волосы за спину, прикоснулся губами к шее. Я чувствовала почти физически накатывающее на меня оцепенение, что расплзлось по телу ледяной волной от сердца. Отпустил меня, обошел и, попутно небрежно шлепнув по ягодице, вышел из ванной. Щелкнул замок защелки. В глазах потемнело. Поняла, что не дышу, просто забыла об этом. Судорожно вдохнула, выдохнула и облокотилась руками о край раковины. Еще раз, пытаюсь взять себя в руки. Воистину, шикарный секс.

Шагнула в душевую кабину в попытках немного успокоиться под струями теплой воды. В голове билась единственная мысль — предстать перед Вадимом спокойной, уверенной в себе... женщиной, его женщиной, которая хочет быть с ним. Без упреков, без истерик, без скандалов, без проблем, без нервотрепки и мозголюбства. Такая, как ему нужна. Это ведь я, правда? Как это сделать? Я не знаю, просто не представляю, что мне сейчас делать. В голове ни одной мысли.

Заматываясь в большое полотенце, что закрывает меня от подмышек и прикрывает попу, соблазнительно открывая все остальное для нескромного взгляда, стараюсь показать все скромное имеющееся в максимально выгодном виде. Как вдруг...

— Мар, чуть не забыл, — от одиночного стука в дверь, призванного привлечь мое внимание и голоса за дверью, я замерла, вскинула голову и испуганно уставилась в свое отражение в огромном зеркале на стене. — Юрец звонил, мы приглашены на частную вечеринку. Она через... эм, почти сорок минут. Тебе хватит времени собраться или ты домой?

Полотенце упало на пол.

— Да, конечно, хватит.

Мыслительный процесс, судорожный и суетливый. В голове набатом бьется мысль — что делать? Как привлечь его внимание? Я не могу сейчас уйти и сдать! Ошарашено настыла — что я делаю? Боже, что я делаю?! Я еще час назад была девственницей, а сейчас готова на все, чтобы притянуть мужика в постель, задавив свою гордость? Повиснуть на нем? Самоуважение, ты где?

— Вадим, — негромко позвала уже полностью одетого парня, стоящего на кухне около окна, с кружкой в одной руке и телефоном в другой.

Окинул меня оценивающим взглядом — я, в черном кружевном белье, опираюсь плечом на дверной косяк, вторую руку положила на чуть выгнутое в сторону бедро. Одна ножка поджата и опирается на пальчики. Я одновременно смущена его бесцеремонным разглядыванием и с удовольствием купаюсь в его взгляде. И понимаю, что ему нравится то, что он видит. Да, я худенькая, и у меня первый размер груди, но она высокая и красивой формы, и в кружевном лифчике, что подходит мне идеально. Трусики из этого же комплекта белья сидят на бедренных косточках, подчеркивая плоский живот. Продольная едва заметная полоска от грудины до аккуратного пупка намекает на то, что прессу я время уделяю регулярно. Ровные стройные ноги с угадывающимися мышцами, хотя я давно не мучаю их долгими беговыми нагрузками. Округлая попа — тоже мое. Я так и говорю парню — видишь, я же неплоха, и я тут, рядом с тобой, зачем тебе еще кто-то? Зачем идти куда то? А ты помнишь, что у меня весьма сильные ножки и как ты был между ними?

Я не готова куда то сейчас идти, а уж тем более на встречу с незнакомыми людьми.

— Вадим, мне не хочется никуда идти. Может быть, мы останемся дома?

Интерес в глазах тут же угас, оставив после себя совершенно нечитаемое холодное

выражение.

— Нет. Я обещал прийти своим друзьям. И я приду, с тобой или без тебя. И нет, со мной не прокатывают такие штучки. Если не хочешь никуда идти — я легко отвезу тебя домой. Решай, — вот такое полное отсутствие любого компромисса.

— Хорошо, я сейчас оденусь, — быстро отвернулась. Улыбку я смогла удержать на лице всего несколько секунд. Мои чувства под контролем, как мантру твердила себе.

Дорога до клуба заняла около двадцати минут. И пусть в отведенное время я уложилась с запасом, но мне раз пять Вадим говорил, что из-за меня нас придется ждать всем остальным. А на деле мы приехали далеко не последние.

Наше место было на втором этаже — балконе, отделенное от остальных таких же частных кабинетов плотными шторами, а от танцпола на первом этаже — высокими, под потолок, стеклянными перегородками, которые при желании потанцевать, можно было раздвинуть и впустить звуки музыки снизу. Огромный полукруглый низкий и очень широкий диван, на котором вполне можно было почти лежать, занимал примерно треть помещения, большой низкий овальный столик рядом. Легкий полумрак в красноватых оттенках создавал приятную атмосферу, не лишенную некоторого уюта и расслабленности.

— Наташа, — первой подошла ко мне знакомиться миниатюрная брюнетка с копной черных вьющихся волос до середины спины.

— Марина, — улыбнулась я, с интересом рассматривая девушку.

А посмотреть было на что — тонкая и изящная как статуэтка, девушка сразу привлекала к себе внимание. С округлостями в нужных местах, смуглая, огромные черные глаза на поллица, минимум макияжа и открытое выражение лица, на котором написан неподдельный интерес непосредственно к моей персоне. С чего бы это?

— Вейв впервые с девушкой, — сразу дала мне ответ на невысказанный вопрос, хитро улыбаясь и беря меня под локоток, слегка отворачивая от парней, что зависли на обсуждении каких-то своих архиважных вопросов, даже не представившись мне. На что, кстати, была совершенно не в обиде. Как не могло меня не радовать и то, что небезызвестного Юрика еще не было. — Да еще и на такой важный для всех парочек праздник. Вы давно вместе? — не стала ходить она вокруг да около и спросила в лоб. Мне она уже нравится.

— Наверное, мы только начали встречаться, — чуть улыбнулась я в ответ, сказав почти правду. — По крайней мере, я впервые вижу друзей Вадима, кроме, конечно, Юрия.

— О, это точно! — вдруг легко и непринужденно рассмеялась девушка. — Эти два обормота всегда представляют друг другу своих девчонок. Исходя из моего жизненного опыта, первые смотрины, самые важные смотрины у Великого Юрия, ты прошла успешно, — недоуменно уставилась на Наташу. — Иначе бы тебя тут не было, — широко улыбнулась она мне.

Попыталась улыбнуться как можно более непринужденно и уверенно. Вдруг вспомнилось, что непреодолимого желания тащить меня сюда, на встречу со своими друзьями, у Вадима не было. Отогнала от себя эту мысль, не хватало только и так не особо хорошему настроению упасть ниже допустимой отметки. Скрывать свое состояние я не умею, как ни старалась научиться, всегда все на лице написано.

— Сейчас тебе расскажу кто есть кто, раз уж эти оболтусы не соизволили сами представиться, — Наташа легко развернула меня лицом к все также и кучкующимся парням. — Рядом с Вейвом стоит брюнет-качок, это мое счастье и горе, зовут это Михаилом.

Запомнить легко — он такой же неповоротливый, как лесной мишка, сносит все на своем пути. Мой тебе совет — не садись рядом с ним, особенно под левую руку, зашибет и не заметит. Так дальше. Кучерявый мальчик, по волосам которого уже давно плачет парикмахер, это мой брат Женя. Он сегодня тут без спутницы, с ней что-то приключилось. Смотрим дальше. Блондинку зовут Катя, парня что обнимает ее за талию — Андрей. Давние друзья со всей этой братвой, я так за все время знакомства так и не смогла найти общий язык с Катериной. Кстати, не вздумай назвать ее как то иначе, только Катя. Она этого не любит.

— Спасибо, — искренне улыбнулась девушке. Почему то с ней было легко и непринужденно, было ощущение, что знакомы мы уже не один год.

— Не за что, Мариш. Пойдем, попудрим носик. Авось парни заметят что такие красавицы вдруг исчезли и оторвутся наконец то друг от друга. Знаешь, у меня складывается такое ощущение, что это не День всех Влюбленных, на котором принято быть исключительно со своими половинками, а повод мужикам выбраться и выпить пива да посмотреть футбол. Ну что ты смеешься, — с притворным недовольством уставилась она на меня, а сама сдерживает улыбку, вижу по ее глазам с озорными искорками. — Я, между прочим, возвращаюсь в этом безобразии уже три года. И ничего не меняется! Кроме того, что теперь мне есть с кем сходить до туалета и помыть косточки мужикам.

Смешно сказать, но за какие-то полчаса я сдружилась с этой говорливой девушкой. И расслабилась. Мне можно было просто молчать и изредка кивать в нужных местах, периодически вставляя что то типа "Да", "Нет", "Конечно", "Зачем?", "Почему?" и прочие односложные предложения, чтобы разговор лился не прекращая. А я продолжала витать где то в своих мыслях, легко отгородившись от внешнего мира.

Вадим, естественно, сидел около меня, легко поглаживая мою ладонь и разговаривая с друзьями. А потом, о чудо, появился Юрик. С двумя девушками в обнимку. Как с картинки — высокие, красивые, в минимальном мини и макияжном макси, а еще и без особых комплексов. Ибо одна сидела на коленях у Юрика, что то ему нашептывая и давая полный доступ к своим округлостям, а вторая попыталась приземлиться на колени к моему парню. Благо, что он ее мягко отстранил, предварительно что-то тихо шепнув уху. Девушка пристально уставилась на меня, откровенно разглядывая, а парень, мой парень, вальяжно развалившись рядом со мной, положил мне руку на бедро, спускаясь пальцами на внутреннюю его часть, чуть ниже промежности. Меня чуть не передернуло от такого откровенного жеста. Усилием воли поборола два желания — скинуть наглую конечность неприятно лапающую меня, и устроить разбор полетов, почему это залетная девица так смело ведет себя с моим парнем. И отогнать навязчивую мысль о том, что все это не в первый раз, и, не факт, что в последний. От этого становилось поистине хреново. А уж как было бы, не будь тут меня, даже представлять не хочу.

— Мариночка, — от приторного обращения сказанного громко, со вкусом растягивая гласные, я вздрогнула, а посмотрев на говорившего, скривилась. Юрик, кто же еще. Смотрит на меня раздевающим масляным взглядом, задержавшись на руке Вадима, все также на моем бедре. Но хотя бы просто на середине бедра, а не между ног. С вызовом вздернула подбородок.

— Юрочка, ты что то хотел?

— Тебе не нравится наша компания? Ты какая-то зажатая? — а сам поглаживает девицу по заднице в темно-синем белье. Представляете, на сколько поднялась ее юбка если видно цвет белья и то, что белье весьма откровенное?

— Ну почему же, очень нравится. Почти непринужденная обстановка. Я бы сказала откровенно душевная, — выразительно проследила за смуглыми пальцами Юрика, что не спеша перебирали по ажурной резинке чулков девушки. Последняя, кстати, откровенно млела от этих прикосновений. А ее подруга смотрела на меня волком. А вот этого уже млела я. Мой!

Мой, к слову, поглаживал меня по бедру, правда через платье, но все равно я чувствовала себя несколько напряженно и непривычно. Неуютно.

Несколько минут покоя для меня, в течение которых мы непринужденно обсуждали с Наташей что заказать дополнительно из меню к уже предварительно заказанным блюдам. Особенно вопрос встал о спиртном. Парни завязли в каких то общих воспоминаниях. Как опять:

— Мариночка, а что ты будешь пить? Ты не пойми меня неправильно, просто вкусы девчонок уже давно известны, а вот ты у нас темная лошадка. Хотелось бы тебя предостеречь, чтобы ты не налегала сильно на спиртное, здесь за поведением клиентов строго следят.

— Спасибо за предупреждение, Юрочка. Я учту, когда буду заказывать спиртное для себя. Хотя, наверное, за мной присмотрит Вадим? — вопросительно посмотрела на своего парня. Ну же, поддержи меня. Заткни своего друга, защити меня. Ибо что-то мне подсказывает, что это только начало веселья.

Но он молчит, равнодушно держит одну свою ладонь на моем бедре, а во второй слегка взбалтывает приветственный коктейль от заведения, толком и не притронувшись к нему. Взбалтывает и рассматривает стекающие капли жидкости обратно по стеклу. Взбалтывает и рассматривает. Уже минут десять. А я, нет, я не просто злюсь. У меня шикарный букет эмоций внутри — отчаяние, обида, непонимание, уныние, скука и злость. Злость на эту красотку, что медленно, но верно придвигается опять к Вадиму. Злость на Юрика, что непонятно с чего вдруг взелся на меня сегодня, вдруг поставил целью меня растоптать и унижить морально. Обида на моего парня, что ведет себя так, будто ничего не происходит, вообще ничего, все абсолютно в порядке вещей, а меня захлестывает отчаянием от происходящего. Я вижу как недоуменно посматривает на нас Наташа. Она уютно устроилась в объятиях своего парня, которого и правда посадили с краю, а девушка почти лежит на его груди, под правой рукой, что крепко обнимает ее за талию. Парень периодически легко касается губами ее волос, ушка, шеи, щеки, скулы или на несколько секунд ворует ее от окружающих при помощи поцелуя. Завидую, честно говорю об этом со всей откровенностью.

Свой приветственный коктейль солнечного ярко оранжевого цвета я так же оставила нетронутым. Просто держу его в руках, чтобы чем то их занять. Для меня это обычная практика посиделок в компании — емкость со спиртным в руках, которую при тостах я подношу к губам и просто смачиваю их, только делая вид, что отпиваю. Я не пью, практически вообще, никакого алкоголя. И дело не в потере контроля или неадекватном поведении. Совсем нет. Я практически не пьянею, вот только все неприятные последствия чрезмерного употребления в виде головной боли и сушняка, приходят ко мне в полном объеме. И совершенно не имеет никакой разницы выпью ли я свой максимум — сто грамм красного вина или удивлю всех и тяпну сто грамм водки, через полчаса я, почти трезвая, с дикой головной болью буду мечтать об одном — открутить голову тому, кто вынудил меня выпить. Практика подсказывает, что добровольно к алкоголю я не притронусь. И крайне редко случается исключение — меня накрывает некоторое расслабление, после которого

приходит следом головокружение и апатия. Мои друзья и одноклассники об этой особенности знают и спаиванием не занимаются. За что им честь и хвала.

— Слыш, брат! — от этого голоса я вздрогнула. Опять он, да что же тебе нейдет то?!? — Твоя красotka, — особенно выделил это слово. Может я уже параноик, но мне послышался контекст, и вряд ли он отличался приличием. — Она что, брезгует нами?

Я удивленно подняла голову. О чем ты, старче? Маразм в голову окончательно забрался...

Вадим перевел взгляд на меня, потом на стакан в моей руке, обратно на меня. Равнодушный, непроницаемый взгляд, лишь с легкой искоркой вежливого вопроса.

— Детка, тебе не понравился коктейль?

— Нет, он вкусный. Просто куда торопиться? — задала я самый логичный вопрос.

— Хотя да, ты права, крошка. Лучше не торопиться, а то и правда, вдруг конфуз? — еще и подмигнул мне. Зарраза.

Я мило улыбнулась в ответ, пряча за фальшивой улыбкой злость. Неудачно пряча, но попытаться стоило же, правда?

— Так, народ, предлагаю тост! — этот человек даже постучал тоненькой палочкой для канапе по ножке своего бокала. — Предлагаю выпить за тех, с кем мы сегодня тут собрались! А чтобы все было так и впредь — только до дна, и закрепить результат поцелуем спутника! Жека, прости, ты один, но я поделюсь с тобой одной из девчонок! Выбирай, какая больше нравится, не стесняйся. Я запасливый и не жадный. Ну-с, приступим!

Засада, что тут еще скажешь. Посмотрела выжидательно на Вадима. Он просто пожал плечами и протянул свой бокал, чтобы чокнуться со всеми. Звон бокалов, все начинают пить. Как и сказано, до дна. А в бокале примерно сто пятьдесят миллилитров алкогольной жидкости. Тряхнув головой, гори оно все огнем, выпиваю и я свой коктейль. Приятный вкус — кисло сладкий апельсиновый с ноткой грейпфрута, которая отлично маскирует горечь какого-то алкоголя, только небольшое жжение на языке намекает на то, что это не сок. Поцелуй Вадима уже не приносит никакого удовольствия, просто проходит мимо меня. Нервничаю, ожидая неминуемую головную боль и прочие неприятные ощущения. Мизерная надежда на то, что сейчас произойдет исключение из правил и меня немного отпустит напряжение.

Случилось чудо, не иначе. Точнее два чуда — я отделалась только головной болью, и Юрий оставил меня в покое на почти полтора часа. Несколько общих фраз между мной и Вадимом, пару долгих взглядов между мной и Юриком, и непринужденный разговор с Наташей. Мы обменялись телефонами, обсудили полученные подарки и договорились пройтись вместе по магазинам. Я нашла ее в соцсети и некоторое время с интересом рассматривала их с Михаилом фото из последней поездки в Германию. И, конечно, сходили попудрить носик.

— Марин, — тихонько позвала меня Наташа в дамской комнате.

Мне не надо было в туалет, но и упустить возможность смочить щеки и руки холодной водой, да и просто вдохнуть свежего воздуха, вырвавшись из давящего на меня общества, я не могла. Оперевшись ладонями на раковину, попытаюсь успокоиться и унять дрожь в руках. Подняла на нее взгляд, смотрю на отражение девушки в зеркале.

— Ты как? — с неподдельным сочувствием в голосе спросила у меня, слегка погладив по плечу.

— Все хорошо, спасибо, — попыталась я улыбнуться в ответ. Жаловаться — не буду.

— Я не знаю, что Юрик так взбесился. В первый раз вижу его в таком состоянии. Хотя, — вдруг задумалась она, — я, пожалуй, могу предположить, в чем причина.

— Просветишь?

— Он боится, — с видом заговорщика приглушенно проговорила Наташа. На мой вопросительный взгляд пояснила. — Он почувствовал опасность, в твоём лице, — слегка ткнула указательным пальчиком в моё плечо. — Да-да, не усмехайся так недоверчиво. Это именно так. Вейв столько времени был один, полностью во власти и под влиянием своего друга. А тут раз, и появилась ты! Первая девушка, которую он привел к своим друзьям. Естественно, Юрка запаниковал. Потерпи немного, он перебесится и успокоится. Или ему просто надоест. Но все совершенно точно будет хорошо, — успокаивающе погладила меня по руке, слегка приобнимая за плечи.

— Хорошо. Спасибо за поддержку, — улыбнулась я в ответ. Мне стало легче, как бы наивно не звучали её уверения в светлом будущем.

— Так ладно. Время уже, — посмотрела на маленькие часики на тонком запястье, — почти десять. Примерно через полчаса мы с Топтыгиным будем отчаливать. Друзья это, конечно, замечательно и классно. Но я хочу побыть с любимым человеком наедине. Без компании, — лукаво подмигнула мне, мечтательно улыбаясь.

А я засмотрелась на неё — любит и любима, судя по всему. С удовольствием купается в постоянной ласке своего молодого человека и дарит в ответ себя, совершенно никого не стесняясь и ни на кого не обращая внимания. Стало тоскливо и пусто на душе. Опять подкатили слезы к горлу, выплыли обиды, спрятанные сегодня по всем тайным закуткам моей души.

— Ну что ты, малыш, — развернула меня к себе и обняла с неожиданной силой для такой хрупкой девушки. — Терпи, солнышко. Терпи и борись, хоть зубами, хоть хитростью, хоть коварством. Все не важно — все способы прощительны, если тебе он на самом деле нужен. Еще чуть-чуть, еще немножко. Покажешь слабинку — и ниточки, что в твоих руках, рассыпятся. Тут нет принципов, нет жалости, нет сострадания. Есть конкуренция, не совсем здоровая ревность конченного сексиста, которому особо нечем похвастаться. Но ты сильная, ты справишься. Вейв он хороший, добрый, отзывчивый, у него были проблемы с отношениями, он закрылся тогда ото всех. Стал циником и потребителем, но все можно изменить, все уже меняется, процесс уже не остановить, никому. Он это знает, осталось только принять, расстаться с так лелеемой всеми мужиками свободой, научиться показывать свое настоящее лицо. Сейчас он просто боится показать свою слабость, боится, что вновь кто то воспользуется ею и попытается им управлять. Но все изменится — ему надо просто переступить эту ступеньку в себе, открыться тебе, поверить в тебя и тебе. Принять, завоевать, холить, лелеять и никому и никогда не отдавать свою любовь. Сделать своим солнышком, смыслом жизни, жить тобой, научиться любить тебя. Отогреться и дарить всю ту нерастраченную любовь, что у него с краями наравне в душе. Вот увидишь, я права. Потерпи еще чуть. И борись, если он тебе нужен.

На свое место я вернулась почти спокойная, почти взявшая себя в руки, с твердой уверенностью, что я справлюсь, и с легкой улыбкой на губах. Приземлилась на диван почти вплотную к Вадиму, можно сказать, что еще немного и села бы к нему на колени. Мило улыбнулась вопросительно посмотревшему на меня парню и взяла его за руку, переплела наши пальцы. В ответ он мне улыбнулся и прикоснулся губами к тыльной стороне моей ладони. Снова уткнулся в телефон, что то набирая одной рукой. Не важно, главное мы

вместе.

Воистину, самый простой способ отключиться от реальности — погрузиться в дебри интернета. Работает стопроцентно. Я расслабилась, спрятавшись за Вадимом от взгляда Юрика, уютно пристроившись у его плеча, и не заметила как прошло время, просто наслаждаясь его присутствием и легким запахом парфюма. Лишь краем сознания отметив, что Наташа начинает потихоньку собираться, проверяя наличие телефона и сумочки.

— Вейв, поделись с общественностью, что тебе подарила твоя девушка? — неожиданный вопрос заставил вздрогнуть.

Вадим молча достал ключи из кармана и продемонстрировал брелок. Разговор на этом не закончился. Кольнуло неприятное предчувствие.

— Ааа, серебряная побрякушка. Хотя, скажу тебе по секрету, исходя из своих наблюдений и опыта, — и вроде говорит не громко, а все равно каждое слово слышится отчетливо, тем более что все слушают внимательно. — Для нее больше подошел бы какой то деревянный подарок, ну там кусочек палочки. В виде бревна. Такой же как она. Как считаешь, крошка? Может быть, еще не поздно все исправить? Или доказать обратное, прямо здесь? Что стесняться то, сама сказала — "откровенно душевная обстановка"? Хотя нет, не отвечай, это будет слишком скучно. На такую ледышку можно обратить внимание лишь в самой тухлой ситуации, при полном штиле. Вейв, ну скажи всем, вы хоть пару тройку поз освоили или она безнадежно фригидна?

Оглушающая тишина. Я не слышала ни приглушенную музыку с первого этажа, что слышна из-за приоткрытой створки. Ни того, что народ неожиданно начал громко обсуждать подарки на прошедший Новый год. Не слышала, что говорила Наташа. Я ждала всего одного голоса. И его не было. Тишина, равнодушная и холодная, и кривая усмешка, и тихий хмык, он даже не взглянул в мою сторону. Ему совершенно все равно на то, что его девушку унижают весь вечер. Наплевать на меня. Осталось одно последнее, почти запретное, средство.

— Наташ, — тихо прошептала я, повернув к ней голову. Она тут же посмотрела на меня, с сочувствием и пониманием. — Вы все? — кивнула мне в ответ. — Местечко? — и снова кивнула.

Я не смогла больше ничего сказать. Телефон в сумку, сумку на плечо. Проглотила горький комок в горле. Не заметила с какого момента мы с Вадимом перестали держаться за руки, а красотка-блондинка сидит вплотную прижавшись бедром к парню. Ну же! Останови меня! пожалуйста, молю тебя...

Он не сделал ничего, вообще. Не сказал ни слова, не попытался остановить. Просто отпустил меня с незнакомыми людьми в почти одиннадцать вечера. Лишь смотрел в сторону.

Доехали мы быстро — город пустой. За всю дорогу не сказали ни слова, не считая моего адреса, Наташа несколько раз внимательно смотрела на меня в зеркало заднего вида, но молчала. И за это я была ей благодарна. Остановка около родного подъезда.

— Мариш, — я уже взявшаяся за ручку двери и собираясь поблагодарить за помощь, остановилась и прямо посмотрела девушке в глаза. — Мы еще пообщаемся?

— Я бы очень хотела этого, — честно ответила на вопрос.

— Я тоже. Напишу тебе завтра. Хорошо? — с облегчением выдохнула Наташа.

— Хорошо. Спокойной ночи, ребят. И спасибо большое, — совершенно искренне пожелала и поблагодарила я.

— Не за что, солнце, — улыбнулась мне в ответ. Миша просто посмотрел в зеркало,

скупо улыбнулся и коротко кивнул. И для меня это стоило больше множества ненужных слов и пустых заверений.

Тишина и пустота в квартире. В холодной квартире — я забыла закрыть окно, его, вероятнее всего, порывом ветра открыло почти полностью, в результате выморозив все тепло. Одиночество, опустошенность, полнейшее безразличие и абсолютная апатия. Даже злости не было. На что злиться? На что обижаться? На равнодушие? Как можно обижаться на то, что человек не считает для себя важным защитить спутницу от унижений? Если нет элементарной заботы, заступничества и защищенности в такой простой ситуации, о чем большем можно вообще говорить и на что большее можно рассчитывать. Не хочу. Ничего. Даже думать не хочу. Просто вырвать, хотя бы на сегодня.

Голова болела все сильнее, поэтому первостепенной задачей стал аспирин. Не помог, подкатила тошнота к горлу, грозя вывернуть наизнанку пустой желудок. Не желая накачиваться обезболивающими, решила проблему радикально — горячая, обжигающая ванна с огромным количеством морской соли на полчаса, потом контрастный душ, помыть голову прохладной водой и спать.

Провалилась головой в подушку, провалилась в вязкое забытие, что киселем забило мозг. И вытеснило все эмоции, оставив меня в сухом остатке апатии, депрессии и равнодушия.

Глава 16

— Мар.

Я молчу. Не из вредности и не из-за того, что внезапно оглохла или старость наступила неожиданно, и я забыла собственное имя в сокращенном варианте. Просто я знаю, что именно она от меня хочет, уже полчаса как, настойчиво и упрямо. Этой настойчивости можно только позавидовать, а если направить в иное русло — принесет пользу человечеству. Я молчу, мне все равно. А кто у нас она? Лена, конечно. У кого еще хватит терпения и занудности.

— Мар, — обреченно так и тоскливо... без особой надежды на результат. Но тем не менее не прекращая попыток достучаться до меня. Даже смешно.

— Ну и ладно, я буду все равно с тобой разговаривать. Хоть ты и молчишь мне в ответ. И повторю тебе в третий, пятый или десятый раз, раз уж ты такая ср... — споткнулась под моим взглядом, добавила более цензурный вариант. — Зараза. А хочешь я тебе на пальцах покажу? Может ты не слышишь меня просто... Так вот, — от отступая от сказанных слов, подняла мой подбородок, чтобы я смотрела точно на нее. Продолжила, — У меня, — ткнула большим пальцем в собственную грудную клетку, — есть два, — растопырила указательный и средний пальцы перед моим носом. С длинными салатовыми ногтями, что угрожающе застыли в паре сантиметрах от моего носа, — пригласительных билета на демонстрацию новой косметической марки. Пробный макияж, апробация средств ухода за лицом, волосами и телом, — запустила ловкую конечность в мои волосы, стянутые на затылке в небрежный хвост. Не успела глазом моргнуть, как я осталась с распущенными волосами.

— Эй! — праведное возмущение смогло пробить мою молчаливую блокаду этой особы.

— О! ну наконец то! Свершилось! Скажи мне честно, чтобы тебя вытащить куда то мне придется с тобой подраться? Или прилюдно тебя раздеть? Или орать под окном приглашая тебя куда-нибудь сходить? Кстати, это мысль. Как раз весна по календарю наступает.

— До весны еще восемь дней, — флегматично поправила я подругу.

— А я тренироваться буду! Вот прямо сегодня начну! — пригрозила мне Батти. С совершенно серьезным видом. — Мар, я серьезно.

— Я тоже не шучу. Мне не веришь, сама посмотри на календарь — сегодня только двадцатое февраля, всего в месяце двадцать восемь дней. У тебя почти высшее образование, хоть и филологическое, но считать ты умеешь хорошо. Если из...

— Мара, срань ты такая, прости Господи! — о, меня все таки назвали этим словом. Довела. — Пошли со мной! Тебе трудно? Вот ответ мне на вопрос — да или нет.

— Нет, не трудно.

— Тогда в чем дело? Нет времени? Свидание? Мама просила зайти? Работа или есть какие то планы? ПМС? Природная катастрофа? — Боже мой, сколько вопросов.

— Ты же знаешь — мама с Валерой в санатории, работу я уже на эту неделю отработала, планов нет, свиданий тоже, — не смогла сдержать кривую улыбку под конец фразы.

— Тогда пойдем? — взяла меня за руку, заглядывая в глаза. — Тебе надо встряхнуться. Ты совсем потухла, осунулась. Ходишь в свои мысли погруженная. Проснись, солнышко, пожалуйста. Все остальные пусть проваливаются на хер! Тем более такие муд... — сама себя оборвала подруга. — Ты поняла меня, короче. Сегодня, запомни, сегодня! Я за тобой зайду. Примерно в шесть вечера будь готова. Если ты вдруг передумаешь — пеняй на себя. Я тебя силком вытащу, так и знай!

Я покорно кивнула, отрешенно смотря в окно.

— Марик, я сбежала! — чмокнула меня в щеку и умотала по своим делам, привычно захлопнув за собой дверь.

Время всего два часа, еще времени вагон и маленькая тележка с горкой. Чем заниматься — ума не приложу. Как то эту неделю я продержалась. Учеба + работа до темна сделали свое дело. Я засиживалась на работе до упора, до того момента, когда охранник не начинал делать обход, сделала переработку на следующую неделю, и всю неделю меня не ждут. По простому сказали, что надо отдохнуть — мне от работы, или работе от меня. Что, собственно, не имеет значения. Дома, в тишине и одиночестве быть не хотелось совершенно. Телефон молчал, соцсеть засыпала меня сообщениями от Наташи. И разговаривать то мне особенно не хотелось, и обижать хорошего человека было не за что. А гордость... гордость не позволяла написать первой, про звонки вообще молчу. Исключительно на ней я и держалась, именно она заставляла стирать готовые к отправке сообщения, лишь иногда сохраняя их в черновик. И ждать, бесконечно и, что то мне подсказывает, без особой надежды на результат. Почему я так заиклилась? Сама себе не могу дать ответ. Я сжирала саму себя, медленно, смакуя, по маленьким кусочкам. И только какая то глупая надежда не давала скатиться в глухую депрессию. Я закрылась ото всех, не рассказывая ничего после задаваемых вопросов, просто пожимая плечами и отворачиваясь, затаилась в ожидании, лелея надежду на его звонок или сообщение, с каждым днем все меньше сама веря в это. Можно подготовиться когда разлад в отношениях накапливается постепенно, но когда обрывается все резко — это как прервать на полувздохе. И воздуха больше нет, чтобы вдохнуть, и того, что вдохнул для нормальности недостаточно. Вот и получается, что висишь в подвешенном состоянии, ни в верх взлететь, ни уж совсем вниз упасть не получается.

Сама себя обманываю. Не было никаких отношений, были лишь их зачатки, которые толком ни во что и не развились. Одна надежда была на то, что все изменится после секса. А оказалось...

Время почти шесть, и я готова к выходу. Простые джинсы, черная футболка, сверху толстовка на молнии. Ни капли макияжа на лице. Ботинки без каблука, куртка с капюшоном, сумка через плечо. Стою, жду эту красотку около подъезда. Идти куда то как не хотелось, так и не хочется. Но одно то, что подруга потратила половину утра, уламывая меня на это мероприятие, и таки своего добились, дорогого стоит. Показатель как ее настойчивости, так и степени заботы обо мне. Поэтому стою, жду.

Такси подъехало в начале седьмого, уже в половину мы были на месте, в торговом центре на третьем этаже. Салон красоты по совместительству бутик всяких женских радостей оказался в теплой компании нескольких небольших ресторанчиков с разнообразной кухней. А в семь меня усадили в кресло. Стандартная процедура рекламы продукции, которая в виде панацеи красоты должна быть у каждой. Но, что радует, ненавязчивая. Выбрала маску для блеска волос и масляные ванночки для рук. Намазали меня всем этим богатством, еще на лицо брызнули термальной водой. Сажу, листаю журнал, жду Батти, которой тоже что то намазюкивают на волосы.

— Мар, — подняла голову на подругу. Стоит напротив меня с какой-то интересной шпуквиной на голове в виде тюрбана, гелевых патчах на лице и одноразовых перчатках на руках. — Пойдем покурим, а? нам тут еще час сидеть, потом раздача подарков и пробников.

Просто кивнула в ответ. Не дать покурить этому паровозу смерти подобно. Причем смерти особо мучительной от ее жалоб и обвинений в бессердечности.

Место для курения в виде приличных размеров помещения с хорошей вентиляцией, разделенное на несколько небольших секций при помощи искусственных растений в больших кадках или в виде перегородок с ними же, поднимающихся на высоту около двух метров. В первый раз такое вижу — обычно с курилкам не заморачиваются. А тут даже присутствует некоторый уют и условная уединенность. И не видно двух девиц странной наружности, с подозрительными следами то ли косметики, то ли баловства на лице и волосах. Выбрали для себя окно в уголке помещения, спрятались за целой стеной из искусственных лиан. Хорошо спрятались, качественно, нас почти не видно.

— Мар, ты как? — Батти закурила, выдыхая дым в окно, искоса поглядывая на меня.

— Нормально.

— Врешь? — теперь неотрывно впивается взглядом.

— Вру, — согласилась я. К чему отрицать очевидное.

— Может быть, ты хочешь поговорить об этом? — я не сдержала хмык.

— Зачем, Батти? Что нового ты мне скажешь? Что такого, чего я не знаю сама? Поверь у меня было время подумать, разложить все по полочкам и сделать определенные выводы. Как и у него. Целая неделя. Ладно, не неделя. Сегодня шестой день. Шестой, гребанный день тишины и равнодушия, — меня начало срывать со спокойствия, таким трудом достигнутого. Тянуло выговориться, хоть кому то, не зеркалу, что осточертело уже за эти дни. А больше я никому не смогла открыться — просто замкнуло где-то внутри, и кипит, и булькает, и жжет меня изнутри. — Я умею слышать то, что мне пытаются сказать. Даже таким молчаливым способом. Не нужна. Одно меня интересует — зачем? Нахрена надо было тянуть всю эту вольнку столько времени? Чего ради? Чтобы просто пополнить свою коллекцию? Или он просто разочарован во мне? Или он ждет действий от меня? Вот только пока не найду в себе смелости спросить об этом. Да и не вижу его.

— Котик, маленький, перешагни. Он мудака однозначно, что так поступает. Ему же хуже — он тебя теряет, не ты его. Он опомнится, вот только уже поздно... — я прервала ее, не

став слушать всю ту ересь, что подружка пытается донести до меня.

— Лен, дай сигаретку, — я протянула просительно ладонь.

— Охренела?! Зачем? — еще и спрятала пачку тонких сигарет в сумку. Обернулась ко мне с негодованием на лице и, готовясь отчитать меня по полной программе, начала стремительно бледнеть.

— Лен? Что? Что случилось?

— Тшщ, там ОН! Тот, я говорила тебе... ну который... — прошептала подружка, попутно практически вжимаясь в угол. Там где стояла я около открытого окна. И откуда почти ничего не было видно. Я инстинктивно дернулась, сжала кулаки, внутри всколыхнулась злость, прогоняя апатию и равнодушие. И тут же потухла, стоило только посмотреть на белую, как полотно, вцепившуюся в мою руку подружку. Стоило только вспомнить ту ночь, её боль и апатию, ее просьбу о помощи. И мое обещание. Словно собралась волна внутри и рассеялась туманом, оставив после себя лишь злость, бессильную и бесполезную. Крепко схватила Батти за руку, подтолкнула ее в угол, закрывая ее своей спиной, удерживаю ее лицо в ладонях.

— Мы подождем пока он уйдет, — шепотом, отдельно проговариваю слова. — Успокойся, я с тобой, я рядом. Ты успела спрятаться, он тебя не видел, — Ленка только кивнула, все также белая и дрожащая как в лихорадке. Погладила ее по плечам, успокаивая и растирая. — Тихо, солнце. Все хорошо, все уже в прошлом. Он тебя больше не тронет. Все, я закрыла тебя своей спиной. Видишь? Теперь он и близко не... приблизится...

Я запнулась, я забыла все слова и звуки, я услышала, кого именно так испугалась Батти.

Юрик, собственной сиятельной персоной. Да это был именно он — тот кто сделал это с моей подружкой. Шок? И не только! Бешенство било молотком в голову, меня трясло, колотило так, что удержать сумочку в руках я не смогла, положила ее на подоконник. Сплотнула, пытаясь совладать с собой и не броситься на него с кулаками. Сквозь красный туман бешенства всплыли картинки неудачного знакомства, добавляя градус кипению. Мудила! Ох, как хотелось разодрать ему когтями смазливую самоуверенную рожу, с ухмылкой на всем гребанном фейсе! Оторвать его чертовы грязные причиндалы и приготовить из них ему рагу! Чтоб он, тварь паскудная, подавился своим хозяйством.

Ленка еще больше вжалась в угол, окончательно спрятавшись за искусственными зарослями. А я в последний момент отшатнулась, уже готовая выскочить и свершить акт возмездия, наплевав на обещание. Я услышала голос собеседника Юрика.

Вадим.

Батти не побледнела — позеленела, закрыла руками лицо, садясь на корточки. Хотела шагнуть к ней, но не смогла сдвинуться с места. И мысль что могу привлечь ненужное внимание к нам — была лишь слабым отголоском оправдания моего поведения. Меня просто приморозило в ступоре. Вот уж точно неожиданная встреча за углом круглой планеты. И если еще несколько минут назад моим заветным желанием было увидеть, услышать его, то теперь... теперь я почти превратилась в статую, такую же окаменевшую и судорожно глотающую воздух без кислорода.

— Вейв, ты со своими? — хриплый голос действовал на нервы как наждачка — раздражающе, вновь беся до красной пелены в глазах.

— Как всегда. Ты опять надеешься на подачки, лохматый? — любимый... голос отозвался болью в сердце. Меня разрывало на части бешенство и дикое желание отбить паскуде яйца и желание сейчас же выяснить отношения. И коснуться его, почувствовать его

запах, вкус, тепло...

— Да лан тебе, сноб! Мля, чо жмешься то?

Шуршание, щелканье зажигалки, пыхтение.

— Кальян сегодня заказал, одно место как раз тебе оставили. Дыхнем сегодня?

— Мне твоего прошлого раза хватило по самые яйца! Потом два дня башка трещала, — я не узнавала Вадима, только до боли нужный голос резал острее ножа.

— Ё-ху, брат! Ты что? Затаился за прошлый раз что ль? Нахера она тебе сдалась? Ни рожи, ни кожи, ни сисек, ни писек! Хотя насчет последнего я бы проверил, — мерзкая ухмылка чувствовалась даже в голосе. Меня передернуло, по ощущениям я вляпалась в дерьмо.

— Да проверяй, мне, собственно, похер, — равнодушие и холод в голосе Вадима промораживают меня насквозь. — Все, что там было, я уже опробовал.

— Какой бал поставишь? По обычной шкале.

— Да выше трех из десятки никак, — небольшая пауза. — Так что не советую — только время потеряешь. Холодная как рыба, зажатая в тисках, равнодушная резиновая-зина. Не зажглась, как я не тер ее, точно фригидная. Меня даже в сон потянуло в процессе, но когда уж совсем припрет, прям край будет, тогда можно будет сунуть пару разиков. Все лучше чем кулаком херачить, — снова пауза на несколько секунд в течение которых я силилась проснуться и не могла. Не могла поверить, что слышу все это на самом деле.

— Ха-ха, нашелся скромник, епта! Кулачник, сказанул, бля, фантазер! Уже не помнишь что в воскресенье творил с блонди? Вот уж точно отметил день любви и всемирного траха по полной программе. Она же от тебя в раскорячку отползала, полночи кожей дивана скрипели на всю квартиру, я с ее подружкой не смог угнаться за вами. Бля, как таблеток обожрались оба, или обет безбрачия одновременно у вас закончился! Полведра резинок натерли, — послышался хлопок, наверное по плечу.

А я держалась за стену боясь упасть. Сердце билось где-то в ушах. После вечеринки, с той девкой? На том же самом диване? После того как я была с ним в свой первый раз?..

— Кстати, бро, раз уж пошла такая пьянка, — продолжил тот, кто мне сегодня раскрыл глаза на ситуацию. — А давай ты позвонишь этой девочке-я-подарила-брелок-с-сердечком?

— Нахера? Нет, я, конечно, уверен, что она прибежит ко мне по щелчку пальцев, но юмор мне не понятен. Осточертела она мне до тошноты.

— Ну... — вдруг замялся Юрик, а я напряглась, судорожно сжимая в кулаке лист. Даже не заметила когда успела оторвать его от лианы. — А давай с ней тоже тройничок замутим? Поучим, так сказать. Вдруг она не безнадежна? Чем черт не шутит? Помнишь, мы тогда опробовали бабу с бабочкой на жопе? Ух, хороша была сучка! Как вспомню ее, так мыслей столько новых появляется, заипешься в жизнь их приводить. Хотя, хер не мыло, не сотрется, только блестеть сильнее будет, — грубо заржал придурок. Он что-то еще говорил, такое же мерзкое, сквозь туман в голове я мало что смогла понять.

Услышала тихий придушенный всхлип. Память услужливо прокрутило несколько слов, набатом звучавшие в голове.

Бабочка... бабочка на жопе... тройничок...

И если еще какие то сомнения в моей голове были, то теперь, когда я посмотрела на Ленку, что вжалась в угол, белая, дрожащая, кусающая свой кулак в косметической перчатке, совершенно безумным взглядом смотрящая на меня. Мокрое от слез лицо видела через черную пелену в глазах. Все встало на свои места. Резко, со щелчком, в оглушающей тишине

вакуума в голове. Она тоже слушала весь разговор. И тоже поняла КТО! Кто именно был моим парнем. А я поняла с кем она тогда трахалась, когда пришла ко мне в почти невменяемом состоянии и кого я успокаивала в ванной... и кого я все это время любила... их...

Голова закружилась, меня повело в сторону на ватных ногах. Стало физически больно сделать вдох — как будто грудой камней засыпало. Лена что то шептала или кричала мне, удерживая за руки, стоя передо мной на коленях. Я даже не заметила когда она оказалась рядом. Ее прикосновение прошло током — дернулась в сторону. Вырвалась, оставив в ее руках свои перчатки, они просто соскользнули с рук. Или были сорваны с кожей? Не знаю, я не заметила.

Машинально сделала несколько шагов от нее, стремясь только к одному — оказаться от нее как можно дальше. Не дышать с ней одним воздухом, не чувствовать рядом человека с которым спал мой... нет, не мой. И никогда моим не был.

И вывалилась в соседнее место для курения. Резко развернулась, почти упав на... него. Черные начищенные ботинки, брюки со стрелками, черная рубашка. Светлые волосы в своем обычном слегка растрепанном состоянии и удивление в голубых холодных глазах. Насмешка в черных глазах его друга, что рассматривает меня, оценивающе, раздевающее, грязно. Передернуло от отвращения, чуть не стошнило.

— Ну что, крошка? Ты слышала мое предложение. Не хочешь с нами сегодня зажечь не по детски? Тебе понравится, я гарантирую. Уж вдвоем то мы раскочегарим тебя? На крайняк стимулов тебе накапаем. А уж после нескольких колесиков ты наконец то проснешься, ползать на коленях и умолять о трахе будешь. Если нас не хватит, мы еще братву позовем, — затянулся уже почти докуренной сигаретой. — Пару-тройку еще таких же крутых парней, или больше, нам не жалко и не в падлу. Ну как? — и сделал шаг ко мне.

А я смотрела в голубые глаза. Смотрела и не могла сделать вдоха. Смотрела и видела равнодушие и холод. А также заинтересованность, в словах своего друга.

Нет сил моих тут больше находиться. Бежать, бежать как можно дальше отсюда.

Развернулась и рванула на выход. Несколько раз налетала на людей, наверное мне что то кричали в спину, не знаю.

...в раскорячку... кожей дивана... на всю квартиру... на коленях...

Каким то чудом я не слетела с лестницы и не сломала шею на ней.

...выше трех из десятки никак... колесиков...

Домой, только домой. Спрятаться, скрыться, забиться в свою нору и умереть там. Не на людях, не при них.

...полведра... кожей дивана скрипели... блонди...

Бежать быстрее, дальше.

...Вдвоем раскочегарим... не в падлу...

Убежать как можно дальше от этих слов. Быть может, мне повезет, и ветер, что шумит в моих ушах и обжигает холодом лицо, оторвет от меня эти слова. Они развеются безобидными опилками за моей спиной.

...Кулачник... полведра резинок... резиновая-зина...

Еще быстрее, слезы жгут глаза.

...Бабочка на жопе...

Только не плакать, горло свело от комка слез в нем. Я смогу, мне нужно только десять минут, чтобы добраться до дома. Закрыться, ото всех, уйти.

...Кожа дивана скрипит... тройничок... осточертела до тошноты...

Два тела, сплетенные на кожаном диване — Вадим и я.

... совсем припрет... прям край будет... сунуть пару разиков...

Понеслась еще быстрее, лишь краем глаза отмечая, что уже влетаю в свой двор.

...Раскочегарим... по щелчку пальцев...

И почти падая на капот машины поворачивающей во двор с дороги.

...Тройничок... замутим... бабочка... тройничок... колесики... позвонишь...совсем край...

Какие то крики мне в спину. Мне пофигу. Мне нужно продержаться еще две минуты. Потом... Потом...

Остановилась около своего подъезда, ударившись грудью в металлическую дверь и вышибив скудные остатки кислорода. Дом отменяется. У меня просто нет с собой ключей. Я оставила свою сумку на подоконнике в курилке. Почти упала на лавку около подъезда, запустила пальцы в растрепавшиеся волосы, шпилек нет и в помине. Меня начал душить смех, истерический хохот, потихоньку перерастающий в истерику. Чем я прогневила небеса, за что мне теперь все это? Мне некуда идти. Совсем. Возвращаться? Лучше умереть под кустом, чем увидеть их еще раз.

При встрече я просто убью Юрика, собственными руками задушу, разорву зубами горло или оторву яйца. Не смогу равнодушно пройти мимо. Больше ничего не сдерживает...

Вадим. Сглотнула горький ком в горле. Слезы вот-вот готовы политься по щекам. Я еще держусь, раз за разом загоняя их все глубже. Не пуская истерику — просто боюсь, что остановиться уже не смогу. Внутри все сжимается, становится трудно дышать. Да и не хочется, уж если честно. Как я, такая уравновешенная и рассудительная, смогла так вляпаться? Влюбиться? Скорее заболеть человеком, поверить ему. Совсем как Лене.

Черт! С силой ударила кулаком в доски лавки. В кисти что хрустнуло, руку прострелила острая боль. И я была ей рада, бесконечно рада, что могу хоть чем то отвлечься от раздражающей боли внутри. Лена... как же так, как я могла так верить тебе, так врати душой в тебя, что сейчас пришлось рвать кусок с мясом. Рвать ли? Рвать! Резко, сильно, и ничего нет в остатке... Не могу, так больно разочаровываться в том, кого любишь.

Встала. Пока еще у меня есть силы. Одна единственная мысль набатом звучала в голове. Средство и способ решения проблемы.

Мой любимый парк. Моя отдушина, когда я не могу справиться со своими чувствами. Когда мне надо подумать и взять себя в руки. Исполнишь мою последнюю просьбу? А уже вечер. Темный вечер февраля, с почти растаявшим снегом и пограничной между плюсом и минусом температурой. А я в толстовке. Холодно? В душе мне холоднее. Хочется замерзнуть, заснуть и никогда больше не просыпаться, не чувствовать, не дышать, испытывая разрывающую боль при каждом вдохе.

Я побежала, как когда то давно, глотая ледяной воздух широко открытым ртом, впуская его в себя, радуясь ему как лучшему другу. Опять одиночество. Тогда зачем все? Какая разница, если в душе пустота, вакуум, что постепенно затягивает меня все глубже. И желание выбраться тает, как снег под дождем.

Закрыла глаза на бегу — а перед ними опять коричневый диван. Руки автоматически сжимаю в кулаки, стремясь прогнать картинку. С такой силой, что ногти врезаются в ладонь и режут кожу, но только одной руки — вторую кисть сжать не могу, простреливает болью. Не останавливаясь, перевела взгляд на руку — она начала опухать в районе запястья. Испуга

нет, только равнодушие и отрешенный интерес. Руку я еще не травмировала. Обычно страдает голеностоп.

Говорят, что слезы приносят облегчение. Наверное, они правы. Вот только и заплакать может быть и хочется, да не может. Или что это? Я плачу? Подняла руку к лицу, провела по щеке с некоторым удивлением. Нет, не слезы — неожиданно пошел дождь со снегом. Попадая на меня таял, стекал по мне каплями. Судя по тому что волосы у меня уже мокрые, начался он давно. А я только заметила...

Моя любимая горка, с шикарным крутым спуском к набережной. Мой трамплин для финального полета. Интересно, река уже вскрылась? Вот оно, мое решение всех проблем.

Продолжая бежать, а может быть, уже просто идти, воспоминания мелькают кадрами диафильма в голове, их тяжесть придавливает к земле. Хочется лечь и отдохнуть. Подставить лицо падающим холодным каплям, слиться с ними, раствориться в них. Забыть и забыться. Все сон, все сон... и мне надо проснуться...

Небольшая ямка оказалась под ногой совершенно неожиданно. Автоматически взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие, переступила ногой на ровное место. Ровное скользкое место. Нога поехала, я начала падать на спину. Выставила здоровую руку, вот только от удара по голове она меня не защитила. Боль в затылке взорвалась искрами перед глазами, а потом темнота. Благословенная темнота без чувств, без боли, без сознания.

Глава 17

Сергей

Работа. Работа. И еще раз работа.

Я загрузил себя выше ушей, не оставляя свободного времени на бесконечные мысли. Оставаясь один на один с ними только во сне. Там уж точно никуда от них не скрыться. Вот такая, мать его, засада.

Несколько раз я просыпался в холодном поту, судорожно трепыхающимся сердцем и совершенным непониманием, где сон, а где — явь. Но чаще с идиотской улыбкой на лице. Там она была со мной, там она была рядом, в моих объятиях, не исчезала туманом сквозь пальцы, подарив мне лишь мимолетную вежливую улыбку. Светила только для меня, дарила мне без остатка тепло и ласку. Когда мое отношение изменилось? Понятия не имею. Быть может, когда подвозил ее на выпускной вечер и впервые увидел в ней не ребенка под моей опекой, а симпатичную девушку. Быть может, когда бинтовал тонкую лодыжку эластичным бинтом, когда ее ушлепок болтался где то на катке, забив на девчонку, а потом решил скорчить обиженную рожу с прищемленным достоинством. А может быть, все началось тогда, когда я, здоровый жлоб шестнадцати лет отроду, сидел с болеющей девчонкой, и плел ей браслет. Смех сквозь слезы, да и только — у нее температура 38, она дохнет до слез, периодически проваливается в беспокойный сон, а мы с ней плетем браслет из тонких кожаных полосок. Почти точную копию того, что тогда болтался на моем запястье.

"- А что он значит? — спрашивает девчонка, смотря на меня мутными от жара глазами и на полном серьезе ожидая какого-то глубинного значения обычной, в общем-то, фенечки.

— Знак нашей дружбы, видишь — они совершенно одинаковые. Знак того, что у тебя всегда будет поддержка и моя защита, что рядом с тобой всегда будет кто то, кому ты дорога и важна. Я передаю тебе часть своей силы, — пафосно несую муть и закрепляю браслетик узелком на тонком, птичьем запястье. — Подрастешь немного, сплету тебе серебряный.

Ее "отец" окончательно исчез, просто пропал с горизонта жизни своего ребенка. Она не

плакала когда разбивала колени и ладони в кровь на щебенке, упав с моего велика. Она не плакала, когда свалилась с груши с высоты полтора метра и вышибив воздух из легких, с трудом и хрипом вдохнув, испугав меня до полусмерти. Она не плакала когда подралась с двумя более взрослыми пацанами когда они дразнили ее "безотцовщина", просто вытирала кровь из разбитой при падении губы, а пацан прикрывал ладонью подбитый глаз. Но она рыдала до икоты из-за того, что оказалась ненужной и брошенной собственным родителем. Я видел только эти ее слезы, редко, но все же. Потом она смирилась, перестала плакать и закрыла ото всех свои чувства.

— Ух ты! — в глазах мелькнула тусклая искорка интереса. — Ты же не уйдешь, не исчезнешь и не бросишь меня? — меня кольнуло жалостью к девчонке, которую она никогда не примет и за один только намек на нее может броситься в драку.

— Ты мой друг, навсегда! — торжественно обещаю в ответ. — Только очень маленький, почти незаметный, как котенок за пазухой, — тут же пытаюсь развеселить подружку". И мне не скучно с ней, даже не смотря на то, что она совсем еще ребенок. Я взял ее под свою опеку, принял ее своим другом и эта ответственность и дружба мне в радость. Была и есть.

Я не знаю, когда все изменилось, я знаю лишь то, что она мне теперь не только друг. Она та, кто мне снится. И все остальное стало не важно.

Совершенно похрен, что сегодня суббота. Я проковырялся в гараже под капотом очередной тачки до темна, забивая свою голову техническими заморочками до отказа. Оставляя минимальную возможность ошибочного поступка, от которого никто из нас не выиграет.

Заехал во двор, краем уха услышал, как сосед поливает матом какого-то подростка, который бросился ему под колеса. Дети, цветы, мать ее, жизни. Усмехнулся, вспоминая свое детство. Как все было легко и просто? Не пересказать. И почему не воспользовался ситуацией за все это время? И будь я хоть капельку умнее, не мучился бы сейчас так. Заглушил мотор, открыл дверь, закурил. Смысл рвать волосы на жопе. Против воли посмотрел на ее окна. Темные. Время уже девятый час. На свидании или гуляет с друзьями? Вероятнее всего опять с ним. Не замечая, что делаю, с силой сжал металлическую зажигалку в пальцах, опомнился от того, что крышка скрипнула. Чуть не отломал. Почти до дрожи в пальцах захотелось услышать ее голос, опомнился, уже почти нажав на вызов напротив ее номера телефона. В последний момент отвел палец в сторону. Что скажу? Примитивное "Привет, как дела?". Звучит-то как глупо, по детски.

Вышел из машины, все еще крутя в руке телефон, отгоняя от себя заманчивую мысль совершенно "случайно" увидеть ее, просто дождавшись на улице. Хрен ли мне делать дома?

Краем глаза заметил бегущую прямо на меня девчонку. И понимаю, что остановиться сама она не успеет. Пришлось ловить, аккуратно удерживая ее за плечо прямо на краю огромной лужи.

— Спасибо. Отпусти, — смутно знакомый голос заставил немного придержать девушку. Развернулась ко мне вопросительно-возмущенно. Лена?

— Серега? — глаза девушки расширились. — Ты видел ее?! — вдруг сама вцепилась в мою куртку, да так, что, боюсь, оторвать ее придется только с куском одежды.

— Кого? — девушка явно не в себе. А при учете того, что общая знакомая у нас лишь одна...

— Маринку! Видел или нет?! — почти кричит на меня, да еще и трясет меня за куртку с неожиданной для такой пигалицы силой. А я только сейчас вижу, что лицо Лены залито

слезами. И мне это не нравится.

— Что случилось? — удерживаю за плечи беспокойно переступающую на месте девушку.

— О, Господи! Значит, не видел! Отпусти, мне надо к ней, пока она не наломала дров! — попыталась вырваться из моих рук, едва не соскользнув в лужу и даже не заметив этого. Что?!

— Что за нахрен? — да еще и встряхнул ее для лучшего понимания, и видимо, не рассчитал силу — девчонка клацнула зубами. — Не отпущу, пока не расскажешь что случилось?! — чуть ослабил хватку, не хватало еще синяков понаставить.

— Она узнала... что мы, точнее я... короче, она рассталась со своим парнем. Он, о, черт, он оказался тем уродом, он мог заставить и её... — Лена вдруг побледнела как полотно и осеклась, отведя от меня взгляд в сторону. — А его друг, он все рассказал... точнее, они обсуждали, а она услышала и все поняла, что я и он... она не простит меня, понимаешь, никогда! Никогда, никогда, никогда! Только не то, что мы... только не такое, она возненавидит! Но я не знала! Клянусь, я не знала что они вместе, что это был один и тот же человек! Господи, я... это моя вина, если с ней что-то случится... — у девушки началась форменная истерика. Всхлипнула, обмякая в моих руках.

— Где она может быть? — все, что я понял — дело дрянь и надо срочно найти мою мелочь.

— Ее сумка у меня, куртка тоже. Я не знаю, она убежала от меня. Я задержалась примерно на пять минут, пока вызывала такси. Надеялась приехать раньше ее, но там, — судорожно дернула подбородком в сторону улицы, — пробка. Может она еще не дошла. Я не знаю! Понимаешь, не знаю... — срываясь то в крик, то в шепот. Истерика — слезы, сопли и судорожные всхлипы. Хреново.

— Так. Дай мне её сумку, — порывлся по-свойски в маленькой аккуратной сумочке. Почти сразу нашел и телефон, и ключи в боковом кармашке. Блин, одной надеждой меньше. — Диктуй свой номер.

— Я... я не помню, — потерянно отозвалась девушка.

— Дай его сюда, — в покорно протянутую трубку быстро вбил цифры, нажал на вызов, почувствовал вибрацию в кармане от входящего звонка. Запоздало подумав о том, что можно было просто звонить на трубку мелочи. — Так, слушай сюда. Ты, — слегка встряхнул девушку, привлекая внимание к себе, — Ты поднимаешься наверх к ней в квартиру и ждешь там. Я иду искать Мару. Мы с тобой постоянно на связи, звони, если придет во двор. Прекратила истерику! — прикрикнул на Лену. Еще не хватало терять время на нее, когда неизвестно где мою мелочь носит. — Все, топай быстрым шагом, — развернул ее в сторону подъезда, подтолкнул в спину. — Стой! — вдруг опомнился я. — Где вы были?

— В Суворовском.

— Я понял. Все, иди.

А мне предстоит найти Маринку. Девочка — девочка, где же ты? Что с тобой случилось?

Я доехал до самого торгового центра, поминутно рискуя свернуть шею, рассматривая прохожих и не обращая внимания сигналы сзади едущих. Замонали! Сейчас выйду и клаксон в жопу вставлю, пусть дудит до посинения! Теряю время, черт! Повернул, еду обратно. Проезжая мимо площади невольно обратил внимание на лавочки, пустые по такой хреновой погоде. Конечно, кому охота мокнуть и мерзнуть? Может быть она у друзей? Срочно звоню

этой подружке:

— У друзей она быть не может?

— Таша и Тёма за границей, мама ее в санатории. А больше и нет никого. Может в магазин какой зашла? Погода то пи***ц конкретный! — визгливые нотки в голосе матерящейся девчонки неприятно царапнули слух. Невольно поморщился — если такой серьезный трабл, то где она была когда мелочь сбегала? Что вообще там произошло, что одна драпанула в неизвестном направлении в раздетом виде, а вторая бьется в истерике? Какому "уроду" мне бить морду?

— Ладно, я понял, отбой. Звони, если какая мысль появится.

Да еще и в пробку встал! Млягство! Хотя бы смогу увидеть ее, если будет проходить мимо. Вот только в такую погоду не видно нихрена! Где она может быть? Где она сможет попытаться успокоиться и взять себя в руки? Магазин? В том состоянии при котором убежала, бросив все — вряд ли. Пойти в место скопления людей не ее случай. Забиться в уголок — это более вероятно. Ключей нет, подруга уехала, мать тоже. Остается...

Резко вжал тормоз в пол, застопорив и так вялое движение транспорта. Точно! Я дебил, редкий! Наплевав на возмущенные вопли мужика, что чуть не въехал мне в зад, выехал на встречу объезжая затор на дороге через какой-то двор. Похрен на все! Если я прав, то остается единственное место, где я смогу ее найти.

Небольшое темное пятно около обочины на дороге, что под крутым углом спускается к набережной, я заметил лишь случайно. Темно, хоть глаз коли, если бы не вглядывался до рези в глазах, не обратил бы внимания.

Вылетел из машины, будто за мной гнался кто то. Подбежал, перевернул — нашел. Поднял на руки легкое тельце, без сознания, тряпочкой обвисла на моих руках. Внутри все похолодело — мокрая, холодная, бледная до синевы в белом свете моих фар. Положил на заднее сидение, нашел пульс на шее, стянул с себя теплую куртку, закутал в нее как в кокон. Чуть слышно застонала и открыла глаза. Напряглась, но узнала меня за пару секунд.

— Гре? — чуть слышно.

— Я, мелочь, я, — голос хриплый, как у вороны. Кого из нас сейчас больше колотит — вопрос.

— Домой. Хочу. Пожалуйста, — с небольшими паузами после каждого слова.

— Какой домой?! В больницу едем, — у меня даже голос прорезался.

к- Пожалуйста... я просто поскользнулась и упала. Ты обещал меня не бросать, — вновь полусшепот — полустон. Сердце сжалось в груди, да и дом ближе и быстрее, чем сидеть с бомжами вместе в приемной.

Мы доехали быстро, максимально быстро при той аккуратности, которую я пытался сохранить, чтобы Маришка не упала с кресла при быстром движении.

Попутно звоню Лене:

— Я нашел ее. Везу домой, она заледеневшая, — посмотрел в зеркало заднего вида — девушка отрешенно смотрела в потолок машины, не обращая ни на что внимания.

— Я жду вас, — облегчение в голосе ее подруги плещется через край.

— Сделай ей ванну, теплую, не горячую. Будем через пять минут, — не ожидая ответа, нажал на отбой.

Открытая дверь, Лена спряталась за нее, чтобы ее не было видно. Напрасная предосторожность — глаза девушки на моих руках закрыты. Кое-как стянул свои ботинки, в ванне аккуратно посадил ее на бортик, придерживая за плечо. Расстегнул толстовку, стянул

с нее мокрую ткань, ботинки заняли свое место рядом на полу. Сразу обратил внимание на слегка отекающую руку — осталось только нахмуриться. Медицинский осмотр тут точно бы не помешал.

Стараясь быть аккуратным, чуть приподнял и расстегнул её джинсы — в таком состоянии не до стеснений. Тем более мне сейчас важнее как можно быстрее согреть девушку. Оставив на ней белье, опустил в уже наполовину наполненную ванну.

Бледная, холодная, опущенные уголки губ, мокрые распущенные волосы сосульками.

— Как она? — тихий вопрос отвлек меня от разглядывания лица мелочи.

— Я хотел вызвать скорую — отказалась. Сейчас надо ее согреть, потом меня напрягает ее рука, — в подтверждении своих слов приподнял над уровнем воды руку, держа ее за предплечье. — Видишь, немного опухла? Наверное, повредила при падении.

— Падении? — шок в голосе Лены.

— Да. Нашел ее в бессознательном состоянии. Вообще чудо, что нашел. Лежала почти на обочине дороги.

Вдруг дрогнули ресницы, и девушка открыла глаза. Пустые глаза равнодушно посмотрели сначала на меня, а потом на Лену. Задержались на несколько секунд, и тихое:

— Уйди.

— Солнышко...

— Пожалуйста. Просто уйди сейчас. Я не могу видеть тебя, — все такой же чужой бесцветный голос, и боль, от которой он срывается на хрип.

Послышался сдавленный всхлип, и шуршание соскользнувшей на пол, по закрывшейся двери, девушки.

— Марин, — дождался, когда она посмотрит на меня. — Где болит, скажи мне?

— Нигде, Сереж. Все хорошо, — и снова закрыла глаза, отвернувшись от меня в сторону.

— Я попытаюсь аккуратно. Потерпи, малыш, сейчас станет легче.

Теплая вода прозрачными струйками из лейки душа стекает по бледной коже с почти черных мокрых волос, постепенно повышая температуру, запоздало вспомнив о том, что сначала надо было растереть девушку. Она сжалась в комок, обхватив руками колени и спрятав лицо за волосами. Против воли жадно рассматривал ее — тонкая, хрупкая, с выпирающими лопатками и просматривающимися ребрами. И огромный красно-фиолетовый синяк на колене.

Вода в ванне уже давно стала довольно горячей, девушка перестала быть бледно голубого цвета. А я все также аккуратно поливаю ее из душа и не могу не смотреть на нее. Но пора вылезать и лечиться дальше.

— Давай вылезать? — отведя волосы назад, заглянул в ее лицо.

И вздрогнул от пустоты во взгляде и отрешенности.

Подхватил подмышки, легко привел в вертикальное состояние. Не глядя на нее, завернул в огромное полотенце, что заранее повесила на батарею Лена. Интересно, где она? У меня к ней назрел серьезный разговор. Но это позже, а сейчас...

— Сними мокрое белье, — перевела взгляд на дверь, отрицательно помотал головой. — Не уйду, даже не надейся. Ты на ногах еле стоишь. Смирись, сегодня я твоя тень. Или вызываем врача и сдаем тебя на поруки им. Выбирай.

И пусть это грубый шантаж, мне пофиг. Я не смогу оставить ее одну в таком состоянии. Не могу, не хочу и не собираюсь бороться с этим. Хотя бы сегодня.

Домашние штаны и футболка обнаружили тут же, в ванной. Обнял девушку за талию, крепко прижал к себе, попутно вытирая полотенцем, вытащил из воды. И не смог отпустить ее еще пару секунд. А Мара просто равнодушно висела, не пытаясь вырваться, как то показать свое недовольство моим самоуправством или наоборот, прижаться и попросить таким образом поддержки. Совершенно ничего, как будто куклу обнял.

— Переодевайся, малыш. Тебе еще чаю горячего выпить надо и посмотреть что с твоей рукой. Давай, мелкая. Потом отдохнешь, поспишь и будешь как новенькая.

Руки под полотенцем завела за спину, чуть слышный щелчок, кинула лифчик в корзину для стирки. Тяжело сглотнул. И нет — не сексуальное влечение. Просто хочется обнять ее, прижать к себе и не отпускать. Но и то, что передо мной почти обнаженная девушка не волновать меня не может. Трусики отправились в компанию к лифчику. Расправил в руках бесформенную футболку, прямо поверх полотенца натянул ее на голову девушки. Снял мокрую тряпку, на руки и в комнату, под одеяло.

Лена сидела на кухне, вжавшись в угол и обхватив обеими руками высокую кружку. От моего появления вздрогнула и уставилась на меня испуганными глазами.

— Тебе лучше уйти, сейчас ты лишняя. Я позвоню, и ты мне все расскажешь. В подробностях и лицах, — внимательно посмотрел на нее, Лене ничего не оставалось, как просто кивнуть, поставить кружку на стол и уйти в коридор. — Она сегодня под моим присмотром, — девушка вдруг обернулась и подозрительно уставилась на меня. Я понял, о чем она подумала. И это совершенно неожиданно привело меня в бешенство. — Ты лучше думай! И не равняй всех по своим меркам! Свободна!

Продолжила смотреть на меня с вызовом. И пусть я вижу в ее глазах страх, но и решимость стоять до конца не даст ей оставить подругу со мной просто так. Сжал кулаки, досчитал до пяти. Немного успокоился. Подошел почти вплотную, нависая над девушкой.

— Она слишком важна для меня чтобы я мог воспользоваться ситуацией.

Несколько секунд внимательно вглядывается в мои глаза, наверное, что-то там видит важное для себя, кивает, обувается, накидывает куртку и уходит, больше не сказав мне ни слова.

Сел рядом с Марой, держа в руках чашку горячего чая с малиной и медом. Бледное осунувшееся лицо, потухший взгляд, опущенные уголки губ, синяки под совершенно сухими глазами. Зеленые глаза потеряли свою природную яркость и блеск, став слегка желтоватыми, как начавшая желтеть листва, тусклыми, больными и усталыми. И пустыми, как у куклы. Сердце больно сжалось в груди. Накатило желание порвать на ленточки того ублюдка, кто заставил страдать мою мелочь. Сунул в руки кружку. Дело за малым — заставить выпить и уложить спать.

— Пей, малышка. Тебе станет легче, — сам придерживаю кружку около ее губ. Если надо будет, заставлю. Хотя мне бы этого не хотелось.

Покорно, как марионетка, выпила чай, откинулась на подушку.

Йодная сеточка, компресс из ваты и марли, эластичный бинт, и ее отрешенный равнодушный взгляд куда то сквозь меня.

Через десять минут моя мелочь уже спала или просто отключилась, не знаю. Вслушался в тихое размеренное дыхание. Поправил одеяло, накрыв ее до самого подбородка, убрал прядь волос от лица.

Устроился в кресле, прислушиваюсь к тихому дыханию. Но усталость последних дней взяла надо мной верх, и я медленно погружаюсь в дрему. Не знаю, сколько времени прошло,

но я проснулся как от толчка. Спросонья не сразу смог понять, где нахожусь. А потом заметил пустую кровать и подорвался с места. Не понял? Куда делась?

Марина

Я, наконец то, вынырнула из того тумана беспомысленности, в котором плавала как в киселе. Минутное осознание реальности и узнавание собственной комнаты и кровати, понимание, что все произошедшее не сон, и обрывочные, пятнами, воспоминания о вечере заканчиваются моментом удара головой об асфальт. Когда это произошло? Вчера, секунду или вечность назад? Как я оказалась дома? Не знаю, не помню. Все также сложно сделать вдох, слабость во всем теле и тупое равнодушие к жизни. Мне пришлось сосредоточиться и напрячься, чтобы принять сидячее положение в кровати. В комнате темно, лишь свет от уличного фонаря на соседнем доме расчерчивает комнату неясными полосами. Интуитивное понимание, что в комнате я не одна — на грани слышимости чье-то тихое дыхание из кресла и никаких эмоций по этому поводу. Искрой мелькнуло воспоминание, больше похожее на бредовый эпизод из сна: склонившееся надо мной обеспокоенное лицо Гре. Теплые руки, обжигающие струи воды, и голос, от которого стало больно дышать...

Сажу на подоконнике около чуть приоткрытого окна, прижав колени к груди, испытывая какое-то извращенное удовольствие от вакуумной тишины кухни. Она не давила — ласкала своей пустотой, стало чуть легче сделать вдох, как будто уже не гранитный булыжник лежит на груди, а всего лишь мелкое крошево, что при каждом судорожном вдохе со скрипом перекачивается на грудной клетке. Не задумываясь, стала делать глубокие размеренные вдохи, пытаюсь вдохнуть хоть что-то в ту черную дыру, что у меня сейчас внутри, под ребром слева закололо, голова ожидаемо закружилась, в глазах потемнело, и я почти провалилась в благословенный обморок, что даст мне передышку не чувствовать. Не успела — оказалась подхвачена за плечо. Серега, тут, надо же.

— Маришка, ты как?

Ласковая вариация моего имени, сказанная не тем человеком, не тем голосом, не с той интонацией. Именно Он меня так иногда называл, с неповторимой манерой слегка растягивая "и", и чуть шипя "ш"... боль накатила колючей волной, сминая мое неестественное спокойствие и грозя прорвать заслонку от слез. Сглотнула, все еще пытаюсь удержать непрошеные капли, часто заморгала. Отвернулась к окну, вывернув из хватки плечо, почти вплотную прижалась к холодному стеклу, распластавшись на нем лицом и грудью.

— Подстынешь.

А мне все равно, молчу, не в силах вымолвить ни слова. Губы будто срослись, слиплись друг с другом, а голос пропал, но есть хоть какое то подобие невозмутимости и контроля над собой. Моя лелеемая гордость и самоуважение испарились, исчезли, ушли за ненадобностью. Все потому, что рядом со мной лежит мой телефон с открытой историей сообщений с Вадимом. Я как то не предполагала, что у нас было такое количество эсэмэсок. Их невероятно много, я читаю каждое по несколько раз, спотыкаясь на каждом слове, на каждой букве, и у меня вдруг закрадывается сомнение в том, что я вообще умею читать.

— Мелочь, — такое давнишнее, такое родное прозвище кольнуло почти физически больно. Судорожно вдохнула вязкий воздух, закашлялась, прижав ладонь к губам.

— Малышка...

Я не знаю, что именно стало спусковым крючком — ласковое слово, произнесенное

тихим шепотом, а может быть почудившаяся мне нежность в голосе, а может быть и то, что я почувствовала теплые ладони на своих плечах сквозь тонкую ткань футболки и поняла, насколько мне было холодно. Не снаружи, хотя заледеневшие пальцы ног со мной бы не согласились. Внутри, там, где все дрожало от озноба, от боли, от разочарования в себе. Еще один судорожный вдох сквозь спазм, сжавший горло, придушенный стон-всхлип не сдержали дрожащие губы, стало мучительно стыдно. Истерика подкатила к горлу, вырывая из меня вой раненого зверя, скулеж от безысходности, боли, разочарования и невозможности найти в себе силы как то это изменить.

Никогда не позволяла себе плакать при посторонних. Бывали, конечно, накладки, но несколько слезинок из-под опущенных век нельзя считать полноценным проявлением слабости. А тут меня накрыло, меня прорвало нескончаемым потоком на щеках. Я захлебывалась слезами, я не могла дышать из-за соплей, что стекали до верхней губы. Я глотала горькие комки из носоглотки и соленые капли из глаз. Подвывание и хрипы сорванным голосом, бессвязный шепот, прерывающийся плачем...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я ждала его... я так ждала от него хоть что то, звонка, сообщения. Я так хотела поговорить с ним, понять, что я сделала не так... но для него... всего лишь для коллекции. Когда... Он все получил. Но без обещаний... без признаний. Сама виновата, только сама. Все придумала, сама и поверила... но все не так. И люблю именно то, что придумала. Все это не было, его не было — лишь моя мечта и... наивность. Его друг... они... А Батти... я не ожидала... что и она тоже... я не могла... но все слышала сама и нет других... вариантов... чтобы все было неправда. Она тогда все рассказала, а я только сейчас поняла, как было мерзко, как было грязно, я увидела правду в ее глазах. Какой надо быть дурой, чтобы ничего не заметить, ничего не понять. Я все должна была понять тогда, когда она пришла ко мне... Всего на три балла, для меня. Из десяти... За что... с ним... из-за нее... — я почти беззвучно шептала, судорожно цепляясь за его мокрую футболку, практически каждое слово прерывалось судорожным всхлипом. Воздуха не хватало, и я все настойчивее соскальзывала в такую желанную темноту.

Сергей

Это страшно. Это, мля, очень страшно!

Я видел истерики, я принимал участие пару раз в усмирении воплей бывших подружек. Но вот чтоб так, не было ни разу. Я даже не предполагал, что человека может трясти и колотить как под напряжением. Из всего бессвязного лепета я смог понять лишь малую часть, и то в самом начале исповеди. А потом... потом девчонка начала задыхаться в моих руках от невозможности продохнуть от спазмов. Что есть сил цеплялась за меня, а я прижимал ее к себе, пытаюсь поделить своей силой, пытаюсь забрать себе хоть каплю ее боли. И не мог ничего сделать. Только крепко держать хрупкое тело и поглаживать по спутанным волосам. И скрипеть зубами от бессилия...

Наверное, это было благом, что она отключилась. Прижав ее, как ребенка, к груди и немного покачивая в своих руках, отправился в комнату. И не смог отпустить в кровать. Так и опустился в кресло, все также крепко прижимая к себе девушку. Накинул сверху плед, как мог, закутал в него. Даже сквозь беспмятство она так и не отпустила меня, так и цеплялась сведенными пальцами в мою футболку.

А я, как последний маньяк, получал извращенное удовольствие от того, что прижимаю к

себе девушку. Даже сквозь ткань тонкого пледа чувствовал периодическую дрожь свернувшегося калачиком, постепенно успокаивающегося хрупкого тела. Она так трогательно смотрелась у меня на груди, поджатые колени, сторбленная тонкая спина, прижатые к моей груди руки... и получился компактный комочек сломленного человека, один вид которого причинял мне почти физическую боль и бешеное желание убивать. Того, из-за кого она билась в истерике на кухне, того, от которого она сбежала раздетой под снегом, того, кто сломал ее, как игрушку, того, кто стал причиной сдавленного поверхностного дыхания пребывающей в сне-обмороке девушки. Того, которого она любит.

Откинул голову на подголовник, несколько раз ударился затылком. Попытался, не получилось — спинка мягкая. Я в душе не представляю, что сейчас делать и как быть. Как вытаскивать ее из апатии, как бороться с ее отрешенностью и равнодушием, что делать при следующей истерике. А она будет, я уверен. Все, что мне остается сейчас, это вот так держать девушку на руках, в своих объятиях, пытаюсь согреть своим теплом и слегка покачивая в руках.

Снова посмотрел на Мару — судя по ее расслабленному лицу, она заснула. Аккуратно, стараясь не разбудить, отвел длинную прядь от лица. Спутанные волосы лежали на моем плече, слегка щекоча шею. Повернул голову в ее сторону и вдохнул их запах. Мой наркотик.

За окном начало потихоньку светать, на электронных часах начало девятого. Пасмурное небо так и осталось серым, как было вчера, как было всю ночь. Наверное, опять будет снег, быть может, дождь. Все неважно. Для меня имеет значение только моя мелочь, что котенком пригрелась в моих руках, свернувшись клубочком под тонким пледом. Ее тонкая ладошка на моей груди напротив сердца, переместившаяся туда еще пару часов назад, щекой прижимается к моей ключице. Она несколько раз чуть сдвигалась, меняла положение на более удобное, но неизменно оставалась в моих объятиях. Признаюсь честно, было у меня желание переложить девушку на кровать и дать ей выспаться в более комфортных условиях. Но не смог, так и остался сидеть на кресле, держа на её коленях. Не смог прервать обманчивое ощущение обладания, не обращая внимания на то, что несколько раз пришлось переминаясь в кресле, расправляя ту или иную затекшую часть тела. Все не существенно.

Вдруг у Марины сбилось дыхание, стало более тяжелым и быстрым. Слегка нахмурилась и повернула голову, поежилась во сне. Снится кошмар? Похоже на то. Судорожно дернулась в моих руках, тихий стон и сжавшаяся в кулак ладошка собрала футболку на моей груди. Прикоснулся кончиками пальцев к ее щеке — резко отвернулась от меня, а потом вдруг неожиданно прижалась к руке лицом. Мокрой щекой — слезы, опять плачет. Тихий стон, отчаянный, жалобный. Подхватил ее через плед под бедро, крепче прижимаю к себе, чуть покачиваю. Глажу по голове, пытаюсь разбудить. Вытащить из мучительного кошмара, развеять то, что заставляет страдать даже во сне.

Прижался губами к маленькому ушку, шепчу что-то успокаивающее. Просто чтобы слышала мой голос. Обещаю, что постараюсь ее защитить, оградить от боли, разочарований и предательства. Резкий поворот ее головы, вытянувшаяся в струнку напряженная спина и наши губы друг напротив друга, на расстоянии всего каких-то нескольких миллиметров. Чувствую теплое дыхание, горячий воздух, что толчками опаляет мои губы. И мне врет крышу. Я забываю обо всем, в чем клялся сам себе, что обещал Лене.

Прикасаюсь к слегка приоткрытым губам девушки, легко, почти невесомо, боясь испугать и усугубить и так хреновую ситуацию, хочу просто успокоить ее, но не перейти

черту... Она замерла в моих руках на вдох, а потом прильнула всем телом, прижалась, ища защиты, чуть подрагивая, развернувшись в моих руках. Все также в полусидящем положении, но снова расслабленная, ее ладони на моем лице. И с жаром отвечает на мой поцелуй. Как безумный обхватываю руками, прижимаю к себе и впиваюсь в ее рот, совсем не соображая, что я сейчас делаю. Лишь тепло на моей щеке, податливые губы девушки и тепло кожи под второй рукой. При передвижении Марины по моему телу плед сполз вниз, оголив бедро и часть попки. И именно на этой части сейчас лежит моя рука — теплая, бархатная кожа округлого персика... млять!

— Вадим... — тихий выдох-шепот в мои губы на грани слышимости оглушил меня сильнее, чем если бы в меня ударила молния.

Глава 18

Марина

Накатившая истерика забрала столько сил, что я просто отключилась, провалилась во тьму, а потом... наверное, я все таки спала. И было мне так тепло и комфортно, как никогда раньше, будто плавала в теплой воде. Вот только недолго — вдруг стало тяжело дышать, словно что-то мешало сделать вдох. Застонала, пытаюсь вырваться, скинуть груз с груди, сделать вдох, получить хоть каплю кислорода. Такой сладкий и такой недостижимый воздух. Забилась в панике, как муха в киселе — движения судорожные, слабые и через силу, через невероятное сопротивление. А сил все меньше... и я ничего не могу сделать, кроме как застонать, закричать от бессилия...

Тихий шепот на грани слышимости, лишь какой-то шелест, не более. Замерла, прислушиваясь, не в силах более пошевелиться. Пытаюсь удержать хрупкую надежду, затаила дыхание. И сквозь шум в ушах слышу:

— Малышка, маленькая... я тут, с тобой. Услышь меня, вернись ко мне... это только сон, все понарошку, все не с тобой. Возвращайся, малыш. Просыпайся. Я тут, я рядом с тобой, все будет хорошо... малышка моя... мое солнышко...

Голос, этот голос... такой ласковый, такой зовущий меня, такой родной... рванула к нему изо всех сил и вынырнула из тьмы. И так мне стало хорошо. Можно сравнить лишь с блаженным теплом после холода студенной зимы. Не вздрогнула когда почувствовала прикосновение к губам — вдруг пришло осознание, что мне больше нечего бояться в этом сне, все худое миновало меня, развеялось густым туманом под его яркими лучами. Не отдавая себе отчет, что именно я делаю, ответила на поцелуй, желая принадлежать этой путеводной ниточке, слиться с ней, раствориться в ней. Мигнул в сознании вопрос, что слишком уж реальны ощущения на моих губах, уж слишком явно я ощущаю тепло чужого дыхания на лице, уж слишком явно наслаждение от поцелуя. Кто же ты? Единственный ответ — Вадим, никого другого не хочу и не смогу принять.

Другой мне никто не нужен. И я хочу сказать, что люблю его, хотя бы во сне, раз наяву это не возможно.

— Вадим...

И натыкаюсь на ледяное отчуждение. Что случилось? Что такое? Открываю глаза и забываю как дышать. Не сон — губы чуть пульсируют от прилившей к ним крови во время поцелуя. Ледяной обжигающий холод в темных глазах. Не любимых голубых. Покрасневшие скулы, жесткая складка около плотно сжатых губ, обида, исказившая давно привычные черты лица друга.

Попыталась отодвинуться и сердце мое сбилось с ритма, по телу прошла неприятная волна осознания — я сижу у него на коленях, подогнув одну ногу под себя, обнимаю одной рукой за шею, а вторая на его лице. Кончики пальцев закололо, словно от нестерпимого мороза. Я отдернула руки, сжалась в больших твердых руках. Словно окаменевшие, они так и лежали на мне, удерживая от побега. Одна на моих ребрах поверх футболки, крепко прижимая к себе, вторая — под футболкой, на бедре под попой без трусиков.

— О, Боже мой... — выдохнула — простонала я.

— И снова мимо, — спокойный голос и совершенно непроницаемое выражение лица, каменное тело, объятия как тиски. Пошевелилась в попытке выбраться и меня сразу же спустили с колен. Еще и футболку одернул и отодвинул подальше.

— Что ты тут делаешь? — сама не могу узнать свой голос. Быть может, не самый важный сейчас вопрос, но больше ничего в той каше, что сейчас вместо моих мозгов, я отловить не могу. И не могу справиться со смущением — на моих губах я все еще чувствую вкус его поцелуя, а место где его ладонь касалась меня, горит как обожженное. Как результат, начинаю злиться.

— Сажу в кресле. Некоторое время нахожусь в твоей квартире. Сюда тебя привез тоже я.

— Почему? — я раздражаюсь, сама не понимая от чего. А воспоминания, снова всколыхнувшиеся в душе, опять мешают дышать. И снова хочется плакать. А еще больше — проверить свой телефон на звонки и эсмес. А тут гость...

— Маришка, тебе была нужна помощь. Контекста нет, успокойся, — при его движении в кресле, попытке встать, непроизвольно шагнула назад, от него. Снова кольнул болью ласковый вариант моего имени, произнесенный не тем парнем. Жаркой волной по телу прокатился стыд, остро почувствовала свою слегка неадекватность. И неожиданно начала зарождаться злость. И это мне понравилось.

У меня вдруг появился выбор — жалеть себя в присутствии постороннего и получать жалость от него в ответ. Или злиться, раздражаться, а может быть, даже поскандалить, обидеть, накричать, выплеснуть негатив, что мерзким комком ворочается в груди. На постороннего, невинного мужчину. Ключевое слово — мужчину. И я выбрала второй вариант.

— Я спросила, какого хрена ты сейчас тут делаешь? Сколько можно увливать от прямого вопроса?

— Я прямо тебе ответил, Мар. Как ты? — парень сама невозмутимость, с беспокойством смотрит на меня, отслеживая мои эмоции, которые, наверняка, бегущей строкой крупным шрифтом отображается на моем лице. И это бесит меня еще сильнее! Почему у кого-то получается читать меня без словаря, а я ни хрена не могу понять людей, которые мне близки и которых считаю, что знаю! Ошибочно, в который раз.

— Сегодня я потеряла двоих близких для меня людей. Вернее, вчера, но не суть важно. Я получила отличный жизненный урок, который все расставил по своим местам. В результате пришлось резко повзрослеть, что к лучшему, бесспорно. И я ему благодарна за такой жизненный опыт, при случае скажу спасибо. А пока буду жить дальше, — неожиданно для самой себя начинаю повышать голос, уже почти кричу. Слегка визгливо, неприятно, с нотками истерики.

— Понятно, — парень слегка запнулся, смотрит на меня с сочувствием.

А меня накрывает злость за это — что такого он понял из того, в чем я сама ни бельмеса

не разбираюсь?! Ох, как я злюсь. И в первую очередь она на саму себя — я жду сейчас совершенно другого разговора, с другим человеком, надеюсь на него, лелею самую глупую мечту, которую только можно придумать. Он позвонит-напишет-придет и извинится, скажет что все ошибка, что я все не так поняла. Что он раскаивается и я ему нужна... черт! Какая гордость? Какое чувство собственного достоинства, о чем вы? Нет и речи о них. И то, что такой меня видит давний друг, бесит до красной пелены в глазах. Я сама себя перестаю уважать, что уж говорить об уважении окружающих?! Мне надо как можно скорее выпроводить его из квартиры, побыть одной, быть может, тогда в моей тупой голове наивной идиотки хоть что-то прояснится. А если нет... так хоть никто не будет видеть меня в таком жалком состоянии. Не перед кем краснеть, стыдиться и пытаться держать маску, на которую просто нет сил. Ни от кого не придется терпеть жалость...

Я снова отвела от него взгляд, щеки опалило смущением. И злюсь, уже на конкретно парня — воспользовался ситуацией. Они все такие?..

— Сер, тебе домой не пора? — прозвучало слишком грубо, но иначе не получилось.

— Выгоняешь? — слегка приподнял темную бровь парень. И почти категоричное, — Не сейчас.

— Как так? — я даже растерялась.

— Тебе нужна помощь, и за тобой нужно присмотреть.

— Я в порядке и я не несмышленищ, которому нужна нянька! — опять кричу. Снова. Я сама понимаю, что веду себя как истеричка, но я впервые не могу ничего сделать со своими эмоциями, их слишком много, они не поддаются контролю, меня просто трясет от них. И я не могу снова рыдать и жалеть себя, опять в его присутствии, меня передергивает от воспоминаний о безобразной истерике, что я устроила на кухне. И от того, что я наговорила, что именно я рассказала. А уж о том, что я еще могу рассказать — сжирает стыд. Ибо жалости со стороны посторонних не вынесу, а выворачивать душу и открываться я просто не готова и вряд ли когда то буду. Единственное, что я на самом деле хочу и одновременно страшусь, а вдруг он позвонит мне? Дала сама себе мысленного пенделя.

Будто отвечая моей безмолвной мольбе, телефон начинает звонить. Не отдаю себе отчет, но два шага и гаджет у меня в руках, да так и застыла статуей. Звонит не Вадим, звонит мне Лена. И я не могу и не хочу ни слышать ее, ни, тем более, видеть подругу. Бывшую подругу. С трудом поборолла желание хрястнуть телефоном об пол.

— Она переживает о тебе, Мариш, — от неожиданно раздавшегося рядом со мной тихого голоса я вздрогнула и чуть не выронила настойчиво играющий уже во второй раз мобильник. Да черт тебя дери с твоими умозаключениями! — Она места себе не могла найти. Быть может, все не так плохо как показалось сначала? Остановись, успокойся, вспомни, что есть те, для которых ты важна и нужна. Кто с радостью даст тебе свою поддержку и опору.

А я закипаю, медленно, но верно. И звонок человека, с которым я не могу и не хочу общаться, и не-звонок парня, которого я все же жду, и нотация от друга, который уж сейчас то должен замолчать и свалить по-хорошему, он же всегда лучше всех меня понимал, но...

— Если тебе понадобится помощь, скажи мне хорошо? Просто знай, я рядом, и ты всегда можешь рассчитывать на меня. Пройдет время и ты... — но он продолжает говорить.

— Уходи, — он замолчал на полуслове, смотрит на меня. А меня трясет. — Уходи. Оставь меня в покое. Пожалуйста. Мне не надо твоих утешений. Мне не надо твоей жалости. Мне не надо твое присутствие. Мне не нужна помощь. Ничья! Уходи, я не могу и не хочу

сейчас никого видеть, — я кричу на парня, держу слезы из последних сил. Я держусь-держусь-держусь-держусь-дер...

— Маришка...

Все, мой стоп-кран сорвало.

— Пошел на хрен! Вон из моей квартиры! Я. Не. Хочу. Тебя. Видеть! Как ты можешь давать мне какие-то советы?! Ты нихрена про меня не знаешь и на твоё мнение мне пострать! Это просто не твоё собачье дело! У тебя есть своя жизнь вот с ней и разбирайся, а в чужую грязными руками не лезь! У тебя мало своих дел? Нет своих проблем? — парень открыл рот, чтобы что то мне возразить и даже сделал шаг ко мне. А я отпрыгнула от него, сама не ожидая от себя такой прыти. Он застыл статуей, а меня все несло дальше. — Кто ты, мать твою, такой чтобы лезть ко мне? Если считаешь, что из-за того что мы когда в сопливом детстве дружили и вместе сбивали коленки, и это дает тебе право лапать меня, ты, бл*ть, сильно заблуждаешься! Или что, ты считаешь пару раз сопли вытер девке и все, можно юзать?! Если ты считаешь, что расставшись с парнем вчера, я тут же прыгну утешаться в твою койку, ты сильно ошибаешься! Или говорить мне, как мне жить и с кем мне общаться? Ты мне никто и звать тебя никак. Ты такой же как он — для тебя так же ничего не значат твои пустые обещания! Ты уже не имеешь права ни на что — ни на тухлые советы как мне поступать и кого прощать, и когда прощать. Ни на то, как мне дальше жить и с кем жить! И уж точно твоё присутствие тут мне нужно, совсем. Мне противна эта гребаная жалость, засунь себе её, знаешь куда?! — и показала ему неприличный жест в виде среднего пальца, совершенно по-детски, глупо и жалко.

Развернулся и молча ушел.

Одновременно со щелчком закрывшейся двери закончился и мой запал, и мои силы. Устало прислонилась плечом к стене, да так и сползла по ней на пол. Одновременно заболели колена, запястье и душа. Я сделала что хотела, выплеснула всю грязь, выплеснула боль и обиду на невинного. Сделала больно ему в ответ, чтобы не одной скрючиваться от боли в груди, плюнула в душу человеку, который искренне хотел мне помочь... и мне стало еще больнее. Где найти предел, после которого я перестану чувствовать? После которого меня накроет полнейшее равнодушие и станет на все плевать?

Когда никому не доверяешь, никто и не сможет предать. Моя правда жизни.

Я не могу сейчас вытерпеть даже сострадания. Да уж если честно — я не могу вытерпеть даже присутствия сейчас рядом с собой хоть кого то. Я только хочу увидеть его, хотя бы один раз, увидеть и увериться, что все мной услышанное вчера — неправда, что всего этого не было, что мне примерещилось, что все хотя бы как прежде. И меня это бесит до невозможности, до нервной трясучки, до красной пелены перед глазами. Я ненавижу его и люблю, и все одновременно. Невероятный коктейль чувств и эмоций, и почти до тошноты ощущение противности самой себе. Я всегда так кичилась своей самостоятельностью, уравновешенностью и взрослостью. Глупо звучит, знаю. Особенно от девчонки восемнадцати лет. Но я привыкла нести ответственность за свои поступки примерно лет с двенадцати. И прекрасно знаю, что за свои ошибки надо платить. Я совершила ошибку — доверилась не тому, не разглядела, не прочувствовала, проигнорировала свою интуицию, когда она нашептывала о неправильности принятого решения в тот вечер. Когда слишком настойчиво со мной сблизился взрослый парень, слишком быстро и слишком скачкообразно развивались наши отношения. Надо было бежать еще когда началась эта свистопляска с новогодним вечером. Надо было молчать на его сообщения, не принимать звонки, а если и

принимать — то говорить исключительно о подготовке, а не развешивать покорно уши, на которые он честно накручивал километры лапши. Надо бы... надо бы... надо...

Он такой человек — охотник, хищник, и вряд ли может вести себя иначе. Черт, я оправдываю его?! Да, наверное...

Не хочу, не могу верить в то, что меня разложили бы на двоих... это не укладывается ни в какие рамки. Я даже вчера не допускала и мизерной мысли об этом, даже когда не услышала никакого опровержения от Вадима на предложение о подобном от его друга.

Было больно от неразделенной любви? Да.

Было обидно, что мной откровенно говоря, попользовались, да еще и не получив от этого никакого удовольствия. Было стыдно, что оказалась такой бесполезной, бесчувственной и зажатой. Было унижительно услышать об этом, почувствовать его разочарование во мне, и, как итог, разочароваться самой. В себе. И от этого было горько и пусто внутри. Холодно, опять. Одиночество давило почти осязаемой тяжестью на плечи, на грудь. Вакуум внутри не мешал вновь и вновь прокручивать в голове все события. Что забавно, раньше я как то не ощущала, что смогла запомнить все с такой пугающей четкостью. Каждое прикосновение, что мы говорили, как мы говорили, быть может, не дословно, но очень близко к тексту. И только сейчас я начала вспоминать какие то моменты, нюансы, на которые тогда не обратила внимания. Неожиданно пойманный раздевающее-оценивающий меня взгляд тогда в приемной на работе когда я снимала с себя шаль. Немного дольше задержанная в его ладони моя рука и легкое поглаживание его длинными пальцами мое запястье. Все тогда казалось знаками внимания, первыми признаками ухаживания, а теперь — первыми шагами для моего соблазнения, чтобы "опробовать". Мерзко.

Разговор в кафе сейчас казался встречей с извращенцем за полшага до совращения. А уж как он смотрел на меня на новогоднем вечере и как мы там танцевали, так и вообще подготовкой к изнасилованию, если вдруг, я, по какой-то причине, отказала бы ему в интиме.

Совсем некстати вспомнился разговор с Ташей о начале их с Тёмой интимных отношений. И ее смущенная, но вместе с тем мечтательная улыбка. И ее признание, что принадлежать любимому мужчине для нее по кайфу. И то, как часто они оставались у меня в квартире, наедине, понятное дело для чего...

Я с силой стукнулась головой о стену, в голове зазвенело, четко попала по набитой вчера шишке. Застонала от боли и пережидала полуобморочную пелену перед глазами, но это хоть как то привело меня в чувства. Хватит! Пора вставать и что-то делать. Мне надо что то делать, иначе я сойду с ума. Не могу больше копаться в себе. Не могу больше думать о нем. Не могу больше вспоминать о нас. Не хочу больше чувствовать. Принятое решение камнем давило на сердце.

Понедельник. Утро. Начало.

Я никогда особенно не красилась. Вообще желания привлекать к себе излишнее внимание как такового не появлялось. Но сейчас план был прост — нарисовать маску на лице, выбрать себе отрешенно-холодное выражение и полностью соответствовать ему. И удержать все те умозаключения, к которым я пришла вчера вечером и этой ночью. Я не спала ни минуты. Я думала, как бы ни пыталась запретить себе это бесполезное занятие. Но... не получилось.

Сначала обжегший, а потом давным-давно холодный чай в кружке. Потом ванна с

горячей проточной водой. Хоть слез больше не было и на том спасибо. И мысли-мысли-мысли...

Все глубже в себя, все отрешеннее ото всех, все сложнее держать невозмутимость на лице и все труднее отвечать на бесконечные вопросы "Что случилось?", и "Мар, что с тобой?" в различных вариациях от окружающих и с различной степенью интереса и любопытства. И неизменный ответ "Все хорошо". И ледяная пустота внутри.

Таша и Тёма приедут через неделю. У меня есть неделя.

Среда. Утро. Начало.

Народ перестал подозрительно коситься. В том, что я учусь в техническом вузе с минимум женского населения, есть свои неоспоримые плюсы. Парни оставили меня в покое. За что была им искренне благодарна.

Суббота. Вечер.

Нет ничего сложнее, чем строить из себя то, к чему и близко не имеешь никакого отношения. Сложно общаться со всеми и ни с кем, раздражаясь не только от общения, но и от присутствия кого-либо поблизости. Даже не так — присутствие кого-либо рядом бесило до черных точек перед глазами. Но намного сложнее приходиться домой и отворачиваться от зеркала, было противно смотреть на себя, на то, во что я превращалась. Врать самой себе не получалось.

Мне все также было больно и тоскливо. Я врала маме по телефону, что безмерно загружена учебой и работой и нет у меня ни одной свободной минутки на визит к ним домой. А потом и вовсе ссылаясь на плохую связь, прерывала разговор. Я почти не ела, спала по паре-тройке часов за ночь, скорее просто проваливаясь в забытье, чем отдыхая. Я злилась на саму себя, я расколошматила с десяток тарелок и тяжеленную стеклянную конфетницу, я бесилась, что не могу выкинуть глупую любовь, я не уважала саму себя, и по тридцать раз проверяла телефон на наличие звонков и сообщений, я разорвала на звенья и снова собрала подаренный Вадимом браслет. Закрываю глаза ночью и против воли вижу голубые глаза, внимательно смотрящие на меня. Чувствую вкус его губ, помню его запах. Наваждение, сумасшествие, одержимость. Один раз услышала в коридоре института такой же рингтон как у Вадима, и забыла, как дышать. А когда смогла, наконец-то, вдохнуть вязкий воздух, закружилась голова и вдруг стало очень жарко, сердце застучало в горле, и жалкий скулеж в холодную стену под моей мокрой щекой, и не держащие меня онемевшие ноги. Слава Богу, никого не было рядом.

Злюсь на Лену. Сильно злюсь, сжимая челюсти почти до боли. И меньше всего она передо мной виновата. Но как вспомню, что она спала с ним, неоднократно по ее же словам, а мы в это время уже как бы встречались, внутри все полыхает от бешенства и морозит от боли. Хочется оттащить ее за волосы и расплакаться в ее плечо. И от не прошенного чувства сострадания судорожно сжимается сердце. Мы из одной коллекции, всего лишь.

Разум что-то понимает, а сердце и душа болят при одной мысли о бывшей подруге. Увидеть ее вновь, и вспомнить, и представить, как это было у них. Не могу выбраться из этого, сама не могу. Есть безумное желание поговорить с кем то, выложить, выплеснуть все как на духу. И забыть как страшный сон. Но... не с кем.

Сегодня прилетели Таша и Тёма. Позвонили прямо из аэропорта.

— Маришик, привет! Солнце, я так по тебе соскучилась! У нас столько фоток, столько впечатлений! Не представляешь, что я тебе расскажу. Но только при встрече, это не телефонный разговор. Короче, завтра мы к тебе приедем, наверное, ближе ко второй

половине дня. Раньше от родителей вряд ли сбежать получится. Хорошо? — жизнерадостность подруги резала меня тупым ножом с особым садизмом, неторопливо отрезая по маленькому кусочку выдержки. Я не хочу! Я не могу, я не выдержу вновь истерику. А она будет, достаточно мне услышать этот гребаный вопрос "Что случилось?". И увидеть это долбанное сочувствие или жалость.

— Привет, Таш. Прости, но я завтра не могу. Меня подруга попросила помочь с переездом. Я уже обещала. Прости, в другой раз, — я так легко смогла соврать, даже голос не дрогнул.

— Ой, а во сколько ты завтра будешь дома? Ты же на весь день, правда? Я приеду, когда тебе будет удобно. Мы можем даже Тёму не брать с собой, устроим мини посиделки, только ты, я и... — нет! Только не она!

— Нет, прости. Завтра на весь день, это точно. Потом как-нибудь созвонимся. В другой раз. У тебя все? Мне просто надо идти, у меня тут дела... — я грубо пытаюсь отвязаться от любимой подруги, держу себя из последних сил, чтобы не сорваться на крик, позорно разреветься и выложить всю боль, что клоочет внутри.

— Дда. Хорошо. Конечно. Пока? — грусть и почти слезы в ее голосе.

— Пока, — и быстро нажала отбой.

Я не могу и не хочу общаться с ней. С ними, такими счастливыми, так любящими друг друга, запятнать их своей болью, выплеснуть на них свои проблемы. Не имею на это право. Это слишком.

Тёма со мной почти не общается. На уровне "привет — пока — как дела — отлично — идешь на следующую лекцию? — у меня сегодня работа — ясно" и пристальный взгляд нахмурившегося друга. Я так и не видела Ташу с момента их возвращения из поездки, просто не пустила их к себе в квартиру, не открыла дверь, закрыв ее на внутреннюю защелку. Трусливо сидела в темноте на коридорной тумбочке и, слушала долгую трель звонка, тихий разговор, три звонка на свой телефон и удаляющиеся шаги по лестнице. Я игнорировала, я молчала, я скидывала звонки, я не могла справиться с собой и тихо скулила в темноте от бессилия что-либо сделать с собой и как то перебороть себя и вновь начать жить, начать бороться. Это не я, я не могла быть такой сукой, сама себя ненавидела. Я не могла отбросить от себя мысли о предательстве и с мазохизмом сумасшедшей ожидала, когда друзья окончательно отвернутся от меня. Я так этого ждала — наказывала себя за наивность и долбанную доверчивость, и страшилась катастрофы, когда останусь совсем одна.

И вот Тёма выловил меня за локоть в коридоре уже поздно вечером и прямо спросил:

— Ты не хочешь с нами общаться? — Вот так вопрос в лоб, без долгих хождений по кругу. Смотря мне в глаза, серьезно, пристально и с некоторой злостью. Глубокий вдох и:

— Да, — смотрю в его глаза.

— Причина?

— Все просто. Вы уехали на какое то время и у меня многое изменилось в жизни. И я не хочу сейчас ни с кем общаться. А сейчас извини, но ты меня задерживаешь. Я спешу, — попыталась вырвать собственную конечность из цепкой хватки друга, и не смогла. Он все также пристально смотрит на меня, нахмурившись и сурово сжав губы в тонкую линию. А в глазах... буря эмоций.

— Можно было сказать открыто, без этих увиливаний и вранья. Мара, ты выглядишь жалко. На тебя смотреть больно, — попытался сказать, что-то еще. А у меня все поплыло

перед глазами.

— Знаешь что? Не смотри! Не подходи, не общайся, не замечай меня, вообще исчезни из моего окружения, из моего личного пространства! — резко выдернула руку из его хватки. Он не успел разжать пальцы, место чуть повыше локтя обожгло острой болью, будет синяк. Боль отрезвила, уже готовые политься слезы я смогла удержать. — На каком языке тебе сказать? Оставь. Меня. В покое! Мне надоело притворяться, что все хорошо! Смотреть на вашу глупую любовь! Телячья нежность, бэээ, — сделала жест будто меня тошнит. — Слушать наивный лепет твоей подружки, умиляться ее нежности и хрупкости. Достало! Я не могу и не хочу больше! — я что есть сил сжала руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, держа себя под контролем, сосредоточившись на этой отрезвляющей боли. Мне было мерзко, мне было больно. Истерика была совсем рядом, под тонкой пленкой гнева. Меня начало колотить, перед глазами все плывет. Надо отделаться как можно скорее от друга. — Хватит, надоело до трясучки! Уже давно мечтаю избавиться от вашего ванильного общества! Избавьте меня от себя! Все понял или мне повторить??

— Более чем. Ты все доступно объяснила, — сквозь зубы процедил мне друг, смотря на меня взбешенным взглядом. Если бы можно было, меня бы прямо тут испепелили.

Я бежала в туалет, почти не видя ничего перед собой. Не выдержала бы и секунды сочувствия друга, не смогла бы стерпеть и одного понимающего взгляда, не смогла бы повторить и трети всей той грязи, что я сейчас на него вылила. Больно, низко, подло.

Умылась в туалете холодной водой из-под крана, раз, второй, третий, четвертый... не особенно заботясь о том, что мокрая челка спустилась на глаза, брызги замочили рукава и ворот свитера, а простенький макияж превратился в потекшую маску клоуна из ужастика. Руки дрожали крупной дрожью, а дышать я могла только со всхлипами. На моем лице была не только пахнувшая хлоркой вода. Изрядная примесь слез с привкусом предательства, озлобленности на весь мир и боли от одиночества разъедало глаза и душу. Уткнулась лбом в слегка мутноватое зеркало и разревелась в голос, не особенно задумываясь о том, что меня может кто то увидеть или услышать. Мне стало все равно. Я осталась одна, как и хотела.

Темный коридор института лишь в четырех местах освещен лампами дневного света на высоком потолке. Нет ни одного студента или преподавателя, все уже давно разошлись по домам. Еще бы, время то уже почти семь часов вечера. Артем поднялся по лестнице, остановился в начале коридора, прислушался, нахмурился. Когда все изменилось? Они приехали отдохнувшие, радостные и купающиеся в своих чувствах, не замечая ничего вокруг. Так продолжалось примерно с неделю, неделя счастья, неделя потрясающих впечатлений от поездки, поездки после которой многое изменилось — стало глубже, осознаннее, увереннее. Все стало правильно, все стало на свои места. И все и оставалось бы так радужно, если бы не Мара со своими закидонами. Она вообще вела себя на этой неделе странно — замкнулась в себе, не подпуская и на пушечный выстрел. Холодная, отрешенная, на все вопросы дающая односложные ответы или отделяется ничего не значащими фразами, а то и вовсе, опустив голову, разворачивалась и уходила в сторону. Он спросил у пары человек из группы, быть может, что-то случилось. Мало ли, девчонка. Может, обидел кто? А может они забыли, что-то в своей эйфории любви? Все бывает, и все можно решить. Поговорить, выпустить пар, поплакать, попить кофе, чай, пиво и приговорить в два лица торт, чем особенно грешны девчонки. Но нет, никто ничего не знал. Она была такая уже вторую неделю. Несколько раз огрызнулась, совершенно недвусмысленно дав понять, чтобы ее оставили в покое. По всему

выходило, что случилось что то на самом деле серьезное. Вот только как это выяснить? Девушки они такие девушки, сами придумывают, сами обижаются.

Да еще и неожиданный звонок Ленки, и ее просьба присмотреть за Марой. Из того сумбурного и бессвязного разговора Артем вообще ничего не понял. И еще в начале недели попытался прощупать почву — просто задал вопрос Марине о том, как там Батти. Мара изменилась в лице, встала и, ни слова не говоря, ушла. И как это понимать?

Таша практически плакала от отчаяния. Она вообще все близко принимает к сердцу и исключительно на свой счет. Обрывала телефон, на скорость печатала ей сообщения в соцсети, пока не оказалось, что последние сообщения Мара просто не читала, да и онлайн не была несколько дней. К непониманию прибавилось злость на дебильное поведение подруги. Ведет себя как испорченная малолетка, которая смакует какую то хрень, не желая идти на контакт!

Наконец-то получилось вывести ее на разговор. И лучше бы он этого не делал! Етитская сила, что она наговорила! Усилием воли сдержал себя, чтобы не встряхнуть что есть силы эту идиотку, встряхнуть всю мерзость, что она щедро источает из себя. Окунуть дурной башкой в холодную воду, чтобы остыла. Он просто не узнавал ее! Неужели и, правда, столько времени общался с ней и не видел, насколько гнилое, завистливое у неё нутро? Злость и обида затмевала глаза, лишала разума. Хорошо, хоть весь свой яд выплеснула ему, если бы что-то сказала любимой, промыл бы с мылом её язык. Раз так тридцать, чтобы уж наверняка.

Единственное что не укладывалось и настораживало, это блеснувшие в середине разговора слезы в глазах, какое-то злое отчаяние и дрожащий голос. А еще то, как бегом Марина рванула в сторону лестницы. Они стояли около зеркал на первом этаже, собираясь расходиться по домам, логичнее всего было бы бежать на улицу, ведь так? Чтоб быстрее покинуть ненавистное общество. А тут... странно. Постояв минуту и попытавшись взять себя в руки, пошел за ней. Длинный коридор создает отличную акустику, особенно в той тишине, которая сейчас царит на этаже. Приглушенные всхлипы привлекли внимание парня еще когда он поднимался по лестнице. Подошел к приоткрытой двери женского туалета — Марина раз за разом полоскала в холодной воде лицо, не обращая внимания что намокло все вокруг, а на полу уже образовалась небольшая лужа. И редела в голос, со всхлипами, чуть слышно поскуливая и что-то бессвязно бормоча. А потом просто села на пол около раковины, лишь по случайности не в лужу, обхватила руками колени и плакала. Всхлипывала, содрогааясь всем телом, и никак не могла успокоиться.

— Что же случилось с тобой, подруга? — чуть слышно прошептал Артем, не отходя от приоткрытой двери, но и не рискуя нарушить её уединение. Просто было страшно спровоцировать еще больший срыв, еще большую истерику.

Достал телефон, заранее отключил звук и вспышку, сделал фото. Чуть дальше в коридоре была небольшая ниша с окном, если встать чуть сбоку, то из коридора его почти не видно. Отправил сообщение любимой с отчетом: "Поругались, сильно. Послала меня в дальнюю дорогу, сбежала. Нашел ее в туалете вот в таком состоянии... что делать?" и приложил сделанное фото.

Ответ не заставил себя долго ждать: "Не трогай ее! Что-то случилось, и что то серьезное, если она в таком виде. Присмотри за ней, чтобы добралась до дома. И держи меня в курсе". Придется ждать, хотя выяснить все до конца так и подмывает. Оставить близкого человека без помощи и поддержки совершенно не хочется, но и топтаться в душе незванным гостем тоже не дело.

Марина вышла из туалета примерно через полчаса, глубоко надвинув капюшон на голову, практически полностью скрыв лицо под ним. Сгорбленная, с опущенными плечами и поникшей головой, представляла собой поистине жалкое зрелище. Домой отправилась пешком, не спеша перебирая ногами и смотря исключительно под ноги. На некоторое время остановилась около своего дома, будто раздумывая, но потом все равно направилась в свой подъезд.

Артем, проводив Марину до дома, отправился к своей девушке. Одна голова хорошо, а две лучше. Особенно когда надо решить такую серьезную проблему, как нервный срыв у подруги.

Глава 19

Марина

Я очень люблю весну. Нет, не так. Я ее обожаю! Когда просыпается природа, оживают чувства, наверное, именно в это время начинается новая жизнь. Моя личная весна началась ближе к лету, в конце мая. Поздновато немного, но лучше так, чем никогда. Я сидела в своем болоте апатии и отгороженности от всего окружающего мира долго, самой казалось, что целую вечность. Но в один прекрасный момент я поняла, что жить то хочется, и даже очень. Общаться и восстанавливать отношения с бывшими друзьями желание пока не возникло, но с чего-то надо начинать, правда?

Нет, боль в груди осталась, и глупое сердце периодически судорожно сжимается при мыслях о человеке, которого... о нем, короче. И да, я очень хочу его увидеть. Услышать его голос, согреться в тепле его улыбки, глупая девочка продолжает на что то надеяться. Вдруг и для него что то изменилось за это время? Вдруг он осознал, что я нужна ему, что он готов именно из-за меня измениться, стать лучше, быть только со мной. Я же говорю, глупая девочка, мозг понимает, а сердце не принимает. Но лучше жить надеждой, чем продолжать плавать в безысходности. Искать специально встречи я не стала, справедливо полагая, что если нам суждено будет встретиться, это в конечном итоге произойдет.

С мамой мы поговорили, почти по душам. Я таки выбралась в один из выходных к ним и, не вдаваясь в лишние подробности, сообщила о своей неудачной попытке отношений. Почти спокойно просто констатируя свершившийся факт того, что знакомить маму не с кем. Она помолчала несколько минут, задумчиво покусывая губу, и плеснула мне щедрую порцию вишневого ликера. Вкусного, сладкого, крепкого для меня, от которого меня буквально унесло, и после которого я проспала весь вечер и всю ночь в своей бывшей комнате в родительском доме. Больше эта тема в наших разговорах не поднималась.

В институте Тёма меня больше не трогал. Вообще. Я добилась именно того покоя, который мне был жизненно необходим. Когда мне нужно было общение — я его получала, ненавязчивое от своей группы. Тёма предусмотрительно оставался чуть в стороне, никогда не вмешиваясь в мою беседу. Порой я замечала, резко развернувшись, его задумчивый серьезный взгляд. Но и только. Как же я скучала о былом общении с другом... но переступить себя, точнее, найти в себе силы смотреть на чужое счастье я не смогла. Не могла омрачить его своей кислой миной.

Я так часто в последнее время зависала на странице Таши в соцсети, что практически поселилась у нее. Не смогла вырвать их из себя словно сорняк, раз за разом, особенно поначалу, терзая себя картинками их счастья и любви. Разглядывала огромное количество фото, следила за активностью ее страницы, но всегда безмолвным зрителем. Несколько раз

она присылала мне сообщения, длинные, обстоятельные. В подробностях рассказывая о своей жизни, учебе, мечтах, делясь надеждами. Я читала их, медленно, вдумчиво, по несколько раз, смакуя. Она ни разу не потребовала от меня объяснений, и даже ответа, неизменно заканчивая каждое письмо "Ждем тебя". Даря так необходимое мне тепло и надежду, что когда-нибудь меня смогут простить и принять. Когда-нибудь, пока не сейчас.

Точно также не смогла ответить Ленке, она звонила мне неоднократно, писала сообщения. В моем телефоне в истории общения с ней насчитывалось больше пятидесяти попыток начать диалог. Я не смогла их читать, но и удалить тоже рука не поднялась. Прочитала только спустя несколько недель, всем скопом. И поняла одну простую вещь — ей было так же хреново, если не хуже. Она винила себя в том многом, в чем не была виновата. Но мне это надо было не просто понять, а еще и принять, и пережить, и простить. И ее и себя. Вот только легче сказать, чем сделать.

Несколько раз я набирала сообщение ей на телефон, в соцсети или хотела просто банально позвонить. И не могла. Я ощущала странную смесь эмоций — мне очень хотелось услышать ее голос, вновь почувствовать рядом человека, которому была когда то дорога, и который до сих пор дорог мне. И на которого я сильно, до дрожи в руках, злилась. Что она связалась с тем, с кем не надо было, сделала то, за что поплатилась сполна. За то, что я такая же дура, как и она. Ее невиноватая вина причинила огромное количество боли нам обоим. А еще чувство собственной вины перед Леной — и это самой себе еще надо простить. И это непросто.

Все решилось в один, не сказать что прекрасный, момент. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло.

Июнь. Жара. Просто невероятная. Уж на что я люблю тепло и солнце, но даже для меня это был перебор. Неожиданно пришедший какой то там фронт принес нам пекло в тридцать с лишним градусов. А мы сидели на консультации. Завтра экзамен, сложный, нудный, совершенно непонятный.

В небольшой перерыв в середине консультации, когда мы стандартно дышали воздухом свободы на крылечке, у Тёмы, который стоял тут же, зазвонил телефон. Парень ответил, некоторое время напряженно вслушивался в слова собеседника, бледнее и хмурясь. А потом:

— К ней можно? — сдавленный голос парня заставил меня подобраться. Сердце неприятно кольнуло предчувствием. — Да, я еду, конечно.

Сбросил вызов и тут же начал звонить куда то еще, нервно прохаживаясь туда-сюда и запустив пальцы в волосы, приводя в полнейший беспорядок и так лохматую шевелюру.

— Алло? Да. Можно машину на Бауманскую. Поедем по городу, до Воскресенской. Мне очень срочно! Пожалуйста, как можно скорее! Да, жду, — подошла поближе и положила ладонь на плечо Тёмы. Развернулся ко мне лицом, смотрит в глаза, но я больше чем уверена, не видит меня перед собой. Такого расстроенного и испуганного я не видела друга никогда. — Хорошо, спасибо.

Сбросил вызов. Пальцы слегка подрагивают, вертит в ладони телефон, пытаюсь успокоиться. Сильнее сжала руку на его плече, немного наклонилась, заглядывая в лицо.

— Таша в больнице. Приступ. Опять. Я вызвал такси.

— Я с тобой. Сейчас, подожди меня, я мигом! — метнулась в аудиторию собрать вещи.

И мне было совершенно все равно на то, что консультация еще не закончилась, что препод обладает мстительным характером и что скажут окружающие. Просто сгребла свою

блочную тетрадь, скинула ручку в сумку. Мимходом подцепила тетрадь друга. Пролетела по коридору, бегом спустилась по лестнице. Машина уже подъехала, Тёма меня ждал. Юркнула на заднее сидение авто.

За всю дорогу мы не сказали друг ни слова, ни к чему это было. Я благодарна другу за то, что не стал вспоминать обиды в такой напряженный момент, хотя имел на это полное право.

Таша... такая маленькая на больничной койке... в одноместной палате. Рядом стойка с капельницей, иголка воткнута в правую руку, глаза закрыты. Я не смогла зайти в палату, остановившись около двери со слегка мутным стеклом. Без сознания??

— Она сейчас спит, — слышался тихий голос за моей спиной, на плечо легла легкая рука, чуть сжала. — Привет, Мариша.

— Здравствуйте, Тамара Владимировна, — сглотнув, повернула голову к Ташиной маме. Та без раздумий обняла меня, слегка погладив по лопаткам. Стыд накрыл удушливой волной. Я сволочь и нет мне прощения. Глаза защипало от не прошенных слез.

— Ну что ты, солнышко. Все хорошо, не переживай, — приняла по своему мои глаза на мокром месте тетя Тома, как когда то звала я эту чудесную женщину. — Все хорошо, просто Наташе вкололи лекарство, а у него побочный эффект сонливость. Вот и сморило мою девочку.

— Что произошло?

— Мы расслабились, не было проблем уже почти два года, все было хорошо. Наташа не взяла ингалятор. Глупо и самоуверенно, он занял слишком много места в крохотной сумочке... Наверное, все вместе навалилось. Тяжелая сессия, она переутомилась, перенервничала. Жара, тополинный пух, может быть, пыльца. Но факт остается фактом, забрали на скорой из института сегодня в одиннадцать. Врачи говорят, что могут уже сегодня выписать, но лучше подождать до завтра. Ну и в течение недели под наблюдением. Ты же знаешь, ее сложно уговорить лежать в больнице, ей проще мотаться сюда каждый день, — слегка ворчливо закончила тетя Тома.

А я нервно сглотнула... она перенервничала. В этом есть и моя вина. Стало очень больно.

И одновременно так захотелось подойти к ней, прикоснуться, убедиться, что все хорошо, что все обошлось. Поддержать ее за руку, за которую сейчас держит ее Тёма, периодически целуя тонкое запястье левой руки.

— Они очень красивая пара. Не устаю наблюдать за ними. Как он трепетно и нежно к ней относится. А дочка просто оживает рядом с ним. Без него она просто ждет его прихода, а с ним светится как солнышко. Такое ощущение, что у них одни мысли, одно дыхание на двоих — начнет двигаться он, она подхватывает, и наоборот, — с нежностью проговорила тетя Тома. В глазах у нее блеснули слезы, она промокнула их уголком бумажного платочка. — Как твои дела, Мариша?

— Спасибо, тетя Том, все хорошо. Учеба учится потихоньку, работа работает. Все спокойно, без потрясений, — улыбнулась я, говоря почти правду. Сейчас на самом деле все именно так. Я боюсь этих расспросов от посторонних людей о своих делах. Мне нечем похвастаться, а незаслуженно грубить человеку не дело.

Ташина мама внимательно посмотрела на меня, безошибочно читая все по моему лицу, все эмоции, все мысли, все чувства. По крайней мере, мне так показалось. Паранойей попахивает, чесслово. Большим пальцем с аккуратным маникюром разгладила морщинку

между моих бровей и мягко улыбнулась, больше ни о чем не спрашивая.

— Тебе принести кофе, Мариша?

— Я буду вам очень благодарна, спасибо, — я кивнула. Захотелось хоть капельку времени побыть рядом с подругой, пусть я на это и не имею права.

Тетя Тома кивнула, зашла в палату, наклонилась и что-то прошептала на ухо Тёме. Он подумал несколько секунд, согласно кивнул, еще раз поцеловал руку Таши и вышел из палаты в коридор, не сказав мне ни слова.

Постояла немного, борясь с собой. И вошла в палату. Тихо приблизилась к подруге, присела на самый краешек постели, погладила ее по волосам.

— Прости меня, солнышко. Я так виновата перед тобой, перед вами. Но... я не могла иначе. Господи, сложно было тогда, не стало особенно легче и сейчас. Знаю, что не права. Я не должна была закрываться от вас, изворачиваться и поступать так как поступила — трусливо, мерзко, низко. Просто тогда было так больно, что сил не было... сил не было смотреть на вас... таких счастливых... таких... — сглотнула комок слез, пытаюсь не расплакаться, — Сама вокруг себя сплела паутину, отгораживаясь от всего подряд. Я попыталась перебить одну боль другой, с которой смогу справиться и жить дальше. И сама себя переиграла, сделав только хуже. Вот только теперь не знаю, как все исправить. Я обидела вас всех, одного за другим. Знала, на какие именно точки надо давить, чтобы наверняка сделать больно вам, и не мучиться от нее в одиночестве. И получала от этого какое то удовольствие. Сделал гадость, на сердце радость, — невесело рассмеялась, уже не в состоянии удержать слезы. — Я так надеялась, что смогу хоть немного заглушить свою боль, просто перестав видеть вас... а стало только хуже. Я... Господи! Так завидовала вашим отношениям! Наглядная демонстрация того, о чем были мои мечты, и чего мне не получилось испытать. А обвинила в своих проблемах тех, кто попытался помочь, тех кто оказался близко, тех, кому не была безразлична... Я не знаю, как вымолить прощения, и так виновата перед вами. Простите ли вы меня хоть когда то, — всхлипнула и прижалась лбом к животу Таши. Такие соленые слезы капали на больничную простыню.

Почувствовала невесомое прикосновение к своим волосам. Потом еще одно, уже более уверенное. Неверяще застыла, не зная куда деваться. Бежать?

— Мы не обижались на тебя, никогда. Просто дали тебе время придти в себя, не бередить раны, не причинять лишней боли, не лезть туда, куда ты не готова была пустить никого. Испугались. Котя, посмотри на меня, пожалуйста, — попросила Таша, всё также поглаживая меня по волосам. Поборов трусливость, подняла голову. Таша смотрела на меня со смесью нежности и понимания. — Мы всегда были рядом с тобой, никогда про тебя не забывали. Я, Тёма и Лена, всегда. Это нам надо просить прощения что не смогли вытянуть тебя, не тебе. Что тебе пришлось справляться с самого начала с этим одной. Что мы не оказались достаточно настойчивыми и внимательными. Что я не услышала в твоём голосе... что была слепа в своём счастье... прости нас.

— За что? — хрипло спросила я, все еще не веря, что все происходит наяву, а не снится мне.

— Нас с Тёмой? Мы решили оставить тебя на некоторое время в покое. Быть может, тебе именно это и было нужно. Но ничего не менялось, ты все больше замыкалась, все сильнее отдалялась. Тебе было больно, обидно, одиноко. Надо было ворваться к тебе силой, не слушать твоих возражений, дать тебе выплеснуть все без остатка, но... И все что оставалось — лишь издали наблюдать за тобой, и периодически контролируя твои действия.

Ну, ты нас и напугала! — я шмыгнула красным носом и вопросительно подняла брови. — Что? Не подстыла после того случая когда до утра просидела на лестнице? Да-да! Мало того что Тёмка потерял тебя сначала в темном парке, так потом еще просидел через аллею на лавочке карауля чтобы к тебе не прилипли неприятности. Вот он, кстати, потом с неделю сопливился! — тихо рассмеялась Таша.

А я вспомнила тот вечер. Шла с... эм... пол-дэнса. Да, я решила заполнить имеющееся свободное время, которого было слишком много, притупить постоянно крутящиеся одни и те же мысли о собственных недостатках во внешности и бороться с психологическими комплексами о своей неполноценности как женщины. Как то так.

Было уже пятое по счету занятие, и всего первое на шесте. И я позорно свалилась на пятую точку, больно отбив ее, многострадальную. Даже при всей моей неплохой физической подготовке, мне было тяжело. Но бросать я была не намерена. Хотя разговор сейчас не об этом.

Так вот, иду я с занятия, время уже почти девять, соответственно на улице темно. И так мне домой не хотелось, аж жуть. Там ничего нет, кроме одиночества и мыслей, что всегда возвращаются, как бы я их не гнала. И я пошла в парк, в моё безотказное успокоительное. Пришла. Посидела на лавочке, и поняла, что успокоиться не получается. А бегать уже сил нет — вымоталась морально и физически. Физически так, что чувствую, завтра я буду подниматься по лестнице, матюкая бесконечные ступеньки. А морально из-за того, что хреновое настроение стало привычкой. Да еще и занятия бестолковые — переступить себя и открыться не получается. Как меня не материл мой тренер, как ни орал — все без толку. Не могу и все. Стесняюсь.

Вот и пошла я на свою любимую лестницу. Уселась на каменный парапет, подложив под стратегически важное место спортивную сумку, чтобы не застудить, и свесила ноги вниз. Подо мной пустота примерно на десять метров, дальше крутой каменистый склон, кустарник и деревья. Обзор на реку и мост через нее открывается отличный, тишина и покой. То, что мне сейчас надо. Я ошутимо подмерзла, но от ощущения простора отказаться не смогла — просидела до того момента, когда уже солнышко сделало небосвод на востоке сначала темно фиолетовым, постепенно все больше и больше светлеющим. Чистое небо, лишь с небольшими кусочками облаков. Именно тогда я поняла, что очень хочу жить. Смешно, правда? Сидеть ночь на каменном парапете, болтая ногами над пустотой, куда можно спрыгнуть и решить все проблемы разом практически гарантированно. Но именно тогда я поняла одну простую вещь — по меньшей мере, глупо требовать от кого-то уважения и любви, если не любишь себя сам. И можно сколько угодно слышать эту простую истину от других, но ее нужно принять самому. Прочувствовать и осознать. И, видимо, мое время осознания пришло только сейчас.

Пошла домой спать, наплевав на учебу и работу. И вот, спустя полторы недели, я тут. Держу за руку свою лучшую подругу, и вместе с ней мы рыдаем. В унисон. Примерно минут пятнадцать уже рыдаем. И вероятнее всего, Ташина мама пошла к ним домой за кофе, прихватив с собой Тёму. Никак иначе их отсутствие я объяснить не могу. А мы все говорим, и говорим, и говорим, перебивая другу друга, спеша выплеснуть все то, что накопилось за это слишком долгое время. За слишком длинные три месяца, как будто годы тянулись бесконечной резинкой. И я понимаю, что Таше надо отдохнуть, она устала, хотя и стоически пытается не показывать это. Но уйти не могу. Все мне кажется, что если я сейчас уйду — то проснусь у себя дома, и все окажется лишь сном.

Умышленно замолкаю, для верности прикусив щеку изнутри, стараюсь говорить поменьше. Давая выговориться Таше. А она постепенно замолкает и все чаще сонно моргает глазами. Пришла медсестра, сняла капельницу, заклеила пластырем катетер. А Ташик наконец то закрыла глаза, все также крепко удерживая меня за руку, как будто боялась что я сбегу. И уснула.

— Я больше не сбегу, солнышко. Обещаю, — наклонилась и поцеловала в скулу, ближе к уху, как всегда.

— Мы надеемся на это, — тихий голос за моей спиной заставил меня вздрогнуть.

Тёма. Стоит и внимательно смотрит на меня. Пристально, серьезно и несколько напряженно. Слабо улыбнулась другу.

— Тём, я должна извиниться.

— Не должна, — довольно резкий ответ. — Пошли, — махнул рукой, приглашая меня на выход из палаты. Покорно пошлепала следом, испытывая внутри мандраж.

— Мар, ты ничего не должна. Ни объяснять, ни просить за что то прощения, ни, тем более, смотреть на меня глазами побитой собаки. Хорошо, что ты понимаешь неправильность своего поведения. И да, я обману тебя, если скажу, что не обижался на тебя, — все такой же немигающий взгляд от которого мне, мягко говоря, неуютно в больничном коридоре. — Но обиды на тебя нет. Я понял еще в тот же вечер в институте, что тебе хреново и от "жизни собачей собака бывает кусачей", — невесело усмехнулся Тёма на мои удивленные глаза. — Кусаетесь, скажу я тебе, знатно. И я тебе это еще припомню. Когда-нибудь потом, просто потребую с тебя должок. Мучайся в ожидании моей великой и беспощадной мести, смертная! — несмело улыбнулась в ответ.

— Спасибо. Я не знаю, чтобы я без вас делала. Правда.

— Ехала бы домой в одиночестве. Или опять бы плутала по городу как неприкаянная. Ладно уж, так и быть доведу тебя на такси до дому. Ты помнишь, что у нас завтра экзамен? — как я скучала по этому ворчанию, кто бы знал...

— Да. Пора. Поехали. Только в этот раз плачу за проезд я.

— Мечтай! Топай давай, мисс самостоятельность, — посмотрел на телефон. — Машина уже ждет на стоянке.

Такси остановилось на въезде в мой двор, довольно быстро доставив меня до дому.

— Мар, — окликнул меня Тёма с переднего пассажирского, едва я собралась попрощаться и отправиться восвояси. — Она во всем винит себя. На это больно смотреть и не получается убедить в обратном, — внимательный взгляд из-под слегка нахмуренных бровей заставил что-то перевернуться в моей душе. Больно перевернуться, как будто задели старую воспаленную занозу, на которую лишь силой воли не обращаешь внимания, но болеть он от этого меньше не болит.

— Я знаю, Тём. Спасибо еще раз, — и выскользнула из машины, стараясь удержать маску на лице. Маску спокойствия, которое не ощущала даже близко.

Она во всем винит себя.

Поднялась на свой родной этаж, достала ключи из сумки, да так и застыла с поднятой рукой и остановившимся взглядом в никуда.

Больно смотреть... убедить в обратном...

А потом ключи в карман, и бегом на улицу. Бегом, пока не передумала, пока не решила все доверить сообщению или задавить в себе потребность искупить вину. Загладить то, что по дуруости своей причинила.

Я летела как ошалевшая, как на пожар или, наоборот, с пожара. А судя по расступавшемуся народу, меня побаивались. Естественно, летит такая краса неопишная, с растрепанными волосами, размахивая сумкой в руке, того и гляди зашибет ненароком, с выпученными безумными глазами, не особо разбирая дороги. Хорошо, хоть под колеса не попала.

Знакомый двор, как раз открывается ее подъезд, кто-то оттуда выходит. Пока дверь не закрылась, быстро юркнула в полутемное помещение, чуть не растянулась на ступеньках. Чертыхнулась, я и забыла, что тут ступеньки начинаются чуть ли не от самой входной двери. Всего три штуки, но нос разбить хватит с лихвой. Все так же бегом на седьмой этаж, не отдышавшись, звоню в дверь. Только успела коснуться мокрым лбом холодного металлического косяка входной двери, практически сразу дверь открывается, чудом не набив мне симпатичную шишку. На пороге Лена, куда-то собралась, судя по внешнему виду и тому, что стоит в босоножках. Смотрит на меня испуганными огромными глазами, чуть приоткрыв рот, и молчит.

— Я... я эгоистичная сучка, прости, — просто констатирую факт, с трудом переводя дыхание. И продолжаю, — Когда-нибудь сможешь?

Секундная заминка, и потом меня запросто сгребают в объятия, утыкаясь носом в ухо. Прижимает так сильно, что глубоко вдохнуть я не могу. И обнимаю в ответ со всей доступной.

— Я тебя сейчас удушю, — сдавленный голос Батти, чуть хриплый, такой родной.

— Я так по тебе скучала, — говорю вслух то, что для меня сейчас самое важное. Потом надыхнусь, сейчас не до этого.

— Я бы так хотела все исправить, — пытается заняться самобичеванием подруга. Хочется сжать ее еще сильнее, но просто не могу. — Я не знала, правда...

— Замолчи! — бесцеремонно прерываю ее. — Ты меня попросила тогда, помнишь? — секундная заминка, воспоминание о той ночи на моей кухне. Неуверенный кивок. — Вот я сейчас прошу тебя о том же самом.

— Перевернем эту страницу? — в ее голосе столько надежды. Примерно столько же, сколько и у меня в душе.

— Именно, — не колеблюсь и секунды.

Домой я попала ближе к вечеру. И прекрасно понимаю, что мне придется выбирать — готовиться к экзамену или спать ночью. Но мне все это не важно. Я сделала то, что была обязана — признала и попыталась исправить свои ошибки. Почти все, почти перед всеми.

Глава 20

— Мара, мать твою! — ух, какая экспрессия... прямо за душу берет. И все для меня одной!

— Марррра! — кто бы мог подумать, что мое имя, точнее его сокращенный вариант, можно так грозно прорычать, практически потеряв по ходу рычания первую букву "м"...

— А пар из ушей так и не валит, — слегка разочарованно протянула я, с интересом поглядывая на Тёму. Девчонки тут же, сидят рядом, одинаково сложив руки на груди и одинаково хитро улыбаясь. Естественно, рычат то на меня одну...

Что я опять натворила? Мы собрались в клуб, вчетвером. По причине удачно сданной сессии. И немного принарядились. А Тёма бесится — ему не нравится наш внешний вид. Хотя нет, нравится. Вот только с ультиматумом ходить в таком виде только дома. Под

замком. Ибо "выглядите как кусок свежего мяса для голодного дикаря", это я процитировала. И вроде мы вполне прилично выглядим... ну, почти.

В общем и целом представьте себе — три девушки в коротких юбках, лишь на ладонь ниже попы, и в маечках. И на высоких каблуках. Ну и при макияже. И с распущенными волосами, слегка завитыми в крупную волну. И явно хотящие оторваться по полной. И пусть у Таши есть безусловный объект для отрыва, то мы с Батти решили отдохнуть. А знаете почему? Батти виновата, ее фраза "выбить клин клином" плотно засела у меня в голове, и никак не хочет оттуда исчезать, и давит, и давит, и давит мне на мозг. Тем более мне очень, ну просто очень хочется потанцевать, расслабиться, отдохнуть, оторваться. Как ни назови — все об одном. Хотя меня слегка передергивает от отвращения при мысли, что чьи-то чужие руки меня будут касаться. Не говоря уже о чем-то большем.

И все же в клуб удалось нам выбраться через полчаса и то после того, как Таша накинула коротенькое болеро, прикрывающее голые плечи, а Батти передела майку, одев одну из моих с закрытой спиной и вообще весьма целомудренного вида. А не как у нее было до этого — две тонкие планки — одна на шее, вторая на поясице, и кусок ткани в пайетках, свободно закрывающий грудь и живот. Ну а мне пришлось накинуть тонкий кружевной пиджачок, и застегнуть молнии на краю юбки с двух сторон, убрав два разреза по бедрам на десять сантиметров глубиной. И клятвенно пообещать оставаться в таком же приличном виде весь вечер.

Отличный клуб, мне нравится. Разделен на две зоны — одна с диванчиками и приглушенной музыкой, выпить, пообщаться, отдохнуть после танцев во второй части клуба — огромный танцпол, по кругу которого расположены крохотные столики вдоль стены с высокими барными стульями. Ну и большой навесной балкон в виде второго этажа, с которого открывается отличный обзор на обе зоны. И несколько разбросанных по танцполу небольших сцен-подиумов, с пилоном посередине каждой, с танцующими на них девушками.

Два часа пролетели незаметно. Не могу сказать, что совершенно никаких напрягов, но и за неприятности пару-тройку неудачных попыток познакомиться со мной, не принимаю. Хотя в последний раз Тёме пришлось вмешаться и пояснить симпатичному развязному мальчику, что если девушка говорит "Нет" и делает это уверенно и серьезно, то вероятнее всего именно так и есть. Все было слишком хорошо и комфортно, чтобы в один миг стать моим кошмаром.

Ноги немного устали, довольно высокий каблук открытых босоножек оказался не слишком удобным. Жарко, но холодный безалкогольный мохито отлично освежает. Тем более всегда можно присесть и немного отдохнуть на высокий стул около стены в затемненном углу. Благодать. Меня будто что-то толкнуло, и я отвела взгляд от девушки из посетителей клуба, что танцевала на подиуме. Да, тут есть такая возможность — на одном из пустующих подиумов можно танцевать всем желающим. И чем большее одобрение остальной аудитории, тем дольше специально для тебя крутят музыку. Если одобрения нет — свет над этой сценкой просто гасят и волей-неволей неудачница, что слишком много о себе подумала, вынуждена покинуть свет софитов. В зал вошел высокий блондин в белой рубашке и черных брюках. Волосы, как всегда слегка в беспорядке, уверенная походка, заинтересованный взгляд на женскую составляющую танцпола был прерван страстным поцелуем находящейся рядом с ним высокой девушки с ярко рыжими волосами. Короткое белое платье на тонких бретельках, высокие каблуки серебристых босоножек, распущенная копна идеально ровных волос до талии. Красивая. Уверенная в себе девушка, которую сейчас

целует Вадим. Глубоко, как будто борются друг с другом за власть в этом поцелуе, он крепко держит одной рукой ее затылок, второй поглаживает ее попу, она расстегнула две верхние пуговицы его рубашки и гладит тонкими пальчиками с длинными красными ноготками по груди. Кажется, что эти двое не должны быть тут, им место в кровати, и только там. От них веет страстью, сексом и возбуждением.

Смотрю на них и не могу оторвать взгляд, отмечаю все новые детали, в груди бухает сердце, быстро и суматошно. Будто и не было этих трех с лишним месяцев, будто и не обрела я такого недостижимого спокойствия. Точнее создала его видимость, оно оказалось надуманным, не имеющим к реальности никакого отношения. Вновь стало больно, ничего не изменилось. Не была нужна никогда, и не буду. Тоже никогда. Так чего хранить себя?! Для кого? Чего ради!?

Они, не заметив меня, прошли на расстоянии примерно в пару метров, поднялись на второй этаж. Был слишком увлечен, наглаживая задницу партнерши. А я меня волнами накрывала злость. На саму себя, смысл злиться на равнодушного к тебе человека? Нет никакого. А вот на себя очень даже. Как полная дура сидела, ждала его звонка, все это время на что-то надеялась, во что-то верила. Наверное, любила. Уже ни в чем не уверена. Каждый раз, каждый гребаный раз, когда на меня обращали внимания парни, я вспоминала что есть кто то, кого я люблю. И с кем хочу быть, только с ним. Сама себя убедила в этом. А он... всегда будет таким.

А может быть, и не было никаких чувств? Знаю только один способ это проверить — познакомиться с кем то. И нет! Я не останусь сегодня одна! Только не теперь, когда мой пазл сложился и когда во мне все кипит... Осталось привлечь к себе внимание.

Задумчиво оглядела любительский подиум — приличное пространство. Круг с блестящим пилоном посередине, на высоте около метра над полом, с ярко голубой подсветкой, сверху освещается немного приглушенным чуть красноватым светом. Красиво, ярко, видно. Отлично.

— Мар, может быть, пойдём отсюда? В какой-нибудь другой клуб? — Батти не стала делать вид, что не заметила нового посетителя со спутницей. Аккуратно заглянула мне в лицо, со страхом ожидая неадекватной реакции. И сильно удивилась, увидев там улыбку-оскал вместо слез и расстроенного выражения лица.

— Нет, Батти. Мы останемся здесь. Вот только мне надо выпить. И еще мне нужен Тёма.

— Они на диванчике, вроде, — с некоторым удивлением протянула подруга. — Ты что задумала?

— Скоро все увидишь сама.

— И все-таки?

— Пилон, танец, парень, секс, это если кратко, конспективно, — усмехнулась я, совершенно не шутя. Судя по вытянувшемуся лицу подруги, она мне не поверила, а зря.

Направилась сначала к бару, заказала себе алкогольный коктейль с грейпфрутом. То что надо — алкоголь почти не чувствуется, а накроет меня довольно прилично. Если купить не один...

— Тём, — окликнула я парня, обнимающего пригревшуюся под его боком Ташу. — Подойди на пару минут.

Сказать что удивлена, ничего не сказать! Эта... это чудо решила надраться! И по пьяни с кем-то познакомиться! Нахрена? Интересно, она понимает, что собирается сделать? К чему обычно приводят такие поспешные решения? Я — знаю! И уж точно не собираюсь помогать подруге скатиться на такое... вот только как?... бляха муха, лучше бы у нее проснулась гордость и демонстративно удалилась из этого клуба. Лучше бы устроила скандал. Лучше бы заехала по наглой морде...

И вообще, какого хрена этот мудила тут забыл?? Клубов ему, мать его, не хватает! И опять с новой соской. Все как всегда, подобные ему не меняются.

А Коте было больно... видела это в ее глазах. Да и не с проста она решила вдруг повиснуть на чьей то чужой шее. Дура я дура, хоть бей себя по лбу, хоть в лоб заряди. Все равно мозгов не прибавится. Вот за каким таким лысым и кривым я сказала тогда эту глупость про выбивание клином? Язык мой враг мой. И если Котя влипнет во что то — будет целиком и полностью моя вина. Опять.

— Лен. Мне нужна твоя помощь, — от напряженного голоса Мары на самое ухо чуть не подпрыгнула. Мара, злится. И взгляд такой убийственный кидает куда то в сторону.

Автоматически проследила за ее взглядом. Смотрит на Тёму, а он тоже бесится так, что, кажется, искра пролетит и парень вспыхнет.

— Что такое? — надо ее отвлечь, хоть чем то, хоть как то. Может даже силой увести отсюда, пока дров не наломала. Ничего перекипит, поорет и успокоится. Наверное.

— У тебя есть резинка? — недоуменно уставилась на нее. Вопросительно перевела взгляд на распущенные волосы подруги. — Нет, не эта резинка. Для мальчиков, которая одевается на...

— С ума сошла, мать?! Ты что совсем умом тронулась? — я ее сейчас стукну. И сразу проблему решу, по крайней мере, на некоторое время.

— Есть или нет? — невозмутимая как удав. Хотя смотрит на меня как на кролика.

— Нет! И нафиг тебе это не надо! Ты чем вообще думаешь?!

— Головой, — практически прошипела мне в лицо. И снова отправилась к бару. За новым коктейлем. Пиндец, здрасте приехали. Что делать то?!

Практически в панике оглядела танцпол — ну как назло, ни одной знакомой рожи! То, блин, на каждом шагу с кем то знакомым сталкиваешься, стоит только в растянутых трениках и грязной головой выскочить за хлебом, то как назло. Закон подлости, мать его, в деле!

Да и нужен не абы кто — кто-то надежный, устойчивый, верный, непрошибаемый и солидно выглядящий на внешность. Кто-то, кто сможет удержаться от соблазна, кто-то... Точно!

— Алло, привет! — практически кричу в трубку. От нервов, от того что музыка громкая или еще от чего — не знаю. Но если он не сможет, тогда не знаю что делать. Точнее знаю, но пахнет членовредительством одной конкретной личности. И плевать что будет потом.

Сергей

— Алло, привет!

Я замонался сегодня на работе в край. Сил нет ни на что, только душ, упасть, желательно все-таки добравшись до кровати, и вырубиться до утра.

— Ну, привет, — дружелюбие не мой конек.

Я в курсе, что произошло тогда, как и обещал, поговорил с Леной и вытянул из нее подробности. Устраивать разборки с ушлепком не стал, хотя и очень хотелось. Простое понимание ситуации — ей не станет лучше от его переломанных конечностей и отбитых причиндалов, будет больно не только ему. А с Леной... я периодически ей звонил, интересовался что и как, но самому подойти к мелочи не смог. И дело даже не в том, что она меня обидела. Не только в этом, обиду я перетерпел, да и было за что, хоть и зацепила не слабо, по живому. Я видел, что каждое мое слово она воспринимает как красную тряпку, и просто устранился, чтобы не провоцировать, чтобы дать ей время успокоиться и придти в себя. Не стать причиной ее срыва. А потом... струсил. Малодушно ушел без боя в этот раз, испугавшись услышать дубль два всего того, что она мне наговорила, но только уже осознанно. Решил дать ей время, все также видя ее во сне.

— Что-то случилось? — вряд ли девушка стала бы мне звонить посередине ночи просто так.

Чем больше я ее слушал, тем большая злость меня душила. Злость, почти бешенство. Мда уж, это она правильно обратилась — я сейчас запросто отшлепаю эту мелкую засранку так, что неделю сидеть на попе не сможет! В какую хрень она лезет? Почему я опять в пролёте?...

— Адрес говори, — внимательно выслушал. — Я постараюсь как можно быстрее. Но минимум пятнадцать минут. Удержи ее, хоть силой, хоть к стулу привяжи! Но чтобы к моему приезду она была на месте! Лично ее выдер... накажу!

Как, однако, звучит...

Черная футболка, темно синие джинсы, мокрые волосы стянул в хвост. В клубе я через семнадцать минут. Захожу и сразу замечаю ее. Это не сложно. Она танцует на небольшом, хорошо освещенном подиуме и привлекает к себе излишнее внимание. Поднял взгляд на второй этаж — да, там тоже дохрена заинтересовавшихся. И есть чем.

Тоненькая невысокая девушка с распущенными темными волосами до середины спины, в короткой черной юбке чуть ниже попы, белая майка на широких бретелях открывает половину спины, спереди вырез до подмышек. Все закрыто практически ничего не показывается на обозрение, но оторвать взгляд от нее взгляд невозможно. Плавные движения под музыку, эротично крутит попой, периодически поворачиваюсь вокруг своей оси. Руки подняты над головой и сцеплены в замок, глаза слегка прикрыты. Я сам не заметил, как оказался почти вплотную около стойки. Сколько при этом я отвесил тумачков и толчков, не сосчитать. Вот только связываться со мной никто не стал. Может быть, виной моя более чем солидная комплекция, может зверский взгляд. Только один раз какой то перец попытался меня остановить, схватив за плечо.

— Эй, слышь ты! В очередь, чувак! Тут много кто хочет... — запнулся наткнувшись на мой взгляд. Разжал руку на моем плече.

— Хочет что? Что-то сделать с моей девушкой? Поясни! — потребовал я, уже сам хватая его за плечо. Вот только я сжал его на порядок сильнее. Не зря столько времени с железом работаю — парень скривился от боли, попытался увернуться. Сдаваясь, отвел взгляд от моей мелочи.

Музыка сменилась, движения тоже. Теперь она ходит вокруг шеста, как будто примеряясь. Прижалась к нему спиной, присела на корточки, плавно прогнувшись в пояснице, выставляя вперед грудь, плавно же развела колени в стороны, сразу наклонилась, лишь чуть засветив черными плотными трусиками, практически коснулась волосами пола.

Выпрямила ноги, оказавшись попой кверху, затем выпрямилась сама, плавно и медленно, резко развернулась лицом к шесту. Погладила его самыми кончиками пальцев, я сглотнул, моментально представив, что еще она может погладить вот также. Согнула ногу в колене, охватив ею шест, поворот вокруг него, оторвавшись от пола. Раздались крики, ободряющие и предвкушающие.

Ко мне пробралась Ленка, передала крохотную женскую сумочку на тонкой цепочке. Молча повесил ее себе на плечо, также, не произнеся ни слова, благодарно кивнул Маринкиной подруге. Она осталась стоять рядом со мной, а я почти сразу перестал обращать на нее внимание. У меня есть гораздо более важный объект для наблюдений.

Мне захотелось, просто нестерпимо, схватить ее в охапку и спрятать ото всех. Но и смотреть на нее хотелось без отрыва. И хрена с два я кому то позволю прикоснуться к ней.

Все также скользит вокруг шеста, то отдаляясь от него, то прижимаясь к нему вплотную, обхватила его руками, ногами, крутится вокруг него в воздухе. Медленно соскальзывает на пол, выгибается практически на мостик. Поднятая вверх стройная ножка открывает вид на черные трусики, что сильно смахивают на маленькие шортики, плотно обхватывают круглую попку. Отлавливаю еще одного шустрика за плечо, что рванул слишком близко к моей девочке. Моей! И точка. Неожиданно оказывается почти на краю подиума, в десятке сантиметрах от меня, сталкивается со мной взглядом. Удивление в ее глазах, улыбка коснулась губ. Останавливается и проводит пальцами по моей щеке, неотрывно смотря на меня огромными глазами. От нее легкий запах алкоголя, румянец на щеках лишь подтверждает слова Ленки, что на сухую она сюда не вышла. А я бешусь! Потому что приходится сильно, до хруста, сжимать пальцы в кулаки, чтобы не схватить ее и не утащить... к себе. Она ведь этого добивается?!

Она снова у шеста, делает волну, раз, второй, третий. Смотрит неотрывно только на меня, кажется, что танцует для меня. Испытывая мучительное чувство собственника, на девушку которого пялится как минимум два десятка мужиков. Голодными глазами следят за каждым движением. Мля...

Смелее и откровеннее танцует около шеста, изгибается, демонстрирует гибкое тело, не открывая для нескромных глаз вообще ничего, и... смотрит, призывно, искушающее. Только на меня, неотрывно, глаза в глаза.

А я жду. Просто жду, просто хочу увидеть все. Да и оторваться не смогу, нет сил моих на это. Жаркая, страстная, раскованная и доступная, на расстоянии вытянутой руки. А у меня стояк. Я откровенно и честно сам себе могу признаться, я хочу ее до боли.

Музыка, наконец-то, стихает. Без лишних слов сгребая девушку в охапку и уношу в сторону выхода. Она слегка дрожит, прижимается ко мне всем телом, спрятав лицо на моей груди. Я чувствую ее горячее дыхание через ткань футболки, ее тепло обжигает и заставляет думать лишь об одном. Именно о том, на что я не имею права. Не так, не сейчас, не под алкоголем, не от ее безысходности, не от чувства мести ушлепку. Не воспользовавшись ее состоянием.

И от этого сказать, что мне хреново, это ничего не сказать вообще.

Сажая ее в машину, пристегиваю ремень, сажусь сам и резко стартую с места. Пока я еще как то держу себя в руках. Это не долго, перед глазами мелькают картинки того, что она сейчас делала. Как танцевала для меня. С кем бы она сейчас была, если бы я не приехал, не успел, не знал. Сжимаю руль до скрипа кожи, педаль в пол до упора. Мы долетели за десять минут. Девчонка сидела, сжавшись на сидении в комочек, смотря в окно, ни слова не говоря,

и, по-моему, и пребывая явно не тут.

Только мы остановились, и я хотел выйти из машины закурить и малость успокоить нервы.

— Гре.

Перевел на нее взгляд. Что-то в ее голосе, в этом коротком слове заставило пристально всмотреться в ее лицо.

— Ты знаешь, зачем я это делала, — продолжаю пристально смотреть на нее, не говоря ни слова. — Мне нужно. Пожалуйста, — о чем она меня просит? — Я прошу тебя, — срывающийся шепот, я больше угадываю по губам, чем слышу, что она мне говорит. — Пожалуйста, — я продолжаю молчать, пытаюсь взять себя в руки. Я понял, о чем она говорит, меня это бесит так, что перед глазами все плывет. От того, как именно и что конкретно ей надо. Из-за кого. — Неужели я так противна тебе?

От последней фразы меня словно облили ледяной водой. Бешенство схлынуло, а я, наконец-то, увидел её слезы. Все лицо мокрое, паника в глазах и такое отчаяние, что я себе и представить не мог.

Протянулся к ней рукой, вытер щеку, стараясь действовать осторожно и не сделать больно. Мои руки так привыкли к железякам, что дрожат от напряжения и попыток прикоснуться к ней очень аккуратно. А она еще и потерлась о мою ладонь щекой, чуть прикрыв глаза. Защемило где-то в груди. Только один поцелуй. Только один, просто вспомнить ее вкус.

Наклонился медленно, давая ей возможность отступить, оттолкнуть меня, опомниться и не совершить ошибку, после которой хорошо, если возненавидит только меня. Прикоснулся к губам, слегка соленые от слез, чуть припухшие. Кусала губы когда ехали? Дурак, я и не заметил...

Сама потянулась ко мне. Судорожно, неуверенно, слегка подрагивая. А я уже притягивал ее за шею к себе все ближе. Мне мало просто попробовать, мне нужны они, мне нужна она вся.

— Остановись, малышка! — молю ее, шепчу в открытые губы. — Остановись сама! Я не в силах. Ты будешь потом жалеть, потом будет хуже. Ты не должна идти на это. Только не так.

— Нет! — еще и отрицательно качает головой, при этом трется своим губами о мои. — Нет, пожалуйста. Я хочу... я хочу, чтобы это был ты! Мне... я больше не могу! — жаркий шепот, вновь текут слезы. — Пожалуйста, Сереж. Покажи мне. Пожалуйста, — сама тянется ко мне. Нежно касается мягкими губами к уголку моих, вымаливая ласку.

И мне сносит крышу. Целую ее сильно, со всей отдачей на какую способен. Наверное, только для нее. Я не заметил, как перетащил ее поближе к себе, и теперь она сидит практически посередине сидений. Ближе не получается — мешает пристегнутый ремень безопасности.

— Я на привязи, — тихо хмыкает девушка, поглаживая мою щеку. Смотрит на меня с ожиданием и страхом. — Гре?

В ответ лишь целую ее снова, крепко, но больше растягивая удовольствие, выпивая сладкое дыхание. Я не смогу уже остановиться, это сильнее меня.

Заношу ее в подъезд на руках, поднимаюсь на этаж. Всю дорогу она молчит, просто прижимаясь ко мне, я чувствую ее дрожь. А еще чувствую, как судорожно цепляется тонкими пальчиками мне в футболку, обнимая за шею. Как будто я убегу. Как будто смогу

это сделать. Удерживаю ее одной рукой под коленями, второй нашариваю ключи и открываю дверь.

Два сухих щелчка замка, темнота в прихожей. Опускаю ее на ноги. Стою за спиной, ощущаю ее запах, чувствую эмоции по вытянутой в струнку спине — страх, отчаяние, смущение. Наверное, еще стыд. Чуть сжимаю ладонями ее плечи, не приближаясь, но и отойти уже не в состоянии.

— Марин, остановись! Прогони меня, пока я еще могу уйти, — практически шепчу ей на ухо.

Замирает на секунду, а потом разворачивается ко мне лицом, сокращает расстояние между нами. Стоит вплотную, заглядывает в лицо. Приподнимается на пальчиках, одна ее рука на моем плече, вторая на затылке. Тянется ко мне, легкое прикосновение ее губ к моим, и еще одно, и еще. Я не отвечаю, просто даю ей возможность прекратить, остановиться пока не стало поздно, осознать, что именно и с кем она делает. Мягкие губы настойчивее, касания отчаяннее, сильнее.

— Я уверена. Мне это надо, я хочу. Прошу тебя, — прерывистый шепот чередуется с ее поцелуями. Прижалась ко мне еще плотнее. Чувствую через тонкую ткань тепло тела. Обнимаю, прижимаю ее, все сильнее. И чем ближе она ко мне оказывается, тем сильнее у меня сносит крышу. Целую ее в ответ, перехватываю инициативу. Ее нежные касания перебор для меня, я не в состоянии их терпеть. Мне надо больше! Именно сейчас, именно ее!

Глава 21

Марина

После третьего коктейля я немного расслабилась. Наверное, это можно принять за опьянение, и если бы еще голова не кружилась, было бы вообще отлично. А так все перед глазами плывет и кружится, как вертолетик, очень неприятное ощущение. Но своего я добилась однозначно — стало пофигу на все. Равно как и на бешеный взгляд Тёмы, и на Батти, что кружилась около меня неотрывно и хватала за руки, пытаюсь удержать на месте. Я оставалась восхитительно равнодушной... И удержать меня от танца на площадке она не смогла.

Подиум освободился, я, на минуту все же задумавшись, залезла на него. Ободряющие крики не заставили себя долго ждать — еще бы, такое развлечение. Одно радует, все ведут себя более чем прилично, никто руки не распускает. Ритмичная музыка, то, что надо для разминки. К шесту пока не подхожу, просто танцую рядом с ним. Для уверенности слегка прикрыв глаза, на виду у большого количества парней, которые смотрят на меня с вполне определенным интересом, несколько смущаюсь. А так глаза прикрыла, музыку почувствовала — и все в шоколаде, как будто я по-прежнему в толпе.

По всей вероятности следующую композицию поставили специально для меня — уж больно тягучей она была, периодически взрываясь резкими аккордами. Самое то для танца около пилона. Пора попробовать, наверное?

И если поначалу я была напряжена, было на самом деле страшно и неудобно, то постепенно стала расслабляться. Что было причиной этого? Может быть, дружелюбно настроенная аудитория из молодых ребят, что подбадривали меня хлопками и вниманием. Может быть, алкоголь, что бродил в моей крови. А может быть осознание того, что тут есть один единственный человек, ради которого я и начала этот танец-прощание? Наверное, все вместе.

Оказываюсь на краю подиума и проваливаюсь во взгляд таких знакомых, темно-серых, как грозное небо, глаз. Теплый, внимательный, строгий, немного напряженный и такой родной, я так скучала по нему, не передать словами. Эти почти четыре месяца я корила себя за сказанные слова, но пойти на примирение не хватало храбрости. И вот теперь он рядом со мной, смотрит на меня с... интересом? Мужской ласковый и жадный взгляд, в котором хочется раствориться. И я неожиданно для себя танцую только для него, смотрю только в его глаза, только в них тону, не замечая ничего и никого вокруг.

Музыка заканчивается, я оказываюсь на руках у Сереги, неожиданно, но приятно. Прижимаюсь к нему, мне тепло и так комфортно, что не хочется остаться без этих таких надежных объятий. А вот Серый на грани, держит себя из последних сил. На что он злится? Все еще не простил меня? Да, я знаю, я виновата перед ним, столько всего ему наговорила тогда. Хочу извиниться, но напряжение ощутимо в воздухе, чувствуется вибрацией на коже. И это вызывает какое то неправильное чувство в солнечном сплетении — как будто узел закручивается все сильнее и туже. Пытаясь успокоиться, кусаю нижнюю губу. Не помогает, только и могу, что молчать, все сильнее вжимаясь спиной в сиденье.

Вот только холод в душе никуда не делся, мне все также паршиво. А когда я получила такую ненавязчивую, но такую нужную заботу от парня, стало еще холоднее. Будто пригрели мимоходом, а потом опять выкинули на улицу. И бьется мысль набатом в голове: "Хочу опять оказаться в его руках, наконец, согреться в так необходимом мне тепле"...

Машина останавливается, и понимание того, что я опять останусь одна, отзывается ужасом и мелкой дрожью в теле.

— Гре...

Вздрогнул и смотрит прямо на меня, неотрывно, пристально, слегка нахмурившись...

— Ты знаешь, зачем я это делала, — гляжу прямо на него, пытаюсь по глазам определить реакцию на мои слова. А он молчит, все больше каменеет, у меня все обрывается внутри. — Мне нужно. Пожалуйста, — молчит, все равно молчит. Как же мне донести до тебя то, в чем сама не могу разобраться! — Я прошу тебя, — голос срывается в чуть слышную мольбу. Чувствую влагу на губах, и только тогда осознаю что плачу. Все расплывается в глазах, не вижу больше выражение его лица, могу лишь догадываться о том осуждении, что неизбежно вызовут мои слова. Но мне уже совершенно все равно. — Пожалуйста, — молчит... Неожиданно я все поняла, все намного проще, чем можно предположить, и от этого становится еще хуже. Злая ирония судьбы — ему я не оказалась нужна даже для секса... Но не спросить не могу, должна, обязана все выяснить до конца. — Неужели я так противна тебе?

Меня уже просто трясет, отчаяние накатывает опустошающими волнами. Больно, холодно, противно от самой себя. Мерзко на душе, снова напросилась и снова... Что со мной не так?! Почему я никому не нужна? Неожиданное теплое прикосновение к губам. Поцелуй, нежный, аккуратный, ласкающий, приносящий странное спокойствие и умиротворение. Вдруг попытался отстраниться от меня... Нет! Не отпущу, не хочу и не могу. Хочу продолжить, хочу еще...

— Остановись, малышка! — шепчет мне в губы. Не хочу. — Остановись сама! Я не в силах. Ты будешь потом жалеть, потом будет хуже. Ты не должна идти на это. Только не так.

— Нет! — для большей уверенности в моих словах отрицательно машу головой, при этом касаюсь его губ, таких плотно сжатых своими полураскрытыми. — Нет, пожалуйста. Я хочу... я хочу чтобы это был ты! Мне... я больше не могу! — я вспомнила, зачем все это

начинала, какова была изначальная цель. — Пожалуйста, Сереж. Покажи мне. Пожалуйста, — если понадобится, я буду уговаривать, упрашивать, умолять. Мне так хочется оказаться ближе к нему. Наверное, можно сравнить только с желанием сильно замерзшего человека оказаться около согревающего очага. Вот и Гре мой персональный очаг.

И наконец-то целует меня так, как я могла только мечтать — сильно, крепко, уверенно. Я растворяюсь в этом поцелуе и не могу думать ни о чем другом, кроме как о теплых губах, влажном языке у меня во рту, что играет с моим, и сильных руках, что притягивают к себе. Не сразу понимаю, что именно мне мешает быть ближе к парню — ремень безопасности. Сильно давит мне плечо, впивается замком в бедро, я на нем практически сижу, и это больно.

— Я на привязи, — получается только тихо фыркнуть. Смотрю в его глаза и безмолвно молю его не уходить, не оставлять меня сейчас когда он мне жизненно необходим. — Гре?

И еще один поцелуй, теперь уже медленный, лишь обещающий. Смакующий меня. Перехватило дыхание, но после таких ощущений я готова не дышать, это стоит того.

Вытаскивает меня из машины, не давая ступить ногами на дорогу, держит на руках так, словно я и не вешу ничего. Высоко, крепко прижимая меня к груди. А я сжалась в комочек, обхватила его руками за шею, буквально вцепилась в него мертвой хваткой. Снять меня отсюда можно только с частью его одежды. И то не факт. Буду сопротивляться до последнего, но парня без боя не отдам. Даже если мне придется бороться с ним самим...

Мы в квартире, его ладони на моих плечах обжигают сквозь тонкую ткань, но мне хочется большего.

— Марин, остановись! Прогони меня, пока я еще могу уйти, — шепот и горячее дыхание чувствую кожей.

Уйти?! Куда?! Не отпущу! Не могу опять остаться одна, это будет конец...

Разворачиваюсь, прижимаюсь, лгну к нему всем телом. Ну же, помоги мне, намекни, что именно сейчас нужно. Единственное, до чего я сейчас могу додуматься — поцелуй. И чего я сейчас безумно хочу, вновь ощутить его защиту, этот покой, что накрывает меня покрывалом в присутствии Гре. Тянусь к нему, но он такой высокий, приходится практически вытянуться в струнку на самых кончиках пальцев, чтобы достать до его губ, повиснув на плечах. Тем более что и парень не собирается облегчить мне задачу. Но я же упрямая, правда? Еще и еще, и только напряжение в его теле и учащенное сердцебиение показывают мне, что ему не все равно. Ну же, пожалуйста! Мне на надо много, лишь капельку твоего тепла, лишь чуть-чуть ласки, хотя бы мимолетной.

Сдерживая готовые прорваться слезы, шепчу в сомкнутые губы:

— Я уверена. Мне это надо, я хочу. Прошу тебя, — стараюсь вспомнить хоть что-то из моего более чем скудного опыта и не могу. Лишь прижимаюсь крепче, вцепившись намертво пальцами в его футболку.

И, наконец, чувствую реакцию, получаю отдачу. Да еще как! Меня сжимают так сильно, что остаток воздуха вылетел судорожным выдохом из груди. И получаю настоящий поцелуй, тот о котором молила — сильный, уверенный поцелуй мужчины, который целует женщину. Совсем не то недоразумение, что я дарила секунду назад. Полностью отдаюсь в его власть, растворяюсь в этих ощущениях, тело как пластилин — лепи что хочешь, что душе угодно делай со мной. Только не отнимай эту видимость нужности и необходимости. Только не сейчас, только не сегодня.

Подхватывает меня под попу, держит на весу. Крепко обнимаю за шею. Подумала

секунду и обвила ногами его за талию. Не прекращая целовать, несет меня в комнату. Темно, она освещена только светом из окна от уличного фонаря. Садится вместе со мной на руках на кровать, губы уже переместились на подбородок, слегка прикусывая кожу. Откинула голову назад, открывая большой простор для действий. Хочу близости, хочу именно с ним. Горю в его руках...

— Гре... — прошептала я. — Ты должен знать... я не знаю, как себя вести...

— Тшш, тихо, малышка. Все хорошо, просто расслабься, — тихий шепот уже у меня на шее.

Теплые губы медленно целуют бешено колотящуюся жилку, спускаются к ключице, опускает меня спиной на покрывало. Что-то шепчет попутно, но что мне не понятно. Я полностью растворилась в новых для меня ощущениях. Каждое касание обжигает, вызывает произвольную дрожь во всем теле, мышцы чуть подрагивают, сжимаются. Руки под майкой гладят живот, медленно, но уверенно поднимаясь все выше, касаются пальцами белья, с готовностью чуть приподнимаюсь, майка улетает в сторону. Мне жарко, невероятно жарко, движения сильных рук на спине и противовес мягких касаний губ на груди, чуть выше уровня чашечки лифчика. Щелчок, свобода, я помогаю как можно скорее избавиться от мешающей одежды. Каждое прикосновение чего-то кроме его рук раздражает.

Он смотрит на меня с таким выражением на лице, как будто нашел что-то для себя настолько ценное, что не может до конца поверить в свою удачу. Мне чудится нежность в его глазах, не иначе, алкоголь и нервы играю со мной злую шутку. Ласкает губами грудь, одной рукой под моей спиной чуть выгибая себе навстречу, произвольно вздрагиваю. Поглаживает большим пальцем сосок, успокаивая и возбуждая одновременно, он сжимается в горошинку и неожиданно дает мне острые ощущения от прикосновений, тихий стон почти сдержала, закусив нижнюю губу. Произвольно подаюсь вперед, выгибаюсь и сама подставляюсь под ласку. Прикрыв глаза, обнимаю его за плечи. И так хочу оказаться вплотную к нему, ощутить прикосновение кожи к коже, не к ткани как сейчас. Уже не понимая, что делаю, прижимаюсь к парню всем телом, и чувствую приятную тяжесть внизу живота. Как будто скручивается пружина, стон хочу сдержать и это сильнее меня — не могу. Совершенно неосознанно запускаю пальчики в его волосы, натываюсь на стягивающую их резинку и, снимаю ее, даю волосам свободу. Немного влажные, густые и чуть вьющиеся под моими пальцами.

А губы спускаются все ниже — они уже на животе, немного щекотно от горячего дыхания, которое обжигает и заставляет предвкушать большее. О стыде и стеснении даже не вспоминаю — все возрастающее напряжение внизу живота от ласк выбивает любые мысли кроме как о парне, что сейчас рядом со мной.

Шорох расстегиваемой молнии, заставил открыть меня глаза и перевести взгляд вниз. Серега смотрит неотрывно на меня и медленно спускает юбку вниз. Смотрит с ожиданием и напряжением во взгляде. Сжимаю колени и приподнимаю бедра, чтобы элемент одежды снять с меня было проще. Юбка на щиколотках, на мне еще трусики. Все также удерживаю бедра приподнятыми, сама тянусь руками и начинаю стягивать их дрожащими, не слушающимися меня пальцами. Сережка внимательно смотрит мне в глаза, кажется, что читает мои эмоции и чувства. Когда трусики уже на середине бедра, одним движением стягивает их с меня и отбрасывает в сторону. Не сводя с меня глаз. Судорожно вдыхаю и опускаю бедра на кровать, расслабляю ноги. И смотрю в глаза парню. Я готова, я хочу его, очень.

А он наклоняется лицом почти вплотную ко мне и касается губами низа живота, все также смотрит мне в глаза и ласкает рукой грудь. Дрожь желанья накрывает горячей волной. Уверенно раздвигает рукой мои ноги, обхватывает ладонью под попу. Мое бешеное сердцебиение наверно слышно на всю комнату, да что там — на всю квартиру. Мелькнул где то на периферии сознания огонек стыда — между ног влажно, да как сильно-то.

Снова что-то шепчет мне, и снова я не могу разобрать ни слова. В голове туман, на каждое движение рук и языка мое тело реагирует сладкой истомой и дрожью. От прикосновения пальцев на меня все сильнее накатывают волны удовольствия, стоны все чаще, ниже, слаще. Я полностью открыта для него его руками, вся перед ним, бесстыдная, возбужденная, желающая его. Хочу его до темноты в глазах, хочу получить все, что он мне может дать еще. И отдать в ответ все что есть...

Его руки, длинные пальцы, его губы, уверенный, настойчивый язык, раз за разом заставляющий меня чуть вздрагивать, стонать, выгибаться от наслаждения, судорожно втягивать живот, и желание раствориться в парне, без остатка.

— Гре... пожалуйста...

Но, словно издеваясь, движения становятся медленными, дразнящими, лишь обещающими, но не дающими мне все то, чего я так жажду. Я до потери пульса хочу продолжить эту сладкую пытку, но и хочу получить... Но... снова, и опять, и еще... и нет больше сил терпеть...

— Прошу тебя... — готова умолять его о той помощи, что только он мне сможет оказать.

И получаю — несколько резких движений пальцами. И вдруг судорожно сведенные внутренние мышцы отпускает, как будто рвется эта сжатая пружина внутри. Полустон — полукрик, воздуха внутри просто не хватает, вцепилась в покрывало, пытаюсь удержаться на месте, не провалиться от бури внутри, подаюсь навстречу его руке, ловлю ее последнее движение, и суматошно бьется сердце, грозитя выскочить из груди и искры перед зажмуренными глазами. И я, выгнувшая спину в мостик. Мой первый в жизни оргазм. Охрененно.

Пытаюсь найти свое дыхание, собрать свое тело из кусочков, что рассыпались по всей округе... и вдруг. Поцелуй. Замерла под ним, вдохнув воздух и не смея его выдохнуть. Болезненно-сладкий, отчаянный. Прихватил зубами мою нижнюю губу, почти лежа на мне, облокачивается на локти по сторонам от моих плеч. Снова чувствую его руки — гладит меня по лицу, касается влажных волос на висках, отводит прилипшую прядь волос ото лба. Отпустил губу с тихим чмоком и снова впился губами в мои губы, мне послышалось тихое рычание. Недоуменно открыла глаза и испуганно замерла — прямо напротив меня лицо Сереги. Нахмуренные брови как обычно бывает когда он злится, чуть сощуренные глаза когда расстроен, лихорадочный румянец пятнами на смуглых щеках. И боль во взгляде... А почему я все это вижу? Было темно, теперь же горит ночник, рассеянным и приглушенным светом освещая лицо склонившегося ко мне парня. Отпустил мои губы, прижался к щеке щекой с уже пробивающейся щетиной, легко поцеловал под ушком, тяжелое дыхание опалает меня жаром. Я подняла дрожащую руку, вновь запуская пальцы в его волосы, слегка погладила затылок. От невинной ласки он резко поднялся с меня, слегка оцарапав нежную кожу щетиной, встал около кровати, не сводя с меня глаз. А до меня только сейчас дошло в каком виде я лежу — обнаженная, с раздвинутыми слегка согнутыми в коленях ногами. Сразу стало холодно. Быстро сдвинула ноги, поднялась на кровати, опираясь на локти,

приняла сидячее положение. И протянула Сергею руку, приглашая к себе.

А он... развернулся и ушел, ни слова мне не сказав. Несколько секунд вечности в тишине, щелчок замка, хлопнула, закрываясь, входная дверь.

Все еще не веря, сижу на кровати и жду. Жду, когда он вернется, что-то мне скажет, обнимет, поцелует или просто окажется рядом. Не отдавая отчет в том, что я делаю, поднесла руку к губам — все еще чувствую на губах его вкус. И свой собственный — чуть сладковатый и чуть терпкий, сложно объяснить словами. Недоумение, растерянность, непонимание. Стягиваю покрывало с кровати, неуклюже накидываю на себя, прижимая уголки на груди. Слегка путаюсь в длинной ткани, что хвостом тянется за мной, теща себя надеждой, иду в коридор. Темно. На кухню — также темно и тихо. Я одна в квартире. В темноте, в пустоте, в одиночестве.

Пробился истерический смешок — мужик от меня сбежал. Сделал мне приятное, только чтобы отвязаться, и сбежал. Подошла к входной двери, протянула руку, чтобы открыть. И опустила ее, так ничего и не сделав. К чему? Орать на лестничную клетку "Вернись ко мне, мы не закончили?" или, еще лучше, "Кто следующий"?? от подобных мыслей саму себя передернуло.

Горячий душ. Понятия не имею, сколько времени я простояла под сильными потоками воды. Повернула кран, открывая холодную воду, задохнулась от ожидаемой, но все равно неожиданной смены температуры воды. Больно? Нет, что удивительно. Обидно? Да. Оказалась просто напросто неинтересна как женщина. Зачем же тогда надо было так меня ласкать? С такой нежностью и страстью сжимая мое тело, лаская меня таким способом, доводя до исступления? Вспомнила, что он делал со мной на покрывале, и меня обдало жаром, а внизу живота предательски заныла давешняя пружина... и так благодарна ему — мне было потрясающе, я была готова раствориться в его руках, умереть спустя мгновение. И ничего не потребовал взамен.

Когда я почти спала, что получилось практически сразу как голова коснулась подушки, пришло озарение. Он был не со мной. Это была дружеская поддержка — чувствовал, что мне нужна разрядка и дал мне ее. Я... я просто украла ласки, что предназначались не мне. Воровка, бесстыдная и бессовестная. И ощутила жгучую зависть к его любимой девушке, к которой он ушел.

Глава 22

Сергей

Работа. Работа. Работа. Кажется, я это уже говорил?

Повторюсь. Только работа.

Ухожу из дома в районе семи утра, прихожу уже ближе к полуночи, если вообще есть желание возвращаться домой. Сколько времени прошло? Не знаю.

Брешу, как последний дворовой ободранный пес, сам себе, бессовестно и мелко.

Мля, я слабак и тряпка, виню за слабость. Вот только иначе не могу. Хоть убей меня — всё легче не станет. Чем барахтаться в той бочке дерьма, в которую я сам себя загнал. Сижу в ней, по самые уши, и уже не знаю, как выбраться.

Вот уже две с половиной недели. Сегодня девятнадцатый день.

Девятнадцать, мать его, дней, как я позорно сбежал из квартиры девушки! Которая доверилась мне, и хотела быть со мной той ночью. И с которой хочу быть я. Вот только так я не могу и не хочу. Не хочу воспользоваться ее отчаянием, ее болью. Она потом себе не

простит, а меня возненавидит. А что потом делать мне?...

Сколько раз я знакомился с девчонками в клубах, на вечеринках, цеплял цыпочек на улице, когда они прогуливались трогательными парочками в поисках приключений на свои аппетитные задницы в мини. И в большинстве случаев за этим следовал быстрый защищенный секс без обязательств, на нейтральной территории в виде туалетов, укромных закутков, порой подъездов, иногда жилплощади девчонок. Не помню, сколько раз это было — давно сбился со счета. Да, на самом деле, и не считал.

Сделал дело, приятное обоим, и забыл. Они для меня, как собственно и я для них, лишь средство получить определенную дозу удовольствия. Всё удобно, все в ажуре.

И вот нашел гемор на свою задницу — оказаться лишь средством для девушки не захотелось. Точнее, нет. Хотелось и очень, но не просто быстрым и без обязательств, а долго, всерьез и со всей ответственностью. Одна беда — мне это надо, а ей — нахрен не вперлось.

Я ушел от нее в ту ночь не далеко — всего-то до коврика под её дверь. Сидел на нем, прислонившись спиной к металлической двери, и слушал её тихие шаги по квартире. Когда она остановилась около двери, напрягся. Но не сбежать я хотел, наоборот, если бы она открыла дверь, остался бы с ней. Ровно до того момента, когда захочет меня выгнать. Из своей квартиры, из своей жизни — не важно. Поманит к себе — и побегу, виляя хвостиком. И гордость тут не причем, вот прям совсем. Но... дверь не открылась, послышался то ли смешок, то ли всхлип, шаги отдалились, все стихло. Я просидел до рассвета, охранял ее покой. Думал, рассуждал, уговаривал сам себя, что если я сейчас постучусь к ней, займу ее территорию — это будет по-мужски. Завоеватель, иопта... Она женщина? Да! Я мужик? Однозначно! Что делает мужчина с понравившейся женщиной? Покоряет всеми доступными и недоступными способами, тащит в свою пещеру, и любит ее до окончательной потери сил и терпения... "и жили они долго и счастливо"...

Вот только как быть, если она надежно поселилась в моих мыслях, а я для нее всего лишь способ отвлечься от человека, мыслями о котором живет она. Я не дурак, и прекрасно понял из-за чего, точнее, кого она затеяла это представление с танцем у шеста. Я видел этого ушлепка на втором этаже, видел, как он пожирал ее глазами, раздевающий взгляд, жадный, горящий. Наверное, такой же был и у меня... В тот момент я, как никогда, был близок к причинению тяжкого вреда здоровью. Но то, что клуб она покидала на моих руках — смыло кровожадность прохладой нежной кожи под моими пальцами. Меня буквально разрывало изнутри, когда я снимал трусики с ее тела — кого она сейчас представляет на моем месте? С кем она — со мной или с ним? То, что она стонала мое имя было бальзамом на мою душу. Я удержался в последний момент, чтобы не раздеться и не взять ее после того, как тонкое тело обмякло в моих руках, хотя мне до чертиков хотелось оказаться в ней и любить ее, на сколько хватит сил. Но сделать это — значит привязать Мару к себе, загнать ее в ловушку, безжалостно и бесповоротно. Капкан, в который она бы угодила, со всеми сопутствующими в виде депрессии, самобичевания из-за совершенной ошибки под действием алкоголя и обстоятельств, снова отчаяние и падение на самое дно апатии. Настойчиво твержу сам себе, что оральную ласку она не воспримет так серьезно как полноценный секс... Надо же себя как то успокаивать.

Мужик увидел, мужик покори, мужик сделал счастливой! Нихрена не так просто. Я больше чем уверен, что уже утром, когда дурман в ее голове развеялся, она была бы в ужасе от совершенного. И будет ли она после такой опрометчивости моей хоть когда то? Вряд ли.

Скорее бы сбежала от меня в панике и без оглядки, и исправить я уже бы ничего не смог. Я так хочу, чтобы она была со мной, говорила, смеялась, согревала своим теплом, дарила свою ласку и нежность. Слышать свое имя в ее страстных столах, ласкать ее, любить ее, обладать всей без остатка. Если моя — то до последней клеточки. И точка. Звучит красиво, а в душе кошки насрали...

Принял единственно верное решение — отойти в сторону, пока избегать даже напоминания о себе, не видеть, не слышать, дать успокоиться и ей, и себе. Когда-нибудь все изменится.

Как быть с сукой-памятью, которая настойчиво раз за разом подсовывает картинки обнаженной хрупкой девушки на покрывале в теплом свете ночника, что стонет от моих ласк и выгибается под моими руками? И почти каждую ночь я слышу в своем полубреду: "Гре... пожалуйста..." И просыпаюсь, наяву чувствуя ее будоражащий кровь запах, от одной только мысли о ней в паху напряжение до боли. Кажется, что дотронься только — и меня разорвет от напряжения. Дотронься, но сработает это лишь с одной девушкой. Все остальные параллельны. Я проверял, ничего не получилось, еще до той ночи. И дело тут не в мужской состоятельности, дело в нежелании размениваться на сахарозаменитель когда попробовал мед.

Я честно прятался от нее все эти дни. Позорно и трусливо избегал. А по ночам смотрел на ее окно. И часто мне виделся светлый силуэт на подоконнике. Не иначе начались глюки или я схожу с ума. Не знаю, сколько раз я собирался позвонить, просто услышать ее голос. Столько раз хотел подойти и... что? Да хрен его знает что! Подойти и сказать: "Привет, малышка! Как дела? Ты не бери в голову, что я тогда сбежал от тебя. Да и то, что исчез бесследно, тоже в порядке вещей..." Или обнять, прижать к себе и никогда больше не отпускать... Одно радует — ей стало легче, ее боль мне удалось развеять. Хотя, я не уверен, что своим побегом не обидел ее и не сделал еще хуже.

Я сидел в машине с открытой настежь дверью, уже давно, просто откинувшись на подголовник, просто в полудреме. Домой идти не хотелось совершенно. Башка болела и кружилась от постоянного недосыпа, в глазах песок и сухость. Жара на улице, хоть живьем варись, а в офисе комфортные двадцать. Перепад почти столько же при курсировании: офис — гаражный бокс — и снова офис разгребаться с электронкой, шестнадцати часовой рабочий день толком без еды, ночи практически без сна и отдыха привели к тому, что мне сейчас невероятно хреново. Я кое как собрался с остатками сил и решил-таки доползти до родной кровати, вышел из машины, щелкнул сигналкой, в тишине летнего вечера она прозвучала неожиданно громко. И застыл, буквально почувствовав между лопатками ее взгляд. Подавил трусливое желание молча уйти и развернулся к ней лицом.

Мара. Как раз подходила к своему подъезду когда услышала резкий звук и заметила меня. Замерла испуганным зверьком, пристально смотрит на меня. И, по моему, подумывает о побеге...

А я стою в паре метров, смотрю на нее и молчу. Что сказать, не знаю.

— Привет, — глубоко вздохнув, первой начинает она.

— Привет.

— Наверное, следующей фразой должно быть "Как дела"? — бросает на меня быстрый взгляд.

— Паршиво звучит, однако, — невесело усмехнулся я, нечаянно оказавшись слишком близко, сам не понял, как шагнул ей навстречу.

— Паршиво выглядишь, однако. Что-то случилось? — слегка нахмурившись, девушка на полшага приблизилась ко мне. Замерла, закусив нижнюю губу, напряженно всматриваясь в мое лицо. И совершенно неожиданно сократила между нами расстояние и прикоснулась ладонью к моему лбу. — Боже мой, Гре! Ты мокрый и ледяной, как мышонок! — схватила меня за руку, прощупывая пульс. Замолчала на несколько секунд, а я впитывал ее близость рядом с собой, ее запах в смеси с ароматом ее духов. Так бы вечно стоял. — У тебя упадок сил или ты перегрелся... Ты ел? — отрицательно покачал головой. — Пошли. И без разговоров! — нахмурилась, потянула за собой. А я, как покорный щенок, побрел за ней...

— Душ в твоём распоряжении, — обернулась ко мне, как только мы поднялись в квартиру и она, бросив ключи на тумбочку в коридоре, строго посмотрела на меня. — Без возражений! Спорить и доказывать мне ничего не надо, просто послушай и сделай, как я говорю.

Развернулась и пошла в комнату. А я поплелся в ванную. Прохладный душ мне и правда не помешает. Смыть с себя доказательства брутальности надо, пованивают.

— Полотенце, — без стука чуть приоткрыла дверь, просунула руку и повесила его на ручку двери. И нет, я не полез в ванну в ее доме, я до такого еще не докатился. Но ополоснуть потную спину и подмышки, совершенно не против. Просто засунул всю верхнюю половину туловища под струю воды, без разницы, что пояс джинсов тоже мокрый. Хорррошо. Просто накинул на плечи полотенце, чтобы вода с длинных волос не стекала до пола.

— Мариш, — я хотел попроситься и уйти, но меня прервали.

— Ешь. С квасом делать не стала, на пустой желудок скрутит, поэтому с холодной простоквашей, — и поставила перед моим слегка вытянувшимся фейсом глубокую миску с крошкой. Посмотрел на нее и невольно сглотнул слюну — с большим количеством зелени, в меру густая, сильно мясная, с красными кусочками редиски, все как я люблю.

Надо ли говорить, что миска опустела моментально? Не надо. И тут же мне подставила прямоугольный контейнер с заливным, пододвинула нарезанный хлеб. Ошарашено поднял на нее глаза — стоит и усмехается на мою перекошенную рожу.

— Не отвлекайся, — присела напротив меня, держа в руках высокий стакан с молоком или кефиром.

— Кофе, чай, шоколад? — совершенно невозмутимо поинтересовалась, когда уже и лоток с заливным опустел. Не сказать что мне стыдно, не в первый раз она меня кормит, готовила она всегда хорошо. Но я чувствую себя неуютно, хотя, бесспорно, еда и присутствие девушки практически реанимировали меня. Вот только я понятия не имею, как мне быть и что мне делать, говорить, как извиняться. И знаю, что обязан это сделать.

— Мар, нам надо поговорить.

— О чем? Я всего лишь спросила, что ты будешь пить, собираешься на эту тему подискутировать? Нет? Я так и думала. А больше нам говорить не о чем.

— Ты не права.

— Даа? — протянула насмешливо. — Поясни тогда, раз такой умный.

Сам себя загнал в угол. А она смотрит на меня и усмехается.

— Так было нужно.

— Что именно? — и если бы не тонкая морщинка от сдвинутых бровей, я бы поверил в ее непонимание. А так просто издевается надо мной. Заставляет почувствовать себя так же глупо и паршиво, как было ей, когда я сбежал. Как будто мне это было по кайфу...

— Тебе была нужна помощь, я тебе помог.

— Какой добрый самаритянин! А главное, совершенно безвозмездно, то бишь даром! Или нет? И в один прекрасный день ты потребуешь вернуть долг? А при учете срока давности еще и с процентами? Ты мне хотя бы заранее скажи, а то вдруг не расплачусь! — со стуком поставила стакан на стол, хорошо, что в нем осталось примерно с треть, иначе большая часть была бы на столе.

— Ты все выворачиваешь наизнанку! — я тоже могу злиться.

— Как всегда, не так ли? Ты же это хотел добавить? — резко встала, повернулась ко мне спиной. И начала делать мне кофе — быстро и резко закидывая в высокую кружку из дымчатого стекла кофе и сахар. Помнит, надо же...

Полкружки кипятка, размешала, несколько кубиков льда. А я молча наблюдаю за ее действиями, пытаюсь собраться с мыслями. И понимаю, что не готов к разговору.

— Окрошку найдешь в холодильнике, заливное там же, кофе готов. За помощь твою, бесценную, спасибо. Если так и дальше будешь молчать, буду считать, что расплатилась едой. Говорить с тобой я не желаю. Сам захлопнешь дверь, опыт в этом у тебя имеется, — и ушла в комнату, от души шандарахнув за собой дверь.

Сидел и смотрел в кружку с потрескивающим льдом в горячем кофе. Почти без отрыва выпил содержимое, именно такой по крепости и сладости, как я люблю. Встал и направился в комнату. Набрал полные легкие воздуха и, как в омут с головой, нырнул.

Рывком поднял ее с кресла и, все также удерживая за плечи, слегка встряхнул, заглянул в расширенные глаза:

— Что я должен был сделать? Воспользоваться твоим состоянием? Отметь тебя, когда ты была не в себе и на все согласна? Или бросить тебя там, в клубе? Когда несколько парней были серьезно заинтересованы воспользоваться ситуацией или хотя бы попытаться? Этого ты хотела?! Тебе нужно было успокоиться и придти в себя! И да — я не железный и мало чем отличаюсь от тех похотливых самцов в клубе, перед которыми ты вертела задницей, демонстрируя доступность и готовность! Или что, ты хотела уехать с кем-то конкретным? Уверена в этом? А уверена ли в том, что тебе стало бы легче? А может быть, еще крепче затянула бы узел, что давно уже пора развязать или разрубить? А, может быть, тебе просто по кайфу строить из себя униженную и оскорбленную? Хотя нет, тебе теперь по вкусу доступность и искушенность! Ты хоть что-то знаешь о том, на что пытаешься подвязаться? Кем ты хочешь казаться? Уверена, что потянешь? А может быть, провалишься еще сильнее и уже больше не выберешься! И как тогда ты будешь с этим бороться?!

Я все также крепко держу ее за плечи, наверное, даже слишком крепко, ибо она морщится и отворачивается от меня.

— Нет уж, малышка! Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Я задал вопросы, и тебе придется на них ответить! Вот ведь дебильская женская логика съезжать с базара, при этом сначала обвинив окружающих во всех смертных грехах и спрятаться в кусты, трусливо поджав хвост! — я, наконец-то, получил прямой и открытый взгляд прямо в глаза. Злой взгляд, я бы сказал бешенный.

— А ты сам отвечаешь за свои поступки? — почти прошипела мне в лицо.

— Перед кем я должен — перед ними я отвечу по полной и даже сверху добавлю!

— А своей девушке ты отвечаешь так же честно и откровенно? — вопрос, в котором я слышу... отчаяние?

— Какой девушке? — я опешил.

— Своей! — кричит на меня.

— Какой своей девушке?! Ты о чем? — я точно тормоз, ибо осознать как это я умудрился проворонить свою девушку, не получилось. Да еще и изменить ей. Невольно улыбнулся.

— Тебе смешно?! — вдруг вызверилась Мара, попыталась вырваться из моих рук. Не получилось, я держу крепко. Попыталась пнуть меня — и я получил ощутимый удар под колено — именно так, как я в свое время и учил. Невольно скривился от боли.

— Не дерись, мелочь! Измены никакой не было, девушки у меня нет, — замерла в моих руках, недоверчиво всматриваясь в мое лицо.

— Отпусти меня, — весь запал девушки как-то сдулся. Обмякла в моих руках, опустила голову, пряча от меня лицо. А я не выдержал, крепко прижал ее к себе, пережидая бесполезные трепыхания и попытки отстраниться. Обхватил хрупкое тело руками, буквально впечатав в свое тело. Замерла, прижавшись ко мне, именно там где стучит сердце. Быстро стучит и сильно, всё от одного ее присутствия, ее маленьких ладошек, прижатых к моей голой груди. Слегка покачал ее, успокаивая. Судорожно вздохнула и полностью расслабилась в моих руках.

— Я не знаю, как мне быть, — глухо пробормотала мне в грудь. Не будь так тихо в квартире, я бы и не услышал.

— Что ты имеешь ввиду? — уж лучше сразу прояснить ситуацию — больно дерется.

— Кого. Тебя, — еще тише.

— А что со мной? Все как всегда, все как раньше, — ну же, малышка, не заставляй меня раскрываться перед тобой. Ты не готова к этому, и не факт, далеко не факт, что тебе это вообще сейчас нужно. Подняла голову с моей груди, пристально всмотрелась в глаза. А я не мог оторвать взгляда от ее лица — уставшего, осунувшегося, с глазами без блеска, с чуть прикушенной нижней губой. Сразу захотелось освободить губку, или поменять способ прикуса, но...

— Я не знаю как мне вести себя с тобой. Логичнее всего было бы спрятаться от тебя и сгорать от стыда за совершенное где-нибудь в укромном темном уголке, где никто меня не найдет, и ты тем более. Но, — грустно усмехнулась мне одними губами, — мне совсем паршиво в темноте. Знаешь, я надеялась, что ты будешь меня игнорировать. Это было бы самым простым и правильным решением для меня. Но это оказалось слишком тяжело. И я не знаю, злиться на тебя за то, что ты здесь сейчас, со мной, или опять обидеть тебя, но на этот раз основательно. Так чтобы ты никогда и ни за что не подошел ко мне. Как я того и заслуживаю.

— Единственное что ты сейчас на самом деле заслуживаешь, это как следует отшлепать тебя! Я не шучу, — отогнал усилием воли слишком пошлые мысли о месте и способе "наказания". И продолжил. — Я предлагаю забыть тот вечер, — отрицательно покачала головой, вновь хмурясь и отводя взгляд. — Хорошо. Тогда считай это лечебной процедурой. Эмм... медицинским осмотром, вот! — девушка покраснела и спрятала лицо у меня на груди. — А что — есть же врачи-мужчины именно этой специальности? Есть! Вот и считай, что была на внеплановом осмотре, — боже, что за чушь я несу...

Погладил поддрагивающие плечи девушки.

— Ты чего, мелочь?

— Гре, — подняла на меня взгляд, да она же смеется надо мной! — Я просто тебя представила в данной роли, мне и смешно и грустно! Ты был бы популярным гинекологом, и

даже очень. Очереди бы выстраивались, за таким осмотром, — румянец смущения на всю щеку, но продолжает смеяться. — Тебя бы потом пришлось охранять.

— От кого? — решил подыграть я.

— От пациенток, конечно. А потом от их мужей. Был бы ненормированный рабочий день, домой бы просто не отпускали. А помнишь как в том старом анекдоте? "Ну, наконец-то лица!..." — чуть понизив голос, выдала Мара. Усмехнулся и снова крепко прижал ее к груди. Пусть и слегка истерический, но смех. Это лучше, чем слезы или апатия.

— Мариш, — тихонько позвал девушку. Вопросительно умкнула. — У меня к тебе просьба. Только ты мне и сможешь помочь... — максимально трагично понизил голос, нагнетая обстановку. Девушка сжалась в моих руках. — Помоги матери и отцу подарок выбрать. У них годовщина свадьбы через пару дней намечается, а я только вспомнил... — делаем максимально несчастное лицо, чтобы она меня сильно не побила.

— Хорошо, — после довольно продолжительного молчания, тяжелого обреченного вздоха, наконец-то дала мне согласие на помощь.

И пусть мой страх летит к чертям! Я не хочу и не могу отказаться от этой девчонки просто из-за того, что я ее люблю, а она страдает о другом! Я хочу быть с ней, и постараюсь сделать все для того, чтобы она была счастлива.

Марина

Я уже говорила, как сильно я люблю шопинг? Большой и пламенной любовью! Чтоб егс приподняло да шлепнуло!... мы с утра, с девяти часов ищем подарок на тридцатилетнюю годовщину со дня свадьбы тети Люси и дяди Юры. И да, я погуглила — жемчужная свадьба.

Вот только если женская составляющая подарка проблемы не представляет — мы уже купили потрясающий гарнитур бледно-золотистого жемчуга, то что дарить главе семейства я в душе не представляю. Вот прямо ни одной мысли нет.

В итоге, мы сидим в уличном кафе, Серый что то неактивно ковыряет в тарелке, я приговариваю уже вторую большую порцию мороженого. И нет, в меня влезает и даже место еще остается.

— Гре. Я тебя сейчас стукну, — проинформировала я друга.

— За что? — чуть приподнял голову от жаркого, судя по почти целой порции или не вкусного, или Гре не голодный. Последнее вообще-то маловероятно, но исключать такую возможность не стоит. А вдруг...

— За что дотянусь, по тому и стукну, — невозмутимо отколупнула еще кусочек клубничного лакомства.

— Я про причину у тебя спрашиваю, а не про область воздействия, — снова вернулся к ковырянию в тарелке. Уж лучше бы внимательнее читал меню, чем сейчас с таким видом сидеть.

— Шаурму хочу, — этот индивид даже бросил в тарелку вилку, сложил в замок руки и прижал их к губам. И выжидательно уставился на меня. Сглотнула я под этим взглядом с трудом.

— И в чем проблема? — осторожно поинтересовалась я, когда мороженное все-таки провалилось по назначению.

— Я хочу нормальную шаурму, которой я не отравлюсь и которая не будет мяукать у меня в руках. Или гавкать, — задумчиво добавил, смотря чуть в сторону. Там как раз какая то псинка на поводке сидит. Снова смотрит на меня, — Мариш, а Мариш, — и голос такой

вкрадчивый, почти бархатный. Я сделала вид что прониклась. — А сделай мне шаурму. Пожалуйста.

И смотрит на меня так упрашивающее, с таким милым выражением на лице... ну чисто котик из Шрека. Переросток.

Сделала вид что задумалась. Поковыряла в креманке, критически осмотрела отковырнутое, запихнула в рот — великоват кусок, но против жадности не попрешь, это факт. Вздохнула.

— Хорошо. Но, — сразу пресекла восторг, подняв угрожающе ложечку. — Ты выбираешь подарок для своего отца.

— Это предательство. Совести у тебя ни на грамм! — почти поверила в его возмущение.

— Как тебе вариант с постельным бельем с соответствующим принтом? Или спиннинг? Или небольшой фонтанчик? Ни на что другое у нас просто нет времени — поздравлять уже завтра, — спокойно доедаю мороженное, и даже не смотрю на своего собеседника. Ибо на самом деле хочется его стукнуть! Паразит, столько времени тянул!

— Спиннинг, пусть отец комаров покормит на рыбалке, — решил этот индивид.

— Пошли.

Тем более что есть больше ничего... вторая порция мороженого съедена...

И, кстати, шаурму мне тоже пришлось делать... и даже не одну.

— Коти.

— Ум? — я даже не стала отрываться от крайне важного и ответственного занятия — педикюр. Красота, полюбовалась я своими слегка растопыренными пальчиками. Ленка тоже сидит с растопырками. Еще более беспомощная — у нее еще и маникюр. Вот точно нет более безобидной женщины, чем женщина с непросохшим лаком на ногтях.

— Как у тебя с Серегой? — чуть помолчав, не стала ходить вокруг да около подруга.

— Нормально, — Батти в общих чертах, без подробностей, в курсе ситуации. — Я решила пустить все на самотек. Вообще все. Не хочу вникать, мечтать, надеяться на что то. Вообще не хочу ни о чем думать. Он по прежнему мой друг, ничего не изменилось, — уверенности мне слегка не хватает. Махнула рукой. — Не важно. Он смешит меня, а я улыбаюсь. Он греет меня и мне тепло. И, наверное, с ним я забываю. Рядом с ним кажется не существенным то, что без него на меня давит. Глупо, правда? Как то нечестно получается, — грустно улыбнулась я.

— Нет. Не глупо, ты правильно делаешь, — легко коснулась ладонью моего колена, сидящая рядом со мной на кровати Батти. — Только обещай не рубить с плеча и не торопиться, — неожиданно серьезно добавила подруга.

— Может ликерчику? Вишневый, сладкий, домашний, — попыталась я сбить с темы Батти и побыть змеем-искусителем. Не получилось — искушать особо не пришлось. А вот топать на кухню за бутылкой, стараясь не испортить сотворенное на ноготках, очень даже.

Презент, кстати, от тети Люси. В благодарность за подарки. Мне не получилось слинять с процедуры вручения, хотя никакого дискомфорта от общества Серегиной многочисленной родни я не испытывала. Лишь поначалу пряталась за широкой спиной парня, а потом ничего, акклиматизировалась. Тем более что никто ко мне с каверзными вопросами о том, в каком статусе я прихожусь Сереге, не приставал. Тепло, спокойно, дружелюбно и очень радушно. По семейному.

Глава 23

Вот самое плохое — это ждать и догонять. И, судя по хмурому лицу Сереги, ждать ему не нравится. Совсем.

— Гре, я старалась, как могла поскорее... — с ходу начала оправдываться я.

— Именно поэтому забыла надеть юбку? — ух, а сколько недовольства в голосе. Перебор.

— Зачем юбку? Я в шортиках, — в подтверждении сказанных слов слегка приподняла край длинной асимметричной шифоновой маечки на тоненьких бретельках. Как раз стали видны совсем маленькие шортики. Послышался тяжелый вздох. Вообще-то имею право! Лето, солнце, озеро, купаться и загорать.

Серега в дороге разговорился, перестал хмуриться и совершенно спокойно реагировал на мои голые ноги. Но то было в машине, когда кроме нас там больше никого не было. А вот стоило нам прибыть на место и оказаться в компании трех моих и двух его друзей, он опять стал хмурым. А уж когда мы с девочками, с Ташей и Бат, оставив парней обустроиваться, в ярких купальниках нырнули в теплую воду озера, и совсем напрягся. Но зато к нам никого из ребят не допустил. С одной стороны это было странно, но с другой — порезвиться с девочками, в воде по пояс было потрясающе.

— Цербер, — тихо прошептала мне на ухо Батти, расположившись рядом на расстеленных для нас полотенцах, искоса поглядывая на Серегу и загадочно улыбаясь.

— Ммм? — я такая красноречивая, умереть не встать...

— Ничего-ничего! Лежи загорай, ни о чем не думай. Все хорошо, — как то уж слишком довольна протянула она последние два слова.

Я и лежала, и загорала, и общалась исключительно с девочками, Тёмой и Серегой. Как то два остальных друга, Андрей и Саша, только представились, только начали одаривать нас с Батти лучезарными улыбками, только продемонстрировали весьма неплохое телосложение... И почти безвозвратно пропали в воде. Хотя, при сравнении экстерьер Сереги мне нравился больше, а уж то, что это мой друг давало +100 очков в его пользу.

Последний, кстати, этим нагло пользовался. Когда я попросила Ленку намазать мою спину кремом от загара, она куда то свинтила, отмазавшись, что ей вдруг срочно надо позвонить. Мазал меня именно Серега. С задачей он справился на отлично... мррр...

— Мара! Маара, как ты?! — встревоженный голос Батти прямо над ухом.

Мне потребовалось пару секунд на то, чтобы сделать судорожный вдох после падения на спину с высоты примерно полутора метров с пилона на очередном из занятий, на которое подруга напросилась со мной. Воздух вышибло напрочь, ноет подвернутая, из-за высоких сценических шпилек, в очередной раз нога, каждый вдох отдается тупой болью в ребрах, которыми я попыталась притормозить свое падение... Блин, я видимо еще и башкой приложилась. Иначе с чего у меня звенит в ушах?

Темно-синие шортики а-ля трусики с низкой посадкой и спортивный лифчик — не добавили мне ловкости в выполнении ряда элементов на тренировке. А распущенные волосы совершенно не смягчили удар головой. Зато упорства у меня было хоть отбавляй! И, даже почувствовав, что руки уже устали и немного вспотели, я решила доделать очередной подход. За что и поплатилась.

— Бат, не кричи. Все хорошо. Вот лежу, отдыхаю. Устала немного, — попыталась

пошутить. — Но на сегодня, наверное, хватит.

— Черт тебя дери, Мара! Где болит?

— Самооценка ноет нестерпимо. А так все более-менее. Дай мне несколько секунд, — прошу я. Тренер сидит рядом со мной на корточках, и внимательно осматривает ногу, уже освобожденную от обуви, и щелкает перед глазами пальцами.

— Голова болит? Кружится? Тошнота? — сначала киваю, а потом отрицательно машу головой. Сотрясения у меня нет, только шишка. — Лодыжку в компресс, мазь и эластичный бинт. Вызовем скорую? — снова отрицательно мотаю головой, с особым усердием, не обращая внимания на пульсирующую боль. — Кому довести домой есть?

— Есть, мы справимся, спасибо, — вместо меня ответила подруга.

А я вопросительно уставилась на нее, требуя пояснений.

— Сереге звони, что так смотришь на меня. Давай-давай, не выпендривайся. Или я сама ему позвоню, но так все расскажу, что пеняй на себя! — еще и угрожает мне. Совсем оборзела.

Но она права, на все сто процентов. Ох, как мне стыдно то...

Но, как бы неудобно я себя не чувствовала, Гре я позвонила, забрать попросила. И через пятнадцать минут уже оказалась у парня на руках. От ощущения теплых пальцев на моей коже не спасла тонкая туника и я покрылась мурашками.

К чести Сереги воспитательные беседы он проводить не стал. Наверное, решил отложить до приезда в квартиру, чтобы уж там пропесочить меня по полной программе. Мне было так хорошо, тепло и уютно в его руках, что даже предстоящая головомойка особо не пугала. Так, может быть, самую малость... Сама себе не отдавая отчета, прижалась головой к ключице парня, обхватив за шею и покорно поджав ножки. А потом...

— Мелочь, — обманчиво тихо. Но только не для меня — ой, мама, что сейчас бууудет...

И делаю то, что гарантированно даст мне отсрочку — несчастно морщусь, делаю максимально виноватое лицо и преданно заглядываю в обычно серые, но сейчас почти черные глаза.

— Гре, мне бы в душ...

Мне показалось или он и, правда, едва слышно скрипнул зубами?..

— Отшлепать бы тебя как в детстве... Да сейчас это звучит уже с другим подтекстом, — я честно покраснела. Отнес в ванную, поставил, аккуратно придерживая за плечи. — Сама справишься или помочь? — заглянул в глаза с самым серьезным видом.

— Справлюсь. Спасибо, Сереж, — спрятав лицо за волосами, держусь за стену.

— Позови меня, когда соберешься выходить, — и ушел.

Горячая вода — вещь волшебная, творит чудеса однозначно. Казалось бы, десять минут под струями воды, но после нее сразу стало легче. Гордость не позволила звать на помощь, и смущение ее в этом всецело поддерживало. Выбралась я самостоятельно.

И только я собралась выйти в коридор, как дверь открылась, меня молча и аккуратно подняли на руки, отнесли в комнату. Когда ретировалась Батти, не знаю. Сейчас я один на один с очень хмурым парнем.

— Давай сюда конечность, наказание мое.

Холодный компресс из мокрой газеты практически сразу приносит облегчение.

— Укладывайся на живот, — тоном, не допускающим возражений, приказали мне... откуда узнал про спину? Наверняка Батти сдала... предательница...

Домашняя футболка до середины бедра, которую я одела на белье, поднята почти до

самой шеи. Тишина на несколько секунд, потом прикосновения теплых пальцев, прощупывают мою спину. Я затихла, замерла и вообще дышать перестала, как реагировать не знаю. Только вздрогнула, когда надавил на особенно болезненную точку.

— Прости. Синяки будут на ребрах и под лопаткой. Как умудрилась то? — спокойный вопрос и аккуратно мажет меня прохладным кремом. Невольно вздрагиваю, мне щекотно, но боли или неприятных ощущений нет. А еще активно краснею. И гоню от себя настойчивые, малоприличные воспоминания о той... ну вы поняли.

— Устала, свело руку, соскользнула, ребрами затормозила за пилон, а спиной ударилась об пол. Да ладно, все нормально. Завтра уже пройдет, — попыталась выскользнуть из под рук парня, не получилось. Во-первых, от боли пришлось резко выдохнуть в подушку дивана, а во-вторых, из этих рук не так-то просто улизнуть.

— Мар! Если будешь так крутиться и извиваться, я тебя отшлепаю! И будут дополнительные синяки, но уже от ремня на твоей попе! И я не шучу, ты меня знаешь! — знаю, прониклась, затихла.

Лежу, а он продолжает аккуратно втирать в меня крем, попутно разминая напряженные мышцы. И напряженные они не только из-за усталости... воспоминания, заразы такие, ну никак не отгоняются. Да еще и такой интересный контраст — теплые руки и прохладный, да еще и потом сильно охлаждающий кожу крем. Дергаюсь всем телом и покрываюсь мурашками.

— Щекотно, — тихо поясняю, благодаря сумрак уже хотя бы за то, что не видно моих пылающих щек и прикушенной губы. Черт возьми, только бы не понял, о чем я сейчас думаю и что я сейчас вспоминаю! Сгорю со стыда, однозначно! Неожиданное понимание, что его прикосновения мне приятны, что хочу свернуться калачиком под его руками и ни о чем не думать... вводят меня в ступор. Да еще и это тепло благодарности внутри по отношению к парню не добавляют мне спокойствия и принятия возникшей ситуации вот прям совсем.

— Лежи спокойно. Потерпи, сейчас станет легче, — немного хрипый голос Гре неожиданно тихий, а прикосновения все медленнее, более ласковые. И уже не только на пострадавшей стороне, а на всей спине, на пояснице, спускаются по бокам.

— Еще где то больно? — теплое дыхание чувствую прямо около уха, а руки обнимают меня за талию, спускаясь пальцами на живот. Меня обдало жаром, дыхание сбилось, а внутри что-то затрепетало. Ох, мамочки...

— Ннет, спасибо, — почти шепчу я. Мне почти что страшно и хочу выскользнуть из тесного соседства, и так хочется погреться еще капельку. Женская логика, короче.

Наверное, к счастью, Гре сам медленно отстраняется от меня, напоследок резко выдохнув мне в шею. А я, скрывая пылающие щеки за волосами, попыталась встать с дивана и пробраться на кухню. Сверху послышался сдавленный выдох и какое-то невнятное ворчание. И аккуратно вернул в исходное положение.

— Лежи, непоседа, наскакалась уже выше крыши.

Лежу, уже минут десять. Серега сначала по-свойски плескался в ванне, теперь чем-то шуршит на кухне. Подозрительно шуршит. Поморщившись от неприятных ощущений в спине, сползла с дивана, добрела до кухни, придерживаясь за стену и стараясь сильно не опираться на ногу, и сразу получила:

— Марина, мать твою! Я что тебе сказал?! — я никогда не сомневалась, что Гре умеет громко кричать. Сейчас он мне это доказал на деле.

— Я слышала, не кричи, — я допрыгала до табурета, под грозным взглядом опустилась на него и приготовила бинт.

— Дай сюда, — тяжело вздохнув, Гре опустился передо мной на корточки, положил конечность на колени и начал сноровисто меня бинтовать.

— У тебя уже наработался хороший опыт, — чуть улыбнулась, смотря сверху на ловкие руки. Закрепил застежкой, задумчиво погладил мою икру, не поднимая на меня взгляд. А я снова покрылась мурашками и попыталась вытянуть ногу из теплых рук. Такими темпами я скоро останусь навечно шершавой!.. Отпустил, сел напротив, уже привычно сцепив руки в замок и положив на них подбородок. Пристально и серьезно смотрит на меня. А мне вдруг стало стыдно.

— Сереж, прости. Я опять со своими проблемами на тебя свалилась и испортила тебе вечер, — опустила голову, не имея сил смотреть ему в глаза. Погладила пальцем торец стола. — Кушать хочешь?

Задумчивое молчание еще на несколько секунд и медленный кивок в ответ. Стараясь не делать резких движений, медленно поднялась, вытащила из холодильника контейнер с картофельной запеканкой с мясом и грибами. Вчера делала и полвечера ломала голову, нафига на одну себя приготовила столько. Оказалось, что не зря. Овощи на салатик тоже лишними не будут. В шаге от раковины аккуратно вытащил из рук продукты, развернул к себе лицом и, чуть приподняв, крепко обнял. Я даже трепыхаться не стала, мне так хорошо в его руках, что покидать их по своей воле не хочется совсем. Прижалась щекой к груди и слушала сильный стук сердца, бездумно перебирая пальцами ткань футболки. А еще вдыхая приятный запах — смесь туалетной воды и личного, мужского запаха парня. И мне он однозначно нравится, даже поймала себя на мысли, что хочется потереться носом, как кошка... мысль не вызвала отторжения, недоумения или непонимания. Просто она есть, и есть такое желание. Но это же не значит, что вот прямо сейчас буду об него тереться, правда?

— Мелочь, — тихий чуть хриплый шепот мне в макушку. — Если я поседею раньше времени — это будет целиком и полностью твоя вина, учти это. Ответь мне только на один вопрос: зачем?

— Это сложный вопрос, Гре, — я даже не сомневалась, о чем именно спрашивает меня друг. — Захотелось что-то доказать самой себе? Наверное, да. Захотелось острых ощущений? Тоже верно. Хочется что-то изменить в своей жизни? И снова в точку. Нельзя еще исключать совершенно эгоистичное желание покататься у тебя на ручках, — попыталась пошутить я. Вот только судя по тому, как на секунду меня судорожно стиснули почти до боли в пострадавших ребрах, шутка не прошла. Но секунда прошла, объятия ослабли, и тихий смешок в мои волосы:

— Ответ принимается. Только давай впредь договоримся — если тебе хочется что-то доказать, сначала ответь на вопрос, так ли нужны кому-то твои доказательства. Быть может, все гораздо проще и лежит на поверхности. А еще немного обидно, что мои руки для тебя вдруг стали источником острых ощущений! Хотяя... — подозрительное молчание.

Поднимаю голову, смотрю в хитро улыбающееся лицо. Неожиданно захотелось погладить чуть пробившуюся щетину на подбородке. Вот что забавно — волосы темные, а щетина русая. Нет, на лице она заметна и даже очень, но нет этого сизого оттенка кожи, какой бывает обычно у брюнетов через несколько часов после бритья. Подняла руку и погладила его по щеке, парень застыл, по-моему, даже дышать перестал. А я, ожидая колючий ежик, обнаружила довольно мягкую щетинку, что приятно щекотала кончики пальцев. Посмотрела в его глаза и смутилась — такой напряженный и ожидающий взгляд я

еще не видела. Парень пытливно всматривался в мои глаза, в мое лицо, пытаясь что-то в нем найти. Темные глаза, чуть покрасневшее смуглое лицо, выбившаяся из привычного хвоста прядь немного волнистых волос практически на глазах. Отвела ее назад, мешает ведь, решив не обращать внимания на вязкую тишину. И неожиданно поняла, что Серега привлекательный молодой мужчина, мужественные черты лица, всегда серьезный, внимательный взгляд чуть прищуренных глаз, и появляющиеся ямочки на щеках и искорки в глазах, когда он улыбается, открыто и озорно. И шрам на лице его совсем не портит, наоборот, добавляет изюминку во внешность. Погладила самыми кончиками пальцев тонкую, почти не заметную, лишь немного отличающуюся по цвету полоску кожи. Перехватил ладонью мои пальцы, прижал к щеке, отвел взгляд.

— Мар... не надо, — тихий, хриплый голос, скривился и попытался увернуться от моей руки. Не поняла... это что? Стеснение?! Или неприятны мои прикосновения?

— Гре, — попыталась вернуть лицо парня в исходное положение, не смогла — упирается. — Сереж, прекрати! Ты что? Вот уж не думала, что ты будешь отворачиваться от меня! — я обхватила двумя руками его лицо и все-таки повернула к себе, чуть поморщившись от боли в ребрах. Большим пальцем погладила полоску шрама. — Это же всего лишь я.

Наверное, именно поэтому и отворачивается от меня. Не хочет, чтобы я к нему прикасалась, а зачем тогда постоянно таскает меня на руках?..

Попыталась выпутаться из его рук. Кушать хочется. Но если честно перед собой — мне было жарко, сердце сбилось с ритма, а руки парня через тонкую футболку показались почти обжигающими. Отпустил меня и, погладив по макушке, отступил на шаг, чуть придерживая меня за плечо. Контейнер с запеканкой в микроволновку, овощи мыть, салат резать — приготовление пищи отличный способ взять себя в руки и успокоиться. И остыть.

Мы идем гулять. Вдвоем, с Батти. В пятницу вечером. Ужас. И если внешний вид подруги буквально кричит о том, что она идет развлекаться, то заветное мое желание — чтобы меня оставили в покое. Но... отпустить ее одну не могу. Поэтому прусь вместе с ней.

В парке, проходя мимо фонтана, нас неожиданно окликнули наши знакомые, точнее друзья Сереги, которые когда то отправились с нами купаться и которые отращивали жабры всю нашу вылазку. Батти и я тут же получили по банке какого то коктейля, и подруга легко и непринужденно влилась в компанию и уже вовсю болтала с одним из парней.

А я почувствовала на себе взгляд. Оценивающий, внимательный, цепкий, начавшийся с кончиков пальцев ног, вверх по ногам, чуть задержался на бедрах где начиналась юбка, вверх и опять задержка на уровне груди и легкая усмешка, когда рассматривает мое лицо. А у меня острое чувство дежавю — также пристально меня уже рассматривали. И ничем хорошим для меня это не закончилось. Невольно напряглась и нахмурилась. Парень шагнул ко мне, протянул руку и представился:

— Максим.

— Марина, — в тон ему ответила, подумала секунду, и нехотя протянула в ответ руку, которую легко пожал и почти тут же отпустил.

— Не бойся! Я не кусаюсь. Хотя бы не в первые несколько минут знакомства с симпатичными девчонками, — парень как то незаметно переместившись ко мне почти вплотную, едва касался плечом и крутил в руках банку с пивом.

— Не кусаешься сразу потому что усыпляешь бдительность? — чуть повернулась лицом к Макс. Посмотрела собеседнику в глаза.

— Дооо, проверенная тактика. Вот смотри, ты сейчас расслабишься, перестанешь дергаться и опасаться, а потом я rrrраз. И цапну, — и сделал такое кровожадное лицо, что я невольно рассмеялась. И напряжение начало отпускать.

— Поверю на слово.

Вот только разговор никак не становится непринужденным:

— Давно вышли погулять?

— Только что, мы не успели даже толком воздухом и подышать как вы нас окликнули.

— И правильно сделали! А то убежали бы от нас такие девушки, и было бы нам скучно.

— Разве такое возможно? — слегка улыбаюсь, все-таки комплимент, хоть и кривоватый.

— Конечно! Мужская тусовка это супер, но в меру, — и лицо такое серьезное, я почти верю. Это просто ни к чему не обязывающий треп, просто способ начать разговор. Который никак не завяжется...

И опять его пытается возобновить парень:

— Мое хобби игра на гитаре. Еще я почти не пью, не курю и всегда честный в разговоре.

— А еще ты скромный очаровашка, ты забыл упомянуть, — чуть улыбаюсь, говоря именно то, что он хочет услышать от меня, и не в состоянии начать непринужденную беседу. Вот никак.

— Воот, — протягивает мне руку Макс, смеясь отвечаю на его рукопожатие. — Наш человек! Проницательная и умная! Ну а ты?

— А я тоже очаровашка? — не спешу вытаскивать руку из ладони парня, быть может, тактильный контакт добавит мне расслабленности?

— В точку, кэп, — подмигивает и чуть поглаживает большим пальцем мое запястье. — А еще ты не любишь грейпфрут и тоник.

— С чего ты так решил? — удивленно смотрю на него. Что удивительно — он прав. С недавних пор не люблю.

— Я внимательный, — проследила, куда смотрит парень и чуть смутилась — банка, что мне всучили при знакомстве, так и осталась не открытой. — Открыть?

— Нет, спасибо. Тогда его придется пить, а ты на самом деле внимательный, — чуть улыбнулась ему в ответ.

Посмотрела на Батти — она мило щебетала о чем-то с Андреем, что-то ему увлеченно рассказывает, активно жестикулируя руками. А парень явно заинтересован девушкой — не сводит с нее глаз. Почувствовав, что я на нее смотрю, перевела на меня взгляд, чуть нахмурилась, я в ответ отрицательно качнула головой. Ведь не повод, если мне вдруг захотелось пройтись отрывать ее от собеседника. А прогуляться с Максом наедине я не готова точно. Батти достала телефон из сумочки, что-то быстро напечатала, не отрываясь от разговора, и спрятала гаджет обратно, подмигнув мне. С чего бы это?

Додумать мне не получилось — Макс, все также держа меня за руку, чуть сжал мои пальцы. Перевела на него вопросительный взгляд:

— Ты возьмешь меня с собой? — что-то я пропустила.

— Не поняла?

— Ты сейчас летаешь в облаках, вот уже примерно минут пять. И мне просто интересно узнать, можно ли с тобой? — и задает мне вопрос с таким серьезным видом, что даже стало

неловко. Получается, я прослушала все, что говорил мне собеседник.

Перевела взгляд на наши сцепленные пальцы, сглотнула и попыталась высвободить ладонь. Нет, неприятных ощущений не возникло — теплая, сухая ладонь, длинные пальцы парня аккуратно держат мои. Но чувствовалась необъяснимая неправильность происходящего.

Он отпустил мою руку, внимательно смотря мне в глаза.

— Ты тоже честная, — ободряюще улыбнулся. — Я бы предложил тебе убежать, но боюсь, ты не согласишься.

— Ты и правда очаровашка, — открыто улыбнулась парню.

И почти сразу же поняла, что этот парень для меня будет только другом, может быть, хорошим, честным и надежным, но и только. И сразу же стало легко на душе. Мы говорили обо всем и ни о чем конкретно — об общем институте и вспомнили преподав, обсудили работу, коснулись музыки и вскользь новинок кино, посмеялись над забавными случаями и пожаловались друг другу на жизненную несправедливость, и прочее, и прочее. Я перестала заморачиваться и перестала осознавать собеседника как парня. И мне стало комфортно рядом с ним.

— Ты не надумала сбежать? Учти, с тебя туфелька, — шутливо погрозил пальцем Макс, время в разговоре пролетело просто незаметно — подумать только, почти час разговаривали. Но ответить не успела, на плечо опустилась тяжелая рука и знакомый, чуть хриплый голос произнес почти над самым ухом.

— Я думаю, что в одной босоножке девушке бежать будет некомфортно, — резко обернулась и увидела в непосредственной близости от себя Серегу.

— Гре, привет! — я так рада его видеть. И только сейчас поняла — как я соскучилась по нему за эту неделю.

— Привет, мелочь, — а рука продолжает лежать на моем плече, расслабленно так и ненавязчиво. Вот только Макс с интересом на нас поглядывает и улыбается.

Гре, обойдя друзей по кругу и поздоровавшись со всеми, вновь остановился около меня.

— Ты тоже решил прогуляться перед сном?

— Прокатиться.

И только тут я заметила шлем, что висел у Сереги на локте. Черный, блестящий, без всяких рисунков, надписей и прочего творчества. Стало понятно, на чем решил прокатиться друг — его главная страсть, его неизлечимая болезнь, можно сказать, одержимость. Мотоцикл. В нескольких метрах стояло огромное черно-красное чудо, с хромированными деталями мотора и выхлопной системой, с широченным задним колесом, спортивный красавец с приподнятой задней частью. Нет, не чудо — полноценное чудовище в самом лучшем смысле этого слова, как бы нелепо это не звучало. В первый раз его вижу, до этого доводилось только слышать, и то не самые лучшие эпитеты от Серегиной мамы.

— Ты его восстановил? — почти спросила я, хотя без ответа знаю, что это именно Он.

Тот, на котором он разбился в восемнадцать лет, именно после той аварии у него и остался шрам на лице и еще несколько на теле.

— Угу.

— Теперь понимаю, почему ты от родителей сбежал. Там бы подобная идея изначально была провальная, — усмехается мне в ответ, без лишних слов понимая, как я права. С тетей Люсей не поспоришь, толку нет, только моральное подавление.

А я не могу оторвать взгляд от мотика, жадно рассматриваю каждую деталь. И не

только я — он привлек внимание практически всех рядом находящихся, и девушек, и, конечно же, парней.

— Поехали? — вопрос прозвучал неожиданно. В недоумении перевела взгляд на Серегу.

— Ты мне?

— Угу, — смотрит на меня вопросительно, выжидающе.

— Конечно, — я ответила быстрее, чем подумала.

Взял меня за руку, потянул за собой к мотику.

— Лен, мы не надолго, прокатимся, — махнула я рукой подруге. А она, поганка такая, даже не обратила на меня внимания, лишь чуть кивнула Сереге.

Скептически посмотрел на меня, на шлем, вздохнул, нахмурился.

— Гре, можно без него? Просто быстро ехать не будем, — у меня почти умоляющий голос. С парня станется все отменить и оставить меня истекать слюной на мотик.

Серега кинул быстрый взгляд на меня и повесил на руль свой шлем. Уселся на мотик, смотрит на меня.

— Садись.

Легче сказать, чем сделать, тем более в юбке. Через минуту я таки взгромоzdилась на монстряку, приобняла парня за талию.

— Нееет, мелкая. Ты должна держаться за меня как за родного. Чем крепче, тем лучше, — сжала руки крепче. — Еще сильнее. Да прижмись же ко мне, малышка, потерять тебя не входит в мои планы, — тихий голос слышала только я. Смущенно покраснела и обхватила Гре за талию максимально для меня возможно, намертво.

— Будет некомфортно, сразу скажи. Договорились? — я лишь кивнула, прижимаясь к теплой коже куртки лицом.

Мы сорвались с места, мне так показалось. А потом... только ветер, только свобода, только широкая спина парня, к которому я прижималась всем телом, рядом с которым я чувствовала себя цельной, счастливой и спокойной.

Глава 24

Сергей

— Ты тоже решил прогуляться перед сном? — смотрит на меня с интересом, любопытством, а от теплой улыбки и сам хочу улыбаться как идиот.

— Прокатиться.

Соблазнять Мару мотиком, по меньшей мере, нечестно. Она смотрела на него сияющими глазами, полными обожания и восхищения, и сейчас такое ощущение, что она начнет гладить его ладонью, а мотик от этого заурчит. Но моя уловка того стоит.

И пусть мы ехали очень медленно, я откровенно кайфовал от теплого ветра в лицо, от ощущения прижавшегося тела ко мне со спины. Мариша выполнила мои указания, пусть и не сразу, но добросовестно — прижалась крепко, обхватив меня поперек тела руками. А на кольце еще и бедрами сжала. Наверняка сделала это неосознанно — на повороте мотик немного завалился вовнутрь, но я готов был кататься по кольцу полночи.

Наш город стоит на холмах — где то выше, где то ниже, и как раз в нашем парке чуть в стороне от Маринкиной любимой лестницы, есть смотровая площадка. Вид с нее открывается шикарный — на реку, что широкой подковой изгибается в сторону, на мост, на расположенный внизу небольшой коттеджный район. Именно туда я и привез девушку. Остановился, опустил подножку.

— Я думала, ты забыл об этом месте, — тихий голос сидящей за моей спиной девушки, она все также прижимается ко мне, даже когда мы остановились.

— Не так много мест, которые мне нравятся, — точнее их совсем немного. — Ты хочешь, чтобы я отвез тебя домой? — в лоб спросил я. Вот только вряд ли я оставлю ее сегодня одну.

— Нет, Сереж. Не хочу.

— Вот и ладушки.

Я не стал узнавать на практике степень ловкости девушки и помог ей спуститься на асфальт. Точнее сам ее снял — будто невзначай коснувшись кожи под тонкой маечкой. Решительно накинул свою куртку на её плечи. Конечно, приятнее согреть своим телом, но не хочется оттолкнуть ее от себя поспешными действиями. Как бы мне этого не хотелось. Кому сказать, что я боюсь и топчусь на месте — никто не поверит.

— Спасибо, но мне тепло, — смущенно улыбнулась мне девушка.

— Теперь точно.

Она подошла к ограждению, придерживая огромную для нее куртку на плечах руками. Задумалась о чем-то, о своем, молчит. Мне комфортно находиться с ней в тишине, она не давит и её не нужно заполнять всякой ерундой. Но когда еще представится подобный случай?

— Грустишь или задумалась? — я стою так близко от нее, что выбившаяся прядка почти касается моего плеча. Девочка моя, как мне помочь тебе справиться с тоской?...

— Просто немного грустно от того, что лето почти закончилось. Хорошее проходит быстро. Зато кааак окунись теперь в учебу, и совсем у меня свободного времени не будет, что к лучшему.

— Почему? — неприятно кольнула ее интонация, какая-то обреченная.

— Будет меньше времени заниматься глупостями, — просто пожала плечами, как нечто само собой разумеющееся, все также смотря в сторону от меня.

— Что ты имеешь ввиду под глупостями? — зацепился за слово.

— Эм... прости, я не скажу, ладно? — виновато улыбнулась в ответ, подарив мне лишь мимолетный взгляд. — И вообще, девушкам положено забивать свою голову всякой всячиной, — излишне бодро сказанная фраза не может сбить меня с настроения.

— А что же положено делать парням?

— Ну... быть серьезными, уверенными и собранными, надежными как каменная стена? — улыбка вышла откровенно грустной и неуверенной.

— Это общие фразы. Я спрошу по-другому: каким должен быть парень твоей мечты?

— Гре, может, не надо? — какая-то усталость в её голосе мне нравится еще меньше.

— Может парни ведут себя неправильно и в голове у них тоже бардак? И им нужна подсказка, как себя вести и что конкретно делать, чтобы мечты девушек сбывались? — продолжаю, будто не услышал последней фразы, встав чуть сбоку от нее. Я больше не могу сидеть в стороне. Хотя и время для разговора не сказать, что удачное. Но, романтика, не поспоришь. Практически спер девушку, привез в уединенное место, спеленал курткой, чтобы не смогла убежать и вывожу на отстраненный разговор как будто не о нас, но ловлю каждое ее слово. Зашибись.

Смотрит на меня несколько секунд, пристально, задумчиво, чуть сдвинув бровки. Она развернута лицом к фонарю, вся как на ладони, а вот мое лицо, надеюсь, немного в тени. А еще надеюсь, что сжатые в кулаки руки в карманах не сильно бросаются в глаза.

— Я не знаю, — наконец выдохнула и опустила голову. Но отворачиваться от меня совсем не стала. — Это такой сложный вопрос, на который ни одна девушка не даст однозначного ответа. Наши мечты не всегда сбываются, и если сбываются — не всегда остаются мечтой. Слишком сложная мечта, слишком тернистая дорога к ней и слишком много времени потрачено на ее осуществление. Вроде бы, вот она, на ладони, а смотришь на нее и не понимаешь, и зачем она была нужна? И не мечта она вовсе... исчерпан резерв и в итоге пустота.

Развернулась лицом к реке и снова замкнулась в себе. Легкий ветерок на открытом пространстве играет с выбившейся прядью из свободной косы, что она собрала и спрятала перед тем как мы поехали. Ее отрешенность пугала, она была как будто не со мной. А мне так хотелось узнать, что же творится в ее голове. Есть ли крошечное местечко в ее сердце для меня.

— Что тебя так гнетет, малыш?

— Я застряла, Гре. Мне страшно. Это как говорят — обжечься на молоке, а я теперь с опаской смотрю даже на самую холодную воду. Я только сегодня это осознала, четко и безжалостно. Знаешь, это будто выпрашивать у неба чего-то того, что и сам не понимаешь. И неожиданно задаваться вопросом — а нужно ли мне это, потяну ли? Хватит ли мне сил? И так раз за разом, то всем сердцем желая, то прячась в самый темный уголок и притворяясь мебелью, когда что-то появляется на горизонте. А вдруг опять будет больно? А вдруг опять не то? А вдруг неожиданно начну сравнивать?... Справлюсь ли я вновь с сильными эмоциями, не сломаюсь ли сама, и не сломаю, не разочарую Его... Говорят, это полет. Вот только как определить ту высоту, которая будет общей, не больше, не меньше? Как найти ту грань, которая заполнит пустоту и даст надежду? Как отличить именно того, кому будешь нужна со всеми комплексами, неуверенностью, неумением любить и всей хренью, что вечно крутится в голове. Я... прости, Сереж. Я загрузилась, слишком сильно и мысль все крутится, крутится, крутится в том бардаке, что сейчас в моей голове. Я даже не могу сама себе...

— Мариш, — я развернул девушку лицом к себе, прервав ее на полуслове, прислонился лбом к её лбу, глубоко вдохнул воздух, и спрыгнул в омут с головой. — Ты нужна мне. Ты — мой воздух для полета.

Крепко, на грани возможности вдоха обхватил ее, прижал к груди и начал свою исповедь.

Марина

В легких как то сразу стало меньше воздуха. Так сильно меня еще не прижимали — есть возможность сделать только не особенно глубокий вдох, руки прижаты к широкой мужской груди, а под ними сильно и быстро бьется сердце. Тепло, даже комфортно, с небольшими ограничениями по свободе, но ощущение защищенности и надежности с лихвой все окупает. И не сразу поняла, что именно он мне сказал. А когда, наконец, до меня дошло — искренне порадовалась, что моего лица парень не видит... ведь он не замолкает...

— Я постоянно вспоминаю тот вечер. Закрою глаза и могу в деталях описать его, описать тебя, твои движения, вспомнить твои слова и действия. Твои глаза, когда ты заканчивала свой танец для меня, так и стоят перед моими. Но важнее всего не это — я не могу забыть ни секунды из того, что было после, у тебя дома. Ты помнишь? — усмехнулся мне в волосы. Даже если бы сейчас захотел посмотреть в мои глаза, я бы сопротивлялась до последнего. Но делать он этого не стал, наоборот, обхватил меня руками так, что я оказалась

в своеобразном коконе из его куртки. Стало жарко, очень. Кровь застучала в голове.

— Не отвечай, малышка. Не надо. Я знаю, что помнишь. Быть может не так подробно как я, но общий смысл ты забыть не сможешь. Как бы ты мне не старалась показывать мне обратное, и как бы мы не договаривались определить мои действия как лечебную процедуру. Даже звучит нелепо и смешно! Но я так боялся, что ты опять отделишься от меня после того вечера, что готов был с пеной у рта доказывать тебе все что угодно, какую угодно ересь, лишь бы ты не сбежала от меня. Даже то, что тебе все приснилось, и на самом деле ничего такого не было. Я не могу перешагнуть эти воспоминания и относиться к ним как к не существенному. Мариш, я заболел тобой! — он наклонился и уткнулся лицом в мою макушку. Голос звучал приглушенно, пробивая меня на нервную дрожь. — Моей маленькой девочкой, которую знаю больше десяти лет, и в которой слишком долго не видел девушку. Слепой придурок, столько времени потерял... Я заиклился на тебе, неожиданно попал в твой плен, и совершенно не хочу спасаться из него. Все, что было раньше, все тускло — просто тренировка, наработка опыта для главного действия. Я не хочу никого больше, даже мысль об этом вызывает отторжение. Капец, я влип. И знаю только одно, что не хочу с этим ничего делать, и отвечу честно — я буду бороться, с тобой, за тебя, с окружением, с обстоятельствами, с воспоминаниями, с твоей тоской и разочарованием. У тебя есть лишь одна возможность избавиться от меня — если я тебе противен, неприятен физически, тогда уйду. Принуждать силой не буду. Все остальное, я справлюсь. Просто дай мне один шанс, просто поверь мне, просто будь со мной.

Я замерла в его руках, совершенно не представляя, что мне делать. Неожиданно? Это охренеть как мягко сказано! Как назло перед глазами замелькали картинки той ночи. Все как будто вчера произошло, ярко, сочно, красочно. Кровь прилила к щекам, оставив руки ледяными. И я молчала, я позабыла все слова, не могла выдавить из себя ни звука. Впервые тишина так давила, что от нее закладывало уши. Гре молчал тоже, все также крепко обнимая меня руками и слегка покачивая в своих объятиях. Если бы не держал так крепко, уже упала бы — ватные ноги меня не держали. Я чувствовала его глубокое дыхание своей макушкой, от него волнами разбегались мурашки по всему телу. Как будто спокоен, как будто уверен в себе, как будто ситуация под его контролем. Вот только сердце под щекой стучало громко и суматошно. Я знаю, что-то надо сказать в ответ на его слова, но, как назло, в голове ни одной мысли. Сумбур, каша и полнейший раздрай во всем организме.

— Молчи, не отвечай. Я все понял и так. Просто дай мне немного времени побыть рядом с тобой, хотя бы видимость сегодня, — хриплый голос над головой, скрытая горечь и боль в нем.

Я почувствовала ее как свою, вздрогнула в его руках, понимание окатило внезапной ледяной волной. Нет, я не хочу, чтобы другу было больно, только не ему, он этого не заслуживает. Он нужен мне, очень нужен и дорог.

— Гре, я не гоню тебя. Ни тогда, ни сейчас. Я лишь прошу тебя подумать, нужен ли тебе такой инвалид по чувствам, как я? Ты уверен? — я оторвала голову от его груди и посмотрела в его глаза. Как и ожидалось, при моей малейшей попытке чуть отстраниться медвежья хватка ослабла и дала мне такую возможность. Но только совсем немного, я все также крепко прижата к мужскому телу, и совершенно не против.

— Как никогда.

Темные глаза в свете фонаря кажутся совсем черными, лицо серьезное, брови чуть нахмурены, а тело парня напряженное и твердое, как камень. Медленно наклоняется ко мне,

давая возможность отказаться и отпрянуть. Нет, не хочу и не буду это делать. Чуть привстаю на носочки и тянусь губами навстречу, запрокинув голову. Я хочу, очень хочу начать снова дышать полной грудью, с ним. Получить свой собственный поток кислорода. Оказаться нужной и необходимой для него. Снова научиться доверять и верить. И я верю ему. Безоговорочно.

Теплые губы нежно коснулись моих. Я бы даже сказала трепетно — легко, как перышком касаясь одного уголка, второго, верхней и нижней губы. А я застыла от неожиданности. Такого нежного касания я просто не ожидала. Он дарил мне нежность, как будто все еще не веря тому, что я не отталкиваю его, а принимаю его такую трепетную ласку. Исследовал и целовал, не торопясь углубить поцелуй самовольно, давая мне время. А я просто наслаждалась тем теплом, что волнами разливалось по всему телу. Вытянулась в струнку и положила руки на его плечи. Прижал к твердому телу, обхватил рукой мой затылок, чуть повернув мою голову. Я раскрыла губы, молчаливо приглашая его продолжить. Я помнила свои ощущения той ночью от поцелуев друга, но сегодня все было ярче, красочнее, слаще. Не затуманено дурманом в голове.

Я не знаю, сколько времени Гре меня целовал. Мне не хотелось прерывать эту ласку, выбираться из объятий и развеять ту дымку волшебства, что неожиданно окутала нас двоих. Но шея затекла, дыхания не хватало, а сердце суматошно стучит в горле. Гре прервал поцелуй, прижал мою голову к груди, тяжело дышит мне в макушку, прижавшись к ней губами. А я спрятала пылающее лицо на его груди, вдыхая такой неожиданно приятный запах мужчины.

— Малышка моя, — тихий шепот. А мне вдруг стало так легко и спокойно, накрыла уверенность в правильности принятого решения.

Мы долго стояли в обнимку. Он периодически поглаживал меня по спине, по волосам, по плечам. Легкие и нежные прикосновения, от которых у меня пробегала сладкая дрожь по телу — я нужна, наконец-то необходима. Он со мной.

— Поехали, я отвезу тебя домой? — ласковое поглаживание по волосам и тихий шепот в волосы. Подняла голову, смотрю в его глаза — чуть улыбаясь, глядит на меня с непередаваемой нежностью. Поглаживает самыми кончиками пальцев меня по щеке, спустился к уху, запустил пальцы в волосы, а у меня одно желание — потереться как кошка о ласкающую меня руку.

— Сереж... — я хочу вновь спросить его, уверен ли он, пока не поздно отказаться, но он не дает мне это сделать.

— Молчи, малышка. Просто ничего не говори, все это лишнее. Мне хватит крошечного шанса, ничего больше. Обещаю, что давить на тебя не буду никогда. Просто дай мне возможность быть рядом с тобой, — погладил большим пальцем мои губы, не сводя с них взгляда.

Я поднялась на пальчики и сама потянулась к нему. Толком не умея целоваться, но прикоснуться и поделиться нежностью и теплом вдруг стало жизненно необходимо. Парень чуть наклонился для моего удобства, дал мне несколько секунд на главенство в поцелуе, просто принимая мои прикосновения. А потом я лишилась инициативы, и совершенно не была против. Каждый должен делать то, что получается у него лучше всего. В данный момент у меня просто отлично выходило нежиться в том потрясающем потоке ласки, что укутывал меня с головы до ног.

В эту ночь я не была уверена, что вообще смогу уснуть. Все-таки прогулка на мотике с Гре, непростой разговор на набережной, его признания и мое согласие на отношения с моим другом. С ума сойти! Я знаю парня чертову кучу лет, и да, если быть честной хотя бы перед самой собой, то мне он нравился когда-то давно. Детской влюбленностью, каким-то мимолетным озарением, секундной вспышкой было осознание того, что парень, с которым я лазила по деревьям в старый сад за яблоками и грушами, красивый. Для двенадцатилетней девчонки он был почти эталон. Но все застопорилось о девушку, с которой начал встречаться Гре. Сложно испытывать трепетную влюбленность, когда ее объект грезит о другой, смотрит на неё сияющими глазами и вообще ничего вокруг не видит и не слышит. А гордость она такая, да. Тем более что мне самой было неуютно от непонятного ощущения и учащенного сердцебиения в присутствии друга. И я просто задвинула неопознанные чувства куда подальше, тем более что они мне только мешали. А потом они просто пали жертвой забвения под новыми эмоциями. И я привыкла, ощущать его только как друга и не позволять говорить о возможности чего-то большего между нами всем посторонним.

Немаловажную роль сыграла еще Сережкина авария. Да, дорог. Да, однозначно важен. Конечно, я переживаю за него, чтобы все у него было хорошо, и попытки поддержать его, конечно, были. Но невозможно предлагать свою помощь, пусть даже глупую, наивную и ничтожную от, по сути, ребенка, когда он замкнулся в себе, стал агрессивным и любое участие воспринимал в штыки. Самое лучшее, что можно было сделать в тот момент — оставить человека в покое, лишь предложив свою помощь и поддержку, если таковая когда-нибудь понадобится. И вот что-то мне подсказывает, что понадобилась она только теперь. И я не могу в ней ему отказать.

Глава 25

Кофе. Точнее капучино, с пышной молочной пенкой и тонко присыпанным сверху какао. В этом кафе это делают в виде потешной рожицы толстого и довольного жизнью кота. Примерно такая же рожица у Батти, которая сидит напротив меня и с совершенно счастливым видом лопает мое (!) клубничное пирожное. Которое она перед этим в наглую утянула у меня из-под носа.

— Ты говори-говори, не отвлекайся. А я тебя внимательно слушаю.

— Сложно порой с ним, пипец. Мы три недели вместе, а такое чувство, что пару лет. И кажется мне, что в виде друга он был совсем другим человеком. Он заботливый, внимательный, такой же теплый и ласковый... но совершенно непробиваемый и невозмутимый в части переговоров. Точнее, он их вообще не приемлет — будет либо так как он сказал, либо никак. И все, не сдвинешь. А еще он почти не говорит со мной — только слушает. А еще его ревность и тяжелые взгляды на любого представителя мужского пола на расстоянии в метр от меня. Да и это его вселенское спокойствие по отношению ко мне... оно меня бесит, как пофигизм! Вот смотришь на него — вроде расслабленный и хладнокровный, и можно что то доказать, объяснить и договориться. И это верный признак того, что все, решение принято и обжалованию не подлежит. Твердолобый самодур! А сейчас еще и эта его командировка на неделю, и узнала я о ней только в вечер перед отъездом. Ну и вспыхнула, наорала на него, пригрозила, что ждать его не буду, раз он такой безответственный, и, ты знаешь же, я дома сидела, даже на встречу группы в честь начала нового учебного года не пошла... Три дня уже там, а прислал всего четыре сообщения и позвонил один раз по приезду... Чем там занимается — непонятно.

— Ну и? он работает, это нормально, что он не сидит рядом с тобой безвылазно. Виноват, что забыл или не подумал предупредить заранее, это да. Но он же не сумочная собачка, чтобы сопровождать тебя постоянно, — внимательный взгляд серьезно смотрящей на меня подружки заставляет меня потупиться.

— Нет, Бат. Не в этом дело. Мне, наоборот, порой его слишком много. Скорее, это я буду ждать его, как собачка, я обещала. Тогда, тем вечером, когда он попросил возможности быть со мной, когда я увидела тоску в его взгляде, я согласилась попробовать начать отношения. С кем, как не с ним... — чуть позвякивая ложечкой по пустой чашке, просто чтобы занять руки и не поднимать взгляд на подругу. — Дело в том, что я постоянно жду изменений в его поведении — но он не давит на меня, не требует, на качает права и вообще ведет себя весьма прилично и тихо. Он несколько раз забирал меня из института или с работы, мы гуляем, держась за руки, обнимает, одевает на меня свою куртку, сидим в кафе, а рядом со мной лежит оранжевая, или розовая, или красная, или двухцветная роза на длинной ножке. Выезжали на шашлык на природу с его друзьями и он представил меня как свою девушку. А я постоянно жду, что вся эта сказка закончится, что он поймет — я не та, которая ему нужна. Поймет, что это ошибка, что его решение продиктовано элементарной жалостью и было поспешным. Я постоянно жду подвоха, понимаешь? И иногда провоцирую его. С каким-то садистским удовольствием выискиваю нестыковки в его поведении, чтобы вывести его на эмоции, узнать, что на самом деле он чувствует ко мне и чего он хочет. Как будто хочу услышать, что ему все надоело, надоело меня ждать и терпеть мое хреновое настроение и капризы. И он развернется и уйдет, или исчезнет, будет меня игнорировать также как Вадим. А что потом делать мне? Как я буду бороться с болью, когда рядом его уже не будет? Наверное, не стоило вообще все это начинать, не стоило тянуться к нему, чтобы не стало все еще хуже. Но... мне так хотелось его тепла, и с ним так спокойно...

— А сейчас? Сейчас тебе тепло? Рядом с ним, с этой, как ты говоришь — непробиваемостью?

— Да.

— Так значит да... — подруга замолчала на несколько секунд, водя ложечкой по пустому блюдечку и размазывая по нему остатки крема. — Ты мелкая эгоистичная сучка! Ты в курсе?

— Что-о? — я даже рот открыла от удивления.

— Тооо! — передразнила меня Лена. — Давай разложим все то, что ты мне тут лепетала! По пунктам. Итак, пункт первый — ты решила тогда, три недели назад, принести себя в жертву и осчастливить своей распрекрасной персоной бедолагу парня. Жертвенную овцу привели на заклание, пользуйтесь, не обляпайтесь. Дальше, пункт второй — бедолага осчастливлен, заклание отменяется, парень за тобой, как умеет, ухаживает, а ты, в качестве признательности, позволяешь ему присутствовать рядом, сопровождать свою персону и периодически благоволишь к нему в виде свиданий и принятия знаков внимания. Царственная благосклонность, в какую мусорку только затромбовать, чтоб воняло не слишком сильно! Молчи! — угрожающе наставила на меня перемазанную в креме ложечку, когда я попыталась что-то вставить в свою защиту. — Я тебя выслушала, теперь ты слушаешь меня! Итак, пункт третий — тебе стало вдруг слишком скучно, конечно, жить и радоваться жизни — это слишком просто! И ты решила периодически устраивать мозголюбство парню, а то ему слишком легко все дается. Прямо само в руки плывет и не тонет! Дальше, четвертый пункт — мужик тебе попался уж больно уравновешенный, спокойный, не желающий на тебя

давить и торопить, а также всячески потворствующий твоим закидонам. Хотя тебя не по головке гладить надо, а вытрепать твою круглую задницу, может быть, хоть тогда у тебя хоть какие-то мозги включатся! Ибо думаешь ты именно жопой, ни в одной нормальной голове не будет такой хрени, как у тебя. У тебя же башка как ночной горшок с дер... — подчеркнуто медленно положила ложку рядом с блюдцем на салфетку и опустила с меня, наконец то, бешеный взгляд. Откинулась спиной на мягкую спинку кофейного цвета диванчика, глубоко вздохнула и медленно, почти спокойно и очень тихо продолжила. — Марина, не иби мужику мозг. Если ты так и хочешь барахтаться в своем болоте, не желая сделать хоть что-то для того, чтобы выбраться и начать жить дальше — дело твое. Никто не сможет тащить тебя из него против воли, ни у кого просто не хватит сил бороться с тобой. Что ты сама хочешь от него? Если быть с ним — то все упирается только в тебя, он уже давно ждет тебя и совершенно однозначно, даже для посторонних, рассказал о своих намерениях и чувствах. Если хочешь сломать его, а ты это сделать сможешь и, что самое поганое, он тебе это позволит, лучше отпусти его — не ломай парню жизнь, ему такая боль на всю жизнь не нужна. Ты проиграешься и выкинешь его на помойку, а он... неважно, повторяться не буду. Ну а если ты все еще сохнешь, как последняя жалкая дура, по этому мудаку что тебя всего лишь использовал и был готов сделать с тобой гораздо более грязные вещи, не задумываясь ни о чем кроме своего извращенного кайфа, то ты достойна только жалости! Именно той, которую ты так на словах ненавидишь и в которой с удовольствием купаешься! Продолжая врать самой себе, лелеять свою "боль" и упивайся собственной никчемностью! Больше мне сказать тебе нечего. Задумайся о том, что я тебе сейчас сказала, пока не стало слишком поздно!

Встала, кинула на стол купюру, которой с запасом хватит оплатить и ее чай, и стащенный у меня десерт, и на мой кофе останется. Подцепила маленькую сумочку на локоток и, больше ни слова не сказав, да и не посмотрев на меня, удалилась, цокая металлическими набойками высоченных шпилек. Будто вбивая каблуки в темно-коричневый паркет кафе.

А я сидела в шоке. Вот тебе и поговорили по душам, вот и выговорилась...

И нет, Вадима я не забыла. Как то девичьей памятью я никогда не страдала, а до склероза мне еще далеко. Воспоминания никуда не делись, и несколько раз он мне снился, но... я смирилась. Бат не права — я приняла наш с ним разрыв, смирилась с ним и научилась жить дальше. Но мне страшно, до озноба, до потери всякого понимания ситуации.

Переменчивая женская душа — в день отъезда Гре я в сердцах выкрикнула, чтоб он не торопился из этой своей поездки, и вообще, нам надо тормознуть наши отношения. А уже к вечеру заскучала без него и чуть ли не каждый час смотрела на телефон. А он позвонил только утром. Естественно, за бессонную ночь я себя накрутила и разговаривала с ним весьма холодно. Идиотка.

Со вздохом подтянула к себе меню, открыла на странице десертов. Идти домой не хочу — там слишком пусто, а выйду на улицу просто погулять — боюсь, не смогу сдержать слез. И, правда, никчемная, жалеющая себя дурында...

Осилив лишь половину сладкого допинга с шикарным названием Черный Принц, смотрю в окно. Просто опираюсь сложенными на груди руками о стол, выпрямив в струнку спину, невидящим взглядом смотрю в слегка тонированное стекло. Спросите у меня, что я вижу в начинающихся сумерках? Картинки мелькают одна за другой, и ничего общего с ситуацией на улице не имеют. Как в немом кино в голове мелькают воспоминания, только

изображения цветные. Я думала, я надеялась, что смогла забыть детали. Наивная. Все будто вчера произошло... даже помню вкус своего первого поцелуя под пушистым снегом около подъезда после обсуждения деталей новогоднего корпоратива.

— Позволишь составить тебе компанию? — негромко спросили у меня.

Несколько заторможено перевела взгляд на человека, что поинтересовался моим мнением лишь для вида. Он уже сидит напротив меня, вольготно расположившись на двухместном диванчике, положив руку на стол. И смотрит на меня, таким знакомым, чуть насмешливым взглядом.

Темно голубых глаз.

Вадим

Неожиданная встреча. Когда увидел её в окне кофейни, не задумываясь, зашел внутрь.

Девчонка невольно вызывала уважение — я был на настроен на то, что она будет обрывать мне телефон звонками, сообщениями, найдет меня в соцсети или будет подкарауливать на улице, около дома или работы — список потенциально возможных действий брошенной и униженной девушки бесконечен. Но ничего этого не было. Девчонка просто исчезла, испарилась, не давала о себе знать и, сказать по правде, я даже немного занервничал. Уж слишком убитый у нее был взгляд, когда она убежала.

После того разговора с Юрцом, который Марина подслушала, я честно выкинул все мысли о ней из головы. Громко сказано, с апломбом. Я, конечно, редкостный засранец, но, млять, до такой срани, что предлагал на полном серьезе друг, не опустил бы. Не с ней. Хотя, уж если по чесноку, то все разрешилось наилучшим образом. Для меня — не было истерик, выяснения отношений, слез, соплей и претензий. Прямо так и слышу, как девчонка кричала бы мне в лицо: "Ты был моим первым! Ты мной воспользовался!", ну и прочее подобное соплежуиство. А для девчонки — ну пора, все-таки, взрослеть то! Тем более я ни к чему не принуждал, силой никого не тащил, и вообще ничего ей не обещал и в любви не признавался. Честный я? Ага. Честный мудака.

А когда увидел ее танец в клубе около шеста, что-то екнуло. Где то в районе паха. Да еще и какой-то хрен унес ее на руках в неизвестном направлении с вполне определенными намерениями. Эй, а как же я?! И с тех пор хрень какая-то — я даже пару раз "заснул" на перекрестке, мне показалось, что я увидел ее на улице, и мне было похер, что уже вовсю горит зеленый. К стыду своему признаюсь, что один раз подъезжал в ее двор, просидел в машине почти час, но девчонку не увидел. Млять, я докатился — был готов даже извиниться за случившееся недоразумение и мне было не все равно, что она обо мне думает. С Юрцом, и то отношения как то напряглись, уж очень настойчиво он лез со своим гребаным предложением.

И вот теперь, сидит за столиком в кафе, отрешенно смотрит в окно, о чем-то глубоко задумалась. О ком то. Наверняка обо мне. Да, детка. Клинт, что неудобно засел у меня в мыслях, я буду выбивать весьма приятным способом. Освежим воспоминания. И ее и мои.

— Позволишь составить тебе компанию?

Недоуменно посмотрела на меня, удивление на лице сменяется узнаванием. А дальше снова удивление, растерянность, смущение, и, наконец, открытая улыбка, от которой невольно улыбнулся в ответ.

— Привет, Вадим.

Я уже и отвык от ее голоса, она все также слегка растягивает мое имя.

Неотрывно смотрю в её глаза — яркие, зеленые, теплый взгляд, что неожиданно жадно ловлю, и не хочу его отпускать. Удивительно, но я скучал по ней.

— Отлично выглядишь, — это не просто комплимент, это констатация факта.

Как мне нравится эта женская мода на обтягивающие платья больше смахивающие на длинные узкие свитера — рукав до локтя, высокий ворот, четко облегающий стройную фигуру. Некстати вспомнился наш с ней паршивый секс — зажатая, напряженная и испуганная подо мной на диване. Я признаю, что был эгоистичным мудаком в тот раз, но она сама виновата — столько времени мариновала меня, а как дошли до дела — сделала мне одолжение, и я чувствовал себя насильником. Естественно, понимание того, что девчонка просто переживает мои движения, не пытаясь включиться в процесс, тоже не добавляло кайфа. Но в этот раз я постараюсь, как следует постараюсь с этой маленькой крошкой, выложусь по-полной. И мне однозначно нравится, как сидит на ней это платье, а уж как его буду снимать с нее, мм... И как она сейчас выглядит — стройная, подтянутая девушка с небольшой грудью, прямой спинкой, легким макияжем на лице и собранными в свободный пучок на затылке темно-каштановыми волосами с парой чуть более светлых прядей по бокам. Она изменилась, стала взрослее и увереннее в себе. И мне это нравится. Млять, мне это очень нравится и меня это чертовски заводит!

— Спасибо, — чуть склонила голову на плечо и с улыбкой смотрит на меня. Спокойной, приветливой, почти дружеской улыбкой. И это мне не нравится. Где тот преданный взгляд ласковой зверушки? Где румянец смущения? Где счастливая улыбка от одного моего намека на внимание к ней? Ну да ладно, где наша не пропадала. Завалил её один раз — подвиг всегда можно повторить. А с таким объектом я бы повторил с особым удовольствием. Будем нарабатывать базу знаний и ее умений путем практики. Насыщенной практики. Подключаем тяжелую артиллерию в виде соскучившегося и раскаивающегося мерзавца, что внезапно прозрел и увидел солнце.

Марина

Я сидела и смотрела на парня напротив. Вот ведь забавно — пару минут назад с тоской вспоминала его, знакомство, встречи, поцелуи, объятия, скупые острые и нетерпеливые ласки, свои ощущения и вот, сидит рядом со мной. Материализовался. На расстоянии в метр, обаятельно мне улыбается, с чисто мужским интересом жадно рассматривает меня. Как быстро исполнилась невысказанная мечта увидеть его... И не могу сказать, что все еще злюсь, виню его в чем то или собираюсь предъявлять ему претензии, вспоминать обиды и собственное разочарование. Зачем ворошить старое прошлое, если нужно жить новым настоящим?

Зачем вспоминать боль, смаковать пролитые слезы, вытаскивать на поверхность погребенное отчаяние, опять испытать душившую меня тоску и уныние? Нет, больше не хочу. Что от этого изменится? Так есть ли смысл травить свою душу понапрасну?..

Зачем портить такой классный день когда, наконец то, все сложилось?

Неожиданно почувствовала теплое прикосновение к лежащей на столе руке. С некоторым удивлением увидела свою руку в его — и совершенно точно поняла, что поговорить нам надо.

Нам нужен этот разговор.

Хотя, мне кажется, долгим он не будет. Все, что я хочу ему сказать, уместится в несколько предложений. Зачем растекаться мыслью по древу, если можно выразить все, что

нужно четко, коротко и ясно. Незачем терять драгоценное время, правда?

Сергей

Я сложный человек. Очень. Скрытный, с тяжелым характером, упрямый и устойчивый в собственных предпочтениях. Молчаливый самодур. С огромным количеством косяков в поведении. С тараканами воот такого размера в голове. С полным отсутствием опыта личных отношений. Секс не в счет. С гипертрофированным, болезненным чувством собственности. С неконтролируемой ревностью, черной, страшной и порой беспощадной. С проблемами в контроле собственного поведения. Я долго коплю эмоции, и для непосвященного человека может показаться, что я совершенно спокоен и равнодушен. Это не так. Я взрываюсь редко, но метко. Меня накрывает пеленой бордовой ярости если то, что я считаю своим, у меня пытаются отобрать.

Именно она меня сейчас душит. Именно от нее у меня сейчас черные мушки перед глазами. Именно она меня сейчас толкает в спину и нашептывает на ухо: "Иди к ним, схвати его за локоть, чтобы он не смел дотрагиваться своими грязными руками до девочки. Вывернуть до хруста в плечевом суставе, пальцем вдавить под ключицу, швырнуть его спиной в стену, только не в окно — не надо выкидывать его на улицу, все слишком быстро закончится. Удар в подбородок снизу, если не отключится сразу — тогда костяшками сжатого до отказа кулака чуть ниже солнечного сплетения, чтобы не убить на месте. Еще в сознании и пытается сделать вдох?! Тогда мордой об стол, потом еще раз, и еще, пока она не превратится в кусок хорошо отбитого мяса. Пока кровь на зальет коричневую столешницу, до самого пола. А она будет смотреть. А потом ее на плечо и в машину. И закрыть дома на замок. И сделать, наконец, её своей. Потому что она моя!"

Потому что она моя... и будет ненавидеть меня всю жизнь.

Никогда ею не была...

Млятство! Обман... я не ожидал так скоро... но сердцу не прикажешь. Да и как я могу ее осуждать, если сам готов на все что угодно и даже больше, лишь бы она была со мной?! Но, сделать ей больно и разрушить ее до основания, я не могу... пускай она будет счастлива. А я...

Именно поэтому, они сидят в кафе за столиком, держатся за руки. Он, целый и невредимый, пожирает её взглядом трахеля, что уже мысленно ее пару раз жестко отымел, а она мило улыбается ему в ответ. Я вылетел из кафе на улицу, чуть не сбив какого-то прохожего. Он что-то кричал мне матерное в след, мне было похрен. Если остановлюсь или, не дай Бог, вернусь, убью его. Запрыгнул в машину, резкий взвизг шин по асфальту, хорошо рядом никого не было. Тапку в пол, несколько минут и я дома.

И очнулся только напротив такой знакомой металлической двери. Ее двери. Ее квартиры. Прислонился лбом к холодной поверхности.

— Даже тут ты меня не отпускаешь, малышка... даже сейчас я иду к тебе, как побитый дворовый пес. Жалкое зрелище.

Ударил кулаком в бетонную стену. Гулкий удар, еще один и еще.

Сполз на пол, уселся на коврик около двери. Жду.

Когда она окончательно и бесповоротно укажет мое место.

Когда они придут вдвоем в ее квартиру.

Жду ее, все равно. Моя...

Глава 26

Я не знаю, сколько прошло времени. Минута, полчаса, час или вся ночь.

Время перестало иметь значение. Оно не тикает, не капает секундами. Оно тянется бесконечной резиной. И я жду, когда оно наконец-то лопнет и шибанет по мне отдачей.

Тишину в подъезде пару раз разбивал пищащий внизу домофон, но все вошедшие жили ниже. Мое одиночество так и осталось не нарушенным.

Снова писк, перестук каблучков в оглушающей тишине, подъем по лестнице, второй этаж, третий, выше. Удивленный возглас, быстрые шаги и прикосновение к плечу.

— Сереж, что случилось?!

Медленно поднял голову. Мариша, наклоняется ко мне, заглядывает в глаза, на лице озабоченность и растерянность. Всматриваюсь в любимые черты лица, жадно, как в последний раз — легкий макияж на лице, убранные назад волосы, одна тонкая прядка до середины скулы мешает мне смотреть в ее глаза. Протянул руку, чтобы отвести ее за маленькое ушко.

— Господи Боже! Гре! Где ты так руку разбил?! Надо срочно обработать! Смотри, уже кровь запеклась и костяшки опухли. Поднимайся и пошли в квартиру. Нечего сидеть под моей дверью и давить мне на совесть. Мог бы просто позвонить и поговорить. И вообще... — её возмущенную речь я беспардонно перебиваю.

— Ты уверена?

— Что? — растерялась девушка. Широко открыла глаза и недоверчиво спрашивает у меня. — Ты выпил? — принялась. — Нет, не пахнет. Гре, объясни, что случилось? Лучше скажи сам, а то я такого напридумываю, хуже будет! Потом вовек не расхлебашь!

— Просто скажи мне — ты уверена в том, что собираешься сделать? — давай же, одним ударом. Наверняка.

— Да, я уверена, — спокойно смотрит мне в глаза. А у меня в голове мутится. И как последний мазохист смакую каждую секунду, каждую последнюю секунду рядом с ней.

— А теперь, когда я ответила на твой вопрос — поднимайся, здоровяк! Нефиг сидеть, говорю же тебе! — и за руку меня дергает. Поднять пытается, даже смешно... — Ну что, мне тут с тобой рядом сидеть чтоли?! Подъем, блин! — и опять тянет меня за руку. И злится от своего бессилия.

А я не могу. И не хочу. Это значит, что мне придется пропустить её в квартиру и уйти.

Еще несколько раз попытавшись меня поднять, девушка тяжело вздыхает, бормочет что то нелицеприятное в мой адрес, и начинает опускаться на пол рядом со мной. Нихрена! Перехватить Маришку и посадить себе на колени, не дать опуститься на пол, успеваю. Не обращая внимания на сопротивление и возмущенное шипение, прижимаю девушку к себе поближе. Уткнувшись носом в ее волосы. Дышу ею и не могу надышаться.

Запах духов — цитрусы и что-то сладкое. А еще от нее пахнет кофе и шоколадом. И её неповторимый запах, от которого у меня окончательно сносит крышу. И я понимаю одну простую вещь.

— Я не отдам тебя! Никому. Никогда. Ни за что. Ни ему, ни кому другому! Я говорил тебе, что буду бороться? Так вот, запомни! Я буду! Запру на замок, в твоей или в своей квартире. Или увезу туда, где тебя никто не найдет. Если надо будет, я тебя привяжу, в наручники закую. Но не отпущу. Ты меня поняла?! Ты моя! Хочешь ты того или нет. Сейчас это не важно! Мне уже не важно, тебе же... тебе придется смириться. Я больше не прошу у тебя шанса и возможности, я ее у тебя требую! И я ее получу, так или иначе! Силой или

мольбой!

Не знаю, кричал ли я или шептал ей в лицо все слова. Просто на расстоянии нескольких сантиметров родные зеленые глаза, теплое дыхание на моей щеке, хрупкое тело под моими руками. И одна мысль — не отдам! И никому не позволю даже близко подойти к моей девушке. Разобью рожу, загрызу, сломаю кости, вышвырну в окно или в дверь, по ситуации. И ей не позволю уйти от меня. И неожиданно замер — прикосновение прохладной ладони к моей щеке обожгло меня кипятком. Прислонилась к моему лбу своим.

— Пойдем домой? — тихо спросила девушка, в один миг успокоив меня и потушив тот пожар бешенства и ярости, что бушевал у внутри. Остались только угольки, что мирно тлели в душе.

Как зомбированный поднялся с пола, вместе с девушкой на руках. Не хотелось ни на секунду отпускать ее, при мысли о том, что она сейчас окажется вне моей досягаемости, что сбежит от меня, накатывала паника пополам со злостью. Можно сравнить с вдруг обретенным свободным дыханием после продолжительного удушья — не могу и точка.

Но отпустить пришлось — она просто об этом попросила. Поставил ее на ноги, обнял за талию, прижимаясь грудью к ее спине и вдыхая запах ее волос. В квартире берет меня за руку и тянет в сторону ванной, прямо в обуви, лишь скинув пальто и мою куртку на тумбочку у двери. Не сопротивляюсь, когда она аккуратно промывает мои сбитые костяшки, обрабатывает ссадины перекисью. Просто вытаскиваю руки из ее ладоней, обнимаю ее кольцом рук. Секундная напряженность в тонком теле, и расслабилась, безропотно принимая мою ласку.

— Малыш... не бойся меня. Я не обижу тебя. Никогда. Но и уйти ты меня не заставишь.

Она медленно обернулась ко мне лицом. Смотрит на меня снизу вверх, пристально, вдумчиво, перебегая глазами по моему лицу. Глубоко вздохнула, судорожно выдохнула мне в грудь.

— И не надо.

Марина

Одно дело понимать необходимость разговора, совсем другое его начать. Да еще и правильно. Да еще и с минимальными энергетическими затратами. Лениво ковырнула шоколадный кусочек, кончиком ложки подцепив завиток крема, глубоко вдохнула и:

— Как твои дела? — глаза поднять на собеседника получилось только через пару секунд.

— Теперь стали намного лучше. Крошка, я скучал, — и улыбается мне так ласково.

И тот камень в душе, что мешал мне говорить и дышать, вдруг растворился. Ничего не изменилось, все как и было. Он был, есть и останется таким, и дело даже не во мне.

— Я тоже, — увидела тень самодовольства в его глазах, легко поглаживает мое запястье. Прислушалась к своим ощущениям — все отлично, вот теперь все отлично. Как будто кусочек пазла, без которого я не могла собрать картинку целиком, нашелся. Счастливо улыбнулась — кто бы знал, как мне стало хорошо без этой зависимости, почти одержимости им, и ощущения, что все слишком неправильно быстро, что все не мое. — Я так часто прокручивала в голове наш возможный разговор, что накопился не один десяток вариантов. А сейчас поняла — все пустое. Все мое отношение к тебе можно выразить предельно коротко, — я сделала паузу, глубоко вздохнула перед тем, как закрыть одну страницу своей жизни, и начать новую...

— Маришка, я так рад, что встретил тебя сейчас. Ты не поверишь мне, но я, правда, очень сильно сожалею, что все тогда так получилось. Это было просто досадное недоразумение и все может быть совсем иначе, по-другому. Поверь мне, у меня было время все обдумать, понять свою ошибку и сделать выводы. Точнее один простой вывод — нам нужен еще один шанс. Мы все начнем сначала.

В одном он прав однозначно — я не верю ему. Не хочу верить, не хочу слушать, не хочу видеть. Единственное, что я хотела бы ему сказать — поблагодарить за бесценный опыт. Жестокий, безжалостный, без возможности вернуться назад и все исправить, но совершенно необходимый мне для возможности стать счастливой самой и подарить счастье тому, кто на самом деле этого заслуживает. И кого я, всем сердцем, хочу полюбить.

То не любовь была — влюбленность? Может быть. Наверное, даже болезненная симпатия наивной простушки, на которую всерьез обратил внимание взрослый, уверенный в себе мужчина. И у которой, вероятнее всего, просто не было шансов, так мне проще оправдать свое поведение. Вот только теперь все это перестало иметь значение и важность — прикосновение его руки к моей не вызывает трепета, волнения или еще каких либо чувств кроме просто ощущения теплой кожи. Его присутствие рядом со мной — всего лишь легкую грусть и сожаление о том, как я рвала себе душу несколько месяцев. Его слова, что он с таким серьезным видом мне говорит — легкую улыбку вежливости, любопытства, простого интереса, ибо я интуитивном уровне понимаю, все, что он говорит — не наполнено искренностью. Все всего лишь слова.

— Желаю. Тебе. Счастья.

А вот я абсолютно искренна в своем пожелании. И я буду счастливой. Не с ним.

Мне давно не было так легко и спокойно. Да что там, мне вообще в новинку такое ощущение гармонии внутри. Вдруг появилось стойкое ощущение того, что я, наконец-то, делаю все правильно, именно так как надо. Теплое сильное тело, которое я не хочу отпускать. Быстрый стук сердца под щекой. Ласковые поглаживания по спине, от которых по всему телу разбегается волна мурашек. Вдруг появилось настойчивое желание потереться о руку и выгнуть спинку под незатейливой, но такой необходимой мне лаской. Именно под этой рукой, именно от этих прикосновений. Нет страха людей, нет настороженности, что сопровождает меня всю мою сознательную жизнь, нет ожидания подлянки и удара в спину, не боюсь опять быть обманутой и обмануться самой. О последнем просто запретила себе думать, вычеркнула данную мысль из списка возможных. Пусть мне будет больно, потом. А может быть, все обойдется?

Оторвала голову от его груди и сама потянулась губами за поцелуем. Хочу почувствовать его дыхание, ощутить его губы, его ласку, вновь оказаться нужной ему. Не знаю почему, что даже мысли о том, что все не всерьез не возникало. Я так хочу верить его словам, ему. И я верю.

Я не достану до его лица, если он не наклонится. Но тянусь к нему всем телом, всем своим существом, душой, если уж сказать совсем пафосно и громко. И от этого не менее правдиво. Он мне необходим, я хочу дышать им, жить им, забыть обо всех сомнениях. Болеть им, болеть за него, рвать свои нервы и его, испытывать терпение раз за разом, узнавать и открываться в ответ. Летать с ним, падать в его руки в надежде, что они меня поймают.

Теплое прикосновение, ожидаемое, но оказалось все же неожиданным, или я его воспринимаю теперь иначе. Пробует меня на вкус, лишь слегка касаясь уголков моих губ.

Нам некуда торопиться. И незачем. Медленные смакующие касания, неспешная ласка и предвкушение большего, гораздо большего удовольствия. Поймала себя на том, что прижимаюсь к парню всем телом, положив руки на широкие плечи, вытянувшись в струнку, стоя на самых пальчиках и запрокинув голову. И совершенно не чувствую неудобства, хоть и дышать мне, мягко говоря, непросто. Он мой воздух. Не хочу прерывать поцелуй, но выбор за меня сделал Гре — оторвался от меня на несколько секунд, наклонился и, быстро собрав тонкую ткань платья гармошкой на бедрах, подхватил под попу двумя руками, поднимая на один уровень с собой. Обхватила его ногами за талию, скрестила лодыжки на поясице, крепко обняла за шею. И снова поцелуй. Не такой легкий, более глубокий и настойчивый, но все так же нежно, все так же ласково, все так же...

— Я люблю тебя, малышка. Просто знай это, — шепот прямо в губы, горячее дыхание обжигает. А слова согревают меня изнутри, от них мне хочется летать, и крылья мне дает Гре.

Не дал мне ответить, просто поцеловав. А я... я просто растворилась в этом ощущении эйфории. Я не ставила ни одно его слово под сомнение. Я видела все в его взглядах, что, не таясь, бросал на меня, долгих, пристальных, порой горячих, от которых я краснела, и становилось то жарко, то мурашки маршировали вдоль позвоночника. Как будто точно знал, что я приму его, но навязываться и торопить не стал. Причина проста — был бы совершенно противоположный эффект. А так... когда перешел от созерцания к поцелуям и более решительным действиям — это стало ожидаемо и желанно. Жадно захотелось самой почувствовать то, что мне щедро предложили. Нагуляла аппетит...

Стараюсь отвечать на его поцелуи, старательно копирую его движения. Рука на моей попе сжалась чуть сильнее, вторая крепко обнимает меня за спину, не давая и иллюзии свободы. Сминает мои губы, ласкает своим языком мой, глубже, настойчивее, увереннее. Я полностью влилась в его ритм, поддерживаю его, хотя уже немного задыхаюсь от нахлынувших эмоций и ощущений. Мне жарко. Мне пипец как жарко, внутри сжимается узел, как напрягшаяся пружина, что медленно и уверенно закручивается. А еще тянущее ощущение в низу живота. Сладко и остро.

Оторвался от меня тяжело дышит, опираясь лбом о мой. Какой-то наш личный фетиш этот жест. С такого близкого расстояния смотрю в его глаза, почти ничего вокруг не вижу, только тону в черном от расширенного зрачка море глаз. Полумрак в коридоре скрывает мой наверняка лихорадочный румянец и такие же опалевшие глаза. И снова поцелуй, порывистый и резкий, я бы даже сказала жесткий. И его я тоже с каким то ненормальным восторгом принимаю и почти успеваю ответить в ответ, как и он прерывается. Догадка хлестнула паникой. Нет!

— Ты не сбежишь? — шепчу в лицо, намертво вцепившись руками в его шею. Только не опять!

— Никогда. Никогда больше, — если бы я не знала точно, я бы подумала, что он пьян. Почти черные глаза, чуть расфокусированный взгляд, тяжелое дыхание сквозь приоткрытые губы и каменно напряженное тело. Прижалась еще плотнее, напрягая мышцы ног и крепко удерживая парня.

— Не сможешь, — потерлась своей щекой об него. Чуть покалывает щетина, не больно, а... пикантно. Вдруг вспомнилось то, что он делал со мной в ту ночь. И покраснела до корней волос. — Я никуда тебя не отпущу.

Сама потянулась за поцелуем, желая его. Желая много большего, желая, наконец-то,

получить все, что он может мне дать. И отдать все, что есть в ответ.

Покрывало под спиной, теплые губы уже на скулах, спустились по бьющейся жилке на шею. Платье улетает с меня в сторону, через несколько секунд чулки и лифчик. Настойчиво ласкающие меня губы и руки не дают и секунды передышки — дыхание перехватывает от бешеного желания принадлежать этому мужчине. И да — для меня он первый мужчина, скупая физиология о которой не то что говорить, вспомнить то нечего — не в счет. Его прикосновения, его ласки делают из меня женщину, любимую, желанную, его и только для него сгорающую от страсти.

А я опять запустила пальцы в его волосы, стремясь закопаться в них, крепче прижать к себе и не отпускать. Хриплый стон сорвался с губ. Я выгибаюсь дугой в спине и подставляюсь под большую ласковую руку, под влажные поцелуи, под настойчивые движения языка, от каждого его прикосновения меня пронзает маленькими молниями. Поджимаю пальчики на ногах и судорожно цепляюсь за покрывало, предлагаю себя без остатка. Если он сейчас прекратит меня ласкать, я умру или убью кого-нибудь. Но судя по напряжению в теле парня, по объятиям, что больше напоминают тиски и той твердости, что упирается мне в бедро, он меня не просто хочет. Он сгорает от желания обладать мной. И невероятным усилием воли сдерживает себя.

— Родная моя, я так ждал тебя, так долго, — вновь горячее дыхание на моих губах, вновь поцелуй выпивающий мое дыхание, сминающий губы и чуть покусывающий их. А руки все настойчивее ласкают меня, исследуют, сминают, доводят до сумасшествия. Окунают в самое пекло и омывают ласковой прохладой, от которой меня вот-вот снесет с этой вселенной.

— Гре, пожалуйста...

Я горю и плавлюсь в его руках, без остатка растворяюсь, говоря всему миру долгим стоном, как мне хорошо от его смелых и уверенных ласк. И как я хочу быть с ним. Он мой костер надежды, моя искра жизни, мой свет во тьме, к которому я бегу в темноте, ползу сквозь туман, бреду в своем холоде и одиночестве.

С трудом разлепила веки, нашла затуманенным взглядом парня — стоит надо мной, смотрит жадным, голодным взглядом.

— Гре. Иди ко мне.

Штаны вместе с боксерами улетели с него моментально, вообще не уверена, что он их толком расстегнул. Я еще не остыла от предыдущего оргазма, все внутри судорожно подрагивает, то ли расслабляясь, то ли в предвкушении. Одним плавным движением переместился на кровать, нависая надо мной, не сводя с меня голодного взгляда. И снова поцелуй, медленный, неторопливый, властный. Собственнический. Я его, а он мой. И будет только так. Жар внутри накрывает сильнее, предвкушение заново начинает закручивать мою пружину внутри.

Прервал поцелуй, смотрит на меня и медленно опускается. Погружается глубже, наблюдая за моей реакцией. А я замерла, чуть прикусив нижнюю губу, в постепенно накрывающем меня чувстве идеальной для меня наполненности. Глубже, еще глубже. Мне не надо ничего ему говорить, он все прекрасно читает по моему лицу. Не сдержала стон наслаждения, закопавшись пальцами в его волосы.

Остро, сладко, нежно. Почти лежа на мне, но тяжесть приятна, трение его обнаженной кожи о мою, мои стоны в его губы, и движения, что постепенно становятся сильнее и быстрее. Он лишь сначала мучает меня неспешностью, но такую пытку я готова вытерпеть

ХОТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ.

Сильные, резкие движения, когда два тела идеально двигаются навстречу друг другу, чувствуют желания и ощущения на интуитивном уровне, стремятся слиться воедино и подарить друг другу все себя. Еще, и еще, и еще сильнее. И снова звездочки за прикрытыми веками, и перехваченное дыхание, и стучащее суматошно сердце в горле. И хриплый протяжный стон Гре, несколькими сильными толчками догоняющий меня. И приятная тяжесть мужчины.

Моего мужчины, что все еще слегка пульсирует во мне.

Сергей

Откатился в сторону, перетянув тонкое тело на свою грудь. Невыносима даже мысль о том, чтобы отодвинуться от неё и потерять такой долгожданный контакт. Легонько поглаживаю пальцами по чуть влажной коже. Моя, уставшая от моих ласк, кричавшая в голос от оргазма со мной. Это лучший секс, какой у меня был за мою жизнь, благодарно целую ее распухшие от моих поцелуев губы.

— Котёнок мой, как ты? — я старался сдерживаться, но не всё в моих силах.

— Потрясающе, — чуть слышный шепот мне в грудь.

Что я сделаю, чтобы быть со своей любимой девушкой?

Все что угодно, без принципов, ограничений и угрызений совести.

И да, я был без презерватива. Без вынимания члена. Осознанно? На все триста процентов.

Уставшая Котя задремала на моем плече, доверчиво прижавшись ко мне всем телом. Уютное тихое дыхание, тонкая рука, лежащая на моей груди как раз над сердцем. А я наслаждаюсь — теплом ее тела под тонким одеялом, что я накинул на нас, ее запахом, прикосновением к ее коже, что ощущаю всем телом.

Невольно улыбнулся — такое взаимопонимание во время секса у меня впервые. "Ничего не умею", — вспомнил ее слова, сказанные мне, казалось бы, в прошлой жизни. Я с радостью буду учить. Часто, много, нежно или жестко. Все как она захочет.

Где то на периферии дурного мозга мелькнула мысль о том, что могу ее потерять. Что она захочет уйти от меня. Не отпущу! Все тело собралось в один сплошной клубок нервов, как будто готовлюсь к бою за свою женщину уже сейчас.

Видимо что-то почувствовав, Котя чуть пошевелилась и потерлась о мою грудь щекой. С трудом сдержал стон и дрожь в теле.

— Гре, — от тихого шепота я вздрогнул. Был уверен, что она спит, однако...

— Да, солнышко?

— Ты со мной? — и такое напряжение в голосе, что, кажется, капельку и порвется.

Запустил пятерню в ее волосы, погладил затылок, аккуратно приподнял и повернул на себя ее голову, заглянул в глаза любимой.

— Я с тобой, — был, есть и всегда буду. Для меня это очевидно и не подлежит и секундному раздумью. Но для моей малышки знать это еще рано. Слишком много я и так на нее вывалил, слишком не хочу ее отпускать и на шаг от себя, слишком долго я ее ждал. Но она моя! И я никому не позволю это изменить.

Усилием воли расслабил руки, не желая ставить на нежном теле синяки.

Котя все еще продолжает неотрывно смотреть в мое лицо, внимательно, не моргая,

настороженно, с чуть заметной хмурой морщинкой между бровей. Подтянул ее поближе к себе, теперь наши лица на одном уровне. Еле слышно вздохнула, когда я по собственнически обхватил тонкое тело, прижал к себе. И тут же понял что сделал — обнаженное тело, любимое тело, желанное тело. На мне, полусидит, широко раздвинув ножки. И я снова хочу ее до нервной трясучки, до полного отключения мозгов. Будто и не любил ее чуть больше получаса назад. Весь запас крови в организме прилил к паху, именно та голова сейчас рулит. А мозг отсчитывает последние секунды до аварийного отключения.

— Мариш, я не отдам тебя. Никому. Не отпущу, даже если сама попросишь. Просто не смогу. Черт, кого я обманываю, отпустить во имя любви — не мой случай! Я люблю тебя, ты моя и это не обсуждается, не знаю и знать не хочу, когда и с чего это началось. Знаю только то, что моих чувств нам хватит на двоих. В этом я уверен. Просто верь мне. Просто будь со мной.

Моей фантазии не хватило на дальнейшую ваниль. Столько всего хочу сказать ей, столько объяснить, во столько уговорить поверить и довериться. Но... слова. Всего лишь слова. Я лучше буду показывать на деле.

Теплые губы, сладкие как мед. С ней я готов быть сладкоежкой, если меня будут кормить таким сладким. Раскрытые губки манят безмолвным приглашением, юркий язычок поглаживает мой в ответ, даря несмелую ласку. Поцелуи задумывались чтобы любить ее нежно и долго, но полный крышеснос опять все испортил. Пью ее дыхание, беспардонно воруя его у нее, давая лишь несколько секунд на судорожные вздохи. Нет, я не принуждаю и не удерживаю, но моя девушка сама уже целует меня в ответ, старательно копируя мои движения. И от этого я хочу ее еще сильнее, хотя кажется, что сильнее уже просто некуда. Сколько у меня уже не было секса? Давно, очень. А занимался любовью я в первый раз. С ней.

— Гре, — полупшепот-полустон, музыка для моих ушей.

— Что, малышка? — оторвался лишь на секунду от груди, продолжаю играть с ней самым кончиком языка. И получил в награду еще один стон. Влажная, ждущая меня. Моя любимая девочка, которая смотрит на меня затуманенным от страсти глазами, чуть прикусив губу, сдерживая стон, выгибается от моих ласк дугой.

— Я хочу тебя, — я читаю по ее губам. Но и это намного большее, чем я могу ожидать.

Я снова в ней, мое родное местечко, где мне так хорошо, где я стараюсь двигаться аккуратно, чтобы не сделать ей больно. Но... сдержать себя не в силах — глубоко, до упора, до криков удовольствия, до влажной кожи под слегка трясущимися пальцами, до темноты перед глазами, до перехваченного дыхания.

Аккуратно покидаю расслабленное тело, укладываю ее полностью на себя, накрываю нас одеялом.

— Спи, любимая.

Глава 27

Марина

Я проснулась с ощущением покоя на теплой, мерно вздымающейся груди, слыша тихое сопение над ухом и ощущая тяжесть руки на моем теле. Спокойствия, отсутствия моральной вымотанности, какого-то вакуума и нервозности, к которой за последнее время успела основательно привыкнуть. Я постоянно говорю об одиночестве, о страхе остаться одной... все было так. Сейчас все будет по-другому.

Спустя полчаса, приведя себя в порядок и переодевшись в домашнюю свободную футболку и спортивные штанишки, заглянула в комнату. Гре спал в обнимку с моей подушкой, уткнувшись в нее носом и перевернувшись на живот. Невольно засмотрелась на парня. Душу согрело осознание того, что он теперь со мной. По мужски красивый, отлично сложенный, уверенный в себе и в своих желаниях и стремлениях. Мой.

Единственное, что меня немного напрягало, так это его ночная безалаберность. Я не совсем глупая и прекрасно поняла, что секс у нас с ним был незащищенным. Оба раза. Вот только контролировать ситуацию в процессе не представлялось возможным. Мне вообще снесло крышу напрочь и в неизвестном направлении. Даже сейчас при одном воспоминании о проведенной ночи, о том, как мне было хорошо в его объятиях, меня накрыло волной жара, а по спине проскакал табун мурашек. Крупных таких, увесистых. Я очень надеюсь на то, что сейчас я не забеременею, месики только прошли... Но разговор, и разговор серьезный, у нас однозначно будет. После завтрака. Негоже устраивать головомойку мужчине на голодный желудок.

Не мудрствуя особо, быстренько соорудила омлет с колбасой и сыром, блинчики с домашним вареньем. И только я задумалась, а не побаловать ли себя сегодня какао или обойтись кофе из турки, как сзади послышалось чуть слышное шлепанье босых ног по полу и меня обняли сильные руки.

— Доброе утро, солнышко, — хриловатый со сна голос, прямо в ухо, уткнувшись носом в мои волосы. Глубоко вдыхает и вызывает непроизвольную дрожь своим дыханием так близко к коже. Хорошо, что в руках ничего не было, я не уверена, что смогла бы удержать.

— Доброе. Как спалось? — чуть повернула голову в сторону и тут же получила поцелуй в скулу. Хихикнула от колючей щетины, не неприятно, просто щекотно.

— Хорошо, продуктивно, — еще и носом потерся об меня. — Помнится мне, что засыпал я не один, а с пойманной добычей, а проснулся — сбежала от меня. Вот, пришлось снова ловить, — и напряжение в голосе. Лишь небольшой его оттенок, но слышу его весьма отчетливо.

— Кофе, как обычно? — попыталась выпутаться из загребущих конечностей. Бесплезное занятие, пока сам не отпустит, рыпаться толку нет. Только одна рука переместилась под мою футболку, ненавязчиво поглаживая живот. Понятливо застыла и попыталась расслабиться.

— Теперь только с тобой. И это теперь будет как обычно, — на двух последних словах чуть сильнее сжал меня в руках, поцеловав куда то в шею, и отпустил.

Завтрак съеден ну почти моментально. Проголодался мужчина, потратил, наверное, много сил... смотрит на меня и улыбается. Читает по моему лицу, как по книге. Всегдашняя проблема.

— Сер, есть разговор, — поставив кружку с кофе на стол, обхватила ее ладонями.

И видимо сказала я как то серьезно или недовольно, но парень напротив сразу напрягся. Взгляд стал пристальным, внимательным и не мигающий. Кивнул, давая понять, что слушает меня. И протянув руки, обхватил ими мои ладони прямо поверх кружки.

— Ночью ты, точнее мы... были неосторожны.

И он вздрогнул. Едва заметно, но все-таки руки напряглись, пальцы сжались чуть сильнее, как будто готовясь удерживать меня силой. А взгляд стал нечитаемым. Минута молчания, вторая, третья.

— Ты злишься? — наконец-то, а то мне уже стало неудобно под этим взглядом.

— А разве не имею права?

— Возможно, — спокойно пожал плечами. А вот теперь я начала злиться.

— Гре, мы уже сейчас начнем ругаться, если ты не будешь со мной говорить. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — ну блин, сама невозмутимость.

— Ты просто забыл, увлекся или не успел прервать? — мама моя, я почти не краснею. И почти не нервничаю при таком обсуждении. Почти.

— Нет, я помнил, думал и знал что делаю, — я его сейчас стукну, однозначно.

— Гррре? — не прорычать не получилось. Дернула свои конечности из плена, совсем забыв о том, что кофе в кружке еще примерно половина. Было, теперь уже меньше. Ибо много выплеснулось на руки. Зашипела — горячо, однако. Мне досталось совсем чуть — большая часть горячего кофе оказалась на мужских руках. Даже не поморщился.

— Иди сюда, солнышко, — не расходясь словами с делом, просто притянул меня к себе на колени. И сопротивляться бесполезно. Тем более, что за пару-тройку секунд я уже сижу у него на коленях, с кружкой в руках с остатками кофе. Плотно прижата к голой груди. Приятно. — Я хотел чувствовать тебя полностью, каждой клеточкой, без лишних преград. Просто поверь мне, ощущения совершенно другие. Я здоров, в этом можешь быть уверена, — чуть кивнула в ответ. — Врать тебе я не буду. Да, не стал одевать резинку осознанно. И вынимать тоже. Хочу, чтобы ты целиком и полностью была со мной, была моей, — я краснею, но взгляда не отвожу, ошеломленно смотрю в его глаза. — Я не могу отделаться от мысли, что потеряю тебя. И готов привязать тебя всеми доступными способами.

Я потеряла дар речи. Нет, я знала, что Гре вообще отличается тем, что четко и метко бьет правдой в лоб. Но чтобы вот так — это...

— Охренеть, — я не нашла ничего более цензурного.

— Я хочу извиниться перед тобой за то, что так поступил, — а в глазах ни капельки вины.

— Но виноватым ты себя не чувствуешь?

— Нет.

— И повторишь все в следующий раз так же?

— Именно так, — совершенно невозмутимый вид. Непрошибаемый. Я тяжело сглотнула, окончательно перестав понимать, что мне сейчас делать. Ругаться? А смысл? Бежать в аптеку за волшебной таблеткой — тоже не вариант, не смогу избавиться.... Хотя... таблетки это выход.

— Понятно.

И как то я пропустила тот момент, когда рука по-хозяйски поглаживает мой живот. А при учете того, что рука миниатюрностью не отличается, а сама я девочка довольно хрупкая, то в зоне досягаемости руки оказалась и грудь тоже. Правая, потом левая. И поцелуй со вкусом кофе, а кружки в руках уже нет. И ласковая настойчивость, что пытается загладить свою вину, которую он за таковую совсем не считает, и поступает он опять также...

Сергей

Какой русский не любит быстрой езды? Вопрос ни о чем.

Я гнал, сильно гнал, безжалостно вдавливая педаль газа в пол. Понятия не имею, сколько мне придет штрафов за превышение скорости за эту поездку. Похрен. Не видел Маришу каких то три дня, а такое ощущение что полгода. Никогда не думал, что мне будет

настолько тяжело расставаться с кем то. С девушкой. С моей любимой девушкой. Каждый раз при взгляде на нее все внутри переворачивается.

Я обещал ей и клялся в том, что дам ей время. Что моей любви хватит на двоих. И это так. Я готов любить за двоих, отдавать все, что есть и даже больше, до бесконечности. Дебилы те, кто с пафосом рассуждает о независимости и самостоятельности. Они просто не знают каким классным был этот месяц, когда тебя ждут, прислушиваются сквозь сон к твоему приходу. Оставляют небольшое местечко на кровати для тебя и ровно половинку твоей подушки. А может быть это все-таки ее подушка? Не знаю, но спим мы в основном на одной, вторая лежит рядом свободная, холодная. А когда приходишь и опираешься руками на кровать чтобы присоединиться к девушке под одеялом, она слегка отодвигается и уступает тебе кусочек нагретого места. А потом укладывается тебе под бок и прижимается тепленьким тельцем, согревая и греясь. И я более чем уверен, что делает она это не задумываясь, и даже не особо отдавая себе отчет в своих действиях. И от этого еще приятнее.

И будь я проклят, если я кому-то позволю отобрать ее у меня.

Я знаю, что порой веду себя как последняя скотина. Ревнивая, неуверенная в себе и деспотичная скотина. Понимаю, но ничего сделать с собой не могу. И дело тут не в доверии малышке — я знаю ее слишком хорошо, измены не будет, она теперь только моя. Вот только если она встретит того, в кого влюбится? И для кого не станет преградой тот момент, что девушка не свободна? Я бы не стал церемониться в борьбе за свою любовь, тем более, если она взаимна.

Зарычал и посильнее вцепился в руль. Благо, что дорога почти пустая. Хотелось бы все-таки приехать в целости и сохранности. Тем более что уже довольно темно и погода неожиданно начала портиться. Темное пасмурное небо, почти черные грозовые тучи. Не будь сейчас уже глубокой осени, я бы подумал, что вот-вот будет гроза с громом и молниями. А так вполне возможно, что снег выпадет. Надо все-таки сбавить скорость, меня же ждут...

Впереди мелькнула автозаправка с небольшим дорожным кафе. Так некстати вспомнилось о том, что мой прием пищи сегодня ограничился только утренним кофе из пакетика. А время сейчас уже вечер. Но ехать мне осталось еще примерно полчаса, минут десять по городу и я, наконец-то, увижу свою малышку. Да и бензина еще примерно треть бака, хватит. Даже на чуть не хотелось задерживаться в пути.

Сбавляю скорость, впереди пост дпс-ников, нарываться не хочу. А там развязка и я в городе. Немного расслабляю затекшую спину и руки. Дождь все же пошел, не сказать что сильный, но именно такой может идти и час, и два, и всю ночь, и неделю. Мелкие, противные капли, еще немного и перейдет на снег. Мерзко. И холодно.

Взгляд на право — фура, судя по всему груженная, едет медленно и аккуратно. Пропускаю ее, въехал на небольшой мост-развязку. Неожиданно замечаю несущийся прямо на меня по встречке грузовик, грязно зеленого цвета и белое лицо водителя за рулем. Надавливаю педаль газа, пытаюсь уйти из-под столкновения, глухой удар в заднюю дверь, машину разворачивает на сто восемьдесят градусов, еще один удар уже в переднее крыло. Отстраненная мысль о том, что на заднем сидении лежит коробка с новым ноутом для Коти, ее старый комп уже моральный пенсионер, как бы ни разбился мой презент. Машину крутит, не могу ее остановить на мокрой дороге, еще удар о заграждение, уже в мою дверь, треск стекла. Меня швыряет в сторону, но ремни безопасности не позволяют вылететь с сидения. Боль в руке, что-то теплое на левой стороне лица мешает смотреть на дорогу. И полет перед

лицом пластикового стаканчика с заднего сидения. Странно, я был уверен, что я его выкинул...

Удар, меня швыряет на рулевую колонку, боль в груди от жестко сдавившего ремня. Все вертится в моей голове. А, нет, не только в голове, или у меня уже пошли глюки в виде летающего вокруг меня пластикового стаканчика, моей сумки с документами и мешочка с ароматизированными камешками, от которых пахнет апельсином. Краем глаза замечаю лежащую рядом со мной большую глянцевую коробку с ноутбуком.

— Мариша...

И темнота.

Марина

Мне было... эм... плохо. Нервно. Какое-то лихорадочное состояние внутри, стягивающее внутренности в один единый комок, выкручивающее наизнанку. И что самое противное, не понятно с чего. Просто сидела в кресле за компом, набирала материал на реферат, даже увлеклась в ожидании Гре, прихлебывала почти остывший кофе, и вдруг перехватило дыхание. Закашлялась, с трудом проглотив то, что попало в рот и горло. И все, больше спокойно я сидеть не могла. Появилось совершенно необъяснимое желание, что-то делать, куда-то бежать, хоть куда-нибудь, не важно. Только бы не сидеть пнем на кресле и не мучиться в ожидании.

Я уже раз пять хватала телефон в стремлении позвонить Сережке. И столько же раз клала его обратно на стол, кровать, кресло, кухонный стол... на подоконник в комнате. Непонятно для чего снова поставила кипятиться еще горячий чайник. Уже в третий раз. И снова схватила телефон, прошла на кухню, переборола себя, набрала его номер. Не хотелось отвлекать парня в дороге просто из-за того, что мне не спокойно.

Нет ответа. Просто не берет трубку. Длинные гудки отдаются где — то внутри неприятной дрожью и холодными мурашками по позвоночнику.

Ожидание. Час, полтора часа. Звоню. Два часа. Снова звоню. Два с половиной. Опять набираю его номер. Почти три. Звонок.

Я слетела со стула на кухне, на котором сидела, давась уже второй чашкой чая с мятой. Из кружки Гре. Держу ее в руках, отвечаю на вызов, даже не посмотрев на то, кто именно мне звонит.

— Мариша, привет... — сдавленный знакомый голос.

А я никак не могу понять, кто мне звонит. Вроде и голос знакомый, женский, а голова все никак не может сообразить кто это. Отняла трубку от уха, посмотрела на имя. Незнакомый номер.

— Д-да? — прохрипела, просипела я.

— Это тетя Люся. Прости, я тебя не разбудила?

Я не сразу поняла кто это. А уж про то, что мне звонит мама Гре, я смогла сообразить только через несколько секунд. Какая тетя? И почему я должна спать?

Мельком взглянула на кухонные часы — почти двенадцать ночи.

— Нет, тетя Люсь. Я не спала. Что-то случилось? — а сердце заколотилось где то в ушах.

— Сережа разбился на машине. Несколько часов назад.

Кухня внезапно закрутилась вокруг меня. Места стало в разы меньше. В сотни раз. Воздух просто закончился. Стояла, открыв рот, пыталась сделать вдох и не могла. Пустая

голова, пустые легкие, пустая грудь. Вакуум внутри меня, черная дыра. И меня засасывает в эту червоточину. Мне не выбили воздух, это не было похоже на удар, не было страха или паники. Просто звенящая пустота внутри, в душе. Как будто все, что было важно еще минуту, полчаса или час, полжизни назад вдруг перестало существовать. Вдруг перестало быть важным. Кислород, вода, мое сердцебиение или время, которое неожиданно растянулось вязкой патокой.

— ... состояние стабильное, скорая приехала быстро... рядом пост ГАИ... хорошо, что грузовик был пустой, иначе... восстановлению не подлежит... спит, — какие-то непонятные слова, не связанные друг с другом, постепенно начали доходить до меня сквозь туман в голове.

Обнаружила, что сижу на полу, почти под столом, рядом перевернутый стул. Что-то рядом с моими ногами звякнуло. Мокро. Посмотрела чуть в сторону — кружка из темного, кофейного цвета стекла, чай еще теплый, ноги мокрые до задницы.

— Господи, — почти неслышно пробормотала я.

— Мариша? Он сейчас в палате, врач только-только закончил осмотр. Состояние вне опасности, но в больнице придется задержаться надолго. У него сотр... — я перебила, не в состоянии слушать, не понимая почти ничего из того, что мне говорили. "Вне опасности..." Голова закружилась, откинула ее назад и стукнулась об батарею. Где-то что-то загудело.

— Где?

А я уже была в комнате, схватила брошенные на спинку стула джинсы.

— Четвертая. Травматология.

— Я постараюсь побыстрее приехать, — и, не дожидаясь ответа, сбросила вызов.

Натягивая джинсы, вызываю такси.

— Пять минут, серебристая девятка 564.

Сидеть дома даже несчастные пять минут физически сил нет. Кроссовки, кошелек, ключи, ветровка, первое, что попало под руку. Прихватила почти забытый телефон на тумбочке в коридоре, захлопнула входную дверь. Бегом по лестнице. Как не скатилась кубарем — загадка.

Считаю секунды, что тянутся дольше, чем часы. Понятия не имею, сколько выхватила денег из кошелька, расплачиваясь с таксистом. Рванула в приемное отделение.

— Мариша! — окликнула меня мама Гре. — Тише, солнышко. Все хорошо. Одевай халат, я как раз прихватила запасной. И поднимаемся наверх, пока дежурная медсестра не увидела. А то нам несдобровать.

Как в тумане закуталась в бесформенное нечто называемое халатом, а по факту сильно напоминающее простыню с рукавами. Бахилы. На третий этаж по огромной полутемной лестнице в полной тишине. Или нет — какой-то гул, но подозреваю что это у меня в голове. Темный коридор, пластиковая дверь почти в конце коридора и никого на пункте дежурной медсестры. Только тетя Люся что-то шепчет мне на ухо. А я не могу понять ни слова.

— ... ты заходи. Я тут побуду, — мозг мой сегодня капризный, улавливает только отдельные слова, безжалостно отсекая все, по его мнению, ненужное.

Схватила за белую прохладную ручку двери и практически ввалилась в тускло освещенную одной лампой на стене палату.

Одноместная, небольшая, узкая. Окно напротив двери за белым вертикальными жалюзи. Маленькая тумбочка. Кровать у стены. На кровати под тонким одеялом Сережка...

Накрытый до перебинтованной белыми бинтами груди, пластырь на брови и скуле,

забинтованная до локтя рука. Несколько шагов к нему, прикоснулась к теплым пальцам, боясь сделать больно. Но, не имея больше сил находиться от него вдали. Просто легкое прикосновение, просто чтобы убедиться, что все хорошо, что вот он рядом, теплый, живой. Мой. Мы справимся с чем угодно. Вместе.

Последнее слово я прошептала, уже опустившись на колени около кровати. Нет сил стоять на ногах, они просто подкашиваются и отказываются держать меня в вертикальном положении. Голова кружится все сильнее, кислорода мне просто напросто не хватает, стены опять давят на меня.

— Малышка, ты мне снишься? — хриплый, чуть слышный шепот.

— Гре... — я не могу, просто физически не могу найти в той каше, что сейчас заполняет мой череп, хоть как то связные слова. Поэтому просто продолжаю прижиматься к его руке губами. Соленое? Что это?

— Не плач, котенок. А то я подумаю, что все гораздо хуже, чем мне пытался доказать врач. Представляешь, мне тут угрожали!

— Кто, — я прокашлялась, голос звучал хуже несмазанных шестеренок. — Кто посмел?

— Медсестра, — и нотки такие обиженные в голосе. — Говорит, если я буду сильно буянить, меня привяжут к кровати и успокоительное вшпарят. В нежно охраняемый филей. Прикинь, оборзели?!

Я невольно улыбнулась почти детской обиде, прозвучавшей в голосе парня. Это точно, если он начнет буянить, то выход один единственный — ремни и укол в задницу. Ибо добровольно он колоть в мягкое место вряд ли позволит.

— Коть, — тихо и совершенно серьезно позвал меня Гре. — Посмотри на меня, — я резко подняла голову, попыталась сморгнуть мельтешащие мушки перед глазами, сфокусировалась на его лице. — Ты, правда, тут?

— Всегда.

Я смотрю в его глаза, слегка мутные от лекарств, заторможенные. Приподнимает руку, которую я все также слегка поглаживаю пальцами, и, чуть поморщившись, касается кончиками пальцев моей щеки.

— Не плачь, малышка. Теперь все хорошо. Иди ко мне?

И такая мольба в его взгляде и тоне вопроса, что не могу ему отказать. Хотя и боюсь, почти панически боюсь сделать ему еще больнее, навредить нечаянно. Присаживаюсь на самый краешек кровати, стараясь держать от него максимально далеко, не хватало еще усесться на больного.

— Ближе, пожалуйста, — растерянно смотрю на него и не знаю, что мне делать. — Я не могу тебя подвинуть ближе к себе. Если ты не придвинешься ближе добровольно, я все-таки попытаюсь это сделать. И ребра придется бинтовать заново.

Попахивает откровенным шантажом и вымогательством, но противостоять я не могу. Аккуратно придвигаюсь почти вплотную к его бедру, облакачиваюсь на руку по другую сторону от тела парня, второй рукой слегка касаюсь скулы и губ парня. И тут же получаю легкий поцелуй в ладонь. Смотрит на меня темными глазами и тянется ко мне. Вдруг пытается приподняться, резко бледнеет и со сдавленным стоном откидывается опять на подушку, тяжело дыша.

— Тшщ, тихо, здоровяк. Я тут, я рядом, я с тобой, — наклоняюсь и касаюсь губами сухих потрескавшихся губ. И тут же попадаю в горячий плен отчаянного поцелуя. Чувствую, какие-то панические нотки в его действиях, торопливые, судорожные касания, как будто

боится, что я сейчас исчезну.

— Если это сон или бред после лекарств, я хочу быть вечно в этой наркотической нирване, — будто прочитав мои мысли, жарко шепчет мне в губы, на несколько секунд оторвавшись от них. И снова целует, бережно, нежно, словно пытаюсь изучить и запомнить каждую клеточку моих губ.

А я опять не могу сдержать слез. Никогда не боялась так. Никогда не думала, не мечтала о том, чтобы все происходящее на самом деле оказалось сном. Дурным, плохим, вымораживающим внутренности и пробивающим на крупную дрожь вдоль всего тела и противный липкий пот по спине, но сон. Просто сон, который сейчас закончится, достаточно только сильно этого захотеть, судорожно дернуться в забытии и все марево ужаса развеется без остатка. Но нет. Все реально.

— Я так испугалась за тебя. Мне вдруг, на несколько бесконечных секунд, показалось, что я потеряла тебя. Прости, что я так подумала. Я не должна была. Я... Гре, я глупая, прости. Я должна была сказать тебе раньше! Я виновата перед тобой, и ты должен знать, что...

Он не дал мне договорить, просто закрыв губы поцелуем, чуть подняв голову и его боль я почувствовала как свою собственную. Поспешно наклонилась, чтобы ему не пришлось мучиться, и ответила на поцелуй, безмолвно прося простить меня за поспешные выводы, за свой страх, за свою панику, за неспособность здраво оценить ситуацию. За свое молчание столько времени, за попытки найти в нем то, что позволит разочароваться в наших отношениях. И приписать ему те недостатки, которые сама придумала по большей части. И которые стали бы причиной разрыва наших отношений. Страх, самая большая проблема в отношениях.

— Ты нужен мне. Ты так мне нужен, — чуть слышно прошептала в его губы, когда мы разомкнули их чтобы сделать помешавший, но такой необходимый глоток воздуха.

Практически невыносимо не прикоснуться к нему. Погладила его ладонью по щеке, обводя кончиками пальцев пробивающуюся щетину, ровную линию носа, контур губ... Опять прижалась к ним своими в попытке поделиться силами.

— Я люблю тебя, — прошептала я в закрывающиеся глаза. Они резко открылись, пристальный взгляд в мое лицо, и счастье в глазах моего мужчины.

Через минуту Гре, все также, не выпустив из своей ладони мою руку и прижимая ее к щеке, спал. А я, судорожно вздохнув, прижалась носом к его шее, вдыхая такой родной запах. Еще минутку, еще одну. Уговариваю сама себя и торгуюсь, тоже сама с собой. Выпрашивая еще несколько мгновений, и понимаю, что ему нужен отдых и покой. А мне нужен он. Мой воздух.

Эпилог

— Батти! Мать твою, где тебя носит?! Почему ты еще там, а не здесь? Где ты должна быть, ответь мне?! Еще полчаса назад! Сейчас машины приедут, а ты там застряла! Учти, если ты не появишься через десять минут — то выдавать замуж будем тебя! В ковер тебя запакуем чтоб лица не было видно, и воплей твоих не слышно. И в таком виде спровадим жениху! Того!! Чтоб в следующий раз думала, что и как ты делаешь!

У меня почти истерика, и я, задавая вопросы подруге, почти не слышу ее ответы. Швыряю трубку в диван, в последний момент остановившись и не кинув несчастный гаджет в стену. Все просто — Бат должна была привезти фотографа, какая-то уж очень-супер-пупер

классная тетка, что сделает просто феерическую фотосессию свадьбы Таши и Тёмы. И они увидели какой то там очень интересный вид из окна такси. И решили, конечно же, на пять минуток, выйти и посмотреть подробнее. Ага, в день свадьбы... что то подправить и сделать из хорошо продуманного и отыгранного по четко составленному плану действия, экспромт. Конфетку... рrr, буду убивать.

Ну ладно... насчет "сейчас приедут машины" — это я погорячилась... еще почти три часа... но нам еще одеваться, краситься, фотографировать весь этот процесс, запивать валерьянкой и пустырником, последний я, кстати, уже бахнула, без особого результата. И снова звонит мой телефон:

— Мариш, — теплый голос моего мужчины почти моментально успокаивает меня.

— Привет, — против воли улыбаюсь и знаю, что он это чувствует.

— Все живы? — легкая насмешка в его голосе и я понимаю, что нервничаю зря — все будет хорошо. Просто иначе быть не может.

— Пока что да, но не уверена, что все так и останется.

— Как ты думаешь — Тёмыч согласится на преступление по предварительному сговору?

— Организованной группой лиц? — легко разгадываю его задумку.

— Доо. Воровать одну невесту не айс. Вот стырить невесту и ее свидетельницу — уже дело. Тем более, что у нас будут смягчающие обстоятельства и состояния аффекта.

— От чего аффектиться то собираетесь?

— Я соскучился, малышка, — не собирается отвечать на мой вопрос, да я и не жду. Я вовсю улыбаюсь и предвкушаю встречу со своим любимым человеком.

— Потенциальная жертва похищения не против, — тихо выдохнула я в трубку. На самом деле желая больше всего на свете оказаться сейчас рядом с ним. Окончательно успокоиться, расслабиться и замурчать от удовольствия.

— Я люблю тебя, — не знаю, какое по счету его признание, но неизменно в течение этого года отвечаю на него:

— Люблю тебя.

Сергей

Первый вальс молодоженов уже давно остался позади, равно как и огромное количество танцев, конкурсов, поздравлений, тостов, пожеланий... и прочего всего. Мы на крыше торгового центра, в ресторане, гуляем на свадьбе Таши и Тёмыча. Точнее это все остальные что то там делают под прозрачным куполом, я же держу самую дорогого для меня человека, мою девушку, в объятиях, согреваю своим теплом и кайфую от ее ответной ласки — легкие касания тонких пальцев свободной руки по моей щеке, шее, в волосах. Она обожает закапываться пальчиками в мою шевелюру, растрепать ее, приласкать затылок, а я готов тархтеть как домашний котэ. Огромное количество народа, знакомого и не очень, почти трезвого и уже успевшего конкретно надраться на радостях за чужое счастье, совершенно не мешают нам. Теплые сладкие губы, поцелуи, сколько бы их ни было — я все равно не смогу насытиться ими.

— Мариш...

— М? — ее заведенная назад рука с нашими переплетенными пальцами. Моя правая и ее левая.

— Мне нужна твоя рука.

— Только она? Может быть, возьмешь все остальное в придачу? И что я получу взамен? — чувствую ее улыбку.

— Мое сердце и прочий ливер твои навсегда, а вот печати все еще нет, — серьезно смотрю в ее слегка удивленные глаза. А сердце тук-тук-тук...

— Ты серьезно? — слегка растерянно, но без тени страха, недовольства или неуверенности.

И я легко опускаюсь перед ней на колени все также держа переплетенными наши пальцы.

— Я без тебя не могу прожить и дня. Все, о чем я могу только думать — это оказать рядом с тобой, а когда мы вместе — не расставаться никогда. Я живу тобой, живу для тебя, ты для меня все — моя радость, моя исполнившаяся мечта, мои крылья для полета, мой воздух, которым я дышу, мои мысли и желания, от которых мне срывает крышу. Наша высота, на которой я хочу быть с тобой, всегда, дарить тебе свою любовь, всего себя, без остатка и оговорок. Я люблю тебя больше жизни. Ты выйдешь за меня?

Бархатная черная коробочка, что я нервно теребил весь вечер в кармане, наконец то в моей руке, легкое нажатие и она открывается, показывая сделанное на заказ кольцо — причудливое переплетение двух ободков — один темного, почти красного гладкого золота и второй — белый с россыпью мелких изумрудов и бриллиантов. Одиннадцать камешков, ровно по одному за каждый год знакомства с моей малышкой. Которая смотрит на меня расширенными глазами... наконец из слегка приоткрытого ротика уверенное и спокойное:

— Да.

И жаркий шепот в мои губы когда я, наконец-то, отпустил ее для короткого глотка воздуха:

— Живу тобой...

Вадим

Тонкое девичье тело в моих руках изгибается в танце. Чувствую каждое движение гибкого тела, легкий аромат духов, мягкие волосы пахнут цветочной свежестью. Пластичная, податливая, отзывчивая — легко угадывает и подстраивается под каждое мое движение. Неожиданно хочу посмотреть в лицо девчонки, что так легко танцует рядом со мной, но... не хочется портить очарование момента. Так она загадка, секрет, что хочется разгадать или оставить навсегда изюминкой в отношениях эту недостижимость, а может быть, представить на ее месте именно ту, кого я хотел бы увидеть. И что никогда не произойдет. Не в этой жизни, ни со мной, никогда больше. А так... она станет одной из многих.

Но, как это часто бывает, все играет по закону подлости — девчонка легко разворачивается в моих руках. Ее голова все еще опущена, почти белые волосы закрывают лицо. Несколько мгновений на то, чтобы поднять на меня взгляд... и я забываю как дышать.

На меня смотрят серо-голубые глаза блондинки, с крохотным карими лучиками от зрачка и темно серой, почти как мокрый асфальт, каемкой по границе радужки и белка.

Глаза, которые я не видел много лет и не видел бы еще сто раз по столько же...

Больше книг на сайте - Knigolub.net